

Екатерина Мишаненкова
Лучшие притчи. Большая книга. Все страны и эпохи

текст предоставлен правообладателем

«Лучшие притчи. Большая книга. Все страны и эпохи»: Астрель; Москва; 2012
ISBN 978-5-271-45428-8

Аннотация

Притчи как жанр переживают настоящее возрождение. Оказалось, что именно сейчас возникла необходимость в чтении небольших историй, каждая из которых по силе воздействия равна серьезному роману. В этой книге вы найдете лучшие притчи за всю мировую историю, которые легко отвечают на вопросы, на которые не могут ответить ни философия, ни наука, ни религия. На первый взгляд простые рассказы на самом деле могут совершить чудесное превращение в каждом.

Лучшие притчи. Большая книга. Все страны и эпохи

Китайские притчи

Просто повторяй

В одном китайском монастыре ученики отработывали боевое движение. Одному ученику никак не давалось это движение. Как ему ни показывали, как ни рассказывали, он не мог выполнить его правильно.

Тогда к нему подошел мастер и что-то сказал ему тихо. Ученик поклонился и ушел. Тренировки были продолжены без него. Весь день этого ученика никто не видел, а на следующий день, когда он занял свое место среди остальных, все увидели, что он выполняет это движение идеально.

Один из учеников спросил другого, кто стоял рядом с мастером и мог слышать, что тот сказал ученику:

- Ты слышал, что мастер ему сказал?
- Да, слышал.
- И что?
- Он ему сказал: «Иди на задний двор и просто повторяй это движение 1600 раз».

Черепаша

Китайский император отправил своих послов к одному отшельнику, жившему в горах на севере страны. Они должны были передать ему приглашение занять пост премьер-министра империи.

После многодневного пути послы, наконец, подошли к его жилищу, но оно оказалось пустым. Неподалеку от хижины они увидели полуголого мужчину. Он сидел на камне посреди реки и удил рыбу. «Действительно ли этот человек достоин того, чтобы быть премьер-министром?» – задумались они.

Послы стали спрашивать об отшельнике у жителей деревни и убедились в его достоинствах. Они вернулись на берег реки и стали вежливыми знаками привлекать внимание рыболова.

Вскоре отшельник выбрался из воды на берег: подбоченившийся, босоногий.

- Что вам нужно? – спросил он.
- О высокочтимый, Его Величество император Китая, прослышав о твоей мудрости и святости, передает тебе эти подарки. Он предлагает тебе занять пост премьер-министра империи.
- Премьер-министра империи?
- Да, высокочтимый.

- Мне?
- Да, высокочтимый.
- Что, император совсем спятил? – расхохотался отшельник к великому смущению посланников.
- Наконец, овладев собой, он произнес:
 - Скажите, правда ли, что на главном алтаре императорского святилища установлено чучело черепахи, а ее панцирь инкрустирован сверкающими бриллиантами?
 - Совершенно верно, о почтенный.
 - И правда ли, что один раз в день император с семьей собираются в святилище, чтобы отдать почести, украшенной бриллиантами черепахе?
 - Правда.
 - А теперь взгляните вот на эту грязную черепаху. Думаете, она согласится поменяться местами с той, что во дворце?
 - Нет.
 - Тогда возвращайтесь к императору и скажите ему, что я тоже не согласен. Живым нет места на алтаре.

Лиса и тигр

Однажды тигр сильно проголодался, рыскал по всему лесу в поисках пищи. Как раз в то время по дороге ему попала лиса. Тигр уже было приготовился хорошенько полакомиться, а лиса и говорит ему: «Ты не смеешь съесть меня. Я послана на землю самим Небесным Императором. Именно он назначил меня начальником мира зверей. Если ты съешь меня, то этим прогневаешь самого Небесного Императора».

Услышав эти слова, тигр стал колебаться. Однако желудок его не переставал урчать. «Как же мне поступить?» – подумал тигр. Увидев замешательство тигра, лиса продолжала: «Ты, наверное, думаешь, что я обманываю тебя? Тогда следуй за мной, и ты увидишь, как все звери будут при виде меня в страхе разбегаться. Было бы очень странно, если произойдет иначе».

Эти слова показались тигру разумными, и он пошел вслед за лисой. И действительно, звери при виде их моментально разбежались в разные стороны. Тигру было невдомек, что звери боялись его, тигра, а не хитрую лисицу. Кто же ее боится?

Продолжающий движение

Однажды, путешествуя по стране, Хинг Ши пришел в один город, в котором в тот день собрались лучшие мастера живописи и устроили между собой соревнование на звание лучшего художника Китая. Многие искусные мастера приняли участие в этом конкурсе, множество прекрасных картин представили они взору строгих судей.

Конкурс уже подходил к завершению, когда судьи неожиданно оказались в замешательстве. Предстояло выбрать лучшую из двух оставшихся картин. В смущении смотрели они на прекрасные полотна, перешептывались между собой и искали в работах возможные ошибки. Но, как ни старались судьи, не было найдено ими ни единого изъяна, ни одной зацепки, которые решили бы исход конкурса.

Хинг Ши, наблюдая за происходящим, понял их затруднения и вышел из толпы, предлагая свою помощь. Узнав в страннике известного мудреца, судьи с радостью согласились. Тогда Хинг Ши подошел к художникам и сказал:

– Мастера, ваши картины прекрасны, но должен признать, я сам не вижу в них изъянов, как и судьи, поэтому я попрошу вас честно и справедливо оценить свои работы, а потом назвать мне их недостатки.

После долгого осмотра своей картины первый художник откровенно признал:

– Учитель, как ни смотрю я на свою картину, не могу найти в ней изъянов.

Второй художник стоял молча.

– Ты тоже не видишь изъянов, – спросил Хинг Ши.

– Нет, я просто не уверен, с которого из них следует начать, – честно ответил смущенный художник.

– Ты победил в конкурсе, – сказал, улыбнувшись, Хинг Ши.

– Но почему? – воскликнул первый художник. – Ведь я даже не нашел ни одной ошибки в своей работе! Как мог у меня выиграть тот, кто нашел их у себя множество?

– Мастер, не находящий в своих работах изъяна, достиг предела своего таланта. Мастер, замечающий изъяны там, где их не нашли другие, еще может совершенствоваться. Как мог я присудить победу тому, кто, завершив свой путь, достиг того же, что и тот, кто свой путь продолжает? – ответил Хинг Ши.

Персидские притчи

Бабочки и огонь

Три бабочки, подлетев к горящей свече, принялись рассуждать о природе огня. Одна, подлетев к пламени, вернулась и сказала: – Огонь светит.

Другая подлетела поближе и опалила крыло. Прилетев обратно, она сказала:

– Он жжется!

Третья, подлетев совсем близко, исчезла в огне и не вернулась. Она узнала то, что хотела узнать, но уже не смогла поведать об этом оставшимся.

Получивший знание лишается возможности говорить о нем, поэтому знающий молчит, а говорящий не знает.

Кошелек

Потерял богач кошелек, где было двести золотых монет, и поклялся: «Кто найдет кошелек – получит ровно половину монет». Один из его слуг нашел кошелек и вернул ему. А богач был очень жадный, он сразу же позабыл о своем обещании и не захотел дать своему слуге сто золотых. Чтобы отделаться от него, он сказал слуге:

– Кроме этих золотых монет в кошельке был драгоценный камень. Верни его, и получишь свою долю.

Пошел слуга к судье и рассказал ему все как было. Судья пригласил обоих в суд.

– Ты говоришь, что у тебя в кошельке было двести золотых и драгоценный камень, – сказал судья богатому, – а в этом кошельке нет камня, значит, это не твой кошелек. Отдай его слуге, пока не найдется хозяин. А ты продолжай кричать, что потерял кошелек с двумястами золотыми и драгоценным камнем. Может быть, он найдется.

Наказание до преступления

По ложному навету злых людей, приписавших шуту какое-то преступление, судья приказал дать ему пятьдесят розог. Но впоследствии судья узнал, что шут ни в чем не повинен и пострадал напрасно. Тогда судья сказал:

– Я наказал тебя по ошибке!

– Беда невелика! – ответил шут. – Ты лучше пометь у себя, что я был избит, и, когда я действительно совершу преступление, пусть мне зачтется уже полученное наказание.

По справедливости

Волк, лиса и лев решили охотиться сообща. Дела пошли у них хорошо – они поймали

козу, оленя и зайца.

– Дели добычу, – обратился лев к волку. – Только по справедливости.

– Хорошо, – согласился волк. – Козу, я полагаю, надо отдать тебе, зайца – лисе, а себе я возьму оленя.

Услышав это, лев разгневался и растерзал волка.

– Теперь дели ты, – сказал он, обращаясь к лисе. – Только по справедливости.

– С удовольствием, – сказала лиса. – Пусть коза будет тебе на завтрак, заяц – на обед, а олень – на ужин.

– Вот это правильно, – сказал лев. – Кто научил тебя так хорошо делить?

– Лежащий возле тебя растерзанный волк, о мой повелитель! – ответила лиса.

Ассирийские притчи

Высокомерный осел

Дикий осел смотрел свысока на своего домашнего собрата и всячески ругал его за подневольный образ жизни, который тот вел.

– Я сын свободы, – похвалялся он, – весь день брожу по горам и поедаю бесконечное количество свежих зеленых побегов. Свое пропитание добываю без труда, мне неведома усталость. Тебя же целый день награждают побоями.

Только он кончил говорить, как откуда ни возьмись – лев. К домашнему ослу хищник не подошел, так как рядом стоял его хозяин, а дикого осла он растерзал на месте.

Два петуха

Два петуха затеяли драку. Победенный спрятался в укромном местечке, а победитель взлетел на высокую крышу и закукарекал во все горло, хвастаясь своей победой.

Гордеца заметил орел. Он камнем упал на крышу, ударил петуха крылом, схватил его и унес.

Еж и заяц

Ёж и заяц состязались в беге. Решено было бежать до подножия горы.

Заяц, понадеявшись на быстроту своих ног, часто отдыхал. В пути он даже прилег и заснул. А еж, который знал, что он неуклюж и медлителен, без усталости двигался вперед.

Заяц проспал весь день, а еж весь день бежал и первым достиг подножия горы.

Упорством и настойчивостью можно добиться большего, чем способностями, если их растрчивать попусту.

Жена обвиняет мужа

Пришла однажды женщина к судье и стала жаловаться на своего мужа за то, что он за три года ни разу не сказал ей ни слова.

Судья обратился к мужу:

– Это правда? Если это так, то это серьезное обвинение против тебя.

– Да сделает бог меня твоей жертвой! – ответил муж. – Вот уже три года она трещит без умолку, а я, чтобы не ссориться с ней, ни разу ее не перебил.

Зайчиха и львица

Зайчиха, родившая целый выводок зайчат, упрекала львицу:

– Смотри, сколько у меня детенышей. А ты рожаеть одного или двух.

И ответила ей львица:

– Да, я рожаяю одного, но это лев, а не заяц.

Коза и волк

Коза паслась у высокого обрыва. Увидел ее волк и хотел сожрать, но подняться к ней побоялся. И сказал волк козе:

– О, несчастная, почему ты оставила землю, луг, долину и забралась на этот высокий откос? Если ты, упаси боже, сорвешься и упадешь в пропасть, то непременно погибнешь.

Коза ответила волку:

– Неужели ты заботишься обо мне больше, чем о самом себе? Я отлично знаю, что если спущусь в долину, то достанусь тебе на обед.

Есть такие друзья, которые советуют делать не то, что выгодно тебе, а то, что выгодно им самим.

Курица и змеинные яйца

Курица нашла змеинные яйца и стала их любовно и заботливо высиживать.

Это заметила ласточка и сказала:

– О несчастная, что ты делаешь! Когда благодаря тебе из этих яиц вылупятся змееныши, они первым делом ужалят тебя.

Ласточка и змея

Ласточка слепила себе гнездо у самого дома и вывела птенцов. Когда она улетела добывать пищу, приползла змея и съела их. Вернувшись к себе, ласточка не обнаружила своих детей и горько заплакала. Прилетела подружка и стала утешать ее.

Внимая ее словам, ласточка сказала:

– Я горюю не только потому, что погибли мои дети. Мое горе особенно велико, так как они погибли вблизи человеческого жилья, где я чувствовала себя в безопасности.

Вдвойне трудно человеку, когда его настигнет внезапный удар и беда сваливается оттуда, откуда ее совсем не ждешь.

Лев, человек и статуя

Человек шел со львом по дороге и спорил, кто всех сильнее. В то время когда лев приводил веские доказательства своей силы, человек поднял взор и увидел статую. Она изображала юношу, сжимающего горло льва. Человек громко рассмеялся и обратил внимание своего спутника на статую. На это лев ему сказал:

– Если бы среди львов были художники и скульпторы, то на этом месте стояла бы статуя льва, сжимающего горло человека.

Мыши и кошки

Мыши очень страдали от кошек. Размышляя о своих бедах, они решили, что всему причиной отсутствие у них вожаков. Они их выбрали. А чтобы все знали, что это вожаки, им на головы надели золотые рожки.

Однажды кошки напали на мышей. Простые мыши быстро скрылись в своих норах и спаслись. Печальна была участь вожаков: золотые рожки помешали им вовремя скрыться. Все они попали в лапы кошкам, и те их съели.

Осел и лошадь

У хозяина были осел и лошадь. Судьба их была неодинакова. Лошадь стояла в стойле без дела, ее хорошо кормили, украшали гриву, ежедневно купали. Осел же изнемогал от непосильной работы, таскал грузы от зари до зари, но о нем хозяин почти не заботился.

Однако времена меняются. Случилась война, и хозяин поехал верхом на лошади воевать. В сражении лошадь пала. Услышав об этом, осел сказал:

– Я всегда завидовал лошади, а ведь моя судьба сложилась счастливее.

Счастье и благополучие иных знатных призрачно, в действительности простой человек бывает подчас счастливее их.

Охотники, лев и мышь

Охотники поймали в сети льва. Пришла мышь, разгрызла узлы, лев освободился от пут и таким образом спасся. «Никого не следует презирать и никогда нельзя терять надежду. Я, могучий лев, остался в живых только благодаря крохотной и слабой мышке», – подумал лев.

Большие люди часто выпутываются из беды только благодаря помощи маленьких и незаметных людей.

Самоуверенный вол

Один вол так возгордился своей силой, что всегда уединялся и пасся вне стада. Он считал ниже своего достоинства дружить с другими волами, которые были меньше и слабее его.

Однажды, уединившись по своему обыкновению, он увидел льва. Лев этот знал, что у вола нет друзей и защитников, что ни хозяин, ни другие волы за него не заступятся. И он смело подошел к гордецу, ударил его лапой и убил. И не нашлось никого, кто бы постоял за высокомерного вола.

Упрек не ко времени

Один юноша далеко заплыл и начал тонуть. Чувствуя, что силы покидают его, он стал звать на помощь путника, шедшего по берегу реки. Но вместо того чтобы помочь утопающему, тот начал упрекать юношу:

– Если не умеешь плавать, зачем ты лезешь в воду? Юноша ему ответил:

– Сначала помоги мне, а уж потом будешь читать нравоучения.

Царь птиц

Птицы решили выбрать себе царя. Борьба за престол была в самом разгаре, когда поднялся павлин и сказал:

– Моя несравненная красота служит убедительным доказательством того, что только я достоин быть вашим царем.

С ним было все согласилось, но вот к павлину подошла ворона и сказала:

– Предположим, что ты будешь нашим царем. Но каким образом ты защитишь своих подданных, если на нас нападет орел?

Человек и идол

Был у одного человека домашний идол. Каждый день хозяин приносил в жертву идолу барана или козла. В конце концов он остался без скота, лишился всего, что имел, и стал жаловаться. Как-то ночью этому человеку во сне явился идол и сказал:

– Ты сам погубил свое стадо, а упрекаешь меня.

Японские притчи

Гора Обасутэ

Был в старину обычай: как только старикам исполнялось шестьдесят лет, покидали их на погибель в дальних горах. Так приказал князь: незачем лишние рты кормить.

Старики при встрече приветствовали друг друга:

– Как время-то бежит! Уж пора мне в этом году отправляться на гору Обасутэ.

– Вот как? Значит, вместе пойдем, и мне пора. Но вот что случилось однажды на рассвете.

Двое братьев несли по очереди своего старого родителя по крутой горной тропе. Тащит старший брат тяжелую ношу на спине и слышит по временам какой-то треск за собой.

Оглянулся он и спросил:

– Что делает наш отец?

– Да так, пустым делом балуется, – ответил младший брат. – Ломает ветки и бросает на дороге.

– Отец, ты зачем ветки ломаешь? Верно, для заметок? Хочешь убежать, когда мы уйдем домой?

Старик ответил так:

В далеких горах
Ветками путь отмечу.
Зачем, для кого?
Ради любимых детей,
Что покидают меня.

И после в молчании продолжал ломать ветки и бросать на тропинку.

Обасутэ прячется в самой глубине гор. Братья добрались туда к вечеру, сказать по правде, с легким сердцем, только спинам их пришлось тяжело.

Посадили они отца под большим деревом и начали совещаться, какую дорогу выбрать.

– Идти назад тем же путем скучновато.

– Правда твоя, ничего нового не увидим.

– А зачем долго думать? Пошли вниз с горы куда глаза глядят. Все равно выйдем к деревне.

Так и сделали. Но незнакомая тропинка давай петлять, шла-шла вниз и вдруг начала подниматься вверх. А уже наступила ночь. Кругом слышался волчий вой, уханье сов... Братья сперва храбрились, а потом испугались вконец.

– Вернемся поскорей туда, где мы покинули нашего отца, и найдем верную дорогу. Он ведь оставлял заметы по пути, – взмолился младший брат.

Вот когда братья впервые поняли, как сильно любил их отец, как заботился о них.

– Батюшка! Батюшка! – стали кричать они во весь голос и бегом припустились назад.

Взошла луна и осветила темную чашу. Видят – старик неподвижно сидит под деревом. Братья опустили возле него на землю и перевели дух.

– Что с вами случилось, дети мои?

– Да вот, захотелось нам пойти назад по другой дороге. Но мы заблудились. Просим тебя, вернись с нами и укажи правильный путь.

Отец показал пальцем на тропинку:

– Вот идите по ней, я бросал ветки по дороге. А я останусь здесь.

– Нет, нет, не говори так. Позволь нам отнести тебя домой. Будь что будет, мы больше

никогда не покинем тебя! – стали умолять братья.

– Неразумные слова! Хотите вы или нет, а должны оставить меня в горах: на то есть строгий княжеский указ. Ослушников ждет суровая кара.

Но братья поняли, как любит родительское сердце, и твердо стояли на своем. Они понесли отца против его воли.

Дома братья поспешили вырыть под полом глубокий подвал и спрятали там своего отца. Каждый день они приносили еду своему отцу и беседовали с ним.

Так прошло больше года. Вдруг от имени князя объявили указ: «Приказываю свить веревку из пепла, коли найдется такой умелец». Люди в княжеских владениях вконец измучились, пробовали и так и этак, но все без толку: никто не смог свить веревку из пепла. Братья рассказали об этом своему старику-отцу.

– А ведь дело-то нехитрое. Вымочите солому в соленой воде и свейте жгутом, а как высохнет, сожгите на огне, – посоветовал старик.

Сделали братья, как он сказал, и правда, получилась у них веревка из пепла.

Князь похвалил братьев, но задал им новую задачу:

– Коли вы такие хитрые, продерните нить сквозь большую морскую раковину, да так, чтобы прошла внутри по всем завиткам.

Опечалились братья и поспешили к отцу за советом.

– Вот оно как, – призадумался отец, а поразмыслив, сказал сыновьям: – Принеси-ка ты муравья, а ты – длинную нитку и горсточку рисинок.

Принесли сыновья, что велено. Старик привязал нитку к муравью и впустил его в глубь витой раковины, просверлив отверстие на верхушке. Потом повернул раковину открытой стороной к свету и насыпал рисинок. Муравей скоро выполз к приманке, а по дороге продернул нить сквозь все завитки.

Князь остался очень доволен:

– Хотел я узнать, сколь умны люди в моих владениях. Теперь душа моя спокойна. Но скажите мне, сами ли вы догадались, или кто другой научил вас?

Братья поведали обо всем без утайки.

– Поистине старые люди – кладезь премудрости! – воскликнул князь и немедля отдал указ, чтобы стариков отныне не оставляли в горах на погибель. А братьев богато одарил.

Радостные вернулись братья домой. С тех пор они не таясь, без всякой боязни содержали своего отца в доме и заботились о нем.

Разница в возрасте

Давным-давно жил в столице один сват. Целыми днями подыскивал он женихов и невест.

Однажды он просватал пятнадцатилетнюю девушку за тридцатипятилетнего мужчину, скрыв его возраст. Но родители невесты вскоре прослышали, что жених стар.

– Мы ни за что не отдадим дочь: ведь между возрастом жениха и невесты двадцать лет разницы, – сказали они.

Что мог поделать сват? Он решил пожаловаться судье. Судья вызвал обе стороны и спросил родителей девушки:

– Вы дали слово, по какой же причине теперь отказываетесь?

– Сват обманул нас: жених на двадцать лет старше невесты, поэтому мы не согласны. Мы бы отдали ее, если бы он был хотя бы только вдвое старше ее.

– Пусть будет, как вы хотите. Отдайте ему свою дочь через пять лет. Жених обязан это время подождать. Тогда ему исполнится сорок, а ей – двадцать, и жених будет старше невесты как раз вдвое.

Так порешил судья, и обе стороны с извинениями удалились.

Ад и Рай

Воин по имени Нобусигэ пришел к Хакуину и спросил его, есть ли на самом деле Ад и Рай?

– Кто ты? – спросил Хакуин.

– Самурай, – ответил воин.

– Это ты – самурай? – воскликнул Хакуин. – Какой же правитель мог взять тебя в охрану? У тебя же лицо нищего!

Нобусигэ так рассердился, что стал вынимать из ножен меч. Хакуин продолжал:

– А у тебя и меч есть? Небось такой тупой, что им ты мне и голову не срубишь.

Когда же Нобусигэ обнажил меч, Хакуин заметил:

– Вот так открываются двери Ада.

Эти слова открыли самураю учение мастера. Спрятав меч, он поклонился.

– А так открываются двери Рая, – сказал Хакуин.

Рука судьбы

Великий японский воитель Нобунага решил однажды атаковать врага, который десятикратно превосходил числом солдат. Он знал, что победит, но солдаты его уверены не были. В дороге он остановился у синтоистского храма и сказал:

– Когда я выйду из храма, то брошу монету. Выпадет герб – мы победим, выпадет цифра – проиграем сражение.

Нобунага вошел в храм и стал безмолвно молиться. Затем, выйдя из храма, бросил монету. Выпал герб. Солдаты так неистово ринулись в бой, что легко одолели врага.

– Ничего не изменить, когда действует рука судьбы, – сказал ему адъютант после сражения.

– Верно, не изменить, – подтвердил Нобунага, показывая ему поддельную монету с двумя гербами на обеих сторонах.

Притча о великом мастере Идзуми Миямото Мусаси

Путешествуя, Мусаси забрел на постоялый двор. Усевшись в углу, он положил рядом меч и заказал обед. Вскоре в комнату ввалилась подвыпившая компания. Пришельцы были с ног до головы увешаны оружием и выглядели разбойниками с большой дороги. Приметив одинокого посетителя и его великолепный меч в драгоценных ножнах, бродяги сбились в кучу и принялись шептаться. Тогда Мусаси спокойно взял палочки для еды и четырьмя уверенными движениями поймал четырех жужжавших над столиком мух. Бродяги, видевшие эту сцену, бросились наутек, отвешивая низкие поклоны.

Как сороконожку за лекарем посылали

В старину, далекую старину, как-то раз под вечер шло у цикад большое веселье.

Вдруг одна из них жалобно заверещала:

– Ой, больно! Ой, не могу! Ой, голову ломит!

Поднялся переполох. Решили цикады скорее послать за лекарем. Тут заспорили они между собой:

– Пошлем ту, нет, лучше эту...

А самая старая и мудрая цикада посоветовала:

– Надо сороконожку послать. У нее ног много, она скорее всех добежит.

Попросили цикады сороконожку сбежать за лекарем, а сами стрекочут возле больной:

– Потерпи немного, потерпи, потерпи!

Стонет больная, а лекаря все нет как нет. «Где же наша сороконожка? Отчего она до сих пор лекаря не привела?» – тревожатся цикады. Пошли они посмотреть, не вернулась ли

сороконожка к себе домой. Видят: сидит сороконожка, обливаясь потом, на пороге своего домика, а перед ней – ворох соломенных сандалий.

Спрашивают ее цикады:

– Что же лекарь так долго не идет?

А сороконожка в ответ:

– Не видите разве, я спешу изо всех сил. Как раз двадцать первую ногу обуваю. Надену сандалии на все свои ноги и сразу же побегу за лекарем.

Тут только догадались цикады, что сороконожка еще только обувается в дорогу. Хорошо, что больная тем временем и без лекаря выздоровела.

Недаром старики говорят: «Первым добежит не тот, кто быстрее всех бегают, а тот, кто скорее всех в дорогу соберется».

Истинная экономия

Это было в эпоху Камакура (эпоха Камакура – название периода в истории Японии, конец XII – середина XIV в). Один чиновник переправлялся однажды ночью через реку Намэри, и его слуга нечаянно уронил в воду десять мон (мон – мелкая монета, грош).

Чиновник немедленно приказал нанять людей, зажечь факелы и отыскать все деньги. Некий человек, глядя на это со стороны, заметил:

– Печалюсь о десяти монах, он покупает факелы, нанимает людей. Ведь это обойдется гораздо дороже десяти мон.

Услышав эти слова, чиновник сказал:

– Да, некоторые думают так. Многие жадничают во имя экономии. Но потраченные деньги не пропадают: они продолжают ходить по свету. Другое дело, десять мон, которые утонули в реке: если мы их сейчас не подберем, они будут навсегда потеряны для мира.

Чье сокровище лучше

Некий князь имел множество диковинных сокровищ. Чего только у него не было: и рога бородатого льва, и рыбий пуп, и веер тэнгу, и даже набедренная повязка бога грома Каминарисама!

Князь очень гордился своими сокровищами. Но предметом его особой гордости был золотой петух. Хотя он и был сделан из золота, выглядел петух совсем как настоящий. Каждый день, едва лишь начинало светать, он выкрикивал три раза: «Кукареку!»

Самым большим наслаждением для князя было время от времени вынимать свои сокровища и рассматривать их. Драгоценностями, которые ему особенно нравились, он никогда не уставал любоваться.

Было у князя восемь главных слуг, и каждый из них, как и подобало княжеским слугам, тоже имел свое сокровище – какую-нибудь редкость, которой гордился.

И вот однажды князь созвал этих слуг и сказал им:

– Вот что: завтра вечером я устраиваю смотр сокровищ. Приходите все в замок со своими драгоценностями. Тот, чье сокровище окажется лучшим, получит щедрую награду.

Слуги обрадовались:

– «Смотр сокровищ!» Вот интересно!

– Награду получу я!

– Ну, уж нет – я!

Так переговариваясь, разошлись они по домам.

Наступил вечер следующего дня. Князь достал золотого петуха и стал ждать слуг с их редкостями.

Вскоре появился первый слуга. Он принес свое сокровище – «глаз дракона».

Второй слуга принес маленький череп.

– Вот череп теленка, – самодовольно сказал он.

Третий слуга принес ведьмин фонарь. Четвертый – желудок барсука. Пятый – ботинки для воробья. Шестой – крылья и лапки голубя-вертуна. Седьмой – искусственное ухо для глухого.

Один за другим собрались со своими диковинками семеро слуг и стали ждать восьмого, но он все не появлялся.

– Где же он? Что с ним приключилось?

– Ему, наверное, нечего показать!

– Поэтому он и не пришел! Жаль, но... Пока семеро слуг вели такой разговор, появился восьмой слуга. Он почтительно поклонился князю.

– Я опоздал, нет у меня никакого оправдания.

– Потом будешь извиняться. Покажи скорее, какое сокровище ты принес?

– Да, да... Только у меня нет такого сокровища, которое можно назвать особенным. Я не знал, что мне принести сегодня вечером, и взял с собой сокровище самое обыкновенное.

– Хо! Обыкновенное сокровище? Что это еще такое? Показывай скорее!

– Я оставил его перед воротами замка.

– Что же ты, иди скорей за ним!

– Да, да. Сейчас!

Восьмой слуга пошел и сразу же вернулся со своим сокровищем. Это были четыре послушных мальчика и четыре прехорошенькие девочки. Дети стали парами и вежливо поклонились.

Весь большой зал посветлел от сияния оживленных детских лиц. А золотой петух князя и диковинки его слуг сразу потускнели.

– М-да... – вздохнув, заговорил князь, – в самом деле, это замечательное сокровище. Прекрасные дети! Чего уж, обыкновенное, – а рядом с ними наши редкости и драгоценности все равно, что мусор. Я завидую тебе, потому что у тебя есть первое сокровище Японии – дети. Ты победил. Первая награда принадлежит тебе. Поздравляю! Поздравляю!

Услышали другие слуги слова князя, и им стало стыдно. Низко опустили они головы и долго не поднимали их.

Лучший день недели

Однажды ученик спросил Учителя:

– Учитель, скажи, какой день недели самый благоприятный?

– День? – кивнул Учитель. – Да, конечно. Этот день – среда, – и хитро посмотрел на учеников. Те схватили свои тетради и стали записывать сказанное Учителем.

– А ты почему не записываешь? – строго спросил он ученика, который сидел прямо и улыбался, глядя на Учителя.

– Потому что я знаю, что ты скажешь дальше, Учитель.

– И что же? – Учитель, нахмурившись, поднял руку, и все ученики замерли. Тогда ученик, который не записывал, сказал:

– Это также вторник, пятница, суббота, понедельник, четверг и воскресенье.

– Ты прав, – сказал Учитель. – Только я хотел назвать сначала пятницу, а потом вторник.

Ученики зашумели, радуясь тому, что их товарищ сказал почти все правильно. А потом один из них спросил:

– Учитель, именно такая последовательность? Учитель внимательно посмотрел на ученика, который дал почти правильный ответ, и сделал ему знак рукой:

– Ответь!

– Только один день, – сказал тот. – Этот день – сегодня.

Борьба с привидениями

Молодая женщина тяжело болела и, собравшись умирать, сказала мужу: «Я так тебя люблю, что не хочу тебя покидать. Не уходи от меня к другой женщине. Если ты это сделаешь, я буду возвращаться к тебе привидением и постоянно тебя тревожить».

Вскоре она оставила этот мир. Три месяца соблюдал муж ее последнюю волю, но потом встретил другую женщину и полюбил ее. Они решили пожениться.

Сразу после помолвки к вдовцу стало являться привидение жены. Каждую ночь она упрекала за то, что он не держит слова. Вдобавок она оказалась прозорливой: точно перечисляла ему все, что происходило между ним и его новой возлюбленной. Когда бы он ни дарил невесте подарок, она точно описывала его. Привидение даже повторяло разговоры между ними, и это так раздражало вдовца, что он не мог спать. Кто-то подсказал ему обратиться к мастеру дзен, жившему неподалеку от деревни. Наконец, отчаявшись, несчастный вдовец отправился к нему за помощью.

– Значит, твоя бывшая жена стала привидением и знает все, что ты делаешь, – заключил мастер. – Что говоришь, что даришь любимой – все знает она. Она должна быть очень знающим привидением. Таким привидением гордиться нужно. Как только она появится, заключи с ней договор. Скажи, что раз она все знает и от нее ничего не скрыть, то – если она сумеет ответить тебе на один вопрос – ты обещаешь расторгнуть помолвку и остаться одиноким.

– Какой же вопрос я должен задать? – спросил тот. Монах ответил:

– Возьми полную горсть соевых бобов и спроси ее, сколько именно бобов у тебя в руке. Если она не сможет ответить, то ты поймешь, что она всего лишь плод твоего воображения и больше тебя беспокоить не будет.

Едва только явился дух жены, вдовец польстил ей, сказав, что она знает все.

– И в самом деле, – отвечало привидение, – знаю и то, что ты сегодня был у мастера дзен.

– Ну, если ты столько знаешь, скажи-ка, сколько бобов у меня в руке, – потребовал вдовец.

Отвечать на вопрос уже было некому – привидение исчезло.

Греческие притчи

Тройной фильтр

Однажды к Сократу пришел знакомый и сказал:

– Я сейчас расскажу тебе что-то, что я услышал об одном из твоих друзей.

– Подожди минутку, – ответил Сократ. – Прежде, чем ты расскажешь мне что-то, это должно пройти тройной фильтр. Прежде, чем говорить о моем друге, ты должен профильтровать то, что ты собираешься рассказать. Первый фильтр – правда. Скажи, ты абсолютно уверен, что это правда?

– Нет, – ответил знакомый, – я сам услышал об этом от других.

– Значит, ты не уверен, что это правда. Теперь второй фильтр – добро. То, что ты собираешься рассказать о моем друге, содержит что-то хорошее?

– Наоборот. Это что-то очень плохое.

– Итак, ты хочешь сказать мне нечто, что может оказаться неправдой, да еще и что-то плохое. Третий же фильтр – полезность. Смогу ли я лично извлечь какую-либо пользу из сказанного тобой?

– В общем-то, нет, – ответил знакомый.

– Что ж, если то, что ты хочешь мне рассказать, ни правдивое, ни хорошее, ни полезное, то зачем мне это знать?

Секрет

Аристотель наказал Александру Македонскому:

– Свои секреты никогда не сообщай двоим. Ибо, если тайна будет разглашена, ты не сможешь потом установить, по чьей вине это произошло. Если ты накажешь обоих, то нанесешь обиду тому, кто умел хранить секрет. Если же простишь обоих – снова оскорбишь невинного, ибо он не нуждается в твоём прощении.

Причина хорошего расположения духа

Сократа спросил один из его учеников:

– Объясни мне, почему я ни разу не видел на твоём челе признаков печали? Ты всегда в хорошем настроении.

Сократ ответил:

– Потому что я не обладаю ничем таким, о чём стал бы жалеть, если бы его утратил.

Рассуждения о счастье

Однажды Сократ обратился к людям с вопросом:

– Что самое главное в жизни?

Окружившие его люди стали высказывать свои представления по этому вопросу. Один из них сказал:

– Самое главное в жизни – это здоровье. Другой сказал:

– Самое главное – это иметь хорошо сложенное тело, быть привлекательным и пользоваться успехом у женщин.

Третий сказал:

– Самое главное – это иметь деньги и положение в обществе.

После того как высказались все, они спросили у Сократа:

– А ты что думаешь об этом? Сократ сказал:

– Я думаю, что самое главное в жизни – это счастье! Как вы думаете, обязательно ли каждый человек, имеющий здоровье, будет счастлив в жизни?

Слушающие его люди сказали:

– Нет, Сократ, это не обязательно.

– А человек, имеющий хорошо сложенное тело и пользующийся успехом у женщин, обязательно ли будет в жизни счастливым?

– Нет, Сократ! И это не обязательно, – ответили люди.

– Тогда скажите мне, – продолжал Сократ, – человек, имеющий много денег и положение в обществе, всегда является счастливым?

– Нет, Сократ, – отвечали люди, – скорее, даже наоборот. Такие люди часто бывают одинокими.

– А какой из типов людей, перечисленных здесь, вы посчитаете самым достойным? – продолжал спрашивать Сократ. – Представьте, что вам нужен совет врача. К какому врачу вы обратитесь? К очень богатому, имеющему положение в обществе, хорошо сложенному, имеющему успех у женщин или вы предпочтете врача, который счастлив в этой жизни?

Все присутствующие в один голос заявили, что обратятся за советом к врачу, который счастлив в жизни, потому что признают его наиболее достойным.

– Таким образом, – объявил Сократ, – мы все единодушно признали, что счастье является наивысшим благом и к нему следует стремиться, как к самому важному в этой жизни.

Нет никакой разницы

Фалес (родоначальник греческой философии) сказал, что между жизнью и смертью нет

никакой разницы.

– Почему же ты не умираешь? – спросили его.

– Потому что нет никакой разницы.

Лучше погибнуть невиновным

Некая женщина увидела Сократа, когда его тащили к месту казни. Заплавав, она воскликнула:

– О, горе мне! Они собираются убить тебя, хотя ты не совершил никакого преступления!

Сократ ей ответил:

– О, глупая! Неужели ты хотела бы, чтобы я совершил преступление, заслужил казнь и умер преступником?

Из любого источника

– Как ты опустился! Ты готов учиться у первого встречного! – упрекали одного философа.

– Знание – столь драгоценная вещь, что его не зазорно добывать из любого источника, – ответил философ.

Философские ответы

Фалеса спросили:

– Что на свете трудно?

– Познать себя.

– Что легко?

– Советовать другому.

– Что приятнее всего?

– Удача.

– Что божественно?

– То, что не имеет ни начала, ни конца.

Завидная дружба

В Сиракузах было два друга: Дамон и Финтий. Дамон хотел убить Дионисия, но был схвачен и осужден на казнь.

– Позволь мне отлучиться до вечера и устроить свои домашние дела, – сказал Дамон Дионисию, – заложником за меня останется Финтий.

Дионисий рассмеялся над такой наивной уловкой и согласился. Подошел вечер, Финтия уже вели на казнь. И тут, пробравшись сквозь толпу, подоспел Дамон.

– Я здесь, прости, что замешкался.

Дионисий воскликнул:

– Ты прощен! А меня, прошу, примите третьим в вашу дружбу.

Дальновидность

У одного философа была дочь. Ее сватали двое: бедный и богатый. Философ выдал дочь замуж за бедняка. Когда его спросили, почему он так поступил, философ ответил:

– Богатый жених глуп, и я опасаясь, что он вскоре обеднеет. Бедный жених – умен, и я надеюсь, что со временем он разбогатеет.

Готовность оратора

У Сократа был молодой друг по имени Евфидем, а по прозвищу Красавец. Ему не терпелось стать взрослым и говорить громкие речи в народном собрании. Сократу захотелось его образумить. Он спросил его:

– Скажи, Евфидем, знаешь ли ты, что такое справедливость?

– Конечно, знаю, не хуже всякого другого.

– А я вот человек, к политике непривычный, и мне почему-то трудно в этом разобраться. Скажи, лгать, обманывать, воровать, хватать людей и продавать в рабство – это справедливо?

– Конечно, несправедливо!

– Ну, а если полководец, отразив нападение неприятелей, захватит пленных и продаст их в рабство, это тоже будет несправедливо?

– Нет, пожалуй что, справедливо.

– А если он будет грабить и разорять их землю?

– Тоже справедливо.

– А если будет обманывать их военными хитростями?

– Тоже справедливо. Да, пожалуй, я сказал тебе неточно: и ложь, и обман, и воровство – это по отношению к врагам справедливо, а по отношению к друзьям несправедливо.

– Прекрасно! Теперь и я, кажется, начинаю понимать. Но скажи мне вот что, Евфидем, если полководец увидит, что воины его приуныли, и солжет им, будто к ним подходят союзники, и этим ободрит их, такая ложь будет несправедливой?

– Нет, пожалуй что, справедливой.

– А если сыну нужно лекарство, но он не хочет принимать его, а отец обманом подложит его в пищу, и сын выздоровеет, такой обман будет несправедливым?

– Нет, тоже справедливым.

– А если кто, видя друга в отчаянии и боясь, как бы он не наложил на себя руки, украдет или отнимет у него меч и кинжал, что сказать о таком воровстве?

– И это справедливо. Да, Сократ, получается, что я опять сказал тебе неточно. Надо было сказать: и ложь, и обман, и воровство – это по отношению к врагам справедливо, а по отношению к друзьям справедливо, когда делается им на благо, и несправедливо, когда делается им во зло.

– Очень хорошо, Евфидем. Теперь я вижу, что, прежде чем распознавать справедливость, мне надобно научиться распознавать благо и зло. Но уж это ты, конечно, знаешь?

– Думаю, что знаю, Сократ, хотя почему-то уже не так в этом уверен.

– Так что же это такое?

– Ну вот, например, здоровье – это благо, а болезнь – это зло; пища или питье, которые ведут к здоровью, – это благо, а которые ведут к болезни, – зло.

– Очень хорошо, про пищу и питье я понял, но тогда, может быть, вернее и о здоровье сказать таким же образом: когда оно ведет ко благу, то оно – благо, а когда ко злу, то оно – зло?

– Что ты, Сократ, да когда же здоровье может быть ко злу?

– А вот, например, началась нечестивая война и, конечно, кончилась поражением; здоровые пошли на войну и погибли, а больные остались дома и уцелели. Чем же было здесь здоровье – благом или злом?

– Да, вижу я, Сократ, что пример мой неудачный. Но, наверное, уж можно сказать, что ум – это благо!

– А всегда ли? Вот персидский царь часто требует из греческих городов к своему двору умных и умелых ремесленников, держит их при себе и не пускает на родину. На благо ли им их ум?

– Тогда – красота, сила, богатство, слава!

– Но ведь на красивых чаще нападают работорговцы, потому что красивые рабы дороже ценятся. Сильные неедко берутся за дело, превышающее их силу, и попадают в беду. Богатые изнеживаются, становятся жертвами интриг и погибают; слава всегда вызывает зависть, и от этого тоже бывает много зла.

– Ну, коли так, – уныло сказал Евфидем, – то я даже не знаю, о чем мне молиться богам.

– Не печалься! Просто это значит, что ты еще не знаешь, о чем ты хочешь говорить народу. Но уж сам-то народ ты знаешь?

– Думаю, что знаю, Сократ.

– Из кого же состоит народ?

– Из бедных и богатых.

– А кого ты называешь бедными и богатыми?

– Бедные – это те, которым не хватает на жизнь, а богатые – те, у которых всего в достатке и сверх достатка.

– А не бывает ли так, что бедняк своими малыми средствами умеет отлично обходиться, а богачу любых богатств мало?

– Право, бывает! Даже тираны такие бывают, которым мало всей их казны и нужны незаконные поборы.

– Так что же? Не причислить ли нам этих тиранов к беднякам, а хозяйственных бедняков – к богачам?

– Нет уж, лучше не надо, Сократ. Вижу, что и здесь я, оказывается, ничего не знаю.

– Не отчаивайся! О народе ты еще подумаешь, но ужо себе и своих будущих товарищах ораторах ты, конечно, думал, и не раз. Так скажи мне вот что: бывают ведь и такие нехорошие ораторы, которые обманывают народ ему во вред. Некоторые делают это ненамеренно, а некоторые даже намеренно. Какие же все-таки лучше, а какие хуже?

– Думаю, Сократ, что намеренные обманщики гораздо хуже и несправедливее ненамеренных.

– А скажи, если один человек нарочно читает и пишет с ошибками, а другой ненарочно, то какой из них грамотней?

– Наверное, тот, который нарочно: ведь если он захочет, он сможет писать и без ошибок.

– А не получается ли из этого, что и намеренный обманщик лучше и справедливее ненамеренного: ведь если он захочет, он сможет говорить с народом и без обмана!

– Не надо, Сократ, не говори мне такого, я и без тебя теперь вижу, что ничего-то я не знаю и лучше бы мне сидеть и молчать!

И Евфидем ушел домой, не помня себя от горя.

История из жизни Солона, одного из Семи Мудрецов

Говорят, что Солон по просьбе Креза приехал в Сарды. Когда Солон осмотрел великолепный замок Креза, тот спросил его, знает ли он человека, счастливее его, Креза. Солон отвечал, что знает такого человека: это его согражданин Телл. Затем он рассказал, что Телл был человеком высокой нравственности, оставил после себя детей, пользующихся добрым именем, имущество, в котором есть все необходимое, и погиб со славой, храбро сражаясь за отечество. Солон показался Крезу чудачком и грубияном, раз он не измеряет счастье обилием серебра и золота, а жизнь и смерть простого человека ставит выше его громадного могущества и власти. И все же он опять спросил Солона, знает ли он кого другого после Телла, более счастливого, чем он. Солон опять сказал, что знает: это Клеобис и Битон, два брата, чрезвычайно любившие друг друга и свою мать. Когда однажды волы долго не приходили с пастбища, они сами запряглись в повозку и повезли мать в храм Геры. Все граждане называли ее счастливой, и она радовалась. А они принесли жертву, напились воды, но на следующий день уже не встали; их нашли мертвыми; они, стяжав такую славу, без боли и печали узрели смерть.

– А меня, – воскликнул Крез уже с гневом, – ты не ставишь совсем в число людей счастливых?

Тогда Солон, не желая ему льстить, но и не желая раздражать еще дольше, сказал:

– Царь Лидийский! Нам, эллинам, бог дал способность соблюдать во всем меру. А вследствие такого чувства меры и ум нам свойственен какой-то робкий, по-видимому, простонародный, а не царский, блестящий. Такой ум, видя, что в жизни всегда бывают всякие превратности судьбы, не позволяет гордиться счастьем данной минуты, если еще не прошло время, когда оно может перемениться. К каждому незаметно подходит будущее, полное всяких случайностей. Кому бог пошлет счастье до конца жизни, того мы считаем счастливым. А назвать счастливым человека при жизни, пока он еще подвержен опасности, – это все равно, что провозглашать победителем и венчать венком атлета, еще не кончившего состязания. Это дело неверное, лишнее всякого значения.

После этих слов Солон удалился. Креза он обидел, но не образумил. Так пренебрежительно в то время Крез отнесся к Солону.

После поражения в битве с Киrom Крез потерял свою столицу, сам был взят в плен живым, и ему предстояла печальная участь быть сожженным на костре. Костер уже был готов. Связанного Креза возвели на него. Все персы смотрели на это зрелище, и Кир был тут. Тогда Крез, насколько у него хватило голоса, трижды воскликнул:

– О Солон! О Солон! О Солон!

Кир удивился и послал спросить, что за человек или бог Солон, к которому одному он взывает в таком безысходном несчастье. Крез, ничего не скрывая, сказал:

– Это был один из эллинских мудрецов, которого я пригласил, но не за тем, чтобы его послушать и научиться чему-нибудь такому, что мне было нужно, а для того, чтобы он полюбовался на мои богатства и, вернувшись на родину, рассказал о том благополучии, потеря которого, как оказалось, доставила больше горя, чем его приобретение – счастья. Пока оно существовало, хорошего от него только и было, что пустые разговоры да слава. А потеря его привела меня к тяжким страданиям и бедствиям, от которых нет спасения. Так вот Солон, глядя на мое тогдашнее положение, предугадал то, что теперь случилось, и советовал иметь в виду конец жизни, а не гордиться и величаться непрочным достоянием.

Этот ответ передали Киру. Он оказался умнее Креза и, видя подтверждение слов Солона на этом примере, не только освободил Креза, но и относился к нему с уважением в течение всей его жизни.

Так прославился Солон: одним словом своим одного царя спас, другого вразумил.

Волк и овца

Овца, спасаясь от волка, вбежала в ограду храма.

– Если ты не выйдешь, – сказал волк, – жрец тебя схватит и зарежет в жертву.

– Мне все равно, – сказала овца, – жрец ли меня зарежет или ты меня съешь.

– Друг мой, – отвечал волк, – мне горько слышать, как ты рассматриваешь такой важный вопрос с такой узколичной точки зрения. Мне это не все равно!

Библейские притчи

Бесплодная смоковница

Когда вышли из Вифании, Иисус взалкал; и, увидев издалека смоковницу, покрытую листьями, пошел, не найдет ли чего на ней. Но, придя к ней, ничего не нашел, кроме листьев, ибо еще не время было собирания смокв. И сказал ей Иисус:

– Отныне да не вкушает никто от тебя плода вовек! И слышали то ученики Его.

Поутру, проходя мимо, увидели, что смоковница засохла до корня. И, вспомнив, Петр

говорит Ему:

– Равви! Посмотри, смоковница, которую Ты проклял, засохла.

Иисус, отвечая, говорит им:

– Имейте веру Божию, ибо истинно говорю вам, если кто скажет горе сей: «Поднимись и ввергнись в море», – и не усомнится в сердце своем, но поверит, что сбудется по словам его, – будет ему, что ни скажет. Потому говорю вам: все, чего ни будете просить в молитве, верьте, что получите, – и будет вам. И когда стоите на молитве, прощайте, если что имеете на кого, дабы и Отец ваш Небесный простил вам согрешения ваши. Если же не прощаете, то и Отец ваш Небесный не простит вам согрешений ваших.

Виноградник и сыновья хозяина его

У одного человека было два сына; и он, подойдя к первому, сказал:

– Сын! Пойди сегодня работай в винограднике моем.

Но он сказал в ответ: «Не хочу», – а после, раскаявшись, пошел.

И подойдя к другому, он сказал то же. Этот сказал в ответ: «Иду, государь», – и не пошел.

Который из двух исполнил волю отца?

Говорят Ему:

– Первый.

Иисус говорит им:

– Истинно говорю вам, что мытари и блудницы вперед вас идут в Царство Божие, ибо пришел к вам Иоанн путем праведности, и вы не поверили ему, а мытари и блудницы поверили ему; вы же, и, видев это, не раскаялись после, чтобы поверить ему.

Девы мудрые и девы неразумные

Подобно будет Царство Небесное десяти девам, которые, взяв светильники свои, вышли навстречу жениху. Из них пять было мудрых и пять неразумных. Неразумные, взяв светильники свои, не взяли с собою масла. Мудрые же, вместе со светильниками своими, взяли масла в сосудах своих. И как жених замедлил, то задремали все и уснули.

Но в полночь раздался крик:

– Вот, жених идет, выходите навстречу ему.

Тогда встали все девы те и поправили светильники свои. Неразумные же сказали мудрым:

– Дайте нам вашего масла, потому что светильники наши гаснут.

А мудрые отвечали:

– Чтобы не случилось недостатка и у нас и у вас, пойдите лучше к продающим и купите себе.

Когда же пошли они покупать, пришел жених, и готовые вошли с ним на брачный пир, и двери затворились. После приходят и прочие девы, и говорят:

– Господи! Господи! отвори нам.

Он же сказал им в ответ:

– Истинно говорю вам: не знаю вас.

Итак, бодрствуйте, потому что не знаете ни дня, ни часа, в который придет Сын Человеческий.

Добрый Самаритянин

Один законник встал и, искушая Иисуса, сказал:

– Учитель! Что мне делать, чтобы наследовать жизнь вечную?

Он же сказал ему:

– В законе что написано? Как читаешь?

Он сказал в ответ:

– Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всею крепостью твоею, и всем разумением твоим, и ближнего твоего, как самого себя.

Иисус сказал ему:

– Правильно ты отвечал. Так поступай, и будешь жить.

Но он, желая оправдать себя, сказал Иисусу:

– А кто мой ближний? На это сказал Иисус:

– Некоторый человек шел из Иерусалима в Иерихон и попался разбойникам, которые сняли с него одежду, изранили его и ушли, оставив его едва живым. По случаю один священник шел той дорогой и, увидев его, прошел мимо. Также и левит, быв на том месте, подошел, посмотрел и прошел мимо. Самарянин же некто, проезжая, нашел на него и, увидев его, сжалился и, подойдя, перевязал ему раны, возливая масло и вино. И, посадив его на своего осла, привез его в гостиницу и позаботился о нем. А на другой день, отъезжая, вынул два динария, дал содержателю гостиницы и сказал ему: «Позаботься о нем; и если издержишь что более, я, когда возвращусь, отдам тебе». Кто из этих троих, думаешь ты, был ближний попавшемуся разбойникам?

Он сказал:

– Оказавший ему милость. Тогда Иисус сказал ему:

– Иди, и ты поступай так же.

Должник и царь

Царство Небесное подобно царю, который захотел сосчитать рабами своими. Когда начал он считаться, приведен был к нему некто, который должен был ему десять тысяч талантов, а как он не имел, чем заплатить, то государь его приказал продать его, и жену его, и детей, и все, что он имел, и заплатить. Тогда раб тот пал, и, кланяясь ему, говорил:

– Государь! Потерпи на мне, и все тебе заплачу. Государь, умилосердившись над рабом тем, отпустил его и долг простил ему. Раб же тот, выйдя, нашел одного из товарищей своих, который должен был ему сто динариев, и, схватив его, душил, говоря:

– Отдай мне, что должен.

Тогда товарищ его пал к ногам его, умолял его и говорил:

– Потерпи на мне, и все отдам тебе.

Но тот не захотел, а пошел и посадил его в темницу, пока не отдаст долга. Товарищи его, видев происшедшее, очень огорчились и, придя, рассказали государю своему все бывшее. Тогда государь его призывает его и говорит:

– Злой раб! Весь долг тот я простил тебе, потому что ты упросил меня. Не надлежало ли и тебе помиловать товарища твоего, как и я помиловал тебя?

И, разгневавшись, государь его отдал его истязателям, пока не отдаст ему всего долга.

Так и Отец Мой Небесный поступит с вами, если не простит каждый из вас от сердца своего брату своему согрешений его.

Зарытый талант

Человек, который, отправляясь в чужую страну, призвал рабов своих и поручил им имение свое. И одному дал он пять талантов, другому два, иному один, каждому по его силе; и тотчас отправился.

Получивший пять талантов пошел, употребил их в дело и приобрел другие пять талантов. Точно так же и получивший два таланта приобрел другие два. Получивший же один талант пошел и закопал его в землю и скрыл серебро господина своего.

По долгом времени приходит господин рабов тех и требует у них отчета. И, подойдя, получивший пять талантов принес другие пять талантов и говорит:

– Господин! Пять талантов ты дал мне; вот, другие пять талантов я приобрел на них.
Господин его сказал ему:
– Хорошо, добрый и верный раб! В малом ты был верен, над многим тебя поставлю; войди в радость господина твоего.
Подошел также и получивший два таланта и сказал:
– Господин! Два таланта ты дал мне; вот, другие два таланта я приобрел на них.
Господин его сказал ему:
– Хорошо, добрый и верный раб! В малом ты был верен, над многим тебя поставлю; войди в радость господина твоего.
Подошел и получивший один талант и сказал:
– Господин! Я знал тебя, что ты человек жестокий, жнешь, где не сеял, и собираешь, где не рассыпал, и, убоившись, пошел и скрыл талант твой в земле; вот тебе твое.
Господин же его сказал ему в ответ:
– Лукавый раб и ленивый! Ты знал, что я жну, где не сеял, и собираю, где не рассыпал; посему надлежало тебе отдать серебро мое торгующим, и я, придя, получил бы мое с прибылью. Итак, возьмите у него талант и дайте имеющему десять талантов, ибо всякому имеющему дастся и приумножится, а у не имеющего отнимется и то, что имеет. А негодного раба выбросьте во тьму внешнюю: там будет плач и скрежет зубов.

Званые и избранные

Один человек сделал большой ужин и звал многих. И когда наступило время ужина, послал раба своего сказать званым: «Идите, ибо уже все готово». И начали все, как бы сговорившись, извиняться. Первый сказал ему:
– Я купил землю и мне нужно пойти посмотреть ее; прошу тебя, извини меня.
Другой сказал:
– Я купил пять пар волов и иду испытать их; прошу тебя, извини меня.
Третий сказал:
– Я женился и потому не могу прийти.
И, возвратившись, раб тот донес о сем господину своему. Тогда, разгневавшись, хозяин дома сказал рабу своему:
– Пойди скорее по улицам и переулкам города и приведи сюда нищих, увечных, хромых и слепых.
И сказал раб:
– Господин! Исполнено, как приказал ты, и еще есть место.
Господин сказал рабу:
– Пойди по дорогам и изгородям и убеди прийти, чтобы наполнился дом мой. Ибо сказываю вам, что никто из тех званых не вкусит моего ужина, ибо много званых, но мало избранных.

Иона во чреве китовом

Было слово Господне к Ионе, сыну Амафиину: «Встань, иди в Ниневию, город великий, и проповедай в нем, ибо злодеяния его дошли до Меня».
И встал Иона, чтобы бежать в Фарсис от лица Господня. И пришел в Иоппию, и нашел корабль, отправлявшийся в Фарсис, отдал плату за провоз и вошел в него, чтобы плыть с ними в Фарсис от лица Господа.
Но Господь воздвиг на море крепкий ветер, и сделалась на море великая буря, и корабль готов был разбиться. И устрешились корабельщики, и зывали каждый к своему богу, и стали бросать в море кладь с корабля, чтобы облегчить его от нее. Иона же спустился во внутренность корабля, лег и крепко заснул.
И пришел к нему начальник корабля и сказал ему:

– Что ты спишь? Встань, воззови к Богу твоему. Может быть, Бог вспомнит о нас и мы не погибнем.

И сказали друг другу:

– Пойдем, бросим жребии, чтобы узнать, за кого постигает нас эта беда.

И бросили жребии, и пал жребий на Иону. Тогда сказали ему:

– Скажи нам, за кого постигла нас эта беда? Какое твое занятие и откуда идешь ты? Где твоя страна и из какого ты народа?

И он сказал им:

– Я Еврей, чту Господа Бога небес, сотворившего море и сушу.

И устрашились люди страхом великим и сказали ему:

– Для чего ты это сделал? – ибо узнали эти люди, что он бежит от лица Господня, как он сам объявил им.

И сказали ему:

– Что сделать нам с тобою, чтобы море утихло для нас? – ибо море не переставало волноваться.

Тогда он сказал им:

– Возьмите меня и бросьте меня в море, и море утихнет для вас, ибо я знаю, что ради меня постигла вас эта великая буря.

Но эти люди начали усиленно грести, чтобы пристать к земле, но не могли, потому что море все продолжало бушевать против них. Тогда воззвали они к Господу и сказали:

– Молим Тебя, Господи, да не погибнем за душу человека сего, и да не вменишь нам кровь невинную. Ибо Ты, Господи, соделал, что угодно Тебе!

И взяли Иону и бросили его в море, и утихло море от ярости своей. И устрашились эти люди Господа великим страхом, и принесли Господу жертву, и дали обеты.

И повелел Господь большому киту поглотить Иону; и был Иона во чреве этого кита три дня и три ночи. И помолился Иона Господу Богу своему из чрева кита и сказал:

– К Господу воззвал я в скорби моей, и Он услышал меня; из чрева преисподней я возопил, и Ты услышал голос мой. Ты вверг меня в глубину, в сердце моря, и потоки окружили меня, все воды Твои и волны Твои проходили надо мною. И я сказал: «Отринут я от очей Твоих, однако я опять увижу святой храм Твой». Объяли меня воды до души моей, бездна заключила меня; морскою травой обвита была голова моя. До основания гор я нисшел, земля своими запорами навек заградила меня. Но Ты, Господи Боже мой, изведешь душу мою из ада. Когда изнемогла во мне душа моя, я вспомнил о Господе, и молитва моя дошла до Тебя, до храма святого Твоего. Чтущие суетных и ложных богов оставили Милосердного своего, а я гласом хвалы принесу Тебе жертву; что обещал, исполню: у Господа спасение!

И сказал Господь киту, и он изверг Иону на сушу.

Нищий Лазарь

Некоторый человек был богат, одевался в порфиру и виссон и каждый день пиршествовал блистательно. Был также некоторый нищий, именем Лазарь, который лежал у ворот его в струпях и желал напитаться крошками, падающими со стола богача, и псы, приходя, лизали струпья его.

Умер нищий и отнесен был Ангелами на лоно Авраамово. Умер и богач, и похоронили его. И в аде, будучи в муках, он поднял глаза свои, увидел вдали Авраама и Лазаря на лоне его и, возопив, сказал:

– Отче Аврааме! Умилосердись надо мною и пошли Лазаря, чтобы омочил конец перста своего в воде и прохладил язык мой, ибо я мучаюсь в пламени сем.

Но Авраам сказал:

– Чадо! Вспомни, что ты получил уже доброе твое в жизни твоей, а Лазарь – злое. Ныне же он здесь утешается, а ты страдаешь. И сверх всего того между нами и вами утверждена

великая пропасть, так что хотящие перейти отсюда к вам не могут, также и оттуда к нам не переходят.

Тогда сказал он:

– Так прошу тебя, отче, пошли его в дом отца моего, ибо у меня пять братьев; пусть он засвидетельствует им, чтобы и они не пришли в это место мучения.

Авраам сказал ему:

– У них есть Моисей и пророки; пусть слушают их. Он же сказал:

– Нет, отче Аврааме, но если кто из мертвых придет к ним, покаются.

Тогда Авраам сказал ему:

– Если Моисея и пророков не слушают, то если бы кто и из мертвых воскрес, не поверят.

О блудном сыне

У некоторого человека было два сына. И сказал младший из них отцу:

– Отче! Дай мне следующую мне часть имения. И отец разделил им имение.

По прошествии немногих дней младший сын, собрав все, пошел в дальнюю сторону и там расточил имение свое, живя распутно. Когда же он прожил все, настал великий голод в той стране, и он начал нуждаться. И пошел, пристал к одному из жителей страны той, а тот послал его на поля свои пасти свиней. И он рад был наполнить чрево свое рожками, которые ели свиньи, но никто не давал ему. Придя же в себя, сказал:

– Сколько наемников у отца моего избыточествуют хлебом, а я умираю от голода. Встану, пойду к отцу моему и скажу ему: «Отче, я согрешил против неба и пред тобою и уже недостойн называться сыном твоим. Прими меня в число наемников твоих».

Встал и пошел к отцу своему. И когда он был еще далеко, увидел его отец его и сжалился; и, побежав, пал ему на шею и целовал его. Сын же сказал ему:

– Отче! Я согрешил против неба и пред тобою и уже недостойн называться сыном твоим.

А отец сказал рабам своим:

– Принесите лучшую одежду и оденьте его, и дайте перстень на руку его и обувь на ноги; и приведите откормленного тельца, и заколите; станем есть и веселиться! Ибо этот сын мой был мертв и ожил, пропадал и нашелся.

И начали веселиться.

Старший же сын его был на поле, и, возвращаясь, когда приблизился к дому, услышал пение и ликование, и, призвав одного из слуг, спросил:

– Что это такое?

Он сказал ему:

– Брат твой пришел, и отец твой заколол откормленного тельца, потому что принял его здоровым.

Он осердился и не хотел войти. Отец же его, выйдя, звал его. Но он сказал в ответ отцу:

– Вот, я столько лет служу тебе, и никогда не преступал приказания твоего, но ты никогда не дал мне и козленка, чтобы мне повеселиться с друзьями моими. А когда этот сын твой, расточивший имение свое с блудницами, пришел, ты заколол для него откормленного тельца.

Он же сказал ему:

– Сын мой! Ты всегда со мною, и все мое – твое, а о том надобно было радоваться и веселиться, что брат твой сей был мертв и ожил, пропадал и нашелся.

Сеятель

Вышел сеятель сеять. И когда он сеял, иное упало при дороге, и налетели птицы и поклевали то. Иное упало на места каменистые, где немного было земли, и скоро взошло,

потому что земля была неглубока. Когда же взошло солнце, увяло, и, как не имело корня, засохло. Иное упало в терние, и выросло терние и заглушило его. Иное упало на добрую землю и принесло плод: одно во сто крат, а другое в шестьдесят, иное же в тридцать.

Вы же выслушайте значение притчи о сеятеле: ко всякому, слушающему слово о Царствии и не разумеющему, приходит лукавый и похищает посеянное в сердце его – вот кого означает посеянное при дороге. А посеянное на каменистых местах означает того, кто слышит слово и тотчас с радостью принимает его; но не имеет в себе корня и непостоянен: когда настанет скорбь или гонение за слово, тотчас соблазнится. А посеянное в тернии означает того, кто слышит слово, но забота века сего и обольщение богатства заглушает слово, и оно бывает бесплодно. Посеянное же на доброй земле означает слышащего слово и разумеющего, который и бывает плодоносен, так что иной приносит плод во сто крат, иной в шестьдесят, а иной в тридцать.

Смоковница

Рассказали Ему о Галилеянах, которых кровь Пилат смешал с жертвами их. Иисус сказал им на это:

– Думаете ли вы, что эти Галилеяне были грешнее всех Галилеян, что так пострадали? Нет, говорю вам, но, если не покаетесь, все так же погибнете. Или думаете ли, что те восемнадцать человек, на которых упала башня Силоамская и побила их, виновнее были всех, живущих в Иерусалиме? Нет, говорю вам, но, если не покаетесь, все так же погибнете.

И сказал сию притчу:

Некто имел в винограднике своем посаженную смоковницу, и пришел искать плода на ней, и не нашел. И сказал виноградарю:

– Вот, я третий год прихожу искать плода на этой смоковнице и не нахожу; сруби ее. На что она и землю занимает?

Но он сказал ему в ответ:

– Господин! Оставь ее и на этот год, пока я окопаю ее и обложу навозом, – не принесет ли плода. Если же нет, то в следующий год срубишь ее.

Стяжание

У одного богатого человека был хороший урожай в поле, и он рассуждал сам с собою: «Что мне делать? Некуда мне собрать плодов моих?» И сказал:

– Вот что сделаю: сломаю житницы мои и построю большие, и соберу туда весь хлеб мой и все добро мое, и скажу душе моей: «Душа! Много добра лежит у тебя на многие годы. Покойся, ешь, пей, веселись».

Но Бог сказал ему:

– Безумный! В сию ночь душу твою возьмут у тебя. Кому же достанется то, что ты заготовил?

Так бывает с тем, кто собирает сокровища для себя, а не в Бога богатеет.

Судья неправедный

В одном городе был судья, который Бога не боялся и людей не стыдился. В том же городе была одна вдова, и она, приходя к нему, говорила:

– Защити меня от соперника моего.

Но он долгое время не хотел. А после сказал сам в себе:

«Хотя я и Бога не боюсь и людей не стыжусь, но, как эта вдова не дает мне покоя, защищу ее, чтобы она не приходила больше докучать мне». И сказал Господь:

– Слышите, что говорит судья неправедный? Бог ли не защитит избранных Своих, вопиющих к Нему день и ночь, хотя и медлит защищать их? Сказываю вам, что подаст им

защиту вскоре. Но Сын Человеческий, придя, найдет ли веру на земле?

Сусанна

В Вавилоне жил муж, по имени Иоаким. И взял он жену, по имени Сусанна, дочь Хелкия, очень красивую и богобоязненную. Родители ее были праведные и научили дочь свою закону Моисееву.

Иоаким был очень богат, и был у него сад близ дома его. И сходились к нему Иудеи, потому что он был почетнейший из всех. И были поставлены два старца из народа судьями в том году, о которых Господь сказал, что беззаконие вышло из Вавилона от старейшин-судей, которые казались управляющими народом. Они постоянно бывали в доме Иоакима, и к ним приходили все, имевшие спорные дела.

Когда народ уходил около полудня, Сусанна входила в сад своего мужа для прогулки. И видели ее оба старейшины всякий день приходящую и прогуливающуюся, и в них родилась похоть к ней, и извратили ум свой, и уклонили глаза свои, чтобы не смотреть на небо и не вспоминать о праведных судах. Оба они были уязвлены похотью к ней, но не открывали друг другу боли своей, потому что стыдились объявить о вожделении своем, что хотели совокупиться с нею.

И они прилежно сторожили каждый день, чтобы видеть ее, и говорили друг другу:

– Пойдем домой, потому что час обеда.

И, выйдя, расходились друг от друга, и, возвратившись, приходили на то же самое место, и когда допытывались друг у друга о причине того, признались в похоти своей, и тогда вместе назначили время, когда могли бы найти ее одну.

И было, когда они выжидали удобного дня, Сусанна вошла, как вчера и третьего дня, с двумя только служанками и захотела мыться в саду, потому что было жарко. И не было там никого, кроме двух старейшин, которые спрятались и сторожили ее. И сказала она служанкам:

– Принесите мне масла и мыла и закройте двери сада, чтобы мне помыться.

Они так и сделали, как она сказала: заперли двери сада и вышли боковыми дверями, чтобы принести, что приказано было им, и не видали старейшин, потому что они спрятались.

И вот, когда служанки вышли, встали оба старейшины, и прибежали к ней, и сказали:

– Вот, двери сада заперты и никто нас не видит, и мы имеем похотение к тебе, поэтому согласись с нами и побудь с нами. Если же не так, то мы будем свидетельствовать против тебя, что с тобою был юноша, и ты поэтому отослала от себя служанок твоих.

Тогда застонала Сусанна и сказала:

– Тесно мне отовсюду; ибо, если я сделаю это, смерть мне, а если не сделаю, то не избегну от рук ваших. Лучше для меня не сделать этого и впасть в руки ваши, нежели согрешить пред Господом.

И закричала Сусанна громким голосом; закричали также и оба старейшины против нее, и один побежал и отворил двери сада.

Когда же находившиеся в доме услышали крик в саду, вскочили боковыми дверями, чтобы видеть, что случилось с нею. И когда старейшины сказали слова свои, слуги ее чрезвычайно были пристыжены, потому что никогда ничего такого о Сусанне говорено не было.

И было на другой день, когда собрался народ к Иоакиму, мужу ее, пришли и оба старейшины, полные беззаконного умысла против Сусанны, чтобы предать ее смерти. И сказали они перед народом:

– Пошлите за Сусанною, дочерью Хелкия, женою Иоакима.

И послали. И пришла она, и родители ее, и дети ее, и все родственники ее. Сусанна была очень нежна и красива лицом, и эти беззаконники приказали открыть лицо ее, так как оно было закрыто, чтобы насытиться красотой ее. Родственники же и все, которые смотрели на нее, плакали. А оба старейшины, встав посреди народа, положили руки на голову ее. Она

же в слезах смотрела на небо, ибо сердце ее уповало на Господа. И сказали старейшины:

– Когда мы ходили по саду одни, вошла эта с двумя служанками и затворила двери сада, и отослала служанок; и пришел к ней юноша, который скрывался там, и лег с нею. Мы, находясь в углу сада и видя такое беззаконие, побежали на них, и увидели их совокупающимися, и того не могли удержать, потому что он был сильнее нас и, отворив двери, выскочил. Но эту мы схватили и допрашивали: кто был этот юноша. Но она не хотела объявить нам. Об этом мы свидетельствуем.

И поверило им собрание, как старейшинам народа и судьям, и осудили ее на смерть.

Возопила Сусанна громким голосом и сказала:

– Боже вечный, ведающий сокровенное и знающий все прежде бытия его! Ты знаешь, что они ложно свидетельствовали против меня, и вот, я умираю, не сделав ничего, что эти люди злостно выдумали на меня.

И услышал Господь голос ее. И когда она ведена была на смерть, возбудил Бог святой дух молодого юноши, но имени Даниил, и он закричал громким голосом:

– Чист я от крови ее!

Тогда обратился к нему весь народ и сказал:

– Что это за слово, которое ты сказал? Тогда он, став посреди них, сказал:

– Так ли вы неразумны, сыны Израиля, что, не исследовав и не узнав истины, осудили дочь Израиля?

Возвратись в суд, ибо эти ложно против нее засвидетельствовали. И тотчас весь народ возвратился, и сказали ему старейшины:

– Садись посреди нас и объяви нам, потому что Бог дал тебе старейшинство.

И сказал им Даниил:

– Отделите их друг от друга подальше, и я допрошу их. Когда же они отделены были один от другого, призвал одного из них и сказал ему:

– Состарившийся в злых днях, ныне обнаружились грехи твои, которые ты делал прежде, производя суды неправедные, осуждая невинных и оправдывая виновных, тогда как Господь говорит: «невинного и правого не умерщвляй». Итак, если ты сию видел, скажи, под каким деревом видел ты их разговаривающими друг с другом?

Он сказал:

– Под мастиковым. Даниил сказал:

– Точно, солгал ты на твою голову; ибо вот, Ангел Божий, приняв решение от Бога, рассечет тебя пополам.

Удалив его, он приказал привести другого и сказал ему:

– Племя Ханаана, а не Иуды, красота прельстила тебя, и похоть развратила сердце твое. Так поступали вы с дочерьми Израиля, и они из страха имели общение с вами. Но дочь Иуды не потерпела беззакония вашего. Итак, скажи мне, под каким деревом ты застал их разговаривающими между собою? Он сказал:

– Под зеленым дубом. Даниил сказал ему:

– Точно, солгал ты на твою голову; ибо Ангел Божий с мечом ждет, чтобы рассечь тебя пополам, чтобы истребить вас.

Тогда все собрание закричало громким голосом, и благословили Бога, спасающего надеющихся на Него, и восстали на обоих старейшин, потому что Даниил их устами обличил их, что они ложно свидетельствовали. И поступили с ними так, как они злоумыслили против ближнего, по закону Моисееву, и умертвили их. И спасена была в тот день кровь невинная.

Хелкия же и жена его прославили Бога за дочь свою Сусанну с Иоакимом, мужем ее, и со всеми родственниками, потому что не найдено было в ней постыдного дела.

И Даниил стал велик перед народом с того дня и потом.

Фарисей и мытарь

Два человека вошли в храм помолиться: один фарисей, а другой мытарь.

Фарисей, став, молился сам в себе так: «Боже! Благодарю Тебя, что я не таков, как прочие люди, грабители, обидчики, прелюбодеи, или как этот мытарь: пощусь два раза в неделю, даю десятую часть из всего, что приобретаю».

Мытарь же, стоя вдали, не смел даже поднять глаз на небо. Но, ударяя себя в грудь, говорил: «Боже! Будь милостив ко мне грешнику!»

Сказываю вам, что сей пошел оправданным в дом свой более, нежели тот: ибо всякий, возвышающий сам себя, унижен будет, а унижающий себя возвысится.

Что всего сильнее?

Сделал царь Дарий большой пир своим подданным и домашним своим, и всем вельможам Мидии и Персии, и всем сатрапам и военачальникам, и начальникам подвластных ему стран от Индии и до Эфиопии в ста двадцати семи сатрапиях. И ели и пили и, насытившись, разошлись; царь же Дарий отправился в спальню свою и спал, и потом пробудился.

Между тем трое юношей-телохранителей, охранявших тело царя, сказали друг другу:

– Пусть каждый из нас скажет одно слово о том, что всего сильнее? И чье слово окажется разумнее другого, даст тому царь Дарий великие дары и великую награду. И будет тот одеваться багряницею и пить из золотых сосудов, и спать на золоте, и ездить на колеснице с конями в золотых уздах, носить на голове повязку из виссона и ожерелье на шее, и сядет он вторым по Дарии за мудрость свою, и будет называться родственником Дария.

И тотчас, написав каждый свое слово, запечатали и положили под изголовье царя Дария и сказали:

– Когда царь встанет, подадут ему это писание, и за кем признает царь и трое вельмож персидских, что слово его мудрее, тому дастся преимущество, как написано.

Один написал: «Сильнее всего вино». Другой написал: «Сильнее царь». Третий написал: «Сильнее женщины, а над всем одерживает победу истина».

И вот, когда царь встал, подали ему это писание, и он прочитал. И, послав, призвал всех вельмож Персии и Мидии, и сатрапов и военачальников, и начальников областей и советников, и сел в совещательной палате, и прочитано было пред ними писание. И сказал:

– Призовите этих юношей, пусть они объяснят слова свои.

И были призваны и вошли. И сказал им:

– Объясните нам написанное.

И начал первый, сказавший о силе вина, и говорил так:

– О, мужи! Как сильно вино! Оно приводит в омрачение ум всех людей, пьющих его; оно делает ум царя и сироты, раба и свободного, бедного и богатого, одним умом; и всякий ум превращает в веселие и радость, так что человек не помнит никакой печали и никакого долга, и все сердца делает оно богатыми, так что никто не думает ни о царе, ни о сатрапе, и всякого заставляет оно говорить о своих талантах. И когда опьянеют, не помнят о приязни к друзьям и братьям и скоро обнажают мечи, а когда истрезвятся от вина, не помнят, что делали. О, мужи! Не сильнее ли всего вино, когда заставляет так поступать?

И, сказав это, замолчал.

И начал говорить второй, сказавший о силе царя.

– О, мужи! Не сильны ли люди, владеющие землею и морем и всем содержащимся в них? Но царь превозмогает и господствует над ними и повелевает ими, и во всем, что бы ни сказал им, они повинуются. Если скажет, чтоб они ополчились друг против друга, они исполняют; если пошлет их против неприятелей, они идут и разрушают горы и стены и башни, и убивают и бывают убиваемы, но не преступают слова царского; если же победят, все приносят царю, что получают в добычу, и все прочее. И те, которые не ходят на войну и не сражаются, но возделывают землю, после посева, собрав жатву, также приносят царю и, понуждая один другого, приносят царю дани. И он один, если скажет убить – убивают; если скажет отпустить – отпускают; сказал бить – бьют; сказал опустошить – опустошают; сказал

строить – строят; сказал срубить – срубают; сказал насадить – насаждают; и весь народ его и войско его повинуются ему. Кроме того, он возлежит, ест и пьет и спит, а они стерегут вокруг него и не могут никто отойти и делать дела свои, и не могут послушаться его. О, мужи! Не сильнее ли всех царь, когда так повинуются ему? – и замолчал.

Третий же, сказавший о женщинах и об истине, – это был Зоровавель, – начал говорить:

– О, мужи! Не велик ли царь, и многие из людей, и не сильно ли вино? Но кто господствует над ними и владеет ими? Не женщины ли? Жены родили царя и весь народ, который владеет морем и землею; и от них родились и ими вскормлены насаждающие виноград, из которого делается вино; они делают одежды для людей и доставляют украшение людям, и люди не могут быть без жен. Если соберут золото и серебро и всякие драгоценности, а потом увидят одну женщину, хорошую лицом и красивую, оставив все, устремляются к ней и, раскрыв рот, смотрят на нее, и все прилепляются к ней более, чем к золоту и серебру и ко всякой дорогой вещи. Человек оставляет воспитавшего его отца и страну свою и прилепляется к жене своей, и с женою оставляет душу, и не помнит ни отца, ни матери, ни страны своей. И из этого должно вам познать, что женщины господствуют над вами. Не подымете ли вы трудов и не напрягаете ли усилий, и не отдаете ли и не приносите ли всего женам? Берет человек меч свой и отправляется, чтобы выходить на дороги и грабить и красть, и готов плавать по морю и рекам, льва встречает, и во тьме скитается; но лишь только украдет, похитит и ограбит, относит то к возлюбленной. И более любит человек жену свою, нежели отца и мать. Многие сошли с ума из-за женщин и сделались рабами через них. Многие погибли и сбились с пути и согрешили через женщин. Неужели теперь не поверите мне? Не велик ли царь властью своею? Не боятся ли все страны прикоснуться к нему? Я видел его и Апамину, дочь славного Вартака, царскую наложницу, сидящую по правую сторону царя; она снимала венец с головы царя и возлагала на себя, а левою рукою ударяла царя по щеке. И при всем том царь смотрел на нее, раскрыв рот: если она улыбнется ему, улыбается и он; если же она рассердится на него, он ласкает ее, чтобы помирилась с ним. О, мужи! Как же не сильны женщины, когда так поступают они?

Тогда царь и вельможи взглянули друг на друга, а он начал говорить об истине.

– О, мужи! Не сильны ли женщины? Велика земля, и высоко небо, и быстро в своем течении солнце, ибо оно в один день обходит круг неба и опять возвращается на свое место. Не велик ли тот, кто совершает это? И истина велика и сильнее всего. Вся земля взывает к истине, и небо благословляет ее, и все дела трясутся и трепещут пред нею. И нет в ней неправды. Неправедно вино, неправеден царь, неправедны женщины, несправедливы все сыны человеческие и все дела их таковы, и нет в них истины, и они погибнут в неправде своей; а истина пребывает и остается сильною в век, и живет и властвует в век века. И нет у ней лицепрятия и различения, но делает она справедливое, удаляясь от всего несправедливого и злого, и все одобряют дела ее. И нет в суде ее ничего неправого; она есть сила и царство, и власть и величие всех веков: благословен Бог истины!

И перестал он говорить. И все возгласили тогда и сказали: велика истина и сильнее всего. Тогда царь сказал ему:

– Проси, чего хочешь, более написанного, и дадим тебе, так как ты оказался мудрейшим, и будешь сидеть подле меня, и будешь называться родственником моим.

Конфуцианские притчи

Высокая стена

К ученику Конфуция пришли поселяне и стали говорить:

– Ты такой мудрый и так хорошо говоришь, не то что этот сварливый Конфуций!

На что он ответил:

– Мудрость как стена. Моя стена низкая, и вы видите, что за ней делается, а стена

Конфуция высокая, и вам не видно, что за ней делается. Если вы хотите заглянуть за его стену, постройте сначала свою, с которой можно будет смотреть.

Девять испытаний

Конфуций сказал:

– Проникнуть в сердце человека труднее, чем пробраться в горное ущелье. Легче познать Небо, чем сердце человека.

Небо установило весну и осень, лето и зиму, день и ночь. У человека же лицо непроницаемо, чувства глубоко скрыты. Бывает, что человек с виду добр, а по натуре жаден; по виду способный, а на деле никчемный; по виду деловит, а в душе празден; внешне мягок, а внутри груб. Вот почему получается так, что человек то стремится к добродетели, как умирающий от жажды – к воде, то бежит от нее, как от лесного пожара.

Вот почему мудрый правитель посылает человека в далекий путь, чтобы испытать его преданность, и посылает его близко, чтобы испытать его почтительность; дает трудное поручение, чтобы испытать его способности; задает ему неожиданные вопросы, чтобы испытать его сообразительность; приказывает действовать быстро, чтобы испытать его доверие; доверяет ему богатство, чтобы испытать его совесть; извещает его об опасности, чтобы испытать его хладнокровие; поит его допьяна, чтобы испытать его склонности; сажает его вместе с женщинами, чтобы увидеть, похотлив ли он.

Таковы девять испытаний, по которым можно судить о людях.

Конфуций о хорошем правительстве

Однажды к Конфуцию пришел ученик и спросил:

– Каковы основные характеристики хорошего правительства?

– Еда, оружие и доверие народа, – ответил Конфуций.

– А если представить, что тебя попросили пожертвовать одним из них, что бы было?

– Оружие.

– А если пришлось бы отказаться и от второго?

– Еда.

– Но без пищи народ бы умер!

– С незапамятных времен смерть была участью человеческих существ. Но народ, не доверяющий своему правительству, действительно пропадет.

Напрасная тревога

Сыма Нью посетовал:

– У всех есть братья, только у меня их нет. Цзыся ему сказал:

– Я об этом вот что слышал: жизнь и смерть зависят от Небесного веления, родовитость и богатство посылаются с Небес. Если благородный муж почтителен без упущений, вежливо обходится с людьми по ритуалу, то в пределах четырех морей каждый будет ему братом. Зачем тогда ему тревожиться, что у него нет братьев?

Необходимое любопытство

Войдя в Великий храм, Конфуций спрашивал обо всем, что там происходило.

Кто-то заметил:

– И кто это считает сына цзоусца знающим ритуалы? Войдя в Великий храм, он спрашивал обо всем, что там происходило.

Учитель, услышав это, ответил:

– В этом ритуал и состоит.

Что можно называть разумным?

Цзычжан спросил о том, что можно считать разумным. Конфуций ответил:

– Когда ни изощренной клевете, ни пылкой жалобе не удастся возыметь воздействие, то это можно называть разумным. Когда ни изощренной клевете, ни пылкой жалобе не удастся возыметь воздействие, то это можно называть дальновидным.

Ведические притчи

Время ли беспокоить меня?

Жил великий ученый, который распевал по утрам молитвы три, четыре, пять часов подряд. И так продолжалось годы напролет. Он был великим ученым, великим знатоком санскрита, очень образованным человеком.

Наконец Кришна сжалился над ним и однажды пришел к нему. Он встал позади этого человека, положил свою руку на его плечо. Человек посмотрел вверх и спросил:

– Что вы делаете? Разве вы не видите, что я творю свои молитвы? Время ли беспокоить меня?

И Кришна отпрянул и исчез.

Два предложения

Однажды царь Юдхиштхира, когда он еще был мальчиком, учился в гурукуле. И в школу пришел проверяющий. Он стал спрашивать учеников, и все наперебой рассказывали о своих познаниях. Но когда он спросил у Юдхиштхиры, тот спокойно сказал:

– Я выучил алфавит и знаю первое предложение из букваря.

Проверяющий был разгневан и стал кричать:

– Как можно так долго учиться и выучить только одно предложение?!

Тогда мальчик подумал и ответил:

– Ну, может быть, еще второе.

Тогда проверяющий решил наказать будущего царя. Он схватил розги и стал его бить. Но, несмотря на боль, мальчик все терпел и улыбался, и тогда сомнения стали появляться у проверяющего. И тут он увидел раскрытый учебник и прочел первое предложение: «Ни на кого не гневайся и никогда не обижайся, будь терпелив и спокоен – все пройдет».

И тут проверяющему стало стыдно, и он попросил у мальчика прощения. Но Юдхиштхира сказал:

– Не надо извиняться, так как, пока ты меня бил, я все-таки на тебя был обижен, а значит, я не понял даже первого высказывания.

И тогда проверяющий вспомнил второе предложение: «Всегда говори правду и ничего кроме правды».

Два царя

Бог Кришна захотел проверить мудрость своих царей и однажды пригласил к себе царя, которого звали Дурьодана, известного по всей стране за свою жестокость и скаредность и чьи подданные жили в постоянном страхе. И сказал Бог Кришна королю Дурьодане:

– Я хочу, чтобы ты пошел и обошел весь мир, и нашел мне по-настоящему хорошего, доброго человека.

Дурьодана ответил:

– Да, мой господин, – и послушно отправился на поиски. Он встречался и разговаривал

со множеством людей.

Спустя много времени, он вернулся обратно к Богу и сказал:

– Мой Бог, я сделал все, как ты мне велел, и обошел весь мир в поисках такого человека. Но я его не нашел. Все люди, которых я встречал, себялюбивы и порочны. Нигде нельзя найти этого хорошего человека, которого ты ищешь.

И Бог Кришна послал его прочь и позвал другого царя, которого звали Дхаммараджа, известного за свое великодушие и доброту и горячо любимого его подданными.

И сказал ему Кришна:

– Царь Дхаммараджа, мне хочется, чтобы ты отправился в путешествие вокруг света и привел ко мне хотя бы одного действительно порочного человека.

Дхаммараджа также подчинился и отправился в путь, на котором повстречал и разговаривал с большим количеством людей.

Много времени прошло, прежде чем он вернулся к Кришне и сказал:

– Мой повелитель, я тебя подвел: я никого не нашел. Есть обманутые люди, люди, которые введены в заблуждение, сбились с пути, кто действовал, не ведая, что творит, но нигде я не смог найти по-настоящему грешного человека. У них у всех доброе сердце, несмотря на их слабости!

Дважды рожденный

Это случилось в те далекие времена, когда люди были богобоязненными и невинными, а человек, преступивший закон, был исключением из правил.

Жил на свете человек по имени Вальмики. Он промышлял грабежом и, не колеблясь, убивал людей, если они сопротивлялись.

Тогда же жил на свете музыкант, поэт и замечательный человек Нарада. Люди любили его за веселый нрав. Он всегда улыбался, шутил, и, если его просили сыграть, никогда не отказывался. Его инструмент был всегда при нем. Он был с одной струной и назывался эктара. Но известно, что чем проще инструмент, тем выше должно быть искусство музыканта. И Нарада извлекал из него чарующие звуки.

Однажды Нарада собрался в соседнюю деревню, а дорога шла через лес, в котором промышлял Вальмики. Люди стали уговаривать его не ходить этой дорогой, ведь это было очень опасно:

– Вальмики злодей, он не посмотрит, что ты музыкант и хороший человек.

Нарада сказал:

– Я хочу посмотреть на человека, который сделал вас трусами. Всего один человек, а движение по дороге остановлено.

Он пошел, потому что верил в музыку больше, чем в кровожадность человека.

Вальмики услышал чарующую музыку и вышел на дорогу. К своему удивлению, он увидел одного безоружного человека, и от этого и человек и его музыка показались ему еще более прекрасными. Впервые Вальмики почувствовал нерешительность.

– Разве ты не знаешь, – обратился он к музыканту, – что ходить по этой дороге опасно?

Нарада, продолжая играть, свернул с дороги и уселся рядом с Вальмики, который точил свой меч. Доиграв мелодию, он обратился к грабителю:

– Ты очень колоритная фигура, но что ты делаешь в темном лесу один?

Вальмики ответил:

– Я граблю людей, вот и у тебя сейчас отберу все твои богатства.

Нарада сказал:

– Мои богатства иного качества, они внутренние, и я был бы счастлив поделиться ими с тобой.

– Меня интересуют только материальные ценности, – ответил Вальмики.

Музыкант сказал:

– Но они ничто по сравнению с духовными ценностями, и ты, такой сильный человек,

скажи, зачем ты это делаешь?

– Ради моей семьи: моей матери, моей жены и детей. Если я не принесу им денег, они будут голодать, а я ничего другого делать не умею, – ответил Вальмики.

Нарада спросил:

– А нужна ли им такая жертва? Ты спрашивал у них об этом: готовы ли они разделить ответственность за твои прегрешения перед Богом?

Впервые Вальмики задумался.

– Раньше я не думал об этом, – сказал он, – но теперь...

Нарада сказал:

– Так походи и спроси их, а я буду ждать тебя.

Тот отправился домой и спросил свою мать. Она ответила:

– Почему я должна делить с тобой ответственность за твои преступления? Я – твоя мать, твоя обязанность – кормить меня.

И его жена сказала:

– С какой стати я буду отвечать за твои грехи? Я ничего такого не совершила и чиста перед Богом. Я не знаю, как ты добываешь хлеб, это твое дело.

Вальмики вернулся и сказал:

– Никто не хочет делить со мной ответственность. Я одинок, и что бы я ни делал ради семьи, за все буду отвечать сам. Я хочу понять самого себя. Наставь меня на путь истинный, чтобы я однажды смог почувствовать ту же музыку, ту же радость, что вижу на твоём лице.

Они ушли вместе... Раскаившись в своих преступлениях, Вальмики много лет искупал содеянное зло суровой аскезой. Имя Вальмики переводится «муравьиный» и дано ему потому, что он несколько лет простоял неподвижно, весь покрытый муравьями. Очистившись, Вальмики стал легендарным поэтом.

Ему приписывается изобретение эпического стихотворного размера – шлоки. Он также является автором знаменитой поэмы Рамаяны.

Заповедь всепрощения

Царь Долгоскорб был изгнан из своего царства могущественным соседом Брамадаттой. Потеряв все свое достояние, царь Долгоскорб переоделся нищенствующим монахом, бежал с женой из своего отечества и скрылся в Бенаресе, столице своего врага.

Там царица родила ему сына, которого назвали Долгоживом. Он рос смышленным мальчиком, способным ко всем искусствам.

Однажды Долгоскорб был узан одним из своих прежних царедворцев, и по приказу царя Брамадатты его схватили вместе с женой, связали и повели по городским улицам. Долгожив видел, как их вели. Он подошел к ним, отец сказал сыну:

– Долгожив, сын мой, запомни. Вражда не умиротворяется враждой, а, напротив, только не враждой. Не смотри, сын мой, ни слишком далеко и ни слишком близко.

Царь Брамадатта повелел рассечь их тела за городом на четыре части. Приговор был исполнен, но Долгожив напоил стражу, и, когда они заснули, он сжег тела родителей по обычаю того времени, обойдя трижды со скрещенными руками вокруг костра. Затем он удалился в лес, где плакал и сетовал столько, сколько его душе было угодно. Потом отер слезы, отправился в город и поступил в услужение к царю по уходу за слонами.

Благодаря своему прекрасному пению, он удостоился милости Брамадатты, и тот сделал его своим слугой, управляющим царским слоном и задушевым другом.

Однажды Долгожив сопровождал царя на охоту. Они сидели вдвоем в удобной корзине на спине слона; Долгожив устроил так, что вся свита направилась по другой дороге. Царь почувствовал утомление, положил голову Долгоживу на колени и заснул.

Тогда юноша подумал: «Этот царь Брамадатта Бенаресский причинял нам столько зла. Отнял у нас стада, и землю, и казну, и убил моих отца и мать. Теперь настало время удовлетворить мою жажду мести». И он извлек из ножен меч. Но в этот момент в его голове

мелькнула мысль: «Мой отец, когда его вели на казнь, сказал мне: «Сын мой Долгожив, не смотри ни слишком далеко, ни слишком близко; ибо вражда не умиротворяется враждой, а напротив – не враждой». Было бы неладно преступить слова моего отца».

Тогда он вложил меч в ножны... Трижды овладевала им жажда мести, и трижды побеждал завет отца.

А в это время царю снился зловещий сон. Долгожив угрожал ему мечом. Юноша схватил левой рукой голову царя Брамадатты, правой извлек свой меч и сказал: «Я Долгожив, сын царя Долгоскорба Козальского. Ты причинил нам много зла, ты отнял у нас стада и обозы, землю, казну и умертвил отца и мать моих. Теперь настало время удовлетворить жажду мести».

Проснувшись, царь увидел занесенный над ним меч. Но юноша медлил... Царь воскликнул:

– Почему же ты медлишь?

И Долгожив рассказал ему о последних словах своего отца. Тогда царь Брамадатта припал к ногам юноши и сказал:

– Даруй мне жизнь, сын мой Долгожив!

– Как могу я даровать тебе жизнь, о царь! Ты, царь, должен даровать мне жизнь!

– В таком случае, даруй ты мне жизнь, сын мой Долгожив, а я дарую жизнь тебе.

И даровали царь Брамадатта и юноша Долгожив жизнь друг другу, подали друг другу руки и поклялись никогда не причинять один другому зла. И царь Брамадатта сказал:

– Сын мой Долгожив! Что хотел сказать тебе отец перед смертью, говоря: «Не смотри ни слишком далеко, ни слишком близко, потому что вражда не умиротворяется враждою, а напротив – не враждою»?

И юноша ответил:

– Мой отец хотел сказать этими словами вот что: не давай вражде долго длиться в своем сердце, не расходись слишком опрометчиво со своими друзьями, не руководствуйся в своих поступках мыслями из прошлого или будущего, а руководствуйся интересами настоящего. Слова же, сказанные отцом перед смертью: «Вражда не умиротворяется враждой, а, напротив, не враждой», означают вот что: ты, царь, умертвил моих отца и мать; если бы я захотел отнять у тебя жизнь, то те, кто предан тебе, отняли бы жизнь у меня. Так наша вражда не умиротворилась бы враждою. Теперь же, о царь, ты даровал мне жизнь, а я даровал тебе жизнь; вот не враждою и умиротворилась наша вражда.

Брамадатта воскликнул:

– Чудно! Удивительно! Как умно ты рассуждаешь!

После этого он отдал Долгоживу свою дочь в жены и вернул ему царство его отца.

Любопытство и Вера

Однажды некий бхакта (идуший путем Божественной Любви) хотел перейти море. У Вибхишаны, к которому он обратился за помощью, был пальмовый лист, на котором было написано имя Бога. Бхакта не знал об этом, Вибхишана сказал ему:

– Возьми это с собой и привяжи к краю одежды. Это даст тебе возможность в полной безопасности перейти через океан. Но смотри, не разворачивай листа, потому что, если посмотришь внутрь, то утонешь.

Бхакта поверил словам своего друга и в полной безопасности пошел по океану. Но, к несчастью, его постоянным врагом было любопытство. Он захотел посмотреть, что за драгоценную вещь, которая имеет такую силу, что он может идти по волнам океана, как по твердой земле, дал ему Вибхишана. Открыв, он увидел, что это пальмовый лист, на котором написано имя Бога. Он подумал: «Неужели это все? Такая пустяковая вещь дает возможность ходить по волнам?» Как только эта мысль возникла у него в голове, он погрузился в воду и утонул.

Освобождение

Шел однажды Нарада Муни в духовный мир к самому Шри Кришне давать отчет о проделанном преданном служении, как вдруг повстречал на пути почтенного брахмана. Узнав, куда направляется Нарада Муни, брахман попросил спросить Кришну, сколько же ему еще маяться в этом материальном мире и когда Кришна заберет его к себе. Также его очень интересовало, чем же занимается Господь в свободное время? Вскоре Нарада повстречал бедного сапожника, который, выразив ему свое почтение, попросил его узнать о том же, что и брахман.

Когда Нарада достиг своей цели, он принес многочисленные поклоны, сопровождаемые бесчисленными молитвами, и отчитался перед Господом. Но в конце он рассказал о просьбе брахмана и сапожника и спросил Господа, что им ответить. Господь подумал немного и сказал:

– Не могу сосчитать, очень много жизней предстоит прожить брахману.

– Почему, мой Господь, ведь он серьезно изучает Веды?

– Увидишь, просто скажи ему, что осталось жить две жизни, и сам поймешь. А сапожнику скажи, что я заберу его после стольких жизней, сколько листьев на дереве, под которым он сидит. И передай им, что я занимаюсь тем, что продаваю слона в игольное ушко, то туда, то обратно.

– Ты действительно так проводишь свое время? – удивился Нарада, никогда не видевший такого занятия Господа.

– Просто передай им это, и ты многое поймешь. Озадаченный Нарада поспешил воплощать поручение Господа, и когда он прибыл к брахману, то рассказал все, что слышал.

– Как две жизни?! Мне еще торчать в этом мире две жизни! И это несмотря на то, что я не ем и не сплю, совершаю аскезы, все читаю эти книги? Где справедливость? Куда смотрит Господь? Я тут кое-как эту одну жизнь доживаю. За что мне такое наказание?

– Также он просил передать, чем он занимается, – сказал Нарада, начинающий все понимать и улыбаясь. – Он в свободное время продает слона в игольное ушко.

– Да не может этого быть! Все это ложь! Что, Ему больше делать нечего? Сколько перечитал писаний, нигде такого не упоминается. Да и практической никакой пользы нет. О, бедный слон!

Он еще долго что-то говорил, но Нарада, улыбнувшись замыслу Господа, отправился дальше. Когда он рассказал сапожнику, чем занимается его Господь, тот изумился:

– Ну надо же! Как велик Господь! Это ведь так сложно, но он все равно способен сделать это, – возликовал он.

– Ты действительно веришь в это? – внимательно спросил Нарада, ведь сам он никогда не видел, как Кришна продает слона в игольное ушко.

– Да, – сказал сапожник, – никто не способен повторить замысел Господа. Только Он обладает безграничным могуществом и силой. Возможно ли поместить огромное дерево баньян в маленькое семечко? Нет! Но Господь делает это очень легко, посмотри. – И он показал на огромное дерево, под которым сидел.

– Но Он просил также тебе передать, что тебе жить в этом мире еще столько жизней, сколько листьев на этом дереве, – сказал Нарада.

– Какая удача! – закричал в восторге сапожник, вскочив и подняв руки. – Я вообще не достоин освобождения из этого мира, а ты принес мне эту удивительную новость, что я вернусь к моему Господу всего лишь за столько жизней! Это такая милость!

И как только он это произнес, все листья сразу же осыпались с этого дерева, и ни одного не осталось, даже самого маленького. Это была его последняя жизнь.

Право святых

Однажды индийский мудрец Нарада шел к месту паломничества – в храм бога Вишну.

На ночлег его приютила одна бездетная семья. Наутро хозяин обратился к Нараде с просьбой: «Ты собираешься в храм Вишну. Попроси его, чтобы он послал нам ребенка».

Нарада попросил Бога:

– Смилуйся над этим человеком и дай ему ребенка.

Бог ответил тоном, не допускающим дальнейшего обсуждения:

– Этому человеку не суждено иметь ребенка.

Нарада закончил молиться и вернулся домой.

Пять лет спустя Нарада вновь совершал паломничество и вновь переночевал у гостеприимных хозяев. На этот раз он увидел двух маленьких детей, игравших у порога хижины.

– Чьи это дети? – спросил Нарада.

– Мои, – ответил хозяин.

Нараде захотелось узнать всю историю, и человек рассказал:

– Пять лет назад, сразу после того, как ты ушел, в нашу деревню пришел один саньясин. Он переночевал в нашем доме, а утром, перед уходом, благословил меня и жену... И вот плоды его благословения».

Добравшись до храма, Нарада сразу же обратился к Богу:

– Ты говорил мне, что тому человеку не суждено иметь детей. Сегодня у него их двое!

Бог рассмеялся, услышав эти слова.

– Это, должно быть, проделки святого, – ответил он. – У святых есть право менять судьбу!

Прости людей

Однажды Прахлада ощутил Бога. Господь сказал ему, что он может попросить, чего хочет, и Он даст ему. Прахлада ответил:

– Если я вижу Тебя, чего мне еще желать? Господь повторил ему, что он может пожелать всего, чего хочет. И тогда Прахлада сказал:

– Если Ты хочешь сделать мне милость, прости людей, которые преследовали меня.

Рыба и Океан

В океане жила-была рыба, обычная рыба. Только однажды она слишком много наслышалась об Океане и решила, что должна потратить все силы своей жизни, но попасть туда.

Рыба начала обращаться к разным мудрецам, и, хотя многим из них нечего было сказать, они говорили всякую чепуху, чтобы поддержать свой авторитет гуру.

Так, одна мудрая рыба сказала, что достичь Океана очень и очень непросто. Для этого сначала нужно практиковать определенные позы и движения первой ступени восьмеричного пути безупречно двигающих плавниками рыб.

Другая рыба-гуру учила, что путь в Океан лежит через изучение основ миров просветленных рыб.

Третья учила, что постижение Океана очень и очень сложно, и только очень немногие рыбы когда-либо достигали этого. Единственный путь – это повторять все время мантру «Рам-рам-рам...», и только тогда откроется путь к Океану.

И как-то раз вконец уставшая от разнообразных поучений рыба поплыла в заросли водорослей. И там она встретила совершенно обыкновенную неприметную рыбу.

Услышав о нелегких исканиях, она так учила рыбу-искателя:

– Океан, который ты ищешь, всегда был, есть и будет рядом с тобой. Он всегда кормит, оберегает, окружает своих обитателей. И ты тоже являешься частью Океана, только ты этого не замечаешь. Океан и внутри тебя, и снаружи тебя, и ты – его любимая часть. А все рыбы – это волны этого великого Океана!

Язык Божественного

Изучавший санскрит ученый был очарован тем, как Мастер мелодично напевает стихи на санскрите.

– Я всегда знал, что нет на земле языка, более подходящего для выражения Божественного, чем санскрит!

– Не будь глупцом! – сказал ему Мастер. – Язык Божественного – не санскрит, а Безмолвие.

Суфийские притчи о Ходже Насреддине

Как Ходжа укротил гнев Тимурленга

Тимурленг, наводивший казнями ужас на румские земли, сзывал к себе, куда ни заходил, ученых и мудрецов и спрашивал: – Кто я – справедливый человек или тиран?

Если кто говорил: «Ты справедлив», – Тимурленг отсекал ему голову; но и тем, кто говорил: «Ты тиран», – он тоже рубил голову.

Задумались ученые и не знали, что делать. Но так как слава о ходже разнеслась повсюду, народ обратился к нему с мольбою:

– Сжался, Ходжа! Кроме тебя, нам не от кого ждать помощи. Сделай что-нибудь. Отведи меч тирана от невинных рабов божьих.

Ходжа сказал:

– Дорогие мои, хотя это и не так легко, как вы думаете, но праведный Бог – помощник угнетенных, и, может быть, благодаря силе ваших молитв мне что-нибудь удастся сделать.

Скрепя сердце он пошел ко дворцу Тимурленга. Тимурленгу сообщили, что явился Ходжа, который готов дать ответ на его вопросы. Когда Тимурленг задал Ходже свой обычный вопрос, Ходжа ответил:

– Нельзя сказать, что ты справедливый властитель или мятежный тиран. Мы тираны, а ты – меч правосудия. Всемогущий бог послал тебя на нас, тиранов, достойных наказания. Знаешь стих: «Господь, по милости, проявляет к тебе снисхождение и ласку. Но того, кто преступает заповеди, он делает посмешищем»?..

Говорят, что именно такого правильного ответа и ждал Тимурленг. Очень ему понравился Ходжа, и он сделал его своим приближенным; и все время, пока находился в Руме, не отпускал его от себя. Быть может, из уважения к Ходже и пощадил он Акшехир и его округу, да и Караман тоже. Так избавились эти города от меча Тимура и от грабежа его назойливых воинов.

Спасение ростовщика

Тонул ростовщик. Подбежавшие к нему люди кричали:

– Давай руку, а то утонешь!

Но он ничего не предпринимал. Тут подошел Ходжа Насреддин, улыбнулся и сказал:

– Что же вы делаете? Где это видано, чтобы ростовщик что-то давал? Нужно так...

И с этими словами он протянул ростовщику руку.

– На руку! – сказал он и, конечно, спас ростовщика.

За все надо платить

Прохожий увидел, что Насреддин кидает деньги в пруд, и спросил его, зачем он это делает.

Насреддин сказал:

– Я ехал верхом на осле. Он поскользнулся и стал сползать в сторону этого пруда, теряя равновесие и почти падая. Казалось, что от падения уже ничто не может нас спасти. Вдруг лягушки в пруду начали квакать. Это испугало осла, он встал на дыбы и таким образом спасся. Так разве лягушки ничего не должны получить за то, что спасли нам жизнь?

Лицо на подоконнике

Впав в нищету, Насреддин решил одолжить денег у богатого знакомого, которому он когда-то помог. Подходя к дому богача, Мулла заметил, как знакомое ему лицо мелькнуло в окне и скрылось. Насреддин постучал. Дверь открыл привратник.

– Хозяина нет дома, – ответил он на просьбу Насреддина принять его.

– Да ну? Тогда передай хозяину, когда он вернется, чтобы больше не оставлял свое лицо на подоконнике без присмотра. А то не ровен час – украдут, и тогда беды не оберешься!

Строптивый теленок

Однажды Мулла Насреддин поймал своего теленка и хотел его приласкать. Но теленок начал лягаться и убежал, и как ни старался Мулла, поймать его не мог. Выбившись из сил, он схватил палку и начал бить корову.

– Чем же она виновата, эта корова? – спросили у него.

– Именно она во всем и виновата. Если бы корова его не научила, то разве шестимесячный теленок умел бы лягаться и упрямиться? – ответил Мулла Насреддин.

Все зависит от погоды

Незнакомец зашел в магазин Муллы Насреддина за товаром и увидел на стене надпись: «Этот магазин будет закрыт двадцать восьмого августа по причине погоды». Поскольку было только пятнадцатое августа, человек спросил Муллу, как он может знать за столько дней, какая будет погода.

– Ну, – сказал Насреддин, – если будет небольшой дождь, я пойду на рыбалку. Если сильный дождь – я останусь, дома и буду работать своими инструментами.

– Но откуда вы знаете, что будет дождь? – спросил человек.

– Не имеет значения, будет дождь или нет, – ответил Насреддин. – Если будет солнце, я пойду на рыбалку или буду работать своими инструментами; так или иначе все зависит от погоды.

Надоело

Однажды Мулле Насреддину приснилось, что он был в раю. Красота вокруг! Тихая долина, птицы поют, солнце восходит – а он один и под деревом. Правда, вскоре он начал ощущать голод а вокруг – никого! Райское одиночество! Никто не мешает! Однако вскоре ему все это надоело, и он крикнул:

– Эй! Уважаемые! Есть тут кто-нибудь?!

И явился к нему очень красивый человек и сказал:

– К твоим услугам, да буду я жертвой за тебя! Что ни прикажешь – все исполню!

Насреддин для начала попросил поесть, и вмиг все исполнилось. И чего бы он ни попросил – все вмиг исполнялось и в самом деле! Уж он наелся, напился, отоспался! Ну чего бы ему еще? Красивую женщину попросил, и вмиг доставили ему гурию – небесную деву. Кровать с лебяжьей периной – и была ему кровать!

И вот так продолжалось несколько дней. Но долго очень хорошо – уже нехорошо! И все было слишком хорошо, и всего слишком много. Долго вытерпеть он так не мог. Он стал

желать какого-нибудь несчастья, так как все было слишком уж прекрасно. Ему захотелось какого-нибудь напряжения, труда, так как за всю жизнь он не был без напряжения, без чего-либо, из-за чего люди переживают, печалятся. Все было просто невыносимо блаженно!

Тогда он позвал Того, кто исполняет желания, и сказал ему:

– Нет! Хватит! Это уж слишком! Мне бы какой-нибудь работенки. Знаешь, страшно надоело сидеть вот так – с пустыми руками.

И Тот, кто все исполняет, сказал ему:

– Я могу сделать все, кроме этого: здесь невозможна никакая работа. Я готов дать все, что только пожелает твоя душа. Да и зачем тебе работа?

Мулла сказал:

– Да надоело! Понимаешь?! Надоело! Уж лучше в ад отпустите, если здесь нет никакой работы!

Тот, кто все исполняет, смеялся до изнеможения и сказал, наконец:

– А где же ты, по-твоему, находишься?

Не знаю

Насреддин произносил проповедь, и кто-то задал ему каверзный вопрос.

– Не знаю, – ответил Насреддин.

– Зачем же в таком случае ты забрался на минбар? – не унимался слушатель, и Насреддин отрезал:

– Мои знания возвысили меня до минбара. Если бы я захотел взобраться на высоту своего невежества, то пришлось бы строить минбар до самого неба.

Проверка на глупость

Однажды Насреддин насобирал хворост, навьючил на осла и пошел домой, погоняя осла.

По дороге ему пришла мысль проверить, сухой ли хворост. Он разжег фитиль, поднес к хворосту, тот как назло вспыхнул как факел. Осел с испугу дал такого стрекача, что Насреддин не мог его догнать. Насреддин, уставший от погони, крикнул вслед ослу:

– Если у тебя есть капелька ума – беги к реке!

Свет для других

Однажды в чайхане Насреддин похвастался:

– Я вижу даже в полной темноте!

– Тогда почему вечерами ты шагаешь домой, освещая путь фонарем?

– Чтобы другие люди не сталкивались со мной.

Ходжа бежит в деревню

У Тимурленга было в обычае убивать всех, кто во сне беспокоил его.

Как только об этом узнал Ходжа, он быстрехонько собрал свой скарб и убежал к себе в деревню. Кое-кто начал ему говорить:

– Дорогой ты наш! Ведь только ты и можешь с ним ладить. Что бы ты ни сделал, что бы ни сказал, он на тебя не сердится. И землякам твоим от того польза. Зачем же побросал ты все и пришел сюда?

Ходжа отвечал:

– Когда он бодрствует, я, по милости Аллаха, могу принимать соответствующие меры против всякого его действия; но вот если я ему приснюсь во сне, то действовать так, как ему хочется, – это уж не в моих силах.

Время и результат

Однажды в чайхане какой-то пожилой человек начал навязчиво давать всевозможные советы Насреддину.

– Почему я должен поступать так, как ты мне говоришь? – спросил Насреддин.

– Потому что я тебя старше! – вскричал человек, оглаживая бороду.

Тогда Насреддин заметил:

– Насыщает не время, проведенное в чайхане, а количество съеденного плова!

Сложный вопрос

– Нет ничего такого, на что нельзя было бы ответить с помощью моего учения, – сказал монах, только что вошедший в чайхану, где сидел Насреддин со своими друзьями.

– И тем не менее совсем недавно один ученый задал мне вопрос, на который невозможно было ответить, – откликнулся Насреддин.

– Жаль, что меня там не было! Задай мне этот вопрос, и я отвечу на него.

– Пожалуйста. Он спросил: «Какого черта ты пытаешься пролезть ко мне в дом на ночь глядя?»

Страшное событие

В одной компании каждый рассказывал о том, что с ним случалось в жизни.

– А с тобой бывали какие-нибудь происшествия? – спросили у Муллы Насреддина.

– Одиннадцать дней корабль боролся с бурей, – начал рассказывать Мулла, – судно пошло ко дну. Люди, вещи – все до единой щепки потонуло. Более страшного события я не переживал.

– А как же ты спасся? – удивились все.

– А я не был на том корабле, потому и спасся! – ответил Насреддин.

Уроки музыки

Мулла Насреддин решил научиться играть на лютне.

– Первый урок будет стоить пять серебряных монет, Молла, – сказал учитель, – зато второй и все последующие – всего лишь по две монеты.

– Прекрасно, – воскликнул Насреддин, – я начну сразу со второго урока.

Истина или победа

– Мулла, пойдем быстрее! В чайхане собрались на диспут все мудрецы нашей страны! Неужели тебе не интересно посмотреть, кто победит в этом споре и кто знает истину?

– Что касается состязаний, то я предпочитаю петушинные бои или скачки, – ответил Насреддин. – В споре безрассудно спорящих не может родиться истина. Для этого им следовало бы прекратить любые диспуты – ведь истина говорит сама за себя. Но они ищут не истины, а лишь победы. Их спор будет разгораться все сильнее, и ни один из этих мудрецов не успокоится до тех пор, пока все остальные не будут повержены.

Рассказчик историй

Однажды Насреддина заметили сидящим у дороги. Он вел себя довольно странно: то смеялся, то становился серьезным; иногда делал какие-то странные жесты, а потом опять начинал смеяться. Проходящие мимо подошли к нему и спросили:

- Мулла, что тебя так забавляет?
- Смешные истории, – ответил тот. – Я рассказываю себе смешные истории. Прохожие удивились, но один из них спросил:
- Время от времени ты становишься очень серьезным. Почему?
- Это случается тогда, когда попадается история, которую я уже слышал.

Сначала сами попробуйте

Однажды Мулла Насреддин, странствуя по свету, забрел в деревушку, где жили уж больно прижимистые люди. Мулла всеми правдами и неправдами старался раздобыть у них еды, но те прогоняли его прочь. Тогда Мулла притворился безумным и пошел по улочкам селения, выкрикивая:

– Хочу есть! Хочу есть! Дайте мне хлеба, сладостей и навоза! Дайте навоза, хлеба, шербета! Я съем все это! Дайте поесть!

Решив позабавиться, люди принесли все названное Муллой. Подталкивая друг друга локтями, они стали пересмеиваться:

– Давайте посмотрим, как этот безумный собирается съесть навоз в шербете – с хлебом или без?

Мулла съел все продукты, а к навозу не притронулся.

– Ты что это? – разочарованно спросили сельяне. – Ведь ты обещал съесть навоз!

– Да как-то подозрительно он выглядит! – ответил Насреддин. – Сдается мне, что вы его отравили! Сначала вы сами попробуйте – тогда и я не откажусь.

Ум жены

Мулле сказали:

– Жена твоя потеряла рассудок.

Мулла задумался.

– О чем ты думаешь? – спросили у него.

– У моей жены отродясь ума не было. Что же она могла потерять? Вот о чем я думаю, – ответил Мулла.

Друзья и враги

– Мулла, – спросили Насреддина, – почему друзья так легко становятся недругами? А вот врагов в друзей превратить гораздо труднее.

– Такова природа вещей, – отвечал Насреддин. – Подумайте сами, что легче: построить дом или разрушить его? Слепить кувшин или разбить? Заработать деньги или растратить?

– А трудно ли вернуть порушенную дружбу?

Мулла взял глиняный кувшин и бросил на пол. Кувшин разлетелся на крупные и мелкие черепки.

– А теперь склей его, – просто сказал Мулла.

Молитва детей

Однажды Мулла Насреддин увидел, как школьный учитель ведет группу школьников в сторону мечети.

– Зачем ты их туда ведешь? – спросил он.

– В стране засуха, – ответил учитель, – мы надеемся, что мольбы невинных не оставят Всемогущего равнодушным.

– Дело не в мольбах, – ответил Насреддин, – будь это мольбы невинного ребенка или закоренелого преступника. Все дело в мудрости и осознании.

– Как смеешь ты так богохульствовать в присутствии детей?! – воскликнул учитель. – Докажи то, что сказал, или тебя обвинят в ереси.

– Все очень просто, – сказал Насреддин. – Если бы дело действительно было в мольбах учеников, то в стране не было бы ни единого учителя, ведь больше всего на свете дети не любят ходить в школу. Причина, по которой ты смог пережить все эти молитвы, заключается в том, что именно мы – а взрослым виднее, чем детям, – позволяем тебе остаться на своем месте.

Награда и время

Насреддин решил искупаться в турецких банях. Так как он был одет в лохмотья, банщики дали ему старый таз и огрызок мыла. Уходя, Насреддин вручил изумленным банщикам золотую монету.

На следующий день великолепно одетый Насреддин снова появился в бане, где ему оказали, разумеется, самый лучший прием. После купания он дал банщикам самую мелкую монету и сказал:

– Это за прошлый раз, а золото вы получили за сегодня.

Сын в отца

Собрался Мулла Насреддин пообедать. Известно: кто любит деньги, тот любит только деньги. Поэтому Мулла приказал своему слуге:

– Неси на стол обед, а потом запри ворота и говори всем, что меня нет дома. Не люблю гостей!

Услышал эти слова сын Насреддина. А известно: у богатого отца сын часто нищ душой. Вот он и говорит:

– О, отец! А не лучше ли будет, если слуга сперва скажет всем соседям, что нас нет дома, потом запрет ворота и лишь после этого подаст обед?

Выслушал старый скупец юного скрягу, огорчился и в то же время обрадовался, засмеялся и одновременно заплакал:

– Когда на старости лет мой сын откажется меня кормить, утешительно мне будет сознавать, что сын мой пошел в меня!

Вор в доме Муллы

Однажды в дом к Мулле забрался вор. Жена с беспокойством сказала:

– Эфенди, у нас вор.

На что Мулла беззаботно ответил:

– Тс-с-с! Ты молчи. Может быть, он найдет что-нибудь подходящее, а отнять у него уже будет легко.

Компромисс

Однажды к Насреддину пришли несколько будущих учеников и попросили его почитать им лекцию.

– Хорошо, – сказал он, – следуйте за мной в лекционный зал.

Повинуясь приказу, все выстроились в цепочку и пошли за Насреддином, сидевшим задом наперед на своем осле. Сначала молодые люди были несколько смущены этим обстоятельством, но потом вспомнили, что они не должны подвергать сомнению даже самые невероятные поступки учителя. Однако, в конце концов, они уже не могли сносить насмешки обычных прохожих.

Почувствовав их неловкость, Мулла остановился и посмотрел на них. Самый смелый из

них подошел к Насреддину:

– Мулла, нам не совсем ясно, почему ты сидишь на осле задом наперед?

– Это очень просто, – сказал Насреддин. – Видите ли, если бы вы шли впереди меня, это было бы неуважением по отношению ко мне, а если бы я ехал спиной к вам, это было бы неуважением к вам. Таким образом, это единственно возможный компромисс.

Индюшка Муллы

Однажды Мулла встретил на базаре человека, продававшего попугая и спросил:

– Что это такое?

– Попугай, – ответили ему.

– Сколько он стоит?

– Пятьдесят монет.

Мулла, ни слова не говоря, вернулся домой, поймал индюшку и принес на базар.

– Мулла, – спросили его, – сколько ты хочешь за свою индюшку?

– Пятьсот монет.

– Ай, Мулла, – стали его урезонивать, – ты с ума сошел, что ли? Разве индюшка может столько стоить?

Мулла указал на продавца попугая:

– Он продает такую маленькую птичку за пятьдесят, вы же ничего не говорите, а я оценил в пятьсот монет индюшку величиной с целого барана, и вы меня еще упрекаете. Разве моя индюшка не в тридцать раз больше этого попугая?

– Но ведь это попугай, Мулла, – сказал один из присутствующих.

– Ну так что, а это – индюшка.

– Да, но попугай умеет говорить, как проповедник.

– Ну и что! Индюшка же всегда погружена в думы, как ученый. Что же, по-вашему, лучше?

Кувшин без дна

Однажды Насреддин, стоя у колодца, вливал ведро за ведром в кувшин, не имеющий дна. Ему обратили внимание на изъяс в сосуде, на что он резонно ответил:

– Я стараюсь наполнить кувшин. Для того чтобы увидеть, когда он будет полон, я не отрываю глаз от горлышка кувшина, а не от его дна. Когда я увижу, что вода поднялась доверху, я буду считать его полным. И может, тогда я заинтересуюсь дном кувшина.

Страх

Жестокий и невежественный правитель сказал Насреддину:

– Я повешу тебя, если ты не докажешь мне, что действительно обладаешь тем глубоким восприятием, которое тебе приписывают.

Насреддин сразу же заявил, что может видеть золотых птиц в небесах и демонов подземного царства. Султан спросил его:

– Как же ты можешь делать это?

– Кроме страха, для этого ничего не нужно, – ответил Мулла.

Ты кому больше веришь?

К Насреддину пришел сосед и попросил одолжить ему ишака.

– Я его уже одолжил, – ответил Насреддин.

В этот момент в сарае раздался ослиный рев.

– Но я слышу ослиный рев, – сказал сосед.

– Кому ты больше веришь: мне или ослу?

Если Богу будет угодно

Беседуя ночью с женой, Ходжа сказал:

– Если завтра утром будет дождь, я пойду за дровами, а не будет дождя – буду пахать.

– Прибавь: если Богу будет угодно, – заметила жена. А Ходжа сказал:

– Ну что там! Либо этак, либо так, без работы не буду, что-нибудь да уж сделаю.

Когда утром вышел он за город, ему повстречались сипахи (воины в Османской империи).

– Эй ты, дяденька, – крикнули они ему, – поди сюда! Как проехать туда-то?

– Не знаю, – беззаботно сказал Ходжа.

А грубые сипахи, не дав Ходже опомниться, ударили его несколько раз.

– Ах ты, такой-сякой, – закричали они, – марш вперед, веди нас! – и погнали его вперед.

Под дождем, в грязи, Ходжа довел их до города. А сам в полночь, избитый, усталый, полуживой, подошел к своему дому и начал стучать:

– Кто там? – спросила жена.

– Открой, жена, это я, если Богу будет угодно, – про бормотал Ходжа.

Скупцы

Несколько человек приготовили в складчину еду и сели поесть. Тут как раз подоспел Насреддин и говорит:

– Мир вам, о скупцы!

– Зачем возводишь на нас напраслину? – спросил один из них. – Слава Аллаху, никто из нас не скряга!

– Если этот человек говорит правду, – воскликнул Насреддин, – то прости меня, о Боже, за напраслину!

Потом он уселся в их круг и стал есть за двоих, но никто не посмел и пикнуть.

Возвращение

Жена Муллы Насреддина была больна, и ее прооперировали. Несколько дней назад она вернулась из больницы, Кто-то из соседей спросил у Насреддина:

– Ну, как твоя жена? Она уже вернулась из больницы?

– Нет, она все еще говорит о ней.

Уважение с завтрашнего дня

Как-то Эмир спросил Насреддина:

– Послушай, кого ты уважаешь больше всего на свете?

– Тех, кто расстилает передо мной богатый достархан и не скупится на угощение.

– Приглашаю тебя завтра на угощение! – тут же вскричал Эмир.

– Ну, тогда я и вас начну уважать с завтрашнего дня!

Внимательный слушатель

– Мулла, – обратился правитель к Насреддину, приглашенному на прием, – как ты посмел заснуть, когда я начал рассказывать такую чудесную историю?

– Я не спал, о повелитель, я слышал каждое слово!

– Врешь, негодяй! Ведь я приказал своим людям тихонько отнести тебя в соседний зал,

а затем вновь занести на место, когда закончится история.

– Если я спал, как же я мог слышать все, что вы рассказали?

И тут Мулла начал подробно пересказывать историю, рассказанную правителем. Тот был настолько удивлен, что пожаловал Насреддину халат со своих плеч.

– Мулла, как тебе это удалось? – спросил его приятель.

– Ну, честно говоря, по лицу и голосу правителя я сразу понял, что он собирается рассказывать эту старую скучную длинную повесть. Тут я и решил полчасика вздремнуть.

Приметы глупца

Однажды Мулла Насреддин шел по дороге в Бухару. В попутчики ему достался беспокойный и болтливый человек. Он задавал Мулле вопросы и, не дожидаясь ответов, сам находил их, рассказывая случаи из своей жизни, а чаще – из жизни знакомых его знакомых. Мулла все больше помалкивал, и скоро говорил только его попутчик:

– Царям не стоит охотиться с соколами, лучше с беркутами, беркут легко берет ягненка... Ягненка надо готовить с особой травкой. Мой родич, повар при дворе шаха в Бухаре, говорил, что эта приправа обостряет ум. Я мог бы стать советником шаха – так часто я ел это жаркое! А ведь шаха окружают одни глупцы... Кстати, как распознать глупца?..

– По двум приметам, – вдруг вновь заговорил Насреддин. – Глупец много говорит о вещах, для него бесполезных, и высказывается о том, о чем его не спрашивают.

Ты бы про Ходжу спросила

Однажды Ходжа, будучи софтой (слушателем медресе), отправился в деревню для сборов. Во время проповеди в мечети зашла речь об Иисусе – да будет над ним мир! – и Ходжа заметил, что он находится на четвертом небе. Когда он выходил из мечети, к нему подошла старушка и сказала:

– В твоей проповеди меня очень заинтересовало одно место. Ты сказал, что Иисус – да будет над ним мир! – находится на четвертом небе. Голубчик мой! Что же он там кушает и что пьет?

Ходжа рассердился и закричал:

– Ах ты, дерзкая! Вот уж месяц, как я в вашей деревне, ты бы лучше спросила, что кушает и что пьет бедняжка Ходжа. А ты вздумала спрашивать меня о великом угоднике, залитом сиянием милостей на предвечном пиршестве на четвертом небе.

Вверх дном

На одном собрании зашла речь о падении нравов.

– Если так пойдет и дальше, мир перевернется вверх дном! – воскликнул один из присутствующих.

Не успел он закончить, как Насреддин заметил:

– Как знать, а может быть, дно окажется лучше верха!

Равновесие мира

У Муллы спросили:

– Отчего это, когда наступает утро, один человек идет в одну сторону, а другой – в другую?

– Если бы все пошли в одну сторону, – разъяснил Мулла, – нарушилось бы в мире равновесие, и мир бы перевернулся.

Узнавание

– Мулла! Мулла, скорее идем со мной, – сосед Насреддина вне себя от восторга схватил его за руку и потащил из дома. – Приехал такой-то и такой-то! Видишь ли, идет молва, что он наимудрейший, и прославленный, и...

– Что ж, пойдём, посмотрим на наимудрейшего, – согласился Мулла.

Они пришли в чайхану. Мудрец важно восседал на почетном месте и слушал хвалебные речи собравшихся вокруг него. Он едва обратил внимание на вошедших.

– Вот он, Мулла, видишь! – зашептал Насреддину на ухо его приятель. – Такой важный, даже и не заметил нас! Ты никогда раньше его не встречал?

– Много раз, – сказал Насреддин, – ведь он глупец. А глупцов я повидал в своей жизни немало.

– Быть того не может! Наимудрейший – и вдруг глупец! Откуда ты знаешь?

– Мудрый всегда узнает глупца, ибо когда-то и сам был глупцом, – ответил Насреддин.

– Но глупец никогда не узнает мудреца, ибо сам мудрым никогда не был.

Ей нужнее, чем мне

Однажды Мулла принес домой кусок мыла и попросил жену выстирать ему рубашку. Едва она намылила рубашку, как вдруг появилась огромная ворона, схватила кусок, улетела прочь и уселась на ветке. Женщина подняла невероятный крик. Мулла выбежал из дома.

– Что случилось, дорогая моя?

– Я только собралась постирать твою рубаху, как прилетела большущая ворона и стащила мыло!

Мулла был абсолютно спокоен.

– Посмотри-ка на цвет моей рубашки и на оперение вороны. Ее нужда, несомненно, больше, чем моя. И очень хорошо, что она смогла получить мыло, хотя бы и за мой счет.

Мясо ест мясо

Мулла Насреддин прогуливался со своими учениками по базарной площади. Вдруг он заметил, что ученики уставились на большое блюдо с кусками поджаренного мяса, стоящее перед дородным важным купцом. Мулла ничего не сказал, а лишь спокойно наблюдал, как очарованные запахами ученики поедают глазами блюдо. Так кошка могла бы караулить мышь.

Купец приступил к трапезе. Он схватил толстыми пальцами большой кусок мяса и вгрызся в него с жадностью тигра. Сок брызнул в разные стороны, жир стекал по подбородку купца и его рукам, капая на дорогое платье. Взор его был устремлен только на мясо, и он вряд ли замечал орнамент на блюде, который оценил Насреддин.

Ученики со стыдом и отвращением отвели взоры от этого зрелища и встретили взгляд своего учителя, о котором совсем забыли на время. Они ждали упреков, но Насреддин смеялся.

– Вот чудное зрелище, – сказал он, – мясо, поедающее мясо. Но существует нечто страшнее увиденного вами: когда мясо, которое даже и не вам принадлежит, начинает пожирать вас самих.

Убедительное молчание

Придворный мудрец произносил на городской площади речь о тщете всего земного. Он говорил, что на пороге смерти человек не возьмет в мир иной ни полушки, поэтому следует быть щедрым, и призывал к пожертвованиям на благо родины. Потом мудрец отправился на пир во дворец правителя. Там он увидел, что правитель отличил и наградил другого мудреца. Он был потрясен и неожиданно умер от удара.

– Такой светоч премудрости угас! – сетовали люди. – Такой родник красноречия иссяк! А ведь еще вчера он так прекрасно говорил о тщете всего земного!

– Да, – согласился Мулла Насреддин, – вчера он был очень красноречив. Но сегодня его молчание выглядит еще убедительнее!

А чей это был выстрел?

Ярмарка была в полном разгаре, и старшие ученики Насреддина спросили, будет ли им и их товарищам позволено посетить ее.

– Конечно, – сказал Насреддин, – ведь это идеальный случай продолжить практическое обучение.

Мулла направился прямо в тир, одно из самых привлекательных мест на рынке: здесь выдавался большой приз даже за одно попадание в мишень. При появлении Муллы и его паствы жители города столпились вокруг них. Когда же сам Насреддин взял лук и три стрелы, напряжение толпы возросло. Сейчас они наверняка увидят, как Насреддин перехитрит сам себя...

– Следите за мной внимательно.

Мулла согнул лук, сдвинул шапку на затылок, как это делают солдаты, тщательно прицелился и выстрелил. Стрела пролетела очень далеко от цели. Толпа осыпала его градом насмешек, а ученики Насреддина неловко переминались с ноги на ногу и перешептывались между собой. Мулла повернулся к ним.

– Тихо! Это была демонстрация того, как стреляет солдат. Он часто не попадает в цель. Вот почему он проигрывает войны. В тот момент, когда я стрелял, я отождествился с солдатом. Я сказал себе: «Я – солдат, стреляющий по врагу».

Он поднял вторую стрелу, вложил ее в лук и быстро спустил тетиву. Стрела упала близко, наполовину не долетев до цели. Наступила мертвая тишина.

– Сейчас, – сказал Насреддин собравшимся, – вы видели выстрел человека, который полон желания стрелять и который тем не менее, промахнувшись при первом выстреле, слишком нервничает, чтобы он мог сконцентрироваться. Стрела не долетела.

Даже владелец тира был очарован этим объяснением. Мулла с безразличным видом повернулся к мишени, прицелился и пустил стрелу. Она попала в самое яблочко. Тщательно обследовав имеющиеся призы, он выбрал один, который больше всего ему понравился, и собрался уйти прочь. Толпа разразилась криками протеста.

– Тихо! – сказал Насреддин. – Пусть кто-нибудь один спросит меня то, что все вы, кажется, хотите узнать.

Мгновение никто ничего не говорил. Затем вперед неуклюже протиснулся один деревенский простофиля.

– Мы хотим знать, который же из вас сделал третий выстрел?

– Этот? О, это был я.

Стоит ли зазнаваться

Случилось как-то Мулле Насреддину обратиться к каймакаму. Возмущенный чванливостью этой чиновной особы, Мулла Насреддин не стерпел:

– С чего это, любезный, ты так зазнаешься, кто ты такой?

– Будто не знаешь, я – каймакам!

– Ну, хорошо, а потом кем станешь?

– Губернатором!

– Ну, а дальше?

– Министром.

– А еще кем?

– Садразамом.

- А дальше?
- Никем.
- А я уже сейчас никто. И стоит ли так зазнаваться?

Какое суждение правильное?

Как-то раз Мулла Насреддин говорит своей жене:

- Пойди и принеси немного сыра. Он укрепляет желудок и возбуждает аппетит.
 - У нас дома нет сыра, – ответила жена.
 - Вот и хорошо, сыр расстраивает желудок и расслабляет десны, – сказал Мулла.
- Жена с удивлением спросила:
- Какое же из этих двух противоположных суждений правильное?
 - Если в доме есть сыр, то первое, если нет – второе, – ответил Насреддин.

С другими, как с собой

Один мудрец сказал Насреддину:

– Каждый человек должен вести себя так, как он хочет этого от других. Сердце твое должно желать для других того же, чего оно желает себе.

Мулла ответил:

– Одна птица лакомилась ядовитыми ягодами, не причинявшими ей никакого вреда. Однажды она собрала немного этих ягод и угостила ими свою подружку лошадь...

Божественная воля

У Ходжи спросили:

- Что ты скажешь о совершенстве божественной воли?
- С тех пор как я себя помню, – сказал Ходжа, – случается постоянно то, что говорит Господь Бог. А если бы сила была не в руках Господа, когда-нибудь да исполнилось бы и то, что я говорю.

Кошка и собака

Однажды ночью Мулла Насреддин со своей женой сидели у огня. Ночь была холодная. Мулла читал свою газету, а его жена что-то вязала. Кошка и собака тоже отдыхали у огня, дремля и наслаждаясь теплом.

Вдруг жена сказала:

- Насреддин, посмотри на кошку и собаку, как мирно они живут друг с другом. Почему мы так не умеем?
- Почему мы так не умеем? Привяжи их друг к другу и посмотри, что получится.

Бегство целого племени

- Когда я был в пустыне, – сказал однажды Насреддин, – я заставил бежать целое племя наводящих ужас кровожадных бедуинов.
- Однако как вы это сделали?
- Легко. Просто я побежал, а они побежали за мной.

Скажи мне, кто твой друг

Сын Муллы Насреддина хвастался однажды, утверждая, что у него сто друзей. Молодой человек был уверен, что каждый из этих ста человек не бросит его в трудную

минуту, так как зовется его другом. Тогда мудрый Мулла спросил: «А уверен ли ты, сын мой, что эти люди – твои друзья?» На что получил ответ сына: «Да!» В свою очередь Мулла предложил юноше проверить дружбу на прочность.

– Возьми мешок, набей его травой, – велел он сыну.

После того как мешок был подготовлен, последовало следующее указание отца:

– Обойди всех своих друзей по очереди, говоря каждому, что ты попал в беду. Скажи, что от твоей руки погиб человек и его тело сейчас находится в мешке. Попроси каждого из своих друзей помочь тебе избавиться от тела.

И молодой человек, взвалив мешок на плечи, вышел из дома. По истечении некоторого времени он вернулся. На лице его читалась обида и разочарование.

– Что случилось? – спросил Мулла.

– 90 из моих друзей закрыли дверь перед моим носом, едва услышав о теле в моем мешке! – сообщил раздосадованный юноша.

– Понятно, – покачал головой Мулла. – Эти 90 из 100 не являются твоими друзьями. Они не помогут тебе в трудную минуту. Но что же сказали остальные 10?

– 9 из оставшихся согласились помочь мне закопать мешок с телом и готовы были отправиться со мной рыть могилу, – сказал юноша.

– А что же сказал последний? – спросил Мулла.

– Он сказал: «Отдай мешок мне, я закопаю тело. А сам ты отправляйся спать. Не волнуйся, все будет хорошо».

– Понятно, сын мой, – вновь покачал головой Мулла, – 90 из 100 не твои друзья, 9 – друзья наполовину и лишь один из сотни – твой настоящий друг.

Игра воображения

Шел однажды Насреддин по пустынной дороге и вдруг увидел вооруженных воинов на лошадях, приближавшихся к нему. У Насреддина тут же разыгралось воображение, и он уже увидел себя связанным, избитым, прикованным к коню и волочащимся за воинами по пустынной дороге.

Не желая испытывать судьбу, Насреддин рванул с дороги в сторону, чтобы спрятаться, но поскользнулся, покатился в грязную канаву и больно стукнулся головой. Когда он очнулся, то увидел, что спешившиеся воины обступили его, и один из них спросил:

– Что делаешь здесь в канаве? Может, чем помочь?

Насреддин почесал ушибленный затылок:

– Если возник вопрос, то это еще не значит, что на него существует прямой ответ. Все зависит от вашего мировоззрения. Но если вы настаиваете на ответе, то скажем так: я здесь из-за вас, а вы здесь из-за меня.

На море и на суше

Однажды на море начался сильный шторм. Парусное суденышко бросало из стороны в сторону. Пассажиры, сбившись в кучу, стали молить Аллаха о спасении. А Мулла Насреддин, забравшись в укромный уголок, преспокойно покуривал трубку.

Наконец буря утихла, опасность миновала, и судно пришвартовалось к берегу.

– Послушай, Мулла, неужели ты не боялся, когда мы все дрожали от страха? – полюбопытствовал один из пассажиров.

– А чего бояться?

– Как чего, разве ты не видел, что во время шторма от нас до смерти было рукой подать?

– Верно, но разве этого не бывает на суше? – ответил, смеясь, Насреддин.

Бывает хуже

В одном собрании заспорили, что на свете для человека хуже всего. Кто говорил – болезни, кто говорил – смерть, кто говорил – бедность... Много всякого было сказано. Спросили у Насреддина:

– А ты, Мулла, что думаешь?

– Плохо, когда не сбывается то, чего хочешь, – ответил Насреддин. – Но кудахуже, когда сбывается то, чего не хочешь, – подумав, добавил он.

Ваша правда

Однажды, во время пребывания Насреддина при дворе, король пожаловался на то, что его подданные лживы. Насреддин сказал:

«Ваше величество, истины бывают разные. Прежде чем люди смогут использовать относительную истину, им необходимо практически познать реальную истину, но они всегда пытаются делать все наоборот. В результате люди слишком бесцеремонно обращаются со своими же искусственными истинами, подспудно чувствуя, что это не более, чем выдумка».

Все это показалось королю слишком сложным. «Вещи должны быть или истинными или ложными. Я заставлю людей говорить правду, и с помощью этого они приобретут привычку быть правдивыми». На следующее утро перед открытыми городскими воротами красовалась виселица, которую окружали гвардейцы короля во главе с капитаном. Глашатай объявил:

«Каждый, кто войдет в город, должен прежде всего правдиво ответить на вопрос капитана королевской гвардии». Насреддин, поджидавший снаружи, вошел в город первым.

Капитан спросил:

– Куда ты идешь? Говори правду, иначе тебя повесят.

– Я иду, чтобы быть повешенным на этой виселице.

– Я не верю тебе!

– Прекрасно. Если я солгал, – повесь меня.

– Но это будет означать, что ты сказал правду.

– Вот именно, – сказал Насреддин, – вашу правду.

Слова

Однажды некий дервиш загородил Молле дорогу и стал читать ему касыду. Молла выслушал ее, и, как только касыда кончилась, он хотел идти дальше.

– Молла, – сказал дервиш, – дай мне что-нибудь.

– Пожалуйста, приходи завтра, – ответил Молла, – и получишь.

На следующий день дервиш поймал Моллу на базаре:

– Давай деньги.

– Какие деньги? – спросил Молла.

– Обещанные вчера.

– Я не помню, за что обещал тебе вчера деньги.

– Я прочел тебе касыду, и ты обещал мне деньги.

– Дал ты мне какую-нибудь вещь или нет? – спросил Молла.

– Нет, никакой вещи я тебе не давал, – ответил дервиш.

– Ты только прочел касыду?

– Да, только прочел касыду.

– Ты прочел мне слова, и я тебе дал слово. При чем тут деньги? Другое дело, если бы ты дал мне какую-нибудь вещь. А за слова и получил слова.

Ах и ох

Однажды шел Ходжа Насреддин по базару и встретил своего земляка. Тот чуть не плакал. Насреддин подошел к нему с вопросом, отчего он так печален. И тогда бедняга рассказал Ходже, что нанялся работать к богатому купцу. Трудился у него честно и усердно, а когда пришла пора расплачиваться за работу, хозяин велел ему поймать и наказать ветер, который сбил с его любимого дерева все персики. Когда выполнишь эту задачу, сказал, тогда и заплачу тебе. Не смог слуга поймать легкий ветерок... Так и ушел без денег.

– Эх, – сказал Насреддин, – да это ж известный в городе скряга! Всех своих работников он держит до тех пор, пока те не начинают требовать заработанные деньги. Тогда он дает слуге поручение, которое невозможно выполнить, а потом выгоняет беднягу в три шеи. Посочувствовал Насреддин своему земляку и решил отомстить богатому скряге, проучить его. Пришел к нему.

– Хочу, – говорит, – господин, к тебе на работу наняться.

Сговорились на три месяца. Работал Насреддин эти три месяца не за страх, а за совесть, а когда срок к концу стал подходить, явился к хозяину за заработанным.

– Я расплачусь с тобой сегодня же, но при условии, что ты выполнишь мое последнее поручение, – сказал хозяин. – Выполнишь – деньги твои, не выполнишь – пеняй на себя.

– А что мне надо сделать? – осведомился Насреддин, давно уже ждавший этого приказания.

– Пойди-ка на базар и принеси мне ах и ох, – ухмыльнулся богач, очень гордый своей выдумкой, в полной уверенности, что даже Насреддину не под силу такая задачка.

– Хорошо, господин, – ответил наш хитрец.

Но пошел вовсе не на базар, а в рощу за городом. Поймал там скорпиона и фалангу, посадил их в кошелек и довольный вернулся домой к хозяину. Потирая руки и хихикая, скряга спросил Насреддина:

– Ну, ты купил то, что я просил?

– А как же, господин, – ответил тот почтительно.

– Так, где же это?

– Здесь, – сказал Насреддин и подал хозяину кошелек. Скряга засунул руку в кошелек, и скорпион тут же ужалил его.

– О-о-ох! – во весь голос завопил скряга.

– А еще поглубже в кошельке и ах найдется, – усмехнулся Насреддин.

Так и пришлось богачу своими распухшими от укусов пальцами отсчитывать Насреддину его жалованье.

Каверзный вопрос

Мулла Насреддин сидел в чайхане с друзьями. Туда зашел один человек, который завидовал способности Моллы находить ответы на неожиданные вопросы. Он решил опозорить Муллу перед друзьями, задав ему каверзный вопрос, на который тот не сможет сразу найти с ответом.

– Мулла, а Мулла, скажи, веришь ли ты, что наш мир создан Богом?

– Да, – просто ответил Мулла.

– Хорошо, – тут человек достал из кармана орех, а с блюда взял финик и положил их перед Муллой.

– Так растолкуй же мне, почему божественное провидение сделало у финика съедобной наружную часть, а у ореха – внутреннюю. А?

– Божественное провидение, – сказал Насреддин, задумчиво доедая финик, – заботится не о том, как будет съедено созданное им. Божественное провидение заботится о сохранении созданного навечно, – продолжил Молла, доедая орех.

Спор Ходжи и дехри

Когда Тимурленг был в Акшехире, пришел в город дехри (философ-материалист) и объявил:

– Я хочу предложить вопросы. Если есть у вас искусные ученые, давайте устроим состязание.

Тимурленг собрал именитых граждан города и сказал:

– К нам пришел со стороны ученый и хочет состязаться с вами в науках естественных и материалистических. Он странствует, ходит по всему свету. И если вы не выставите против него человека, ум которого постиг различные науки, он повсюду расславит, что в Руме ученый люд иссяк и исчез, а это поведет к умалению нашего достоинства среди государств и народов.

Старейшины города устроили совещание и сперва хотели было с сожалением признаться, что, действительно, у них ученых нет, но потом подумали: «Нет, так не годится, нужно найти выход из положения и спровадить эту погань». Они решили вызвать ученых из Коньи, Кайсери, но кто-то заметил:

– Звать ученых со стороны – на это потребуется много времени, и этим мы только обнаружим собственное ничтожество, да это и унизит нас среди жителей нашего города. Говорят ведь: «Умный совет идет от дураков». Давайте узнаем, как смотрит на это наш ученый Ходжа. Может быть, он что-нибудь придумает, и мы сплавим этого чужака, который нашего языка не знает.

Все нашли это предложение удачным и, позвав Ходжу, рассказали ему, в чем дело.

– Ладно, – заметил Ходжа, – вы предоставьте это мне. Если я утихомирю его метким ответом – великолепно; а нет, так вы скажете: «Это – человек тронувшийся, дувана, и сам залез сюда на собрание». И выставите против него другого, ученого человека. Только если будет мне удача – от всех вас я желаю подарочек. Благоволение государя в счет нейдет.

– Голубчик Ходжа, – закричали старейшины, – ты только не посрами нас, а уж там, что ни пожелаешь, все для тебя сделаем.

В назначенный день на площади города были разбиты палатки, и эмир Тимурленг со свитой, все одетые в золото, разукрашенные, величавые, предстали в военных доспехах и оружии. Потом явился и дехри, растрепанный весь, чудной, и уселся около Тимурленга. Когда все собравшиеся расселись, стали поджидать Ходжу. Вот, наконец, пришел и ходжа с громадным сарыком на голове; на нем надет был биниш с широкими рукавами; позади шли Хаммад и другие его ученики. Ходжу посадили по правую руку государя.

Выпили шербет, и, когда передохнули, выступил вперед дехри и торжественно очертил круг, потом, как бы требуя от ходжи ответа, взглянул ему в лицо. Ходжа поднялся и, проведя как раз посередине круга черту, разделил, таким образом, круг на две части и тоже посмотрел на дехри. Потом провел еще черту, перпендикулярно к первой, и разделил круг на четыре равные части. Делая знак рукой, он три раза как бы тянул к себе, а одну часть как бы отталкивал в сторону дехри и опять посмотрел на него. Дехри знаком одобрил решение Ходжи, давая понять, что он знает эту задачу. Потом дехри сложил руку в виде распустившегося тюльпана и несколько раз поднял пальцы кверху. А ходжа сделал наоборот и, держа ладонь книзу, опустил пальцы; дехри опять согласился. Наконец, дехри указал на себя и, изображая пальцами, как будто это ходит зверь по земле, провел себе по животу, как будто оттуда что-то выходит. А Ходжа достал из кармана яйцо и, показав его, начал махать руками, изображая, что он летит. Дехри одобрительно закивал. Он встал и, склонив почтительно перед Ходжой голову, поцеловал ему руку и поздравил государя и вельможей города, что среди них находится такое «чудо времени».

Присутствовавшие на собрании были очень обрадованы исходом, и со своей стороны тоже поздравили Ходжу, избавившего их от срама. Все начали подносить ему в подарок деньги, заранее приготовленные на всякий случай, кто-то пообещал дать после; Тимурленг тоже осыпал ходжу драгоценными дарами.

Когда все разошлись, падишах, приближенные и вельможи города отозвали дехри в сторону и через переводчика сказали ему:

– Из ваших знаков мы ничего не поняли. Что вы говорили Ходже и что он такое вам ответил, что вы признали это соответствующим истине?

Дехри объяснил:

– Между учеными греческими и учеными еврейскими существует разногласие о сотворении мира. Так как мнение мусульманских ученых об этом мне неизвестно, я очень хотел узнать истину. Поэтому я изобразил шаровидность земли. Ходжа мало того, что подтвердил это, – он еще линиями, проведенными им, разделил землю на северное полушарие и на южное полушарие. Потом он провел еще линию, перпендикулярно к первой, и три части потянул в свою сторону, а четвертую – ко мне; он хотел сказать, что три части земного шара – вода, а одна четверть – суша: так он объяснил «семь климатов» земли. Потом, чтобы обследовать тайны создания и творения, я поднял пальцы кверху, указывая на растения, деревья, источники, рудники. А Ходжа, наоборот, опустил пальцы книзу и тем, согласно последним изысканиям ученых, правильно объяснил мне, что все это – благодаря дождям, изливающимся с неба, от действия солнечного света и прочих высших небесных тел, и что так рождаются и произрастают на земле творения. Тогда, показывая на себя, я говорил, что творения, возникающие на земле, размножаются путем дифференциации частей; при этом я, по-видимому, о значительной части одушевленных предметов выразился неясно. А Ходжа достал из кармана яйцо и, делая рукой движения, как будто он летит, намекнул на летающих тварей. Таким образом, кратко, но вразумительно он высказался о создании мира и о многочисленности человеческого рода. Из этого я понял, что ваш ученый действительно гений, обладающий знанием наук небесных и земных, или, иными словами, наук осязаемых и реальных. И вы можете гордиться, вы, его земляки и соотечественники, таким ученым знатоком естественных наук.

Проводив дехри с почестями и подарками, все окружили теперь Ходжу и стали расспрашивать также его. Ходжа сказал:

– Ну что там говорить! Это человек больной, жадный, голодный, как собака. Вы-то наговорили мне про него, что он ученый, и только напрасно взволновали меня. Я пришел; как вы видели, он очертил рукой круг, – он подумал: «Ах, вот если бы был поднос с пирожками!» Я сперва разделил поднос надвое, по-братски; смотрю, а он и в ус не дует. Тогда я разделил на четыре части: три части взял себе, а одну часть дал ему. Бедняжка согласился и закивал головой, как бы говоря: «Мне и этого довольно», – хотя на самом деле он хотел больше. Потом он сказал: «Вот если бы изготовили плов, мы бы покушали!» А я прибавил: «Да, но нужно сверху посыпать сольцы, положить перцу, фисташек, изюму и так далее». Так мы разрешили и этот вопрос. Потом он показал себе на живот, а рукой показал, что он пришел издалека и давно уже не кушал ничего вкусного. А я сказал ему, что я еще более проголодался, чем он: от пустоты в желудке я так потерял в весе, что могу летать, как перышко. Встал я утром, и жена всего-то и дала мне яичко. А тут вы пришли за мной, и я не успел съесть даже яйцо и положил его про запас в карман. Вот и все.

Присутствующие, вспоминая изречение «Что я спросил у тебя? А ты что понял? Удивительная история!», изумились тому, как, несмотря на разность восприятия, вопросы и ответы удовлетворили обе стороны.

Три вопроса

Заморский государь прислал к правителю Бухары трех мудрецов, желая доказать, что его мудрецы – самые мудрые. Они стали задавать правителю и придворным совет – никам вопросы, на которые никто не мог ответить. Правитель не знал, что и делать. В замешательстве он приказал послать за Насреддином, умоляя его спасти честь отчизны.

Насреддин прибыл во дворец на своем сером длинноухом ослике.

Мудрецы восседали на помосте в тени, попивая шербет и презрительно поглядывая вокруг. Когда подъехал Насреддин, они чуть не покатались со смеху – мол, и этот простофиля будет тягаться с нами!

– Эй, неуч, ответь-ка, где центр Земли? – спросил первый мудрец.
– Центр Земли находится под правым задним копытом моего осла, – спокойно ответил Насреддин.

– Чем ты это докажешь?
– Коли не веришь, ступай и измерь Землю. И ты убедишься в моей правоте, – последовал ответ.

Мудрецы слегка присмирели и стали внимательнее присматриваться к Насреддину.
– А может, ты знаешь, сколько звезд на небе? – спросил второй мудрец.
– Конечно. Их число в точности совпадает с количеством шерстинок на шкуре моего длинноухого.

– Этого не может быть!
– Сочти все звезды на небе, а потом пересчитай шерстинки на моем ослике. Сравни результаты – и убедишься!

Два посрамленных мудреца, не смея более тягаться с Насреддином, опустили очи долу, но третий, будучи не в силах сдержать коварной улыбки, спросил:

– О, премудрый... погонщик осла! Ты прекрасно считаешь. Ответь же, сколько волосков в моей бороде? – И он огладил свою роскошную длинную бороду.

– В твоей бороде столько волосков, сколько в хвосте ишака, – Мулла указал на ослика.
– Если хочешь проверить, то лучше выдирай волоски: один – из своей бороды, а другой – из ишачьего хвоста. Ты скоро убедишься, что их количество одинаковое!

Удовольствие от покупок

Однажды Ходжа Насреддин отправился на базар и долго ходил взад и вперед вдоль прилавков, прицениваясь, но ничего не покупая. Рыночный стражник некоторое время наблюдал издали, но, в конце концов, обратился к нему с назиданием:

– Уважаемый, я вижу, денег у вас нет, вы лишь напрасно теребите торговый люд. Подай вам это и то, поменяй фасон и размер, взвесь и порежь, а выгоды купцу – ни на грош. Если бы я не знал, что вы – Ходжа Насреддин, подумал бы, что на рынке завелся воришка: ждет, пока купец отвернется, чтобы запустить руку в чужую кошну.

В ответ на это Ходжа вытащил из кармана кошель, полный золотых и серебряных монет, и молча подал его стражнику. Тот принялся извиняться. Насреддин жестом остановил его, показывая, что не в обиде, и сказал:

– Обычно я покупаю здесь на сумму столь незначительную, что выбирать товар долго не приходится. Но сегодня меня пригласил для беседы наш правитель Тимур, и, провожая до ворот, дал этот кошелек. Он сказал: «Милый Ходжа, я хочу, чтобы ты пошел на базар и купил что-нибудь такое, что способно доставить тебе маленькое человеческое удовольствие». Вот уже четвертый час я брожу здесь и выяснил за это время, что маленькое человеческое удовольствие можно получить лишь бесплатно – выбирая и прицениваясь. Но, заплатив деньги, немедленно его теряешь.

Туфли Насреддина

Мальчики решили унести туфли Насреддина. Когда он шел по дороге, они окружили его и сказали:

– Мулла, никто не может забраться на это дерево!
– Почему же никто? – сказал Насреддин. – Я покажу вам, как это сделать.

Он был уже готов скинуть туфли, но что-то подсказало ему не делать этого, и он заткнул их за пояс перед началом подъема. Дети пришли в замешательство, и один из них выкрикнул Мулле:

– Зачем ты берешь с собой туфли?
Мулла ответил:

– Раз на это дерево еще никто не забирался, то как я могу быть уверенным, что наверху нет еще какой-нибудь дороги?

Конец света

У Муллы был хороший баран. Повесы, сговорившись между собой, начали один за другим приходить к Мулле и говорить одно и то же.

– Мулла, завтра конец света, все мы умрем и отправимся на тот свет. Для чего тебе держать этого барана? Зарежь его в наш последний день, и мы вместе поедем шашлык.

Сначала Мулла не поверил, но когда к нему пришел и второй, и третий, он поверил, заколол барана и начал готовить шашлык. А повесы, сидя в сторонке под деревом, ждали угощения.

Мулла подслушал, что они беседуют о том, как провели его. Поняв, в чем дело, он позвал жену, чтобы та присмотрела за шашлыком, а сам подошел к гостям. Он собрал все их чохи, башмаки, кушаки и папахи и сказал:

– Погода меняется, вдруг пойдет дождь, они останутся во дворе, намокнут. Лучше отнести их в дом.

А гости, ничего не заподозрив, промолчали.

Мулла внес все их вещи в дом, быстро вышел из других дверей, побежал на базар и продал. На вырученные деньги Мулла купил барана, пригнал его домой и втолкнул в хлев вместо зарезанного.

Гости съели шашлык, поблагодарили Муллу и попросили свою одежду, чтобы одеться и уйти. Молла сказал:

– Друзья, вся ваша одежда отправилась на тот свет. Сколько я ее ни уговаривал: «Подожди, завтра уйдем все вместе», – она отвечала: «Раз твой баран ушел сегодня, то должна уйти и я».

– Мулла, что же нам теперь делать? – спросил один из гостей.

– Ничего, – ответил Молла, – ведь завтра все равно конец света, зачем же вам эта одежда?

Плата за знание

Один молодой и милостивый правитель пригласил Муллу Насреддина стать его советником. Юноша слушался советов Муллы, учился у него, и подвластные ему земли достигли процветания. А Мулла впервые в жизни стал получать большое жалованье.

Однажды жена Муллы спросила о чем-то, а Насреддин ответил: «Не знаю».

– Тоже мне, советник! – вспылила жена. – Правитель столько платит тебе за твои советы, а на мои вопросы только и ответ, что «не знаю»!

– Дорогая, правитель платит мне за то, что я действительно знаю. Если бы я получал плату за то, чего я не знаю, то всех богатств мира не хватило бы оплатить мое незнание.

В поисках совершенства

Однажды на базаре Мулла Насреддин столкнулся со старым другом. Тот как раз собирался жениться. Друг спросил Муллу, помышлял ли тот о женитьбе. Насреддин ответил, что много лет назад он решил жениться и стал искать совершенную женщину.

Вначале он отправился в Дамаск, где нашел исключительно красивую женщину, но вскоре обнаружил, что ей не хватает духовности. Затем он пошел в Исфахан, где встретился с женщиной высокой духовности и редкой красоты, но, к сожалению, отношения у них не сложились.

– И наконец, в Каире я нашел ее, – сказал Мулла. – Это была идеальная женщина: духовная, изящная, прекрасная, обаятельная. Одним словом, совершенство.

- Ты женился на ней? – спросил друг.
- Нет, – ответил Мулла. – К сожалению, она искала совершенного мужчину.

Мешок и счастье

Мулла Насреддин повстречал угрюмого человека, бредущего по дороге в город.

– Что с тобой? – спросил Мулла.

Человек показал ему потрепанный дорожный мешок и жалобно сказал:

– Все, чем владею я в бесконечно огромном мире, едва заполнит этот жалкий, негодный мешок!

– Да, плохо дело, – посочувствовал Мулла.

С этими словами он выхватил мешок из рук человека и пустился бежать прочь по дороге.

Потеряв все свое имущество, человек разразился слезами и продолжил путь в угнетенном состоянии духа. Тем временем Мулла забежал вперед и положил мешок прямо посреди дороги, чтобы человек непременно заметил находку. Когда тот увидел свой мешок, валяющийся на пути, он рассмеялся от радости и вскричал:

– Ох, мой мешочек! А я-то думал, что совсем тебя потерял!

«Вот как легко осчастливить человека», – наблюдая за ним из придорожных кустов и посмеиваясь, подумал Мулла.

Подарки

Один человек жаловался Насреддину, что он получает мало подарков, а все подаренное ему прежде не было ни ценным, ни интересным.

– Когда ты с благодарностью принимаешь самый скромный подарок, он становится великим даром, – ответил Насреддин на его жалобы.

– Если же благодарности нет, то даже волшебный дар обратится в никчемную мелочь.

Уши правителя

Однажды Молла услышал, что городской правитель заболел. Он сорвал несколько яблок и пошел проведать больного. Тот оказал ему:

– Молла, у меня сразу заболели и зуб, и уши. Они меня так измучили, что и передать невозможно. Сегодня я нашел хорошего цирюльника, и он вырвал у меня больной зуб. Теперь зубной боли нет, но эти проклятые уши не дают мне покоя. Надо бы найти хорошего врача. Молла прервал правителя:

– Да, да, нашелся бы хороший человек, надрал бы тебе уши – и тогда успокоились бы и ты, и весь народ.

Догма

Китайский мудрец сказал Насреддину:

– Каждый человек должен вести себя так, как он хочет этого от других. Сердце твое должно желать того же, чего оно желает себе.

Мулла ответил:

– Одна птица лакомилась ядовитыми ягодами, не причинявшими ей никакого вреда. Однажды она собрала немного этих ягод и угостила ими свою подругу лошадь...

Четыре правила

Однажды Молла, произнося проповедь, сказал:

– Люди, медицина признает четыре правила, и тот, кто будет точно следовать им, никогда не заболевает:

Ноги держите в тепле,
а голову в прохладе.
Следите за своей едой,
глубоко не размышляйте.

Посредник

Знакомый Моллы очень обеднел и решил по дешевке продать свой сад. Появилось много покупателей. Некий богатый и жадный купец узнал, что хозяин сада – близкий знакомый Моллы. Он пришел к Молле и сказал:

– Ты, наверно, слышал, что тот человек продает свой сад. Я тебя очень прошу: иди, уговори его снизить цену и купи этот сад для меня.

– Цена, которую он просит, – сказал Молла, – и без того низкая. Как же тебе позволяет совесть платить за этот сад еще дешевле?

– Молла, – возразил купец, – ему нужны деньги, и он продаст сад за любую цену. Не твое дело, иди и поговори. Молла удивился бессердечности купца, но промолчал и дал ему слово уладить дело. Он пошел к хозяину сада, а купец остался ждать. Через два часа Молла вернулся.

– Ну как, Молла, – спросил купец, – удалось тебе снизить цену?

– Да, снизил, – ответил Молла. – Потрудились я, правда, немало, но зато хорошенько сбил цену.

– Какую же цену ты выторговал? – спросил купец.

– Такую-то, – ответил Молла. Купец так обрадовался, что может купить сад совсем по дешевке и чуть не пустился в пляс. Молла исподлобья поглядел на купца и сказал:

– Но, купец, ведь я сделал и другое дело.

– Какое?

– Да так, ничего; по правде сказать, оно по другой части. Я условился с хозяином сада о цене, которую сказал тебе, а потом нашел столько денег, сколько он просил и дал ему, чтобы он больше не продавал сада.

Любовь к деньгам

Между Моллой и одним скупцом возник спор. Долго они препирались, долго спорили, пока, наконец, купец не сказал Молле:

– Что бы ты ни говорил, но деньги такая проклятая вещь, что их любят все. Даже ты и сам их любишь.

– Это правда, – ответил Молла, – я люблю деньги, но моя любовь не похожа на твою. Я люблю деньги потому, что, имея их, я не завишу от таких, как ты.

Обед

Один богач, чтобы похвалиться перед Моллой своим богатством, позвал его к себе в гости. Вечером постелили скатерть и подали столько разных блюд, что у Моллы глаза разбежались. Сказав про себя: «Вот подходящий случай», он наелся досыта. Хозяин, важничая, спросил:

– Ну, Молла, как понравился тебе обед?

– Ей богу, – ответил Молла, – с первого раза я не могу высказать свое мнение. Прежде мне нужно прийти сюда несколько раз и пообедать.

Величие моря

Волны царственно бились о скалы, темно-синие, с белоснежными гребнями пены. Увидев это зрелище впервые, Насреддин был на мгновение ошеломлен. Затем он подошел поближе к берегу, зачерпнул горсть воды и попробовал.

– Подумать только, – сказал Мулла, – столько претензий – и не годится для питья.

Ослиная голова

Молла, гуляя по базару, подошел к ювелирной лавке. Ему очень понравились изделия, бывшие в лавке, и он, остановившись, начал их рассматривать. Ювелир заметил это и возгордился. Чтобы подшутить над Моллой, он подошел и спросил:

– На что ты загляделся?

– На это золото, на драгоценные камни, – ответил Молла. – Мне кажется, это ювелирная лавка.

– Нет, – чванливо сказал ювелир, – глаза твои плохо видят. Это не ювелирная лавка, а хашная. Здесь продаются ослиные головы. Молла не растерялся:

– Видно, торговля у тебя идет хорошо.

– Откуда ты знаешь? – спросил ювелир.

– Да вот в такой большой лавке осталась только одна ослиная голова, – ответил Молла, указывая на голову ювелира.

Мудрецы

Философы, логики и знатоки закона были призваны ко двору, чтобы проэкзаменовать Насреддина. Случай был серьезный, так как Насреддину приписывалось, что он ходил из деревни в деревню и говорил следующие слова:

«Так называемые мудрецы – люди невежественные, нерешительные и бестолковые». Он обвинялся в подрыве государственной безопасности.

– Можешь говорить первым, – сказал Король.

– Пусть принесут бумагу и перья, – сказал Мулла. Принесли.

– Дайте их семи первым ученым. Раздали.

– Пусть каждый из них отдельно напишет ответ на такой вопрос: «Что такое хлеб?»

Ученые написали. Бумаги были вручены Королю, который зачитал их.

Первый сказал: – «Хлеб – это пища».

Второй сказал: – «Это мука и вода».

Третий: – «Дар Господа Бога».

Четвёртый: – «Испечённое тесто».

Пятый: – «Изменчивое понятие, находиться в согласии с тем, что вы подразумеваете под словом хлеб».

Шестой: – «Питательное вещество».

Седьмой: – «Никто, в действительности, не знает».

– Когда они решат, что такое хлеб, – сказал Насреддин, – для них возможно будет разрешить и другие проблемы. Например: прав я или неправ. Можете ли вы доверить дела по оценке и суждениям людям, подобным этим? Разве не странно (а может, и не странно), что они не могут согласиться относительно того, что они едят каждый день, И тем не менее они единодушно считают меня еретиком?

Предсказание

Однажды, в холодный зимний вечер, почтенные старцы собрались в одном доме скоротать время. Разговор зашел об аде и рае. Все говорили, как плох ад и восхваляли рай. В

это время туда пришел и Молла. Войдя в комнату, он подошел к жаровне с углями и начал греть руки и ноги. Старцы продолжали свою беседу. Молла послушал немного и сказал:

– Зря вы так говорите! Если конец света начнется зимой, то какой дурак оставит ад и полезет в рай?

Чалма

Односельчанин Моллы получил из города письмо от родственника. Крестьянин нашел Моллу и попросил его прочесть письмо. Молла увидел, что письмо написано такими каракулями, что прочесть его он не сможет, и, чтобы отделаться от крестьянина, сказал:

– Найди кого-нибудь другого, пусть прочтет он.

– Нет, Молла, – ответил крестьянин, – я от тебя не отстану. Где я найду другого человека, который прочел бы мне это письмо? Ты сам должен его прочесть.

– Во-первых, – возразил Молла, – я не знаю языка персидского. Во-вторых, это письмо написано на языке турецком. А в-третьих, я попросту не могу его прочесть. Крестьянин рассердился:

– Ладно, персидского ты не знаешь, турецкого тоже не знаешь, и читать на этих языках не умеешь. Тогда почему же ты напялил себе на голову чалму величиной с целый жернов?

– Если в чалме можно читать, – ответил Молла, – то надень ее на свою голову посмотрим, прочтешь ли ты хоть слово.

Совет

Однажды Насреддин попросил у одного богача денег.

– Зачем они тебе? – спросил тот.

– Чтобы купить слона.

– Но если у тебя нет денег, ты не сможешь прокормить его.

– Я ведь просил денег, а не советов!

Дележ

Однажды ребяташки, сложив деньги, купили грецкие орехи. Когда они начали делить орехи, то у них возник спор. Наконец, они пришли к Молле и стали просить:

– Молла-ами, раздели, пожалуйста, между нами эти орехи.

– Как вы хотите, чтобы я разделил, – спросил Молла, – по-божески или по-насреддински? Ребяташки решили, что делить по-божески лучше, и ответили:

– Конечно, по-божески. Молла начал делить. Одному дал десять орехов, другому – один, третьему – сто, четвертому – шестьдесят, пятому – пять, а шестому не дал ни одного. Ребяташки удивились:

– Молла-ами! Как ты делишь? Это же неправильно!

– Так делит аллах! Вы же сами видите, как он разделил богатство между людьми. А если вы хотите, чтобы я разделил орехи по-насреддински, то каждому из вас достанется по тридцать орехов и тридцать – мне.

Вы квиты

Однажды нищий, найдя черствую корку, подошел к дверям харчевни. Ни разу в жизни нищий не ел жаркого, и тут, глядя на жаровню с шашлыком, от которого шел вкусный запах, он стал уплетать свой хлеб. Его заметил повар и, когда нищий хотел уйти, повар, схватив его за руку, потребовал:

– Плати за шашлык!

– Дорогой, – взмолился нищий, – разве я ел твой шашлык, чтобы платить за него?

– Нет, – ответил повар. – Ты нюхал идущий от него запах и ел свой хлеб и за это ты должен заплатить. Сколько нищий ни умолял отпустить его, повар от него не отставал и, наконец, привел к кази. Случайно там оказался и Молла. Кази выслушал жалобу повара и сказал Молле:

– Решить это дело я не берусь. Это – по твоей части.

– Этот бедняк твоего шашлыка не ел, – сказал Молла, – что же от него хочешь?

– Хотя он и не ел, но зато смотрел и нюхал, – ответил повар. – За это я и требую платы.

– Ты прав, братец, – решил Молла, – он должен заплатить. Повар обрадовался, подумав, что Молла сейчас отберет у нищего несколько монет и отдаст ему. Молла вытащил из кармана кошелек с деньгами и потряс его над ухом повара.

– Слышал? – сказал он.

– Что? – спросил повар.

– Звон денег.

– Слышал.

– Значит, вы в расчете. Теперь уходи.

– Никакой платы я не получил, – рассердился повар.

– Он смотрел на твой шашлык и нюхал. Ты видел кошелек и слышал звон денег. Вы квиты.

Плата

В одном квартале с Моллой жил один бедный старик. Всю жизнь он занимался только тем, что ходил в ближний лес, рубил дрова, таскал их на спине на базар для продажи и кое-как сводил концы с концами. Однажды он шел из леса с большой вязанкой дров и, сильно устав, решил передохнуть. Свою ношу он опустил на землю. Когда же бедняк хотел двинуться дальше, то взвалить вязанку на спину был не в силах: она была очень тяжела, а он стар и слаб. В это время кто-то проходил по дороге. Старик попросил его помочь взвалить вязанку на спину. Прежде чем выполнить просьбу, прохожий задал старику вопрос:

– Если я взвалю эту вязанку тебе на спину, что ты мне за это дашь?

– Милый, – ответил старик, – что у меня есть, чтобы дать тебе? Ничего. Прохожий, не сказав ни слова, взвалил на него вязанку, а потом стал требовать:

– Давай мне обещанное «ничего». Старик долго упрашивал:

– Дорогой, что ты от меня хочешь? Оставь меня в покое. Но тот не отставал и поднял крик и шум:

– Как то есть чего я хочу! Я же спросил тебя, что ты мне дашь, если я подниму твою вязанку, а ты сказал:

«Ничего».

Я поднял твою ношу, теперь давай мне это «ничего». Старик долго упрашивал прохожего, но тот и слушать не хотел. В конце концов, он отвел бедняка к кази. Кази, не сумев разрешить их тяжбы, позвал Моллу Насреддина и стал просить:

– Ради бога, Молла, возьми за это дело. Только ты сможешь его разрешить. Молла уселся на тюфяк, выслушал обоих и, повернувшись к жалобщику, сказал:

– Ты, брат, прав! Раз он обещал за твою помощь «ничего» – то он должен тебе его дать.

Но я вижу, что он беден, и, кроме того, «ничего» бывает не у всех. Согласись, чтобы это «ничего» вместо него дал тебе я. Жалобщик согласился. Тогда Молла приподнял край тюфяка и сказал:

– Протяни руку и посмотри, что лежит под тюфяком. Жалобщик пошарил под ним и ничего не нашел.

– Ну, что ты нашел? – спросил Молла.

– Ничего, – ответил тот.

– Это как раз то «ничего», которое тебе было обещано. Возьми его и уходи.

Развод

Однажды некто пришел к Молле Насреддину и говорит:

– Я пришел к тебе, чтобы ты развел меня с женой.

– Пожалуйста, – ответил Молла и принес бумагу и перо. Он уселся и спросил:

– Как зовут твою жену?

Пришедший за разводом, сколько ни силился, но имени жены вспомнить не смог, и, наконец, сказал:

– Не знаю.

– Ну хорошо, – сказал Молла, – а сколько ей лет?

Как ни хлопал глазами пришедший, сколько ни думал, но вспомнить, сколько было лет жене, он не смог и, в конце концов сознался:

– Ей-богу, и этого не знаю.

– Хорошо, а откуда она родом? – спросил Молла.

– Молла, я и этого как следует не знаю. Молла положил бумагу и перо на место и сказал:

– Судя по вашей любви, аллах вас давно развел. Зачем же ты пришел ко мне?

Кладбище

Однажды вор сорвал с Ходжи Насреддина шапку и убежал. Ходжа сразу же отправился на ближайшее кладбище и стал ждать.

– Что ты делаешь? – спрашивали его люди, – ведь вор побежал совсем в другую сторону!

– Ничего, – хладнокровно отвечал им Ходжа, – куда б он ни побежал, рано или поздно все равно придет сюда...

Ходжа Насреддин и эмир

Однажды Ходжа неосторожно похвастался, что сможет научить своего осла говорить. Услышав об этом, эмир повелел заплатить Ходже 1000 таньга с условием, чтобы тот показал ему говорящего осла через некоторое время. Дома жена Ходжи начала плакать и убиваться:

– И зачем ты обманул эмира, зачем взял деньги! Когда он поймет, что ты его обманул, он бросит тебя в темницу!

– Успокойся, жена, – ответил Насреддин, – и получше спрячь деньги. Я оговорил себе двадцать лет сроку. За это время либо ишак издохнет, либо эмир...

Право на бороду

Говорят, у каждого человека – своя привычка. Молла, например, часто поглаживал свою бороду. Тимур, чтобы помучить Моллу, приказал ему:

– Запрещаю тебе поглаживать бороду! Если ты ослушаешься меня, прикажу сбрить тебе бороду и отрубить руки. Молла, прекрасно зная крутой нрав Тимура, скрепя сердце, отказался от любимой привычки. После этого прошло несколько времени. Однажды Тимур спросил Моллу:

– Молла, что мне делать, чтобы народ поверил в мою справедливость?

– Прежде всего, государь, верните каждому мужчине право на его бороду.

Предусмотрительность

Однажды Тимур спросил Моллу:

– Скажи, как ты меня любишь?

– Я – Молла Насреддин, а ты – великий Тимур. Значит, я могу любить тебя так, как только может любить Молла Насреддин Тимура.

– Хорошо! Пойдешь ли ты ради меня на смерть?

– Если не смогу сам, то твои палачи помогут, – ответил Молла.

– Например, я сейчас прикажу тебе броситься в море, сделаешь ли ты это? Молла, услышав эти слова, сразу же поднялся. Тимур спросил:

– Куда ты?

– Вечная жизнь и здравие повелителю! – ответил Молла. – Броситься за тебя в море и утонуть для меня большая честь. Но сперва разреши мне пойти научиться плавать, а потом – пожалуйста!

Насреддин и придворные

Во дворце Тимура все придворные ненавидели Моллу Насреддина. Они всячески старались очернить Моллу перед Тимуром, но каждый раз сами попадали впросак. Однажды несколько придворных старались убедить Тимура в том, что у Моллы Насреддина изо рта идет такой дурной запах, что рядом с ним невозможно стоять. Случайно, когда происходил этот разговор, пришел и Молла. Тимур заметил, что до прихода Моллы придворные болтали, как попугаи, но едва только вошел Молла Насреддин, все они смолкли и страшно побледнели. Чтобы выяснить истину, Тимур сказал Молле:

– Подойди сюда, Молла. Они говорят, что с тобой стряслась новая беда.

– Все они, государь, – сказал Молла, – мои дорогие друзья. Они не могут лгать. Скажи, пожалуйста, что они говорят, что за новая беда стряслась со мной?

– Говорят, у тебя изо рта идет дурной запах.

– Увы, государь, они говорят правду. До сих пор я, видя все их дурные поступки, нигде о них не говорил и молча таил у себя в груди. Теперь она так переполнилась, что дурной запах выходит у меня изо рта.

В пылу азарта

Мулла Насреддин продавал пирожки. К нему подошли два человека и, съев довольно много пирожков, начали пререкаться:

– Деньги буду платить я, – говорил один.

– Нет, я! – кричал другой.

Потом спор разгорелся еще сильнее.

– Я ни за что не дам тебе платить! – воскликнул один.

– А я не допущу, чтобы платил ты, – ответил другой.

– А я не возьму денег! – вскричал Мулла Насреддин, увлеченный задором спорщиков.

Не тот ключ

Случилось так: один из друзей Муллы Насреддина, Абдулла, отправился в хадж, паломничество в Мекку. Он был старым человеком и женился недавно на молоденькой девушке. Она была очень красива. Уезжая, он очень тревожился. Было весьма вероятно, что она не будет хранить ему верность. Что делать? Он заказал пояс верности и надел его на жену. Но куда девать ключ? Брать его с собой в хадж было бы не очень хорошо. Это отягощало бы его сознание – будто он не верит своей жене. И ключ постоянно напоминал бы ему о жене и о возможной ее неверности. Он пошел к Насреддину, своему другу.

Насреддин был уже стариком. Ему было девяносто девять лет, и все знали, что он покончил с женщинами. А когда люди пресыщаются или уже не могут продолжать наслаждаться этим, они начинают говорить о воздержании. Он обвинял молодых, говоря им: «Вы тратите свою жизнь. Это бесполезная трата энергии и ничего более. Это ведет в

никуда».

Его друг Абдулла пришел к нему и сказал: «Насреддин, я в беде. Моя жена молода, и ей трудно доверять. Так что я надел на нее пояс верности – запер в него свою жену. Куда теперь девать ключ? Ты всегда чтил воздержанность. Ты мой самый верный друг, так что храни ключ. Через три месяца я вернусь».

Насреддин сказал:

– Я благодарен тебе за то, что ты вспомнил обо мне в эту трудную минуту. Я уверяю тебя, что ключ не мог попасть в лучшие руки. Твоя жена будет в безопасности.

Абдулла уехал, сбросив тяжесть с сердца. Опасности больше не было: Насреддину девяносто девять лет. Он чтил воздержанность и двадцать лет проповедовал безбрачие. Счастливым, что все сложилось так удачно, Абдулла продолжал свой путь. Но через час он услышал за собой приближающийся топот копыт. Он обернулся и увидел на осле Насреддина, всклокоченного и запыхавшегося от погони. Насреддин закричал:

– Абдулла, Абдулла, ты дал мне не тот ключ!

Война

Однажды Тимур собрался на кого-то напасть. В тот день, когда войска должны были выступить в поход, он сказал Молле:

– Ты тоже подготовься! Хватит тебе есть и спать. Этот век – век меча, а не языка. Ты будешь вместе со мной в походе.

Сколько Молла ни старался, но увильнуть от похода не смог. Наконец, он нашел где-то лук, сел на осла и приехал к Тимуру. Тимур вдоволь нахохотался, а потом спросил:

– Что же это, Молла? Разве ты не мог найти лошадь, что сел на осла?

– Это, государь, сделать не удалось: осел мне не позволил. Он сказал: «Если повелитель не может разлучиться с тобой, то я с тобой – тем более! Куда бы ты ни шел, я должен быть вместе с тобой».

Тимур понял, что Молла его опять провел, но, не желая, чтобы окружающие поняли это, сказал:

– Ну, хорошо, у тебя есть лук, но я не вижу стрел.

– Да, стрел у меня нет, – ответил Молла.

– Чем же ты будешь стрелять во врагов?

– Теми стрелами, которые они пошлют в нас.

– Ты глуп просто на удивленье! А если враги не будут стрелять в нас?

– Если враги не будут стрелять в нас, то и война не начнется. Зачем же мне тогда стрелы?

Один ответ на сорок вопросов

Однажды в город приехал известный философ, любитель поспорить.

– Кто у вас самый образованный человек? – обратился он к местным жителям. Ему указали на Насреддина. Философ заявил:

– У меня есть сорок вопросов к тебе, но ты должен дать на них один ответ, разъяснив все, что мне непонятно.

– Ну что ж, говори, – спокойно сказал Насреддин. Внимательно выслушав все вопросы, он ответил:

– Не знаю.

Так он победил своего соперника одним ответом.

Иудейские притчи

Глухой

Однажды стояли музыканты и играли на своих инструментах, сопровождая игру пением. Под их музыку в такт со звуками и аккордами танцевала, маршировала и двигалась масса людей.

Один глухой от рождения смотрел на все это зрелище и дивился. Он спрашивал себя: «Что это значит? Неужели потому только, что те люди проделывают со своими инструментами разные штуки, наклоняют их то туда, то сюда, поднимают, опускают и тому подобное, вся эта толпа людей дурачится, прыгает, производит разные странные телодвижения и вообще приходит в такой азарт?» Для глухого человека все это зрелище было неразрешимым вопросом, потому что ему не доставало слуха, и вследствие этого ему было непостижимо то восторженное, двигающее чувство, которое возбуждается в нормальном человеке звуками музыки.

Обед

Однажды царь сообщил придворным о предстоящем у него обеде, на который их и пригласил. При этом, однако, царь не объявил, когда именно этот обед состоится, а просил их быть наготове по первому зову. Одни из придворных, более умные, подумали, что у царя недостатка на приготовления к обеду не бывает, а потому могут быть позваны ежечасно. На этом основании они, не откладывая ни минуты, позаботились о том, чтобы предстать к царскому обеду в приличном виде. Другие же, менее умные, рассудили, что никогда обеда без особых приготовлений не бывает, а потому они еще успеют позаботиться о своем костюме. Между тем приглашение последовало совершенно неожиданно.

Первые обрадовались своей предусмотрительности и явились к царю в подобающем виде, за что были допущены к обеду. Вторые же были вынуждены явиться в неприличном виде, и в наказание за это им оставалось только глядеть на то, как другие обедают.

Мираж

Некий могущественный царь построил громаднейший дворец с бесчисленным множеством комнат, расположенных так, что одна находилась внутри другой по форме concentрических квадратов.

Сообщались между собой комнаты дверьми, которые находились в одном продольном направлении и приходились одна против другой так, что через них, когда они были открыты, можно было видеть все убранство комнат внутри. Царь обыкновенно сидел в самом отдаленном внутреннем покое, далеко от зрителей.

Когда постройка этого волшебного дворца была закончена, царь созвал своих вельмож и приближенных для осмотра чудного здания. Но как только они собрались и остановились в первых наружных дверях, закрылись все двери, все ходы и выходы дворца – и гости увидели перед собой лишь ряд стен, за которыми ничего не было видно. И стояли они долго, дивясь сему странному зрелищу. Тогда вышел к ним сын царский и сказал: «Разве вы не знаете, что мой отец – величайший из мудрецов и обладает всевозможными искусствами волшебства? Так знайте же, что никакого дворца тут нет, а все это – лишь обман зрения, мираж. Перед вами – открытое со всех сторон место, незастроенное и незагороженное; перед вами же и отец мой, великий царь, которого вы не видите только потому, что вы очарованы его волшебством и ваши глаза покрыты как бы пеленой. И такова уж ваша доля – видеть разные дворцы, стены, картины, вещи там, где нет никого и ничего, кроме самого царя. Таков и видимый мир. Все, что мы видим, есть сплошной мираж, один только оптический обман. Вне и кроме Бога нет ничего; вся видимая материя – только одна из Его проявлений, это волшебная одежда, через которую мы Его постигаем, но которая на самом деле не существует».

Два взгляда

Некий великий царь посетил хижину бедняка. Простолюдин, увидев царя в роскошном наряде и среди блестящей свиты, любовался этим наружным блеском и дотоле невиданным им богатством и роскошью. Присутствовавший же при этом другой простолюдин восхищался не внешним царским блеском, ибо знал, что для царя богатство и роскошь ничего не значат, а восторгался он мыслью, что столь великий и могущественный царь удостоил своим посещением хижину бедняка, что он снизошел к маленькому, слабому человечку и интересуется его житьем-бытьем.

Солнце и луна

Солнце и луна вначале одинаково ярко и сильно освещали землю. Но луна захотела первенствовать.

– Господи! – сказала она. – Нехорошо, что свет солнца равен моему свету, так как никто теперь не может отличить солнце от луны.

– Хорошо же! – изрек Всевышний. – Отныне всякий отличит вас, ибо за твою спесь и зависть я уменьшаю твой свет.

Взгляд и вздох

Жили по соседству два еврея. Один из них был знатоком Торы, а другой – бедным работником.

Ученый сосед вставал до зари и спешил в бейт-мидраш. После нескольких часов занятий он долго и беззаветно молился, отправлялся домой, наскоро завтракал и возвращался в дом учения, чтобы заниматься до обеда. Затем он шел на рынок, где заключал небольшие сделки, обеспечивавшие ему средства для удовлетворения насущных потребностей, и возвращался в бейтмидраш. Вечером, после молитвы и трапезы, он снова засиживался над священными книгами до глубокой ночи.

Бедный сосед также вставал рано. Но его положение не позволяло ему уделять много времени изучению Торы. Несмотря на то что он много работал, ему едва удавалось заработать на хлеб. Поспешно помолившись на рассвете с первым миньяном, он приступал к работе, которая отнимала у него весь день и большую часть ночи. В субботу, когда у него наконец появлялась возможность взять книгу в руки, он быстро засыпал от усталости.

При встрече во дворе ученый сосед бросал удовлетворенный взгляд на бедного работника и спешил к своим праведным занятиям. Бедный вздыхал и думал: «Какой я несчастный и какой он счастливый. Мы оба спешим, он в бейт-мидраш, а я – по своим земным делам».

Но вот эти два человека завершили свое пребывание на земле и их души предстали перед Небесным Судом, где жизнь каждого человека взвешивается на чаше весов Божественного правосудия. Ангел-адвокат положил на правую чашу весов главные добродетели ученого: многочисленные часы изучения Торы, молитвы в состоянии медитации, умеренность, честность. На левую чашу ангел-обвинитель положил единственный предмет: удовлетворенный взгляд, который ученый время от времени бросал на соседа. Левая чаша медленно начала опускаться, сравнилась с правой, а затем перетянула ее, хотя груз на ней был весьма тяжелый.

Когда бедный работник предстал перед Судом, ангел-обвинитель положил на левую чашу весов его жалкую, духовно ничтожную жизнь. Ангел-адвокат мог предложить лишь один груз: печальный вздох, издаваемый работником при встрече с ученым соседом. Но именно этот вздох и уравновесил все, что лежало на левой чаше, поднимая и оправдывая каждое мгновение тяжкого труда и нищеты, которые испытал при жизни этот работник.

Два способа согреться

Однажды весьма уважаемый раввин навестил младшего коллегу, известного своей исключительной набожностью. На старого человека произвела сильное впечатление погруженность молодого раввина в молитвы, в изучение древних книг, и его заинтересовала причина такого непоколебимого благочестия. Как объяснил радушный хозяин, полностью сосредоточившись на своих занятиях, он отгородил себя от внешних факторов, которые могли бы отвлечь его внимание.

Действительно, гость заметил, что многие соседи молодого раввина заняты делами, весьма далекими от благочестия. Его комментарий к услышанному и увиденному прозвучал так:

– Когда на улице холодно, можно согреться двумя способами. Первый – надеть меховую шубу, второй – разжечь огонь. Но теплая шуба будет греть только одного человека, а огонь согреет любого, кто к нему приблизится.

Плач ребенка

Как-то вечером, когда раввин был всецело погружен в свои занятия, в соседней комнате его грудной ребенок выпал из колыбели, залился громким плачем и плакал до тех пор, пока с верхнего этажа, прервав свои занятия, не спустился отец раввина, дедушка младенца.

Старый раввин поднял ребенка и долго его убаюкивал, ожидая, когда он окончательно успокоится. Молодой раввин так ничего и не заметил, ни плача ребенка, ни появления отца. Последний объяснил своему сыну:

– Независимо от того, насколько возвышенны твои цели, ты не должен углубляться в молитву или в учебу, если рядом плачет ребенок.

Я смотрел вверх

Один любимый прихожанами раввин вспоминал, как в детстве играл с другими детьми. Все они взбирались вверх по лестнице. Все, кроме будущего раввина, боялись подниматься слишком высоко. Позднее дедушка спросил его:

– Почему ты не боялся залезть выше других?

– Потому что они, поднимаясь вверх, смотрели вниз, – объяснил мальчик. – Они видели, как высоко забрались, и поэтому испугались. Я же поднимался и смотрел вверх. Мне казалось, что я нахожусь еще низко, и это побуждало меня продолжать восхождение.

Мой настоящий дом

Как-то человек отправился в город к великому мудрецу. Выяснилось, что живет мудрец в ветхой лачуге на окраине. В жилище не было ничего, кроме продавленной кровати и заваленного книгами стола, за которым сидел старик, погруженный в чтение. Гость обратился к нему с вопросом:

– Где живет мудрец?

– Это вы меня ищете, – объяснил ему старик. – Что вас так удивило?

– Я не понимаю. Вы – великий мудрец, у вас много учеников. Ваше имя известно по всей стране. Вы должны жить во дворце.

– А где живете вы? – спросил старик.

– Я живу в особняке, большом, богатом доме.

– А как вы зарабатываете на жизнь?

Гость рассказал хозяину лачуги, что он бизнесмен и два раза в год ездит в большой город за товарами, которые затем перепродает местным купцам. Старик слушал его

внимательно, после чего поинтересовался, где он останавливается в чужом городе.

– В маленьком номере маленькой гостиницы, – сообщил бизнесмен.

– Если бы кто-нибудь посетил вас в этом маленьком номере, он мог бы спросить: «Почему вы, состоятельный человек, живете в таком бедном номере?» А вы могли бы ответить: «Я здесь проездом и ненадолго. Здесь есть все, что мне нужно. Приезжайте в мой настоящий дом, и вы увидите, что он совсем другой». То же самое справедливо и для моего пристанища. Я здесь только проездом. Этот материальный мир есть лишь дорога. В моем настоящем доме все выглядит иначе. Приходите в мое духовное жилище, и вы увидите, что я живу во дворце.

Бог и люди

Молодой человек спросил старого рабби:

– Мы слышали, что в прошлом, в старые золотые дни, люди, бывало, видели Бога своими собственными глазами, люди, бывало, встречались с Богом. Бог, бывало, ходил по земле, Бог, бывало, называл людей по их именам. Бог был очень близко. Что же случилось теперь? Почему мы не можем видеть Его? Почему Он прячется? Куда Он ушел? Почему Он забыл землю? Почему Он больше не ходит по земле? Почему он больше не поддерживает за руку людей, спотыкающихся во тьме? Раньше Он, бывало, делал это.

Старый рабби посмотрел на ученика и сказал:

– Сын мой, Он и сейчас там, где был, но люди забыли, как склоняться так низко, чтобы увидеть Его.

Буддийские притчи

Авторство

Один буддийский мастер прочел ученикам прекрасный текст, который растрогал всех. Ученики сразу же спросили:

– Кто написал его?

– Если я скажу, что это Будда, вы будете благоговеть перед текстом, возлагать каждое утро на него цветы и отдавать поклоны. Если я скажу, что этот текст написал патриарх, вы будете испытывать большое почтение, но уже не будете преклоняться перед ним так, как перед текстом Будды. Если я скажу, что автором был монах, вы, пожалуй, растеряетесь. А если узнаете, что текст написал наш повар, вы просто посмеетесь, – ответил учитель.

Актер

Некогда жил актер, умевший устраивать представления всякого рода. У одного богатого домохозяина он попросил вола. Домохозяин и не думал выполнять его просьбу и поэтому сказал ему так:

– Если ты сможешь столь же старательно продолжать свои представления днем и ночью без отдыха в течение целого года, я отдам тебе вола.

Актер ответил, что сможет, но, в свою очередь, спросил, сумеет ли хозяин все это время слушать его. Тот также ответил, что сумеет.

Когда актер услышал все это, сердце его возликовало. Три дня и три ночи он не выказывал никакой усталости, и домохозяину надоело, наконец, его слушать. Он велел домочадцам вывести вола и отдать актеру.

Алмаз в кармане Будды

В Лахоре, городе ювелиров, жил один профессиональный карманник. Однажды он увидел, что какой-то человек купил прекрасный бриллиант, которого он ждал долгие годы, бриллиант, который он просто был обязан заполучить. Поэтому карманник последовал за человеком, который купил бриллиант. Когда тот приобрел билет на поезд до Мадраса, вор тоже взял билет до Мадраса. Они поехали в одном купе. Когда владелец бриллианта отправился в туалет, карманник обыскал все купе. Когда человек уснул, вор продолжил поиски, но безуспешно.

Наконец поезд прибыл в Мадрас, и человек, купивший бриллиант, оказался на платформе. В это время карманник подошел к нему.

– Простите, господин, – сказал он. – Я профессиональный вор. Я испробовал все, но безуспешно. Вы прибыли, куда вам надо, и я вас больше не побеспокою. Но я просто не могу не спросить: куда вы спрятали бриллиант?

Человек ответил:

– Я видел, что ты следишь за тем, как я покупаю бриллиант. Когда ты оказался в поезде, мне стало ясно, что ты охотишься за ним. Я решил, что ты, должно быть, ушлый малый, и поначалу не мог придумать, куда положить бриллиант, чтобы ты не сумел его найти. Но, в конце концов, я спрятал его в твоём кармане.

Будда ждет нас

Существует предание: Будда остановился у врат Рая.

Ради достижения этой цели он трудился всю свою жизнь. Врата открылись. Играла музыка. Было празднество и ликование, потому что очень редко человек поднимался к таким высотам.

Привратники открыли врата, вышли навстречу и пригласили Будду:

– Ты прибыл! Входи! Мы рады приветствовать тебя!

Но они были удивлены. Будда выглядел грустным. Он не мог думать в этот момент о блаженстве. Он задумался о миллионах заблудших душ, страдающих, не знающих, что делать. Они нуждаются в его помощи! Будда сказал привратникам:

– Пожалуйста, закройте врата! Я не могу войти. Я буду ожидать, пока все люди не войдут в эти ворота. Возможно, потребуется вечность, но это не имеет значения.

Я вижу миллионы грустных лиц, сердца, полные слез, людей, которые никогда не знали радости. Закройте ворота, я войду последним.

Будда все еще стоит снаружи Райских врат и освещает путь каждому, кто идет горным путем.

Вера в имя

Марпа, гуру Миларепы, услышал об одном учителе, отправился к нему и полностью ему доверился. Затем он спросил у учителя:

– Что я теперь должен делать?

Учитель сказал:

– Раз ты поверил в меня, ты ничего не должен делать. Просто продолжай верить. Мое имя – вот единственная тайная мантра для тебя. Каждый раз, когда ты будешь оказываться в затруднении, просто вспоминай мое имя – и все будет в порядке.

Марпа припал к его ногам. Он решил сразу же испробовать это, ибо был таким простым человеком. Он пошел по реке. Другие ученики, которые провели с учителем годы, не могли поверить этому – он шел по воде!

Все побежали к реке, а там Марпа разгуливал по воде, распевая песни, пританцовывая. Когда он подошел к берегу, учитель спросил:

– В чем секрет?

Марпа ответил:

– Секрет? Это тот самый секрет, который вы мне сообщили, – ваше имя. Я помнил о вас. Я сказал: «Учитель, позволь мне ходить по воде». И это случилось.

Учитель не мог поверить, что его имя способно на такое. Сам он не мог ходить по воде. Он никогда не пробовал. Но было бы лучше проверить еще несколько вещей, прежде чем попробовать, поэтому он сказал Марпе:

– А ты можешь спрыгнуть с того холма?

Марпа сказал:

– Все, что прикажете.

Он поднялся на холм и прыгнул, а ученики стояли в долине, ожидая, что Марпа разобьется вдребезги. Но Марпа плавно опускался, приняв позу лотоса, улыбаясь. Он опустился в долину и приземлился под деревом. Ученики окружили его. Учитель сказал:

– Это уже кое-что. Ты воспользовался моим именем?

Марпа ответил:

– Это было сделано твоим именем.

Тогда учитель сказал:

– Этого достаточно, теперь я сам попробую пройти по воде.

И с первым же шагом он исчез под водой. Ученики бросились в воду и кое-как вытащили учителя. Марпа спросил:

– Что случилось?

Учитель ответил:

– Прости меня. Я не учитель, я просто притворщик. У тебя же сработало не мое имя, а вера в него.

Воспарить над верой

Однажды, рано утром, когда Будда вышел на свою утреннюю прогулку, один человек спросил его:

– Существует ли Бог?

Будда секунду посмотрел в глаза человека и сказал:

– Нет, Бога не существует вообще, никогда не было, никогда не будет. Выкинь всю эту чепуху из головы.

Человек был шокирован. В середине того же дня пришел другой человек и спросил:

– Существует ли Бог?

Будда сказал:

– Существует, всегда был, всегда будет. Ищи и найдешь.

Ананда, сопровождавший Будду, пришел в сильное замешательство, так как он помнил ответ, который Будда дал утром, но не имел возможности спросить, потому что вокруг было много народа. И прежде чем он получил возможность спросить, вечером, на заходе солнца, пришел третий человек. Будда сидел под деревом, наблюдая закат солнца и прекрасные облака, и человек спросил:

– Существует ли Бог?

Будда просто сделал жест рукой, приглашая человека сесть, а сам закрыл глаза. Человек подчинился ему. Они сидели молча несколько минут, затем человек поднялся. Становилось темно, солнце уже село. Он коснулся ног Будды и сказал:

– Благодарю тебя за ответ, я очень благодарен тебе.

А потом пошел прочь. Тут Ананда не выдержал. Когда они остались одни, он сказал:

– Я не смогу уснуть сегодня ночью, если ты не ответишь мне. В один день, на один и тот же вопрос ты даешь три разных ответа. В чем дело? Ты привел меня в сильное замешательство.

Будда сказал:

– Я отвечал не тебе, почему же ты пришел в замешательство? Первый человек был верующим. Он верил в Бога и пришел не с целью выяснить вопрос, а с целью получить

подтверждение. Он был ученым, хорошо знающим Священное Писание. Ему нужен был шок, и я шокировал его, потому что не желаю поддерживать ничьи верования. Все верования ошибочны. Знание – совершенно иная вещь.

Второй человек был атеистом, он не верил в Бога. Он также был ученым и был набит всевозможными идеями, но он был просто противоположностью первого человека. Он хотел, чтобы я поддержал его неверие.

Третий человек был подлинным искателем. Он не искал ответа, он хотел испытать. Он был человеком с большим доверием. Он хотел, чтобы я открыл ему нечто, поэтому я не стал отвечать ему, а просто предложил сесть рядом со мной. И нечто произошло.

Газеты на ветру

Однажды утром по горной дороге ехал в своей повозке развозчик газет. Навстречу ему шли два монаха. Один из них был мастер, а второй – его ученик. Ученик сказал:

– Мастер, учение гласит, что мир – это сон Будды, и стоит стать Буддой, и мир будет твоим сном. Так объясни мне, учитель, как может быть в одном мире несколько пробудившихся?

В этот момент порыв ветра взметнулся вверх по склону, и тысячи газет с повозки взлетели высоко в воздух.

– Посмотри, – сказал учитель, – газет так много, а текст в них во всех одинаковый.

Два вола

Один вол жаловался второму:

– Отчего это, брат, так получается, что мы с тобой по целым дням работаем, а хозяева кормят нас только травой да соломой, а вот поросенка, который никогда ничего не делает, они прямо-таки просто закармливают жирной рисовой кашкой с шафраном и специями?!

– Не завидуй ты ему, – отвечал второй вол, – ибо наша пища хоть и не вкусна, зато проста и здорова, и дарует нам долголетие, в то время как поросенок, коего готовят к скорому пиршеству, поистине вкушает пищу смерти.

Истинная любовь

Однажды, когда Будда со своими учениками отдыхал в тенистой прохладе деревьев, одна куртизанка подошла к нему. Как только она увидела Божественное лицо, сияющее небесной красотой, она влюбилась в него и в экстазе, с распростертыми объятиями, громко воскликнула:

– О, прекрасный, сияющий, я люблю тебя!

Ученики, давшие обет безбрачия, были очень удивлены, услышав, что Будда сказал куртизанке:

– Я тоже люблю тебя, но, любимая моя, прошу, не притрагивайся ко мне сейчас.

Куртизанка спросила:

– Вы называете меня любимой, и я люблю вас, почему же вы запрещаете мне прикасаться к вам?

Великий Мастер ответил:

– Любимая, я повторяю, что сейчас не время, я приду к тебе позже. Я хочу проверить свою любовь!

Ученики подумали: «Неужели Учитель влюбился в куртизанку?»

Несколько лет спустя, когда Будда медитировал со своими учениками, он внезапно воскликнул:

– Мне нужно идти, любимая женщина зовет меня, теперь я действительно ей нужен.

Ученики побежали за Буддой, который, как им показалось, был влюблен в куртизанку и

бежал, чтобы встретиться с ней. Все вместе они прибыли к тому дереву, где встретили куртизанку несколько лет назад. Она была там. Ее некогда прекрасное тело было покрыто язвами. Ученики остановились в растерянности, а Будда взял ее изможденное тело на руки и понес в больницу, говоря ей:

– Любимая, вот я пришел, чтобы проверить свою любовь к тебе и исполнить свое обещание. Я долго ждал возможности проявить свою подлинную любовь к тебе, ибо я люблю тебя, когда всякий другой прекратил любить тебя, я обнимаю тебя, когда все твои друзья не желают прикасаться к тебе.

После излечения куртизанка примкнула к ученикам Будды.

Исход

Однажды человек пришел к Будде и плюнул ему в лицо. Будда вытер лицо и спросил:

– Это все, или ты хочешь чего-нибудь еще?

Ананда все видел и, естественно, пришел в ярость. Он вскочил и, кипя злостью, воскликнул:

– Учитель, только позволь мне, и я покажу ему! Его нужно наказать!

– Ананда, ты стал саньясином, но постоянно забываешь об этом, – ответил Будда. – Этот бедняга и так слишком много страдал. Ты только посмотри на его лицо, на его глаза, налитые кровью! Наверняка он не спал всю ночь и терзался, прежде чем решиться на такой поступок. Плевок в меня – это исход этого безумия. Это может стать освобождением! Будь сострадательным к нему. Ты можешь убить его и стать таким же безумным, как и он!

Человек слышал весь диалог. Он был смущен и озадачен. Реакция Будды была полной неожиданностью для него. Он хотел унижить, оскорбить Будду, но, потерпев неудачу, почувствовал себя униженным. Это было так неожиданно – любовь и сострадание, проявленные Буддой! Будда сказал ему:

– Пойди домой и отдохни. Ты плохо выглядишь. Ты уже достаточно наказал себя. Забудь об этом происшествии; оно не причинило мне вреда. Это тело состоит из пыли. Рано или поздно оно превратится в пыль, и по нему будут ходить люди. Они будут плевать на него; с ним произойдет множество превращений.

Человек заплакал, устало поднялся и ушел.

Вечером он пришел обратно, припал к ногам Будды и сказал:

– Прости меня!

Будда произнес:

– Нет вопроса о том, чтобы я прощал тебя, потому что я не был рассержен. Я тебя не осудил. Но я счастлив, безмерно счастлив видеть, что ты пришел в себя и что прекратился тот ад, в котором ты пребывал. Иди с миром и никогда больше не погружайся в такое состояние!

Каждому свое

Будда остановился в одной деревне, и толпа привела к нему слепого. Один человек из толпы обратился к Будде:

– Мы привели к тебе этого слепого потому, что он не верит в существование света. Он доказывает всем, что свет не существует. У него острый интеллект и логический ум. Все мы знаем, что свет есть, но не можем убедить его в этом. Наоборот, его аргументы настолько сильны, что некоторые из нас уже начали сомневаться. Он говорит: «Если свет существует, дайте мне потрогать его, я узнаю вещи через осязание. Или дайте мне попробовать его на вкус, или понюхать. По крайней мере, вы можете ударить по нему, как вы бьете в барабан, тогда я услышу, как он звучит». Мы устали от этого человека, помогите нам убедить его в том, что свет существует.

Будда сказал:

– Слепой прав. Для него свет не существует. Почему он должен верить в него? Истина в том, что ему нужен врач, а не проповедник. Вы должны были отвести его к врачу, а не убеждать.

Будда позвал своего личного врача, который всегда сопровождал его. Слепой спросил:

– А как же спор?

И Будда ответил:

– Подожди немного, пусть врач осмотрит твои глаза.

Врач осмотрел его глаза и сказал:

– Ничего особенного. Понадобится самое большое полгода, чтобы вылечить его.

Будда попросил врача:

– Оставайся в этой деревне до тех пор, пока не вылечишь этого человека. Когда он увидит свет, приведи его ко мне.

Через полгода бывший слепой пришел со слезами радости на глазах, танцуя. Он припал к ногам Будды. Будда сказал:

– Теперь можно поспорить. Раньше мы жили в разных измерениях, и спор был невозможен.

Красавица Амрапали

Будда прибыл в Вайшали, где жила красавица Амрапали – одна из самых знаменитых и богатых куртизанок. Амрапали была очень красива, ее посещали только самые богатые, пользующиеся уважением мужчины: короли, принцы, высшие офицерские чины, сливки общества.

Однажды с террасы своего дома она увидела юного буддийского монаха. На Амрапали, дотеле никогда не любившую, вдруг обрушилась любовь. Монах держался с таким достоинством, осознанностью, грацией, что Амрапали не выдержала и, сбегав по ступенькам вниз, обратилась к монаху:

– Через три дня начнется сезон дождей, и я приглашаю тебя пожить в моем доме это время. (Буддийские монахи не путешествуют в сезон дождей, а он длится четыре месяца).

Монах ответил:

– Я спрошу у Мастера. Если он позволит, я останусь.

Придя к Будде, юный монах рассказал о необычной встрече. Будда, посмотрев юноше в глаза, сказал:

– Оставайся.

Через четыре месяца юноша вернулся и склонился к стопам Будды. За юношей следовала Амрапали, облаченная в одеяние буддийской монахини. Она тоже коснулась стоп Будды и сказала:

– Я изо всех сил старалась соблазнить твоего ученика, но это он соблазнил меня! Своим присутствием и своим осознанием он убедил меня, что истинная жизнь – у твоих стоп.

Если медитация глубока, если осознанность чиста, ничто не нарушит эту чистоту.

Миларепа

Учитель Миларепа часто беседовал с животными. Около его уединения гнездились пчелы, созидали города – муравьи, залетали попугаи и обезьяна садилась подобно учителю.

Учитель сказал муравьям:

– Пахари и созидатели, никто вас не знает, но вы возводите высокие общины.

Сказал пчелам:

– Собирайте мед знания и образов лучших. Никто не прервет сладкий труд ваш.

Заметил попугаю:

– По крику твоему вижу, что собрался быть судьей или проповедником.

И погрозил резвой обезьяне:

– Ты разрушил муравьиные строения и похитил чужой мед. Может быть, решился стать правителем?

Несчастнейший на свете

Жил в деревне один старик. Он был одним из несчастнейших на свете. Вся деревня устала от него: он всегда был мрачен, всегда жаловался, всегда в плохом настроении, всегда кислый. И чем дольше он жил, тем более желчным становился, тем ядовитее были его слова. Люди избегали его: несчастье становилось заразительным. Не быть несчастным рядом с ним было как-то оскорбительно. Он создавал ощущение несчастья и в других.

Но однажды, когда ему исполнилось восемьдесят лет, случилось невероятное. Мгновенно всех облетел слух: «Старик сегодня счастлив, не жалуется, улыбается, у него даже лицо переменилось». Собралась вся деревня. Старика спросили:

– Что случилось с тобой? В чем дело?

– Ничего, – ответил старик. – Восемьдесят лет я старался стать счастливым, и ничего не вышло. Так что я решил обойтись без счастья. Вот почему я счастлив.

Об этом нельзя говорить прямо

Однажды к Будде пришел человек и, коснувшись его ног, спросил, есть ли Бог? Извечный вопрос!

Будда посмотрел на него пристально и сказал:

– Когда я был молод, я очень любил лошадей и различал четыре типа. Первый – самый тупой и упрямый, сколько ее ни бей, она все равно не будет слушаться. Таковы и многие люди. Второй тип: лошадь слушается, но только после удара. Много и таких людей. Есть и третий тип. Это лошади, которых не нужно бить. Ты просто показываешь ей хлыст, и этого достаточно. Еще существует четвертый тип лошадей, очень редкий. Им достаточно и тени хлыста.

Говоря все это, Будда смотрел в лицо человеку. Затем он закрыл глаза и замолчал. Человек тоже закрыл глаза и сидел в молчании с Буддой.

При этом присутствовал Ананда, и что-то внутри него стало протестовать. Он решил: «Это уж слишком! Человек спрашивает о Боге, а Учитель говорит о лошадях». Рассуждая таким образом внутри себя, Ананда не мог не видеть, какая воцарилась тишина, какое великое молчание! Оно было почти осязаемым. Ананда смотрел на лица Будды и человека, переживавшего трансформацию прямо у него на глазах! Будда открыл глаза, а человек просидел в таком состоянии еще час. Лицо его было умиротворенным и светлым.

Открыв глаза, человек коснулся ног Будды с глубокой признательностью, поблагодарил его и ушел.

Когда он вышел, Ананда спросил Будду:

– Для меня это непостижимо! Он спрашивает о Боге, а ты говоришь о лошадях.

Я видел, как он погрузился в глубокое молчание. Как будто он прожил с тобой много лет. Даже я никогда не знал такого молчания! Какое единение! Какое общение! Что было передано? Почему он так благодарил тебя?

Будда ответил:

– Я говорил не о лошадях. Я говорил о Божественном, но об этом нельзя говорить прямо. Когда я увидел, на какой лошади он приехал, я понял, что такую лошадь мог выбрать только истинный ценитель. Вот почему я заговорил о лошадях. Это был язык, который он мог понять, и он понял его. Он редкий человек. Ему было достаточно и тени хлыста. И когда я закрыл глаза, он понял, что о высшем говорить нельзя. О нем можно только молчать; и в этом молчании Оно познается.

Просто идите своим путем

Один из учеников спросил Будду:

– Если меня кто-нибудь ударит, что я должен делать?

Будда ответил:

– Если на вас с дерева упадет сухая ветка и ударит вас, что вы должны делать?

Ученик сказал:

– Что же я буду делать? Это же простая случайность, простое совпадение, что я оказался под деревом, когда с него упала ветка.

Будда сказал:

– Так делайте то же самое. Кто-то был безумен, был в гневе и ударил вас. Это все равно, что ветка с дерева упала на вас. Пусть это не тревожит вас, просто идите своим путем, будто ничего и не случилось.

Это я дрожу в тебе

Был человек, всем сердцем преданный Будде. Была у него прекрасная старинная деревянная статуя Будды, настоящий шедевр. Он относился к ней как к величайшему сокровищу.

Однажды, холодной зимней ночью, он остался один в соломенной хижине. Был жуткий мороз. Человек в отчаянии трясся от холода. Похоже было, что приходит его смертный час. Не было ни щепки, чтобы развести огонь.

Рассказывают, что в полночь, когда он, дрожа, почти окоченел, перед ним явился Будда и спросил:

– Почему ты не сожжешь меня?

Деревянная статуя все так же стояла у стены. Человек очень испугался. «Это, должно быть, дьявол», – подумал он.

– Что ты сказал? Сжечь статую Будды? Никогда! Ни за что!

Будда рассмеялся и сказал:

– Если ты видишь меня в статуе, ты упускаешь меня. Я в тебе, а не в статуе. Я не в предмете моления, объекте, я в молящемся. И это я дрожу в тебе! Сожги статую!

Притчи Федора Достоевского

О луковке

Жила-была одна баба злющая-презлющая, и померла. И не осталось после нее ни одной добродетели. Схватили ее черти и кинули в огненное озеро. А ангел-хранитель ее стоит да и думает: какую бы мне такую добродетель ее припомнить, чтобы Богу сказать. Вспомнил и говорит Богу: она, говорит, в огороде луковку выдернула и нищенке подала. И отвечает ему Бог: возьми ж ты, говорит, эту самую луковку, протяни ей в озеро, пусть ухватится и тянется, и коли вытянешь ее вон из озера, то пусть в рай идет, а оборвется луковка, то там и оставаться бабе, где теперь. Побежал ангел к бабе, протянул ей луковку: на, говорит, баба, схватись и тянись. И стал он ее осторожно тянуть, и уж всю было вытянул, да грешники прочие в озере, как увидели, что ее тянут вон, и стали все за нее хвататься, чтоб и их вместе с нею вытянули. А баба-то была злющая-презлющая и начала она их ногами брыкать: «Меня тянут, а не вас, моя луковка, а не ваша». Только что она это выговорила, луковка-то и порвалась. И упала баба в озеро и горит по сей день. А ангел заплакал и отошел.

Великий инквизитор

Пятнадцать веков уже минуло тому, как Он дал обетование прийти во царствии своем,

пятнадцать веков, как пророк его написал: «Се грядущи скоро». «О дне же сем и часе не знает даже и сын, токмо лишь отец мой небесный», как изрек он и сам еще на земле. Но человечество ждет его с прежнею верой и с прежним умилением. О, с большею даже верой, ибо пятнадцать веков уже минуло с тех пор, как прекратились залогов с небес человеку:

Верь тому, что сердце скажет,
Нет залогов от небес.

И только одна лишь вера в сказанное сердцем! Правда, было тогда и много чудес. Были святые, производившие чудесные исцеления; к иным праведникам, по жизнеописаниям их, сходила сама царица небесная. Но дьявол не дремлет, и в человечестве началось уже сомнение в правдивости этих чудес. Как раз явилась тогда на севере, в Германии, страшная новая ересь. Огромная звезда, «подобная светильнику» (то есть церкви) «пала на источники вод, и стали они горьки». Эти ереси стали богохульно отрицать чудеса. Но тем пламеннее верят оставшиеся верными. Слезы человечества восходят к нему по-прежнему, ждут его, любят его, надеются на него, жаждут пострадать и умереть за него, как и прежде. И вот столько веков молило человечество с верой и пламенем: «Бо Господи, явися нам», столько веков зывало к нему, что он, в неизмеримом сострадании своем, возжелал снизойти к молящим. Снисходил, посещал он и до этого иных праведников, мучеников и святых отшельников еще на земле, как и записано в их «житиях».

...И вот он возжелал появиться хоть на мгновение к народу, – к мучающемуся, страдающему, смрадно-грешному, но младенчески любящему его народу... В Испании, в Севилье, в самое страшное время инквизиции, когда во славу божию в стране ежедневно горели костры и

В великолепных автодафе
Сжигали злых еретиков.

О, это, конечно, было не то сошествие, в котором явится он, по обещанию своему, в конце времен во всей славе небесной и которое будет внезапно, «как молния, блистающая от востока до запада». Нет, он возжелал хоть на мгновение посетить детей своих и именно там, где как раз затрещали костры еретиков. По безмерному милосердию своему он проходит еще раз между людей в том самом образе человеческом, в котором ходил три года между людьми пятнадцать веков назад. Он снисходит на «стогны жаркие» южного города, как раз в котором всего лишь накануне в «великолепном автодафе», в присутствии короля, двора, рыцарей, кардиналов и прелестнейших придворных дам, при многочисленном населении всей Севильи, была сожжена кардиналом великим инквизитором разом чуть не целая сотня еретиков *ad majorem gloriam Dei*.

Он появился тихо, незаметно, и вот все – странно это – узнают его... Народ непобедимою силой стремится к нему, окружает его, нарастает кругом него, следует за ним. Он молча проходит среди их с тихою улыбкой бесконечного сострадания. Солнце любви горит в его сердце, лучи Света, Просвещения и Силы текут из очей его и, изливаясь на людей, сотрясают их сердца ответною любовью. Он простирает к ним руки, благословляет их, и от прикосновения к нему, даже лишь к одеждам его, исходит целующая сила. Вот из толпы восклицает старик, слепой с детских лет: «Господи, исцели меня, да и я тебя узрю», и вот как бы чешуя сходит с глаз его, и слепой его видит. Народ плачет и целует землю, по которой идет он. Дети бросают пред ним цветы, поют и вопиют ему: «Осанна!» «Это он, это сам он, – повторяют все, – это должен быть он, это никто как он». Он останавливается на паперти Севильского собора в ту самую минуту, когда во храм вносят с плачем детский открытый белый гробик: в нем семилетняя девочка, единственная дочь одного знатного гражданина. Мертвый ребенок лежит весь в цветах. «Он воскресит твое дитя», – кричат из толпы плачущей матери. Вышедший навстречу гроба соборный патер смотрит в недоумении и хмурит брови. Но вот раздается вопль матери умершего ребенка. Она повергается к ногам

его: «Если это ты, то воскреси дитя мое!» – восклицает она, простирая к нему руки. Процессия останавливается, гробик опускают на паперть к ногам его. Он глядит с состраданием, и уста его тихо и еще раз произносят: «Галифа куми» – «и восста девица». Девочка подымается в гробе, садится и смотрит, улыбаясь, удивленными раскрытыми глазками кругом. В руках ее букет белых роз, с которым она лежала в гробу. В народе смятение, крики, рыдания, и вот, в эту самую минуту, вдруг проходит мимо собора по площади сам кардинал великий инквизитор. Это девяностолетний почти старик, высокий и прямой, с иссохшим лицом, со впалыми глазами, но из которых еще светится, как огненная искорка, блеск. О, он не в великолепных кардинальских одеждах своих, в каких красовался вчера пред народом, когда сжигали врагов римской веры, – нет, в эту минуту он лишь в старой, грубой монашеской своей рясе. За ним в известном расстоянии следуют мрачные помощники и рабы его и «священная» стража. Он останавливается пред толпой и наблюдает издали. Он все видел, он видел, как поставили гроб у ног его, видел, как воскресла девица, и лицо его омрачилось. Он хмурит седые густые брови свои, и взгляд его сверкает зловещим огнем. Он простирает перст свой и велит стражам взять его. И вот, такова его сила и до того уже приучен, покорен и трепетно послушен ему народ, что толпа немедленно раздвигается пред стражами, и те, среди гробового молчания, вдруг наступившего, налагают на него руки и уводят его. Толпа моментально, вся как один человек, склоняется головами до земли пред старцем инквизитором, тот молча благословляет народ и проходит мимо. Стража приводит пленника в тесную и мрачную сводчатую тюрьму в древнем здании святого судилища и запирает в нее. Проходит день, настает темная, горячая и «бездыханная» севильская ночь. Воздух «лавром и лимоном пахнет».

Среди глубокого мрака вдруг отворяется железная дверь тюрьмы, и сам старик великий инквизитор со светильником в руке медленно входит в тюрьму. Он один, дверь за ним тотчас же запирается. Он останавливается при входе и долго, минуту или две, всматривается в лицо его. Наконец тихо подходит, ставит светильник на стол и говорит ему: «Это ты? ты? – Но, не получая ответа, быстро прибавляет: – Не отвечай, молчи. Да и что бы ты мог сказать? Я слишком знаю, что ты скажешь. Да ты и права не имеешь ничего прибавлять к тому, что уже сказано тобой прежде. Зачем же ты пришел нам мешать? Ибо ты пришел нам мешать и сам это знаешь. Но знаешь ли, что будет завтра? Я не знаю, кто ты, и знать не хочу: ты ли это или только подобие его, но завтра же я осужу и сожгу тебя на костре, как злейшего из еретиков, и тот самый народ, который сегодня целовал твои ноги, завтра же по одному моему мановению бросится подгрести к твоему костру угли, знаешь ты это? Да, ты, может быть, это знаешь», – прибавил он в проникновенном раздумье, ни на мгновение не отрываясь взглядом от своего пленника.

«Имеешь ли ты право возвестить нам хоть одну из тайн того мира, из которого ты пришел? – и сам отвечает ему за него, – нет, не имеешь, чтобы не прибавлять к тому, что уже было прежде сказано, и чтобы не отнять у людей свободы, за которую ты так стоял, когда был на земле. Все, что ты вновь возвестишь, посягнет на свободу веры людей, ибо явится как чудо, а свобода их веры тебе была дороже всего еще тогда, полторы тысячи лет назад. Не ты ли так часто тогда говорил: «Хочу сделать вас свободными». Но вот ты теперь увидел этих «свободных» людей, – прибавляет вдруг старик со вдумчивою усмешкой. – Да, это дело нам дорого стоило, – продолжает он, строго смотря на него, – но мы dokonчили наконец это дело во имя твое. Пятнадцать веков мучились мы с этою свободой, но теперь это кончено, и кончено крепко. Ты не веришь, что кончено крепко? Ты смотришь на меня кротко и не достаиваешь меня даже негодования? Но знай, что теперь и именно ныне эти люди уверены более чем когда-нибудь, что свободны вполне, а между тем сами же они принесли нам свободу свою и покорно положили ее к ногам нашим. Но это сделали мы, а того ль ты желал, такой ли свободы?»

Ибо теперь только стало возможным помыслить в первый раз о счастье людей. Человек был устроен бунтовщиком; разве бунтовщики могут быть счастливыми? Тебя предупреждали, – говорит он ему, – ты не имел недостатка в предупреждениях и указаниях,

но ты не послушал предупреждений, ты отверг единственный путь, которым можно было устроить людей счастливыми, но, к счастью, уходя, ты передал дело нам. Ты обещал, ты утвердил своим словом, ты дал нам право связывать и развязывать и уж, конечно, не можешь и думать отнять у нас это право теперь. Зачем же ты пришел нам мешать?

Страшный и умный дух, дух самоуничтожения и небытия, великий дух говорил с тобой в пустыне, и нам передано в книгах, что он будто бы «искушал» тебя. Так ли это? И можно ли было сказать хоть что-нибудь истиннее того, что он возвестил тебе в трех вопросах, и что ты отверг, и что в книгах названо «искушениями»? А между тем если было когда-нибудь на земле совершено настоящее громовое чудо, то это в тот день, в день этих трех искушений. Именно в появлении этих трех вопросов и заключалось чудо. Если бы возможно было помыслить, лишь для пробы и для примера, что три эти вопроса страшного духа бесследно утрачены в книгах и что их надо восстановить, вновь придумать и сочинить, чтоб внести опять в книги, и для этого собрать всех мудрецов земных – правителей, первосвященников, ученых, философов, поэтов – и задать им задачу: придумайте, сочините три вопроса, но такие, которые мало того, что соответствовали бы размеру события, но и выражали бы сверх того, в трех словах, в трех только фразах человеческих, всю будущую историю мира и человечества, – то думаешь ли ты, что вся премудрость земли, вместе соединившаяся, могла бы придумать хоть что-нибудь подобное по силе и по глубине тем трем вопросам, которые действительно были предложены тебе тогда могучим и умным духом в пустыне? Уж по одним вопросам этим, лишь по чуду их появления, можно понимать, что имеешь дело не с человеческим текущим умом, а с вековечным и абсолютным. Ибо в этих трех вопросах как бы совокуплена в одно целое и предсказана вся дальнейшая история человеческая и явлены три образа, в которых сойдутся все неразрешимые исторические противоречия человеческой природы на всей земле. Тогда это не могло быть еще так видно, ибо будущее было неведомо, но теперь, когда прошло пятнадцать веков, мы видим, что все в этих трех вопросах до того угадано и предсказано и до того оправдалось, что прибавить к ним или убавить от них ничего нельзя более.

Реши же сам, кто был прав: ты или тот, который тогда вопрошал тебя? Вспомни первый вопрос; хоть и не буквально, но смысл его тот: «Ты хочешь идти в мир и идешь с голыми руками, с каким-то обетом свободы, которого они, в простоте своей и в прирожденном бесчинстве своем, не могут и осмыслить, которого боятся они и страшатся, – ибо ничего и никогда не было для человека и для человеческого общества невыносимее свободы! А видишь ли сии камни в этой нагой раскаленной пустыне? Обрати их в хлебы, и за тобой побежит человечество как стадо, благодарное и послушное, хотя и вечно трепещущее, что ты отымешь руку свою и прекратятся им хлебы твои». Но ты не захотел лишить человека свободы и отверг предложение, ибо какая же свобода, рассудил ты, если послушание куплено хлебами? Ты возразил, что человек жив не единым хлебом, но знаешь ли, что во имя этого самого хлеба земного и восстанет на тебя дух земли, и сразится с тобою, и победит тебя, и все пойдут за ним, восклицая: «Кто подобен зверю сему, он дал нам огонь с небеси!» Знаешь ли ты, что пройдут века и человечество провозгласит устами своей премудрости и науки, что преступления нет, а стало быть, нет и греха, а есть лишь только голодные «Накорми, тогда и спрашивай с них добродетели!» – вот что напишут на знамени, которое воздвигнут против тебя и которым разрушится храм твой. На месте храма твоего воздвигнется новое здание, воздвигнется вновь страшная Вавилонская башня, и хотя и эта не достроится, как и прежняя, но все же ты бы мог избежать этой новой башни и на тысячу лет сократить страдания людей, ибо к нам же ведь придут они, промучившись тысячу лет со своей башней! Они отыщут нас тогда опять под землей, в катакомбах, скрывающихся (ибо мы будем вновь гонимы и мучимы), найдут нас и возопиют к нам: «Накормите нас, ибо те, которые обещали нам огонь с небеси, его не дали». И тогда уже мы и достроим их башню, ибо достроит тот, кто накормит, а накормим лишь мы, во имя твое, и солжем, что во имя твое. О, никогда, никогда без нас они не накормят себя! Никакая наука не даст им хлеба, пока они будут оставаться свободными, но кончится тем, что они принесут свою свободу к

ногам нашим и скажут нам: «Лучше поработите нас, но накормите нас». Поймут наконец сами, что свобода и хлеб земной вдоволь для всякого вместе немыслимы, ибо никогда, никогда не сумеют они разделиться между собою! Убедятся тоже, что не могут быть никогда и свободными, потому что малосильны, порочны, ничтожны и бунтовщики. Ты обещал им хлеб небесный, но, повторяю опять, может ли он сравниться в глазах слабого, вечно порочного и вечно неблагородного людского племени с земным? И если за тобою во имя хлеба небесного пойдут тысячи и десятки тысяч, то что станется с миллионами и с десятками тысяч миллионов существ, которые не в силах будут пренебречь хлебом земным для небесного? Иль тебе дороги лишь десятки тысяч великих и сильных, а остальные миллионы, многочисленные, как песок морской, слабых, но любящих тебя, должны лишь послужить материалом для великих и сильных? Нет, нам дороги и слабые. Они порочны и бунтовщики, но под конец они-то станут и послушными. Они будут дивиться на нас и будут считать нас за богов за то, что мы, став во главе их, согласились выносить свободу и над ними господствовать, так ужасно им станет под конец быть свободными! Но мы скажем, что послушны тебе и господствуем во имя твое. Мы их обманем опять, ибо тебя мы уж не пустим к себе. В обмане этом и будет заключаться наше страдание, ибо мы должны будем лгать. Вот что значил этот первый вопрос в пустыне, и вот что ты отверг во имя свободы, которую поставил выше всего. А между тем в вопросе этом заключалась великая тайна мира сего. Приняв «хлебы», ты бы ответил на всеобщую и вековечную тоску человеческую как единоличного существа, так и целого человечества вместе – это: «перед кем преклониться?» Нет заботы непрерывнее и мучительнее для человека, как, оставшись свободным, сыскать поскорее того, перед кем преклониться. Но ищет человек преклониться пред тем, что уже бесспорно, столь бесспорно, чтобы все люди разом согласились на всеобщее пред ним преклонение. Ибо забота этих жалких созданий не в том только состоит, чтобы сыскать то, пред чем мне или другому преклониться, но чтобы сыскать такое, чтоб и все уверовали в него и преклонились пред ним, и чтобы непременно все вместе. Вот эта потребность общности преклонения и есть главнейшее мучение каждого человека единолично и как целого человечества с начала веков. Из-за всеобщего преклонения они истребляли друг друга мечом. Они созидали богов и взывали друг к другу: «Бросьте ваших богов и придите поклониться нашим, не то смерть вам и богам вашим!» И так будет до скончания мира, даже и тогда, когда исчезнут в мире и боги: все равно падут пред идолами. Ты знал, ты не мог не знать эту основную тайну природы человеческой, но ты отверг единственное абсолютное знамя, которое предлагалось тебе, чтобы заставить всех преклониться пред тобою бесспорно, – знамя хлеба земного, и отверг во имя свободы и хлеба небесного. Взгляни же, что сделал ты далее. И все опять во имя свободы! Говорю тебе, что нет у человека заботы мучительнее, как найти того, кому бы передать поскорее тот дар свободы, с которым это несчастное существо рождается. Но овладевает свободой людей лишь тот, кто успокоит их совесть. С хлебом тебе давалось бесспорное знамя: дашь хлеб, и человек преклонится, ибо ничего нет бесспорнее хлеба, но если в то же время кто-нибудь овладеет его совестью помимо тебя – о, тогда он даже бросит хлеб твой и пойдет за тем, который обольстит его совесть. В этом ты был прав. Ибо тайна бытия человеческого не в том, чтобы только жить, а в том, для чего жить. Без твердого представления себе, для чего ему жить, человек не согласится жить и скорей истребит себя, чем останется на земле, хотя бы кругом его все были хлебы. Это так, но что же вышло: вместо того чтоб овладеть свободой людей, ты увеличил им ее еще больше! Или ты забыл, что спокойствие и даже смерть человеку дороже свободного выбора в познании добра и зла? Нет ничего обольстительнее для человека, как свобода его совести, но нет ничего и мучительнее. И вот вместо твердых основ для успокоения совести человеческой раз навсегда – ты взял все, что есть необычайного, гадательного и неопределенного, взял все, что было не по силам людей, а потому поступил как бы и не любя их вовсе, – и это кто же: тот, который пришел отдать за них жизнь свою! Вместо того чтоб овладеть людскою свободой, ты умножил ее и обременил ее мучениями душевное царство человека веками. Ты возжелал свободной любви человека, чтобы свободно пошел он за тобою, прельщенный и

плененный тобою. Вместо твердого древнего закона – свободным сердцем должен был человек решать впредь сам, что добро и что зло, имея лишь в руководстве твой образ пред собою, – но неужели ты не подумал, что он отвергнет же наконец и оспорит даже и твой образ и твою правду, если его угнетут таким страшным бременем, как свобода выбора? Они воскликнут наконец, что правда не в тебе, ибо невозможно было оставить их в смятении и мучении более, чем сделал ты, оставив им столько забот и неразрешимых задач. Таким образом, сам ты и положил основание к разрушению своего же царства и не вини никого в этом более. А между тем то ли предлагалось тебе? Есть три силы, единственные три силы на земле, могущие навеки победить и пленить совесть этих слабосильных бунтовщиков, для их счастья, – эти силы: чудо, тайна и авторитет. Ты отверг и то, и другое, и третье и сам подал пример тому. Когда страшный и премудрый дух поставил тебя на вершине храма и сказал тебе: «Если хочешь узнать, сын ли ты божий, то верзись вниз, ибо сказано про того, что ангелы подхватят и понесут его, и не упадет и не расшибется, и узнаешь тогда, сын ли ты божий, и докажешь тогда, какова вера твоя в отца твоего», но ты, выслушав, отверг предложение и не поддался и не бросился вниз. О, конечно, ты поступил тут гордо и великолепно, как бог, но люди-то, но слабое бунтующее племя это – они-то боги ли? О, ты понял тогда, что, сделав лишь шаг, лишь движение броситься вниз, ты тотчас бы и искусил господа, и веру в него всю потерял, и разбился бы о землю, которую спасать пришел, и возрадовался бы умный дух, искушавший тебя. Но, повторяю, много ли таких, как ты? И неужели ты в самом деле мог допустить хоть минуту, что и людям будет под силу подобное искушение? Так ли создана природа человеческая, чтоб отвергнуть чудо и в такие страшные моменты жизни, моменты самых страшных основных и мучительных душевных вопросов своих оставаться лишь со свободным решением сердца? О, ты знал, что подвиг твой сохранится в книгах, достигнет глубины времен и последних пределов земли, и понадеялся, что, следуя тебе, и человек останется с богом, не нуждаясь в чуде. Но ты не знал, что чуть лишь человек отвергнет чудо, то тотчас отвергнет и бога, ибо человек ищет не столько бога, сколько чудес. И так как человек оставаться без чуда не в силах, то насоздаст себе новых чудес, уже собственных, и поклонится уже знахарскому чуду, бабьему колдовству, хотя бы он сто раз был бунтовщиком, еретиком и безбожником. Ты не сошел с креста, когда кричали тебе, издеваясь и дразня тебя: «Сойди со креста и уверуем, что это ты». Ты не сошел потому, что опять-таки не захотел поработить человека чудом и жаждал свободной веры, а не чудесной. Жаждал свободной любви, а не рабских восторгов невольника пред могуществом, раз навсегда его ужаснувшим. Но и тут ты судил о людях слишком высоко, ибо, конечно, они невольники, хотя и созданы бунтовщиками. Озрись и суди, вот прошло пятнадцать веков, поди посмотри на них: кого ты вознес до себя? Клянусь, человек слабее и ниже создан, чем ты о нем думал! Может ли, может ли он исполнить то, что и ты? Столь уважая его, ты поступил, как бы перестав ему сострадать, потому что слишком много от него и потребовал, – и это кто же, тот, который возлюбил его более самого себя! Уважая его менее, менее бы от него и потребовал, а это было бы ближе к любви, ибо легче была бы ноша его. Он слаб и подл. Что в том, что он теперь повсеместно бунтует против нашей власти и гордится, что он бунтует? Это гордость ребенка и школьника. Это маленькие дети, взбунтовавшиеся в классе и выгнавшие учителя. Но придет конец и восторгу ребятишек, он будет дорого стоить им. Они ниспровергнут храмы и зальют кровью землю. Но догадаются наконец глупые дети, что хоть они и бунтовщики, но бунтовщики слабосильные, собственного бунта своего не выдерживающие. Обливаясь глупыми слезами своими, они сознаются наконец, что создавший их бунтовщиками, без сомнения, хотел посмеяться над ними. Скажут это они в отчаянии, и сказанное ими будет богохульством, от которого они станут еще несчастнее, ибо природа человеческая не выносит богохульства и в конце концов сама же всегда и отмстит за него. Итак, беспокойство, смятение и несчастье – вот теперешний удел людей после того, как ты столь претерпел за свободу их! Великий пророк твой в видении и в иносказании говорит, что видел всех участников первого воскресения и что было их из каждого колена по двенадцати тысяч. Но если было их столько, то были и они

как бы не люди, а боги. Они вытерпели крест твой, они вытерпели десятки лет голодной и нагой пустыни, питаюсь акридами и кореньями, – и уж, конечно, ты можешь с гордостью указать на этих детей свободы, свободной любви, свободной и великолепной жертвы их во имя твое. Но вспомни, что их было всего только несколько тысяч, да и то богов, а остальные? И чем виноваты остальные слабые люди, что не могли вытерпеть того, что могучие? Чем виновата слабая душа, что не в силах вместить столь страшных даров? Да неужто же и впрямь приходил ты лишь к избранным и для избранных? Но если так, то тут тайна и нам не понять ее. А если тайна, то и мы вправе были проповедовать тайну и учить их, что не свободное решение сердец их важно и не любовь, а тайна, которой они повиноваться должны слепо, даже мимо их совести. Так мы и сделали. Мы исправили подвиг твой и основали его на чуде, тайне и авторитете. И люди обрадовались, что их вновь повели как стадо и что с сердец их снят наконец столь страшный дар, принесший им столько муки. Правы мы были, уча и делая так, скажи? Неужели мы не любили человечества, столь смиренно сознав его бессилие, с любовью облегчив его ношу и разрешив слабосильной природе его хотя бы и грех, но с нашего позволения? К чему же теперь пришел нам мешать? И что ты молча и проникновенно глядишь на меня кроткими глазами своими? Рассердись, я не хочу любви твоей, потому что сам не люблю тебя. И что мне скрывать от тебя? Или я не знаю, с кем говорю? То, что имею сказать тебе, все тебе уже известно, я читаю это в глазах твоих. И я ли скрою от тебя тайну нашу? Может быть, ты именно хочешь услышать ее из уст моих, слушай же: мы не с тобой, а с ним, вот наша тайна! Мы давно уже не с тобою, а с ним, уже восемь веков. Ровно восемь веков назад как мы взяли от него то, что ты с негодованием отверг, тот последний дар, который он предлагал тебе, показав тебе все царства земные: мы взяли от него Рим и меч кесаря и объявили лишь себя царями земными, царями едиными, хотя и донныне не успели еще привести наше дело к полному окончанию. Но кто виноват? О, дело это до сих пор лишь в начале, но оно началось. Долго еще ждать завершения его, и еще много выстрадает земля, но мы достигнем и будем кесарями и тогда уже помыслим о всемирном счастье людей. А между тем ты бы мог еще и тогда взять меч кесаря. Зачем ты отверг этот последний дар? Приняв этот третий совет могучего духа, ты восполнил бы все, чего ищет человек на земле, то есть: пред кем преклониться, кому вручить совесть и каким образом соединиться наконец всем в бесспорный общий и согласный муравейник, ибо потребность всемирного соединения есть третье и последнее мучение людей. Всегда человечество в целом своем стремилось устроиться непременно всемирно. Много было великих народов с великою историей, но чем выше были эти народы, тем были и несчастнее, ибо сильнее других сознавали потребность всемирности соединения людей. Великие завоеватели, Тимуры и Чингис-ханы, пролетели как вихрь по земле, стремясь завоевать вселенную, но и те, хотя и бессознательно, выразили ту же самую великую потребность человечества ко всемирному и всеобщему единению. Приняв мир и порфиру кесаря, основал бы всемирное царство и дал всемирный покой. Ибо кому же владеть людьми как не тем, которые владеют их совестью и в чьих руках хлеба их. Мы и взяли меч кесаря, а взяв его, конечно, отвергли тебя и пошли за ним. О, пройдут еще века бесчинства свободного ума, их науки и антропофагии, потому что, начав возводить свою Вавилонскую башню без нас, они кончат антропофагией. Но тогда-то и приползет к нам зверь, и будет лизать ноги наши, и обрызжет их кровавыми слезами из глаз своих. И мы сядем на зверя и воздвигнем чашу, и на ней будет написано: «Тайна!» Но тогда лишь и тогда настанет для людей царство покоя и счастья. Ты гордишься своими избранниками, но у тебя лишь избранники, а мы успокоим всех. Да и так ли еще: сколь многие из этих избранников, из могучих, которые могли бы стать избранниками, устали наконец, ожидая тебя, и понесли и еще понесут силы духа своего и жар сердца своего на иную ниву и кончат тем, что на тебя же и воздвигнут свободное знамя свое. Но ты сам воздвиг это знамя. У нас же все будут счастливы и не будут более ни бунтовать, ни истреблять друг друга, как в свободе твоей, повсеместно. О, мы убедим их, что они тогда только и станут свободными, когда откажутся от свободы своей для нас и нам покорятся. И что же, правы мы будем или солжем? Они сами убедятся, что правы, ибо

вспомнят, до каких ужасов рабства и смятения доводила их свобода твоя. Свобода, свободный ум и наука заведут их в такие дебри и поставят перед такими чудами и неразрешимыми тайнами, что одни из них, непокорные и свирепые, истребят себя самих, другие, непокорные, но малосильные, истребят друг друга, а третьи, оставшиеся, слабосильные и несчастные, приползут к ногам нашим и возопиют к нам: «Да, вы были правы, вы одни владели тайной его, и мы возвращаемся к вам, спасите нас от себя самих». Получая от нас хлебы, конечно, они ясно будут видеть, что мы их же хлебы, их же руками добытые, берем у них, чтобы им же раздать, безо всякого чуда, увидят, что не обратили мы камней в хлебы, но воистину более, чем самому хлебу, рады они будут тому, что получают его из рук наших! Ибо слишком будут помнить, что прежде, без нас, самые хлебы, добытые ими, обращались в руках их лишь в камни, а когда они воротились к нам, то самые камни обратились в руках их в хлебы. Слишком, слишком оценят они, что значит раз навсегда подчиниться! И пока люди не поймут сего, они будут несчастны. Кто более всего способствовал этому непониманию, скажи? Кто раздробил стадо и рассыпал его по путям неведомым? Но стадо вновь соберется и вновь покорится, и уже раз и навсегда. Тогда мы дадим им тихое, смиренное счастье, счастье слабосильных существ, какими они и созданы. О, мы убедим их наконец не гордиться, ибо ты вознес их и тем научил гордиться; докажем им, что они слабосильны, что они только жалкие дети, но что детское счастье слаще всякого. Они станут робки и станут смотреть на нас и прижиматься к нам в страхе, как птенцы к наседке. Они будут дивиться и ужасаться на нас и гордиться тем, что мы так могучи и так умны, что могли усмирить такое буйное тысячемиллионное стадо. Они будут расслабленно трепетать гнева нашего, умы их оробеют, глаза их станут слезоточивы, как у детей и женщин, но столь же легко будут переходить они по нашему мановению к веселью и к смеху, светлой радости и счастливой детской песенке. Да, мы заставим их работать, но в свободные от труда часы мы устроим им жизнь как детскую игру, с детскими песнями, хором, с невинными плясками. О, мы разрешим им и грех, они слабы и бессильны, и они будут любить нас как дети за то, что мы им позволим грешить. Мы скажем им, что всякий грех будет искуплен, если сделан будет с нашего позволения; позволяем же им грешить потому, что их любим, наказание же за эти грехи, так и быть, возьмем на себя. И возьмем на себя, а нас они будут обожать как благодетелей, понесших на себе их грехи пред богом. И не будет у них никаких от нас тайн. Мы будем позволять или запрещать им жить с их женами и любовницами, иметь или не иметь детей – все судя по их послушанию – и они будут нам покоряться с весельем и радостью. Самые мучительные тайны их совести – все, все понесут они нам, и мы все разрешим, и они поверят решению нашему с радостью, потому что оно избавит их от великой заботы и страшных теперешних мук решения личного и свободного. И все будут счастливы, все миллионы существ, кроме сотни тысяч управляющих ими. Ибо лишь мы, мы, хранящие тайну, только мы будем несчастны. Будет тысячи миллионов счастливых младенцев и сто тысяч страдальцев, взявших на себя проклятие познания добра и зла. Тихо умрут они, тихо угаснут во имя твое и за гробом обрящут лишь смерть. Но мы сохраним секрет и для их же счастья будем манить их наградой небесною и вечною. Ибо если бы было что на том свете, то уж, конечно, не для таких, как они. Говорят и пророчествуют, что ты придешь и вновь победишь, придешь со своими избранниками, со своими гордыми и могучими, но мы скажем, что они спасли лишь самих себя, а мы спасли всех. Говорят, что опозорена будет блудница, сидящая на звере и держащая в руках своих тайну, что взбунтуются вновь малосильные, что разорвут порфиру ее и обнажат ее «гадкое» тело. Но я тогда встану и укажу тебе на тысячи миллионов счастливых младенцев, не знавших греха. И мы, взявшие грехи их для счастья их на себя, мы станем пред тобой и скажем: «Суди нас, если можешь и смеешь». Знай, что я не боюсь тебя. Знай, что и я был в пустыне, что и я питался акридами и кореньями, что и я благословлял свободу, которою ты благословил людей, и я готовился стать в число избранников твоих, в число могучих и сильных с жаждой «восполнить число». Но я очнулся и не захотел служить безумию. Я воротился и примкнул к сонму тех, которые исправили подвиг твой. Я ушел от гордых и

воротился к смиренным для счастья этих смиренных. То, что я говорю тебе, сбудется, и царство наше созиждется. Повторяю тебе, завтра же ты увидишь это послушное стадо, которое по первому мановению моему бросится подгрести горячие угли к костру твоему, на котором сожгу тебя за то, что пришел нам мешать. Ибо если был кто всех более заслужил наш костер, то это ты. Завтра сожгу тебя. Dixi».

Притча Сергея Есенина

Свеча воровская

Жил-был один человек, а время было трудное, вот он и задумал себе промыслить добра да недобрым делом: что у кого плохо лежит – не обойдет, припрячет, а то накупит дряни какой, выйдет купцом на базар и так заговорит ловко, так выкрутит, совсем тебя с толку собьет и втридорога сбудет, – одно слово, вор. И всякий раз, дело свое обделав, Николе свечку несет.

Понаставил он свечей, только его свечи и видно.

И пошла молва про Ипата, что по усердию своему первый он человек и в делах его Никола ему помощник. Да и сам Ипат-то уверился, что никто, как Никола.

И однажды хапнул он у соседа, да скорей наутек для безопасности. А там, как на грех, хватились, да по следам за ним вдогонку.

Бежал Ипат, бежал, выбежал за село, бежит по дороге – вот-вот настигнут, – и попадает ему навстречу старичок, так нищий старичок, побиральщик.

– Куда бежишь, Ипат?

– Ой, дедушка, выручи, не дай пропасть, схорони: настигнут, живу не бывать!

– А ложись, – говорит старичок, – вона в ту канавку.

Ипат – в канаву, а там – лошадь дохлая. Он под лошадь, в брюхо-то ей и закопался.

Бегут по дороге люди и прямо по воровскому следу, а никому и невдомек, да и мудрено догадаться: канавка хоть и не больно глубока, да дохлятину-то разнесло, что гора.

Так и пробежали.

Ипат и вышел.

А старичок тут же на дороге стоит.

– Что, Ипат, хорошо тебе в скрыти-то лежать?

– Ой, дедушка, хорошо, – чуть не задохнулся!

– Ну, вот, видишь, задохнулся! – сказал старичок и стал такой строгий, – а мне, как думаешь, от твоих свечей слаще? Да свечи твои, слышишь, мне, как эта падаль! – и пошел такой строгий.

Притчи Максима Горького

Владыка Самарканда

Нет человека, который не хотел бы владеть Самаркандом!

Шир-Али, кривой нищий, тоже мечтал об этом, особенно по ночам, когда тихий степной ветер пахнет травами, опьяняя, возбуждая безумные мечты. Но и днем нищий нередко говорил беднякам, друзьям своим:

– Ах, если бы я был владыкой Самарканда!..

Весь город узнал мечту Шир-Али, и люди, смеясь при встрече с ним, говорили друг другу:

– Вот этот, одноглазый, тоже хочет владеть Самаркандом!

Узнал о мечтах нищего сам Великий Хромой, Тимур-хан, узнал и удивился жестоко.

– Несправедливо это, – сказал он, – несправедливо, если мечта героя доступна сердцу ничтожного нищего!

И запомнил он в глубоком сердце своем имя Шир-Али.

А долго спустя, когда стены Самарканда пали под ударами железной руки Тимура и когда благая рука эта восстановила красоту города во всем великолепии его, повелел Тимурленг:

– Найдите нищего, по имени Шир-Али!

Привели одноглазого, и сказал Тимур, глядя на него глазами барса:

– Али! Известно стало мне, что небо и звезды любят тебя, и решил я: да будешь ты счастлив на земле, да исполнится мечта твоя!

И приказал:

– Омойте нищего, оденьте его и поклонитесь ему. Отныне он владыка Самарканда, как того хочет мой разум, как решило сердце мое!

Вот сидит Шир-Али на коврах, выше всех, весь в шелке и золоте, сидит, открыв рот, и одинокий глаз его не виден в радужном блеске драгоценных камней. А пред ним стоят, преклонив головы, великие мурзы, воины, мудрецы и девяносто девять тысяч удивленного народа. И сам Непобедимый стоит пред ним, прислушиваясь молча, как рыгает чисто вымытый, по горло сытый нищий.

И сказал ему Тимур-хан:

– Скажи нам что-нибудь, Шир-Али, счастливый человек, скажи нам лучшее, что ты носишь в душе твоей, знакомой со всяким горем, – в доброй душе твоей?

Подумал одноглазый и сказал:

– Добрые люди, подайте милостыню одноглазому нищему, подайте...

Долго молчали князья, воины, мудрецы, девяносто девять тысяч народа, и сам Тимур долго молчал. А потом, вздохнув, повелел:

– Повесьте эту кривую собаку на воротах города!

Есть люди, которые думают, что одноглазый нищий в последний час жизни своей – только в этот час – был более мудр, чем победитель мира.

Наказание Тамерлана

Когда он насытился славой, как Хороссан зноем солнца, он стал задумчив и немногословен, подобно мудрецу с берегов Ганга. И, созвав однажды в шатер свой величайших мудрецов земли, кратко спросил их:

– Мне нужно видеть бога, как я могу достичь его?

Разные пути указывали мудрецы Тимуру, но он жестоко молчал, отталкивая мудрых взглядом презрения.

Молодой мудрец далекой страны Средиземного моря указал Тамерлану:

– Только разумный труд приводит к познанию мудрости божьей!

– Это путь рабов, – крикнул Хромой. – Укажи мне путь владыки!

– Бог познается созерцанием, – сказал седой старик из Пешавера.

Усмехнулся Тимур.

– Созерцание – сон души и бред ее. Ступай прочь, старик!

Византиец сказал, что путь к богу лежит сквозь любовь и терния любви к людям, но Тимур не понял византийца, насмешливо возразив ему:

– Тех, которые много любят, мы называем распутными, и они заслуживают только презрение.

Так он отверг все советы мудрецов и много дней был мрачен, точно ворон. Но однажды, запоздав на охоте, он остался ночевать в горном ущелье, и вот, на рассвете, ворвалась в ущелье буря, осыпая его каменные бока огненными стрелами, наполнив горную щель степной пылью и тьмой.

И в громе, во тьме Тимурленг услышал спокойный Голос:

– Зачем я тебе, человек?

Понял Хромой, кто говорит с ним, но не утратился и спросил:

– Это ты создал мир, который я разрушаю?

– Зачем я тебе, человек? – повторил Голос бури.

Подумал Тимур, глядя во тьму, и сказал:

– Родились в душе моей мысли, не нужные мне, и требуют ответов. Это ты внушаешь ненужные мысли?

Не ответил Голос, или не слышен был Тимуру ответ его в злом хохоте грома среди камней. Тогда выпрямился человек и заговорил:

– Вот, я разрушаю мир, – весь он в ужасе пред мечом моим, а я не знаю страха даже пред тобою. Ты создал землю, посеял на земле неисчислимые племена, – я поливаю землю твою кровями всех племен, я истребляю лучшее твое, вся земля побелела – покрыта костями людей, уничтоженных мною. Я делаю все, что могу, ты можешь только убить меня, ничего больше ты не сделаешь мне, ничего! И вот я спрашиваю: зачем все это: я, ты и все дела наши?

Голос спокойно сказал:

– Придет час, и я накажу тебя.

Усмехнулся великий убийца.

– Смертью?

И Голос ответил:

– Страшнее смерти – пресыщением накажу я тебя!

– Что такое пресыщение? – спросил Тимур.

Но буря взлетела к вершинам гор, и никто не ответил Тамерлану.

После этого Тимурленг жил еще семьдесят семь лет, избивая тьмы людей, разрушая города, как слон муравейники. Иногда, на пирах, когда пели о подвигах его, он вспоминал ночлег в горах и Голос бури и, вспоминая, спрашивал лучших мудрецов своих:

– Что такое пресыщение?

Они говорили ему много, но ведь нельзя объяснить человеку то, чего нет в сердце его, как нельзя заставить лягушку болота понять красоту небес.

Умер великий Тимурленг, разрушитель мира, после великой битвы, и, умирая, он смотрел с жалостью в очах только на любимый меч свой.

Притчи Фарид ад-Дин Аттара

Скряга и Ангел Смерти

Трудом, торговлей и ростовщицеством скряга накопил триста тысяч динаров. У него были земли и строения, и самые разнообразные богатства. Тогда он решил, что проведет один год в развлечениях, живя в свое удовольствие, а потом решит, каким быть его будущему.

Но лишь только он закончил пересчитывать свои деньги, перед ним предстал Ангел Смерти, чтобы забрать его жизнь. Скряга пытался всевозможными доводами переубедить Ангела, но тот оставался непреклонным. Тогда человек сказал:

– Дай мне всего три дня, за это я отдам тебе треть своего имущества.

Ангел отказался и вновь дернул за жизнь скряги, чтобы забрать ее.

Тогда человек сказал:

– Если только ты отпустишь мне два лишних дня на земле, я отдам тебе двести тысяч динаров из своих сбережений.

Но Ангел не хотел и слушать его. Он даже отказал несчастному в одном-единственном дне в обмен на все его триста тысяч монет.

Тогда скряга сказал:

– Умоляю тебя, отпусти мне самую малость: позволь написать всего несколько слов.

На этот раз Ангел сделал ему эту единственную уступку, и человек написал собственной кровью: «Человек, не растеряй свою жизнь. Я не мог купить даже час за триста тысяч динаров. Удостоверься, понимаешь ли ты ценность того времени, которым располагаешь».

Собака, палка и суфий

Один человек в суфийской одежде шел однажды по дороге и, увидев на дороге собаку, сильно ударил ее своим посохом. Завизжав от боли, та побежала к великому мудрецу Абу Саиду. Она кинулась ему в ноги и, продемонстрировав пораненную ногу, все ему рассказала и попросила быть судьей между ней и тем суфием, который обошелся с ней столь жестоко. Мудрец призвал к себе их обоих и сказал суфию:

– О безголовый! Как посмел ты так поступить с бессловесной тварью?! Посмотри, что ты натворил!

– Я тут ни при чем, – возразил суфий. – Собака сама виновата во всем. Я ударил ее вовсе не из прихоти, а потому, что она запачкала мою одежду.

Однако собака продолжала считать себя несправедливо обиженной; и тогда несравненный мудрец сказал ей:

– Дабы тебе не хранить обиду до Великого Суда, позволь мне дать тебе компенсацию за твои страдания.

Собака ответила:

– О мудрый и великий! Увидев этого человека в одежде суфия, я подумала, что он не причинит мне вреда. Если бы я увидела его в обычной одежде, разумеется, я постаралась бы держаться от него подальше. Моя единственная вина состоит в том, что я полагала внешние атрибуты служителя истины гарантией безопасности. Если ты желаешь наказать его, отбери у него одеяние избранных. Лиши его права носить костюм человека праведности.

Зазнавшиеся ученые

Некогда жили два ученых, и каждый из них постоянно сам себя восхвалял. Время от времени они посещали собрания во дворце шаха, обладавшего большим умом и глубокими познаниями. Своей пронизательностью шах сразу распознал в этих ученых высокомерных людей и решил испытать каждого из них наедине.

Шах спросил одного из них о другом:

– Что за человек этот ученый муж?

И получил ответ:

– О шах, он осел, грязный тщеславный болтун!

Тогда он спросил другого:

– Что за человек тот ученый?

– Это безголовый и прожорливый бык, единственные добродетели его – борода и чалма! – сказал второй ученый о первом.

Испытав таким образом их характер, шах сделал вывод, что цена им обоим невысока и что они заслуживают не почета, а только презрения.

На следующий день эти ученые пришли на собрание к шаху, на котором присутствовали все эмиры и вазирьы. И шах решил подшутить над ними. Он приказал кравчему подать всем лакомое блюдо – жареную курицу с рисом, а перед высокомерными учеными поставить блюдо ячменя с соломой и корзину хлопкового семени. Когда все это было выполнено и перед всеми гостями, кроме этих двух ученых, стояла жареная курица с рисом, они оба заплакали и спросили шаха:

– Объясни нам причину этого. Что мы сказали или сделали, чтобы заслужить такое

наказание?

– Указаниям ученых умным людям всегда подобает следовать: ты сказал, что этот муж – прозорливый бык, он же сравнил тебя с ослом. Быку же полагается только хлопковое семя, а ослам люди обычно дают ячмень, и я решил следовать общепринятым правилам, – ответил шах.

И они осознали, что зло никогда не вознаграждается добром.

Благословение идолопоклонника

Однажды архангел Гавриил услышал из рая голос Бога – Бог благословил какого-то человека. Ангел сказал:

– Верно, это важный слуга Всевышнего, верно, какой-нибудь святой пустынный, мудрец.

Ангел спустился на землю, чтобы найти этого человека, но не мог найти его ни на небе, ни на земле. Тогда он обратился к Богу и сказал:

– О, Господи! Покажи мне путь к этому предмету твоей любви.

Бог отвечал:

– Поди в деревню, и там в одном маленьком храме ты увидишь огонь.

Ангел спустился к храму и там увидел, что человек молился перед идолом. Ангел вернулся к Богу и сказал:

– О, Господи, неужели ты с любовью смотришь на идолопоклонника?

Бог сказал:

– Я не смотрю на то, что он неверно понимает меня. Понять меня, какой я точно есть, никто из людей не может. И самый великий мудрец из людей так же далек от истинного понимания того, что такое я, как и этот человек. Я смотрю не на ум, а на сердце. Сердце же этого человека ищет меня и потому близко ко мне.

Хитросплетения судьбы

Богатый юноша, живший во времена Иисуса, влюбился в случайно встретившуюся ему на пути девушку и женился на ней. У девушки не было одной руки, и она стыдилась юноши. Бог услышал ее молитву и восстановил ей руку.

Когда супруги вернулись домой, однажды за обедом они слышали голос дервиша. Жена взяла два куска хлеба и хотела дать их нищему, но муж ей не разрешил. Она подумала, что он скупой, и заплакала. Но он сказал:

– Этого мало, дай ему полную тарелку.

Она взглянула на нищего и увидела, что это ее первый муж, из скупости ставший нищим. Тогда она рассказала юноше свою историю.

Ее первый муж был чрезвычайно скуп. Однажды, когда его не было дома, она дала нищему курицу, в которую спрятала ценное кольцо. Вернувшись, муж очень разгневался, развелся с ней и изгнал из города, отрубив ей руку.

Тут юноша заплакал и сказал, что этим нищим был он, – кольцо дало ему богатство.

Притча Владимира Одоевского

Индийская сказка о четырех глухих

Однажды неподалеку от деревни пастух пас овец. Было уже за полдень, и бедный пастух очень проголодался. Правда, он, выходя из дому, велел своей жене принести себе в поле позавтракать, но жена, как будто нарочно, не приходила.

Призадумался бедный пастух: идти домой нельзя – как оставить стадо? Того и гляди,

что раскрадут; остаться на месте – еще хуже: голод замучит. Посмотрел он по сторонам, видит – тальяри (деревенский сторож) косит траву для своей коровы. Пастух подошел к нему и сказал:

– Одолжи, любезный друг: посмотри, чтобы мое стадо не разбрелось. Я только схожу домой позавтракать, а как позавтракаю, тотчас возвращусь и щедро награжу тебя за твою услугу.

Кажется, пастух поступил очень благоразумно; да и действительно, он был малый умный и осторожный. Одно в нем было худо: он был глух, да так, что пушечный выстрел над ухом не заставил бы его оглянуться; а что всего хуже – он и говорил-то с глухим.

Тальяри слышал ничуть не лучше пастуха, и потому немудрено, что из пастуховой речи он не понял ни слова. Ему показалось, напротив, что пастух хочет отнять у него траву, и он закричал с сердцем:

– Да что тебе за дело до моей травы? Не ты ее косил, а я. Не подыхать же с голоду моей корове, чтобы твое стадо было сыто? Что ни говори, а я не отдам этой травы. Убирайся прочь!

При этих словах тальяри в гневе потряс рукою, а пастух подумал, что он обещает защищать его стадо, и, успокоенный, поспешил домой, намереваясь задать жене своей хорошую головомойку, чтоб она впредь не забывала приносить ему завтрак.

Подходит пастух к своему дому – смотрит: жена его лежит на пороге, плачет и жалуется. Надобно вам сказать, что вчера на ночь она неосторожно покушала сырого горошку – а вы знаете, что сырой горошек во рту слаще меда, а в желудке тяжелей свинца.

Наш добрый пастух постарался, как умел, помочь своей жене, уложил ее в постель и дал горькое лекарство, от которого ей стало лучше. Между тем он не забыл и позавтракать. За всеми этими хлопотами ушло много времени, и на душе у бедного пастуха стало беспокойно. «Что-то делается со стадом? Долго ли до беды!» – думал пастух. Он поспешил воротиться и, к великой своей радости, скоро увидел, что его стадо спокойно пасется на том же месте, где он его оставил. Однако же, как человек благоразумный, он пересчитал всех своих овец. Их было ровно столько же, сколько перед его уходом, и он с облегчением сказал самому себе: «Честный человек этот тальяри! Надо наградить его».

В стаде у пастуха была молодая овца; правда, хромяя, но прекрасно откормленная. Пастух взвалил ее на плечи, подошел к тальяри и сказал ему:

– Спасибо тебе, господин тальяри, что поберег мое стадо! Вот тебе целая овца за твои труды.

Тальяри, разумеется, ничего не понял из того, что сказал ему пастух, но, видя хромую овцу, вскричал:

– А мне что за дело, что она хромяет! Откуда мне знать, кто ее изувечил? Я и не подходил к твоему стаду.

– Правда, она хромяет, – продолжал пастух, не слыша тальяри, – но все-таки это славная овца: и молода, и жирна. Возьми ее, зажарь и скушай за мое здоровье с твоими приятелями.

– Отойдешь ли ты от меня, наконец! – закричал тальяри вне себя от гнева. – Я тебе еще раз говорю, что я не ломал ног у твоей овцы и к стаду твоему не только не подходил, а даже и не смотрел на него.

Но так как пастух, не понимая его, все еще держал перед ним хромую овцу, расхваливая ее на все лады, то тальяри не вытерпел и замахнулся на него кулаком.

Пастух, в свою очередь, рассердившись, приготовился к горячей обороне, и они, верно, подрались бы, если бы их не остановил какой-то человек, проезжавший мимо верхом на лошади.

Надо вам сказать, что у индийцев существует обычай, когда они заспорят о чем-нибудь, просить первого встречного рассудить их.

Вот пастух и тальяри и ухватились, каждый со своей стороны, за узду лошади, чтоб остановить верхового.

– Сделайте милость, – сказал всаднику пастух, – остановитесь на минуту и рассудите: кто из нас прав и кто виноват? Я дарю вот этому человеку овцу из моего стада в благодарность за его услуги, а он в благодарность за мой подарок чуть не прибил меня.

– Сделайте милость, – сказал тальяри, – остановитесь на минуту и рассудите: кто из нас прав и кто виноват? Этот злой пастух обвиняет меня в том, что я изувечил его овцу, когда я и не подходил к его стаду.

К несчастью, выбранный ими судья был также глух, и даже, говорят, больше, нежели они оба вместе. Он сделал знак рукою, чтобы они замолчали, и сказал:

– Я вам должен признаться, что эта лошадь точно не моя: я нашел ее на дороге, и так как я очень тороплюсь в город по важному делу, то, чтобы скорее поспеть, я и решился сесть на нее. Если она ваша, возьмите ее; если же нет, то отпустите меня поскорее: мне некогда здесь дольше оставаться.

Пастух и тальяри ничего не расслышали, но каждый почему-то вообразил, что ездук решает дело не в его пользу.

Оба они еще громче стали кричать и браниться, упрекая в несправедливости избранного ими посредника.

В это время на дороге показался старый брамин, служитель храма. Все три спорщика бросились к нему и стали наперебой рассказывать свое дело. Но брамин был так же глух, как они.

– Понимаю! – отвечал он им. – Она послала вас упросить меня, чтоб я воротился домой (брамин говорил про свою жену). Но это вам не удастся. Знаете ли вы, что во всем мире нет никого сварливее этой женщины? С тех пор как я на ней женился, она меня заставила наделать столько грехов, что мне не смыть их даже в священных водах Ганга. Лучше я буду питаться милостынею и проведу остальные дни мои в чужом краю. Я решился твердо, и все ваши уговоры не заставят меня переменить моего намерения и снова согласиться жить в одном доме с такою злою женою.

Шум поднялся больше прежнего: все вместе кричали изо всех сил, не понимая один другого. Между тем тот, который украл лошадь, завидя издали бегущих людей, принял их за хозяев украденной лошади, проворно соскочил с нее и убежал.

Пастух, заметив, что уже становится поздно и что стадо его совсем разбрелось, поспешил собрать своих овечек и погнал их в деревню, горько жалуясь, что нет на земле справедливости, и приписывая все огорчения нынешнего дня змее, которая переползла дорогу в то время, когда он выходил из дому, – очень дурной приметей.

Тальяри возвратился к своей накошенной траве и, найдя там жирную овцу, невинную причину спора, взвалил ее на плечи и понес к себе, думая тем наказать пастуха за все обиды.

Брамин добрался до ближней деревни, где и остановился ночевать. Голод и усталость несколько утишили его гнев. А на другой день пришли приятели и родственники и уговорили бедного брамина воротиться домой, обещая усостыдить его сварливую жену и сделать ее послушнее и смирнее.

Знаете ли, друзья, что может прийти в голову, когда прочитаешь эту сказку? На свете бывают люди, большие и малые, которые хотя и не глухи, а не лучше глухих: что говоришь им – не слушают, в чем уверяешь – не понимают, сойдутся вместе – заспорят, сами не зная о чем. Ссорятся они без причины, обижаются без обиды, а сами жалуются на людей, на судьбу или приписывают свое несчастье нелепым приметам – просыпанной соли, разбитому зеркалу... Так, например, один мой приятель никогда не слушал того, что учитель говорил ему в классе, и сидел на скамейке словно глухой. Что же вышло? Он вырос дурак дураком: за что ни примется, ничто ему не удается. Умные люди о нем жалеют, хитрые его обманывают, а он, видите ли, жалуется на судьбу, что будто бы несчастливый родился.

Сделайте милость, друзья, не будьте глухи! Уши нам даны для того, чтобы слушать. Один умный человек заметил, что у нас два уха и один язык и что, стало быть, нам надобно больше слушать, нежели говорить.

Притчи Леонардо да Винчи

Камень и дорога

Жил-был на свете большой красивый камень. Протекавший мимо ручей до блеска отполировал его бока, которые так и сверкали на солнце. Но со временем ручей высох, а камень продолжал лежать на пригорке. Вокруг него было раздолье для высоких трав и ярких полевых цветов.

Сверху камню хорошо была видна пробежавшая внизу мощеная дорога, по обочине которой были свалены в кучу голыши и булыжники. Оставшись в одиночестве без привычного журчания веселого ручья, камень все чаще стал с тоской поглядывать вниз на дорогу, где всегда царило оживление. Однажды ему сделалось так грустно, что он не выдержал и воскликнул:

– Не век же мне вековать одному! Что проку от трав и цветов? Куда разумнее жить бок о бок с моими собратьями на проезжей дороге, где жизнь бьет ключом.

Сказав это, он сдвинулся с насиженного места и стремглав покатился вниз, пока не очутился на дороге среди таких же, как он, камней. Кто только не проходил и не проезжал по дороге! И колеса повозок с железными ободьями, и копыта лошадей, коров, овец, коз, и щегольские сапоги с ботфортами, и подбитые гвоздями крепкие крестьянские башмаки.

Камень оказался в дорожной толчее, где его грубо отшвыривали в сторону, топтали, крошили, обдавали потоками грязи, а порою он бывал выпачкан по уши коровьим пометом.

Куда девалась его былая красота! Теперь он с грустью поглядывал вверх, на пригорок, где когда-то мирно лежал среди благоухающих цветов и разнотравья. Ему ничего более не оставалось, как тщетно мечтать о возврате утраченного спокойствия. Не зря говорят: «Что имеем – не храним, потерявши – плачем».

Так и люди порой бездумно покидают глухие сельские уголки, устремляясь в шумные многолюдные города, где тотчас оказываются во власти суеты, неутолимой жажды и нескончаемых трудностей и треволнений.

Осел

В положенное время осел пришел на водопой. Но утки на пруду так раскрякались и разыгрались, хлопая крыльями, что замутили всю воду.

Хотя осла мучила нестерпимая жажда, он не стал пить и, отойдя в сторонку, принялся терпеливо ждать. Наконец утки уgomонились и, выйдя на берег, ушли прочь. Осел вновь подошел к воде, но она была еще мутная. И он опять отошел с понурой головой.

– Мама, почему же он не пьет? – спросил любопытный лягушонок, заинтересовавшись поведением осла. – Вот уже дважды он подходит к пруду и отходит ни с чем.

– А все потому, – ответила мама-лягушка, – что осел скорее умрет от жажды, нежели притронется к грязной воде. Он будет терпеливо ждать, пока вода не очистится и не станет прозрачной.

– Ах, какой же он упрямый!

– Нет, сынок, он не столько упрямый, сколько терпеливый, – пояснила лягушка. – Осел готов сносить все тяготы и огорчения. А упрямым его величает всяк, кому самому недостает выдержки и терпения.

Гусеница

Прилипнув к листочку, гусеница с интересом наблюдала, как насекомые пели, прыгали, скакали, бегали наперегонки, летали... Все вокруг было в постоянном движении. И лишь одной ей, бедняге, отказано было в голосе и не дано ни бегать, ни летать. С превеликим

трудом она могла только ползать. И пока гусеница неуклюже перебиралась с одного листка на другой, ей казалось, что она совершает кругосветное путешествие.

И все же она не сетовала на судьбу и никому не завидовала, сознавая, что каждый должен заниматься своим делом. Вот и ей, гусенице, предстояло научиться ткать тонкие шелковые нити, чтобы из них свить для себя прочный домик-кокон.

Без лишних рассуждений гусеница старательно принялась за работу и к нужному сроку оказалась укутанной с ног до головы в теплый кокон.

– А дальше что? – спросила она, отрезанная в своем укрытии от остального мира.

– Всему свой черед! – послышалось ей в ответ. – Наберись немного терпения, а там увидишь.

Когда настала пора, и она очнулась, то уже не была прежней неповоротливой гусеницей. Ловко высвободившись из кокона, она с удивлением заметила, что у нее отросли легкие крылышки, щедро раскрашенные в яркие цвета. Весело взмахнув ими, она, словно пушок, вспорхнула с листка и полетела, растворившись в голубой дымке.

Бумага и чернила

На письменном столе стопкой лежали одинаковые листы чистой бумаги. Но однажды один из них оказался сплошь испещренным крючочками, черточками, завитками, точками. Видимо, кто-то взял перо и, обмакнув его в чернила, исписал листок словами и разрисовал рисунками.

– Зачем тебе понадобилось подвергать меня такому неслыханному унижению? – в сердцах спросил опечаленный листок у стоявшей на столе чернильницы. – Твои несмываемые чернила запятнали мою белизну и испортили бумагу навек! Кому я теперь такой буду нужен?

– Не тужи! – ласково ответила чернильница. – Тебя вовсе не хотели унижить и не запятнали, а лишь сделали нужную запись. И теперь ты уже не простой клочок бумаги, а написанное послание. Отныне ты хранишь мысль человека, и в этом твое прямое назначение и великая ценность.

Добрая чернильница оказалась права. Прибираясь как-то на письменном столе, человек увидел беспорядочно разбросанные пожелтевшие от времени листки. Он собрал их и хотел было бросить в горящий камин, как вдруг заметил тот самый «запятнанный» листок. Выбросив за ненадобностью запылившиеся бумажки, человек бережно положил исписанный листок в ящик стола, дабы сохранить как послание разума.

Кедр

В одном саду рос кедр. С каждым годом он мужал и становился все выше и краше. Его пышная крона царственно возвышалась над остальными деревьями и отбрасывала на них густую тень. Но чем больше он разрастался и тянулся вверх, тем сильнее в нем росло непомерное высокомерие. С презреньем поглядывая на всех свысока, однажды он повелительно крикнул:

– Уберите прочь этот жалкий орешник! – И дерево было срублено под корень.

– Освободите меня от соседства несносной смоковницы! Она докучает мне своим глупым видом, – приказал в другой раз капризный кедр, и смоковницу постигла та же участь.

Довольный собой, горделиво покачивая ветвями, спесивый красавец никак не унимался:

– Очистите вокруг меня место от старых груш и яблонь! – и деревья пошли на дрова.

Так неугомонный кедр повелел истребить одно за другим все деревья, став полновластным хозяином в саду, от былой красы которого остались одни пни.

Но однажды разразился сильный ураган. Зазнавшийся кедр изо всех сил противился ему, крепко держась за землю мощными корнями. А ветер, не встретив на своем пути других

деревьев, беспрепятственно набрасывался на одиноко стоящего красавца, нещадно ломая, круша и пригибая его книзу. Наконец истерзанный кедр не выдержал яростных ударов, треснул и повалился наземь.

Змеиня смекалка

Почуввав опасность, утки дружно вспорхнули над озером. С высоты хорошо было видно, что весь берег кишел длиннохвостыми гадами с колючим чешуйчатым гребнем на голове и крепкими когтистыми лапами. В отличие от обыкновенных драконов, они были лишены перепончатых крыльев. Но зато отличались неимоверной злобой и коварством. Такая тварь на что ни глянет – все вокруг вянет, куда ни ступит – трава не растет.

Голод пригнал этих гадов на берег озера, где среди камышовых зарослей в изобилии водится всякая живность. Раздосадованные, что добыча ускользнула из-под носа, твари решили переправиться на другой берег.

На все они были горазды, а вот плаванью не научены. Как же быть? Тогда кому-то из них пришла в голову хитрая мысль: обвиться крепко-накрепко длинными хвостами, образовав некое подобие плота.

Сказано – сделано. И вот вопящие чудища поплыли, дружно гребя лапами и высоко задрав кверху головы. Казалось, что сам сатана связал их веревкой.

Пролетая над плывущими гадами, вожак утиног косяка крикнул:

– Смотрите! Вот чего можно добиться благодаря сплоченности и смекалке.

Объединившись, зло способно на всякие ухищрения, дабы выжить и творить свое черное дело. Не мешало бы и добру поступать столь же находчиво и смело.

Кремень и огниво

Получив однажды сильный удар от огнива, кремень возмущенно спросил у обидчика:

– С чего ты так набросилось на меня? Я тебя знать не знаю. Ты меня, видимо, с кем-то путаешь. Оставь, пожалуйста, мои бока в покое. Я никому не причиняю зла.

– Не сердись попусту, сосед, – с улыбкой промолвило огниво в ответ. – Если ты наберешься немного терпения, то вскоре увидишь, какое чудо я извлеку из тебя.

При этих словах кремень успокоился и стал терпеливо сносить удары огнива. И, наконец, из него был высечен огонь, способный творить подлинные чудеса. Так терпение кремня было по заслугам вознаграждено.

Злоключения льва

Проснувшись на рассвете, царь зверей сладко потянулся и напрямик направился к реке. Для порядка он мощно рыкнул, оповещая о своем приближении всякое мелкое зверье, которое обычно собирается у водополя и мутит воду. Вдруг он остановился, услышав непривычный шум. Обернувшись, лев увидел, что на него во весь опор несется разгоряченная лошадь, за которой грохочет, подпрыгивая на камнях, пустая таратайка.

Лев прыгнул в ближайшие кусты и зажмурился от страха. Ему еще ни разу в жизни не приводилось видывать столь диковинное тархтящее животное.

Отсидевшись в кустах и немного придя в себя от испуга, лев вышел, озираясь, из зарослей и осторожной походкой вновь направился к водополю.

Но не успел он пройти несколько шагов, как его слух поразил пронзительный клич. Где-то поблизости надрывался голосистый петух. Лев остановился как вкопанный, и его начала бить мелкая дрожь.

А петух, словно издеваясь над ним, заголосил еще пуще во всю свою луженую глотку и к тому же принялся носиться по кругу, воинственно потрясая красным гребешком.

Из-за высокой травы льву был виден только подрагивающий огненный хохолок да

слышен незнакомый клич: «Ку-ка-ре-ку!». Не помня себя от страха и забыв про жажду, посрамленный царь зверей умчался в чащу леса.

Видать, и для льва выдаются порой несчастливые дни, когда все идет шиворот-навыворот и на каждом шагу подстерегают злоключения.

Лоза и крестьянин

Лоза не могла нарадоваться, видя, как весной крестьянин осторожно вскопал вокруг нее землю, стараясь не задеть заступом нежные корни, как он любовно ухаживал за ней, подвязывал, ставил прочные подпорки, чтобы ей вольготно было расти. В благодарность за такую заботу лоза решила во что бы то ни стало одарить человека сочными душистыми гроздьями.

Когда пришла пора сбора винограда, лоза была сплошь увешана крупными кистями. Рачительный хозяин все их срезал одну за другой и бережно уложил в корзину. Затем, подумав, выкопал колья и подпорки и пустил их на дрова.

И бедной лозе ничего не осталось, как горевать от незаслуженной обиды и мерзнуть всю зиму на голой земле. Но на следующий год она уже не была столь щедра, и недалёковидный крестьянин жестоко поплатился за свою жадность.

Луна и устрица

Устрица была по уши влюблена в луну. Словно замороженная, она часами глядела влюбленными глазами на ночное светило. Сидевший в засаде прожорливый краб заметил, что всякий раз, как из-за туч выплывает луна, раззява-устрица раскрывает створки раковины, забыв обо всем на свете. И он решил ее съесть.

Однажды ночью, едва взошла луна и устрица, по обыкновению, уставилась на нее, раскрыв рот, краб подцепил клешней камешек и, изловчившись, бросил его внутрь раковины. Любительница лунного света постаралась было захлопнуть створки перламутрового жилища, но было поздно – брошенный камешек помешал бедняжке.

Подобная участь ждет каждого, кто не умеет в тайне хранить сокровенные чувства. Глаза и уши, охочие до чужих секретов, всегда найдутся.

Люмерпа

Среди пустынных гор Азии обитает чудо-птица. У нее нежный мелодичный голос, а ее полет преисполнен красоты и величия. Парит ли птица в небе или отдыхает на скале, она не отбрасывает тень, потому что ее пух и перья сверкают ярким светом, подобно солнечным лучам. Даже после смерти она не исчезает бесследно, ибо ее плоть неподвластна тленью, а блестящее оперение продолжает излучать свет, как и прежде.

Но если кто-либо попытается овладеть этим дивным сиянием, выдернув хотя бы одно перо птицы, свет моментально померкнет, а дерзкий смельчак тотчас ослепнет от черной зависти.

Имя этой редчайшей птицы – Люмерпа, что означает «светозарная». Она подобна подлинной славе, нетленно живущей в веках. Никто не в силах ее умалить или присвоить.

Медвежонок и пчелы

Не успела медведица отлучиться по делам, как ее непоседливый сынок, забыв о мамином наказе сидеть дома, вприпрыжку помчался в лес. Сколько здесь раздолья и незнакомых манящих запахов! Не то что в тесной душной берлоге. Вне себя от радости, медвежонок принялся гоняться за бабочками, пока не наткнулся на большое дупло, откуда так сильно пахнуло чем-то вкусным, что в носу защекотало.

Приглядевшись, малыш обнаружил, что пчел здесь видимо-невидимо. Одни летали с грозным жужжанием вокруг дупла, точно часовые, а другие прилетали с добычей и, юркнув внутрь, снова улетали в лес.

Завороженный этим зрелищем, любопытный медвежонок не мог удержаться от соблазна. Ему не терпелось поскорее выведать, что творится внутри дупла. Вначале он просунул туда свой влажный нос и понюхал, а затем погрузил лапу и почувствовал что-то теплое и липкое. Когда он вытащил лапу наружу, она была вся в меду. Не успел он лизнуть сладкую лапу и зажмуриться от удовольствия, как на него налетела туча свирепых пчел, которые впились ему в нос, уши, рот... От нестерпимой боли медвежонок взвыл и стал отчаянно защищаться, давя лапами пчел. Но те еще пуще жалили. Тогда он принялся кататься по земле, стараясь заглушить жгучую боль, но и это не помогало.

Не помня себя от страха, малыш пустился наутек к дому. Весь искусанный, прибежал он в слезах к своей маме. Медведица пожурила его для порядка за баловство, а затем промыла покусанные места студеной ключевой водой.

С той поры медвежонок твердо знал, что за сладкое приходится горько расплачиваться.

Мельник и осел

Как-то в кругу друзей один знатный синьор, прославившийся книголюбием и занимательным рассказчиком, принялся с жаром доказывать, что ему, мол, не раз приходилось ранее жить в этом мире. Дабы придать больший вес своим словам, он даже сослался на известное высказывание древнего мудреца и ученого Пифагора.

Но один из друзей то и дело подтрунивал над рассказчиком, вставляя язвительные замечания, и мешал закончить повествование. Вконец рассердившись, почитатель древней философии решил урезонить насмешника и заявил:

– В доказательство моей правоты припоминаю, что в ту далекую пору ты, невежа, был простым мельником.

Эти слова явно задели приятеля за живое, но он был не из тех, кого надобно тянуть за язык.

– Да кто же с тобой спорит? Ты, как всегда, совершенно прав, – ответил он. – Мне ли не помнить, что в те времена именно ты, дружище, был тем самым ослом, что возил мешки с зерном на мою мельницу.

Муравей и пшеничное зерно

Оставшееся на поле после жатвы пшеничное зерно с нетерпением ждало дождя, чтобы поглубже зарыться в сырую землю в преддверии наступающих холодов. Пробегавший мимо муравей заметил его. Обрадовавшись находке, он, не раздумывая, взвалил тяжелую добычу на спину и с трудом пополз к муравейнику. Чтобы засветло поспеть к дому, муравей полз без остановки, а поклажа все тяжелее давила его натруженную спину.

– Зачем ты надрываешься? Брось меня здесь! – взмолилось пшеничное зерно.

– Если я тебя брошу, – ответил муравей, тяжело дыша, – мы останемся на зиму без пропитания. Нас много, и каждый обязан промышлять, дабы умножать запасы в муравейнике.

Тогда зерно подумало и сказала:

– Я понимаю твои заботы честного труженика, но и ты вникни в мое положение. Послушай меня внимательно, умный муравей!

Довольный тем, что можно немного перевести дух, муравей сбросил со спины тяжелую ношу и присел отдохнуть.

– Так знай же, – сказала зерно, – во мне заключена великая животворная сила, и мое назначение – порождать новую жизнь. Давай заключим с тобой полюбовно один договор.

– Какой такой договор?

– А вот какой. Если ты не потащишь меня в муравейник и оставишь здесь на родном поле, – пояснило зерно, – то ровно через год я вознагражу тебя. – Удивленный муравей недоверчиво покачал головой. – Верь мне, дорогой муравей, я говорю сущую правду! Если ты сейчас откажешься от меня и повременишь, то потом я сторицей вознагражу твоё терпение, и твой муравейник не будет внакладе. В обмен на одно вы получите сто таких же зерен.

Муравей задумался, почесывая затылок: «Сто зерен в обмен на одно. Да такие чудеса только в сказках бывают».

– А как ты это сделаешь? – спросил он, распираемый любопытством, но все еще не веря.

– Положись на меня! – ответило зерно. – Это великая тайна жизни. А теперь вырой небольшую ямку, закопай меня, а летом сызнова возвращайся.

В условленный срок муравей вернулся на поле и увидел на месте зерна большой колос. Пшеничное зерно сдержало свое обещание.

Невод

И вновь в который раз невод принес богатый улов. Корзины рыбаков были доверху наполнены голавлями, карпами, линями, щуками, угрями и множеством другой снеди. Целые рыбы семьи, с чадами и домочадцами, были вывезены на рыночные прилавки и готовились окончить свое существование, корчась в муках на раскаленных сковородах и в кипящих котлах.

Оставшиеся в реке рыбы, растерянные и охваченные страхом, не осмеливаясь даже плавать, зарылись поглубже в ил. Как жить дальше? В одиночку с неводом не совладать. Его ежедневно забрасывают в самых неожиданных местах. Он беспощадно губит рыб, и в конце концов вся река будет опустошена.

– Мы должны подумать о судьбе наших детей. Никто, кроме нас, не позаботится о них и не избавит от страшного наваждения, – рассуждали пескари, собравшиеся на совет под большой корягой.

– Но что мы можем предпринять? – робко спросил линь, прислушиваясь к речам смельчаков.

– Уничтожить невод! – в едином порыве ответили пескари.

В тот же день всезнающие юркие угри разнесли по реке весть о принятом смелом решении. Всем рыбам от мала до велика предлагалось собраться завтра на рассвете в глубокой тихой заводи, защищенной развесистыми ветлами.

Тысячи рыб всех мастей и возрастов приплыли в условленное место, чтобы объявить неводу войну.

– Слушайте все внимательно! – сказал карп, которому не раз удавалось перегрызть сети и бежать из плена. – Невод шириной с нашу реку. Чтобы он держался стоймя под водой, к его нижним узлам прикреплены свинцовые грузила. Приказываю всем рыбам разделить на две стаи. Первая должна поднять грузила со дна на поверхность, а вторая стая будет крепко держать верхние узлы сети. Щукам поручается перегрызть веревки, коими невод крепится к обоим берегам.

Затаив дыхание, рыбы внимали каждому слову предводителя.

– Приказываю угрям тотчас отправиться на разведку! – продолжал карп. – Им надлежит установить, куда заброшен невод.

Угри отправились на задание, а рыбы стаи сгрудились у берега в томительном ожидании. Пескари тем временем старались ободрить самых робких и советовали не поддаваться панике, даже если кто угодит в невод: ведь рыбакам все равно не удастся вытащить его на берег.

Наконец угри возвратились и доложили, что невод уже заброшен примерно на расстоянии одной мили вниз по реке. И вот огромной армадой рыбы стаи поплыли к цели,

ведомые мудрым карпом.

– Плывите осторожно! – предупреждал вожак. – Смотрите в оба, чтобы течение не затащило в сети. Работайте всю плавниками и вовремя тормозите!

Впереди показался невод, серый и зловещий. Охваченные порывом гнева, рыбы смело ринулись в атаку.

Вскоре невод был приподнят со дна, державшие его веревки перерезаны острыми щучьими зубами, а узлы порваны. Но разъяренные рыбы на этом не успокоились и продолжали набрасываться на ненавистного врага. Ухватившись зубами за искалеченный дырявый невод и усиленно работая плавниками и хвостами, они тащили его в разные стороны и рвали на мелкие клочья. Вода в реке, казалось, кипела.

Рыбаки еще долго рассуждали, почесывая затылки, о таинственном исчезновении невода, а рыбы до сих пор с гордостью рассказывают эту историю своим детям.

Орех и колокольня

Разжившись где-то орехом, довольная ворона полетела на колокольню. Устроившись там поудобней и придерживая добычу лапой, она принялась яростно долбить клювом, чтобы добраться до лакомого зернышка. Но то ли удар оказался слишком сильным, то ли ворона сплеховала, орех вдруг выскользнул у нее из лапы, покатился вниз и исчез в расселине стены.

– О, добрая стена-заступница! – слезно запричитал орех, все еще не пришедший в себя от жестоких ударов вороньего клюва. – Не дай погибнуть, сжался надо мной! Ты так прочна и величава, у тебя такая красивая колокольня. Не гони меня!

Колокола глухо и неодобрительно загудели, предупреждая стену не доверяться коварному ореху, так как он может оказаться опасным для нее.

– Не оставь меня, сирого, в беде! – продолжал причитать орех, стараясь перекричать сердитый гул колоколов. – Мне уже надлежало покинуть родимую ветку и упасть на сырую землю, как вдруг нагрянула злодейка. Оказавшись в клюве прожорливой вороны, я дал себе зарок: если удастся избежать смерти – провести тихо и спокойно остаток своих дней в какой-нибудь ямке.

Пылкие речи ореха растрогали старую стену до слез. Вопреки предупреждению колоколов она решила оказать ореху гостеприимство и оставить в щели, куда он закатился.

Однако со временем орех оправился от испуга, освоился и пустил корни, а те начали вгрызаться в гостеприимную стену. Вскоре из расселины выглянули наружу первые ростки. Они дружно тянулись вверх и набирали силу. Прошло еще немного времени, и молодые побеги орешника уже гордо возвышались над самой колокольней. Особенно доставалось стене от корней. Цепкие и напористые, они все пуще разрастались, круша и расшатывая старую кладку, и безжалостно выталкивали прочь кирпичи и камни.

Слишком поздно стена поняла, насколько коварным оказался невзрачный жалкий орешек с его клятвенными заверениями жить тише воды и ниже травы. Ей теперь ничего другого не оставалось, как корить себя за доверчивость и горько сожалеть, что в свое время она не прислушалась к голосу мудрых колоколов.

Орешник

В большом саду за оградой росли в добром согласии и мире фруктовые деревья. По весне они утопали в молочно-розовой кипени, а к исходу лета гнулись под тяжестью спелых плодов. Случайно в эту дружную трудовую семью затесался орешник, который вскоре буйно разросся и возомнил о себе.

– С какой стати мне торчать в саду за оградой? – недовольно ворчал он. – Я вовсе не собираюсь жить здесь затворником. Пусть мои ветки перекинутся через забор на улицу, чтобы вся округа знала, какие у меня дивные орехи!

И орешник принялся настойчиво одолевать высокий забор, дабы предстать во всей красе перед прохожими.

Когда пришла пора и его ветки оказались сплошь усыпаны орехами, всяк, кому не лень, стал их обрывать. А коли руки не доставали, в ход шли палки и камни.

В скором времени побитый и обломанный орешник растерял не только плоды, но и листья. Как плети, безжизненно свисали через забор его искалеченные ветки, а в густой зелени сада красовались налитые соком яблоки, груши, персики.

Осел на льду

Проплутав по полям до самых сумерек, осел так утомился, что не в силах был доташиться до своего стойла. Зима в том году стояла суровая – все дороги обледенели.

– Мочи нет боле. Передохну немного здесь, – сказал вконец обессиленный осел и растянулся на льду.

Откуда ни возьмись подлетел юркий воробей и прочирикал ему на ухо:

– Осел, очнись! Ты не на дороге, а на замерзшем пруду.

Но ослу так хотелось спать, что он уже ничего не слышал. Сладко зевнув, он крепко заснул, и вскоре из его ноздрей повалил пар. Под действием тепла лед стал понемногу подтаивать, пока с треском не обломился. Оказавшись в студеной воде, осел тотчас проснулся и стал звать на помощь. Но было уже поздно, и бедняга захлебнулся.

Никогда не следует гнушаться добрым советом, особенно когда находишься в незнакомом месте.

Пантера

– Мама! – закричала запыхавшаяся обезьянка, прыгнув на ветку высокого дерева. – Мне только что повстречалась львица. Какая же она красивая!

Обезьяна-мама раздвинула ветки и поглядела на зверя, застывшего в ожидании добычи.

– Это не львица, а пантера, – пояснила мама. – Ты приглядишься к окраске ее шкуры.

– Да она просто загляденье! Глаз не оторвешь, – воскликнула обезьянка. – Вся словно усыпана черными розочками.

И действительно, издали казалось, что среди пожелтевшей от жары травы вдруг расцвели дивные махровые цветы.

– Пантера знает, сколь она привлекательна, и пользуется своей красотой как приманкой, – продолжала мама-обезьяна. – Завидев яркое одеяние незнакомки, замороженные звери следуют за ней и становятся легкой добычей хищницы. И красота служит порою для недобрых дел.

Паук и стриж

Трижды паук был вынужден натягивать между деревьями свою серебристую паутину, и всякий раз, пролетая на бреющем полете, стриж-насмешник разрывал крылом его сети.

– Почему ты мешаешь мне работать? – возмущенно спросил паук. – Разве я тебе помеха?

– Да ты само воплощение коварства! – прощebetал стриж в ответ. – А твоя паутина-невидимка – смертельная ловушка для насекомых.

– Тебе ли, братец, говорить такие слова? – подивился паук. – Чем же ты лучше меня? Днями напролет носишься с открытым клювом и хватаешь направо и налево тех же букашек, о коих теперь так печешься. Для тебя это занятие вроде забавы. Я же тружусь изо всех сил, тку тонкие нити и плету из них кружево. В награду за рдение и честный труд получаю добычу, когда она попадает в сети.

Каждый горазд судить другого, смотря на мир со своей колокольни.

Персиковое дерево

В одном саду рядом с орешником росло персиковое дерево. Оно то и дело с завистью поглядывало на ветви соседа, щедро усыпанные орехами.

– Отчего у него столько плодов, а у меня так мало? – не переставало ворчать неразумное дерево. – Разве это справедливо? Пусть и у меня будет столько же персиков! Чем я хуже его?

– Не зарься на чужое! – сказала как-то ему росшая поблизости старая слива. – Неужели ты не видишь, какой крепкий ствол и гибкие ветки у орешника? Чем ворчать понапрасну да завидовать, постарайся-ка лучше вырастить добротные сочные персики.

Но ослепленное черной завистью персиковое дерево не пожелало прислушаться к добрым советам сливы, и никакие доводы на него не действовали. Оно тут же повелело своим корням поглубже вгрызться в землю и поболее извлечь живительных соков и влаги. Ветвям оно приказало не скупиться на завязь, а цветам превратиться в плоды. Когда прошла пора цветения, дерево оказалось до самой макушки увешанным зреющими плодами.

Наливаясь соком, персики тяжелели день ото дня, и ветвям было неважно удерживать их на весу.

И вот однажды дерево застонало от натуги, ствол с треском надломился, а спелые персики попадали на землю, где вскоре и сгнили у подножия невозмутимого орешника.

Плененная сова

– Свобода! Да здравствует свобода! – закричали дрозды, первыми увидев, как крестьянин изловил злодейку-сову, которая по ночам держала в страхе всю лесную птичью братию.

Вскоре по округе разнеслась радостная весть, что сова изловлена и посажена в клетку на крестьянском дворе. А человек изловил сову с умыслом. Посадив ее как приманку, он расставил для любопытных птиц силки.

– Попалась, злодейка! – потешались птицы, густо облепив забор, кусты и деревья.

Самые отчаянные и смелые подлетали вплотную к клетке, стараясь преборно ущипнуть столь грозного еще вчера врага.

– И на тебя нашлась управа! Теперь-то ты не будешь разорять наши гнезда.

Чтобы поближе разглядеть плененную сову, птицы толкались и наседали друг на друга, пока сами не попали в западню.

Пчела и трутни

– Управы на вас нет, бездельники! – не выдержала как-то рабочая пчела, урезонивая трутней, летавших попусту вокруг улья. – Вам бы только не работать. Постыдились бы! Куда ни глянь, все трудятся, делают запасы впрок. Возьмите, к примеру, крохотного муравья. Мал, да удал. Все лето работает в поте лица, стараясь не упустить ни одного дня. Ведь зима не за горами.

– Нашла, кого ставить в пример! – огрызнулся один из трутней, которому наскучили наставления пчелы. – Да твой хваленый муравей губит семена каждого урожая. Этот крохобор тащит всякую мелочь в свой муравейник.

Бездельника хлебом не корми, а дай порассуждать, да и в умении очернить других ему не откажешь. Он всегда готов найти оправдание собственной никчемности.

Сердечная теплота

Два молодых страуса были вне себя от горя. Всякий раз, как самка принималась

высиживать яйца, те лопались под тяжестью ее тела.

Отчаявшись добиться своего, они решили отправиться за советом к умной бывалой страусихе, жившей на другом конце пустыни. Много дней и ночей пришлось бежать им, пока они не добрались до цели.

– Помогите нам! – взмолились оба. – Вразуми и научи нас, несчастных, как высиживать яйца! Сколько мы ни старались, нам так и не удалось получить потомство.

Внимательно выслушав их горестную историю, умная страусиха сказала в ответ:

– Дело это многотрудное. Помимо желания и старания, здесь надобно еще кое-что.

– Что же? – разом воскликнули оба страуса. – Мы на все согласны!

– А коли так, слушайте и запоминайте! Самое главное – это сердечная теплота. Вы должны с любовью относиться к снесенному яйцу, постоянно заботясь о нем, как о самой дорогой для вас ценности. Только теплота ваших сердец способна вдохнуть в него жизнь.

Окрыленные надеждой, страусы отправились в обратный путь. Когда яйцо было снесено, самка и самец принялись бережно ухаживать за ним, не спуская с него глаз, полных любви и нежности.

Так прошло немало дней. От постоянного бдения оба страуса еле держались на ногах. Но их вера, терпение и старания были вознаграждены. Однажды в яйце что-то дрогнуло, оно треснуло и расколосось, а из скорлупы выглянула пушистая головка крохотного страусенка.

Сокол и щеглята

Вернувшись с охоты, сокол, к величайшему удивлению, обнаружил в собственном гнезде двух щеглят, сидевших бок о бок с его неоперившимися птенцами. Он был не в духе, потому что охота в тот ненастный день не удалась: попадалась одна мертвечина. А соколы, как известно, скорее умрут с голоду, но никогда не станут питаться падалью.

При виде незваных гостей он еще более озлился и хотел было выместить на них свою досаду и растерзать их в клочья, но вовремя одумался. Даже в гневе негоже соколу обижать беззащитных пичужек.

– Откуда вы взялись здесь? – грозно спросил хозяин гнезда.

– Мы заблудились в лесу во время дождя, – пропищал еле-еле один из щеглят.

Хищник метнул на него гневный взор. Его распирала злость, и мучил голод. Дрожа от страха, два щегленка прижались друг к другу и не смели ни вздохнуть, ни пикнуть. Оба были жирненькие и упитанные, но такие беспомощные и жалкие, что гордый сокол был не в силах наброситься на них. Он только закрыл глаза и отвернулся, чтобы не поддаваться соблазну.

– Вон отсюда! – зычно приказал хищник. – Чтобы духу вашего здесь не было!

И когда те стремглав полетели прочь, сокол обернулся к своим голодным птенцам и сказал:

– Наш удел – крупная добыча. Лучше умереть с голоду, чем позволить себе поживиться невинной птахой.

Справедливость

– Нет на свете справедливости! – жалобно пропищала мышь, чудом вырвавшись из когтей ласки.

– Доколе же неправду терпеть! – возмущенно крикнула ласка, едва успев спрятаться в узкое дупло от кошки.

– Житья нет от произвола! – промяукала кошка, прыгнув на высокий забор и с опаской поглядывая на брешущего внизу дворового пса.

– Успокойтесь, друзья! – сказала мудрая сова, сидевшая в клетке на крестьянском дворе. – В ваших сетованиях на жизнь есть доля истины. Но разве справедливость принадлежит по праву кому-то одному из вас?

При этих словах мышь выглянула из норы, ласка высунула носик из дупла, кошка

поудобнее устроилась на заборе, а пес присел на задние лапы.

– Справедливость, – продолжала сова, – это высший закон природы, по которому между всеми живущими на земле устанавливается разумное согласие. По этому мудрому закону живут все звери, птицы, рыбы и даже насекомые. Посмотрите, как дружно живет и трудится пчелиный рой.

Сова действительно была права. Кому хоть раз приводилось видеть улей, тот знает, что там безраздельно властвует пчелиная матка, распорядясь всем и всеми с величайшим умом и справедливо распределяя обязанности между членами многочисленной пчелиной семьи. У одних пчел основная забота – сбор нектара с цветов, у других – работа в сотах; одни охраняют улей, отгоняя назойливых ос и шмелей, другие заботятся о поддержании чистоты. Есть пчелы, коим надлежит ухаживать за маткой, не отходя от нее ни на шаг. Когда повелительница состарится, самые сильные пчелы бережно носят ее на себе, а наиболее опытные и знающие врачуют всякими снадобьями. И если хоть одна пчела нарушит свой долг, ее ждет неминуемая кара.

В природе все мудро и продумано, всяк должен заниматься своим делом, и в этой мудрости – высшая справедливость жизни.

Сыновья благодарность

Как-то поутру два старых удода, самец и самка, почувствовали, что на сей раз им не вылететь из гнезда. Густая пелена застлала им очи, хотя небо было безоблачным и день обещал быть солнечным. Но оба они видели лишь мутную дымку и ничего уже не различали вокруг. Птицы были стары и немощны. Перья на крыльях и хвосте потускнели и ломались, словно старые сучья. Силы были на исходе.

Старики удоды решили не покидать более гнездо и вместе ожидать последний час, который не замедлит явиться.

Но они ошиблись – явились их дети. Поначалу показался один из сыновей, случайно пролетающий мимо. Он заметил, что старым родителям нездоровится и туго приходится одним, и полетел оповестить остальных братьев и сестер.

Когда все молодые удоды были в сборе подле отчего дома, один из них сказал:

– От наших родителей мы получили величайший и бесценный дар – жизнь. Они вскормили и взрастили нас, не жалея ни сил, ни любви. И теперь, когда оба слепы, больны и уже не в состоянии прокормить себя, наш святой долг – вылечить и вывести их!

После этих слов все дружно принялись за дело. Одни немедленно приступили к постройке нового, более теплого гнезда, другие отправились на ловлю букашек и червячков, а остальные полетели в лес.

Вскоре было готово новое гнездо, куда дети бережно перенесли старых родителей. Чтобы согреть их, они накрыли стариков крыльями, как насадка согревает собственным теплом еще не вылупившихся птенцов. Затем родителей напоили родниковой водой, накормили и осторожно выщипали свалевшийся пух и старые ломкие перья. Наконец из леса вернулись остальные удоды, принеся в клюве травку, исцеляющую от слепоты. Все принялись врачевать больных соком чудодейственной травки. Но лечение шло медленно, и пришлось запастись терпением, подменяя друг друга и не оставляя родителей ни на минуту одних.

И вот настал радостный день, когда отец и мать раскрыли глаза, огляделись и узнали всех своих детей. Так сыновья благодарность и любовь исцелили родителей, вернув им зрение и силы.

Тополь

Известно, что тополь растет быстрее многих деревьев. Его побеги прямо на глазах тянутся кверху, обгоняя в росте все прочие растения в округе.

Однажды молодому тополю пришла в голову мысль обзавестись подругой жизни. Свой выбор он остановил на приглянувшейся ему виноградной лозе.

– Что за странная блажь! – отговаривали его собратья. – С этой красавицей лозой ты хлебнешь горя. На что она тебе? Наше дело – расти вверх, и иного нам не дано.

Но упрямый тополь настоял на своем. Пылкий влюбленный соединился с молодой лозой и позволил ей покрепче себя обнять, чему был несказанно рад. Получив прочную опору, лоза стала быстро разрастаться и плодоносить. Увидев, что лоза хорошо прижилась, цепко обвившись вокруг ствола, сметливый крестьянин стал по весне обрезать ветки тополя, чтобы они не тянули за собой ввысь лозу, а ему самому было бы сподручней собирать осенью гроздья спелого винограда.

Куда девалась былая статность тополя? Он округлился, поутратил прежний пыл и смирился с судьбой. Стоит себе куций, с подрезанными ветвями, служа подпоркой для своей плодовой подруги. А его собратья, взметнув ввысь густые кроны, беззаботно шелестят листвою.

Устав обязывает

Известно, что в определенное время года монахам надлежит строго блюсти пост. В такие дни монастырский устав запрещает им употреблять мясо и любую другую жирную пищу. Правда, когда монахи находятся в пути или промышляют милостыней, то в порядке исключения им не возбраняется питаться всем, что судьба ниспошлет.

Находясь как-то в пути по своим монастырским делам, два монаха забрели передохнуть и закусить с дороги на постоялый двор, где случай их свел с проезжим купцом.

Хозяин постоялого двора был так беден, что ничего не мог предложить гостям, кроме жалкой худосочной курицы величиной не более голубя. Когда курица была готова, хозяин снял ее с вертела и подал на стол целиком, надеясь, что сотрапезники сами поделят ее поровну между собой.

Взглянув на жареного куренка и тут же смекнув, что его едва хватит на одного едока, хитрый купчишка сказал, обращаясь к монахам:

– Сдается мне, святая братия, что ныне самый разгар великого поста. Не так ли? Не хочу, чтоб из-за меня вы нарушали закон. Так уж и быть, возьму на себя грех и избавлю вас от куренка.

Монахам ничего другого не осталось, как согласиться с пройдохой. Они не стали вдаваться в тонкости и объяснять купцу, что для странствующих монахов возможны некоторые поблажки.

Купчина уплел с превеликим удовольствием целую курицу и обглодал все косточки, а его двум сотрапезникам пришлось довольствоваться ломтем хлеба и куском сыра.

После трапезы все трое отправились в путь. Монахи шли пешком по бедности, а купец из-за своей скупости. Отмахали они немало, пока не оказались перед широкой рекой, преградившей им путь.

По обычаю былых времен, самый рослый и молодой из монахов, который был бос, взвалил себе на спину толстого купца и понес его вброд через реку.

Но, дойдя до середины брода, монах вдруг вспомнил о строгих предписаниях монастырского устава и остановился в недоумении. Сгибаясь под тяжестью ноши, он поднял кверху голову и спросил у купца, удобно сидевшего на закорках с башмаками и дорожным мешком в руках:

– Скажи-ка, любезный! Уж нет ли при тебе денег?

– Что за глупый вопрос! – подивился тот. – Пора бы тебе, братец, знать, что ни один уважающий себя купец никогда не отправится в дальний путь без денег.

– Очень сожалею! – сказал монах. – Но наш устав запрещает нам носить при себе деньги.

И с этими словами он сбросил купца в воду. Вымокнув до нитки, весь красный от стыда

и досады, плутоватый купец был вынужден согласиться, что досталось ему поделом от монахов за давешнюю уловку с курицей.

Устрица и мышь

Как-то устрица угодила в сеть и вместе с богатым уловом оказалась в рыбацкой хижине.

«Здесь всех нас ждет неминуемая гибель», – печально подумала она, видя, как в сваленной на полу куче задыхаются без воды и бьются в предсмертных муках ее собратья по несчастью.

Вдруг, откуда ни возьмись, явилась мышь.

– Послушай, добрая мышка! – взмолилась устрица. – Сделай милость, отнеси меня к морю!

Мышь понимающим взглядом оглядела ее: устрица бы ла на редкость крупная и красивая, да и мясо у нее, должно быть, сочное и вкусное.

– Хорошо, – с готовностью ответила мышь, решив поживиться легкой добычей, которая, как говорится, сама шла в руки. – Но прежде ты должна раскрыть створки своей раковины, чтобы мне сподручнее было нести тебя к морю. Иначе я с тобой никак не управлюсь.

Плутовка говорила так убедительно и проникновенно, что обрадованная ее согласием устрица не учуяла подвоха и доверчиво раскрылась. Узкой мордочкой мышь тут же сунулась внутрь раковины, чтобы покрепче вцепиться зубами в мясо. Но впопыхах забыла про осмотрительность, и устрица, почувствовав неладное, успела захлопнуть свои створки, зажав крепко-накрепко, словно капканом, голову грызуна.

Мышь громко запищала от боли, а находившаяся поблизости кошка услышала писк, одним прыжком настигла обманщицу и сцапала.

Как говорится, хитри-хитри, да хвост береги.

Язык и зубы

Жил-был на свете мальчик, страдавший серьезным недугом, которому иногда бывают подвержены и взрослые, – он беспрестанно разговаривал, не зная меры.

– Что за наказание этот язык, – ворчали зубы. – Когда же он уgomонится и помолчит немного?

– Какое вам до меня дело? – нагло отвечал язык. – Жуйте себе на здоровье и помалкивайте. Вот и весь вам сказ! Между нами нет ничего общего. Никому не позволю встречать в мои личные дела, а тем паче соваться с глупыми советами!

И мальчик продолжал без умолку болтать кстати и некстати. Язык был наверху блаженства, произнося все новые мудреные слова, хотя и не успевал хорошенько вникнуть в их смысл.

Но однажды мальчик так увлекся болтовней, что, сам того не ведая, попал впросак. Чтобы как-то выпутаться из беды, он позволил языку сказать заведомую ложь. Тогда зубы не выдержали – терпение их лопнуло. Они разом сомкнулись и пребольно укусили врунишку. Язык побагровел от выступившей крови, а мальчик заплакал от стыда и боли.

С той поры язык ведет себя с опаской и осторожностью, да и мальчик, прежде чем вымолвить слово, дважды подумает.

Притча Франца Кафки

Врата Закона

У врат Закона стоял привратник. Пришел к привратнику поселянин и попросил пропустить его к Закону. Но привратник сказал, что в настоящую минуту он пропустить его не может. И подумал посетитель, и вновь спросил, может ли он войти туда впоследствии?

– Возможно, – ответил привратник, – но сейчас войти нельзя.

Однако врата Закона, как всегда, открыты, а привратник стоял в стороне, и проситель, наклонившись, постарался заглянуть в недра Закона. Увидев это, привратник засмеялся и сказал:

– Если тебе так не терпится, попытайся войти, не слушай моего запрета. Но знай: могущество мое велико. А ведь я только самый ничтожный из стражей. Там, от покоя к покою, стоят привратники, один могущественнее другого. Уже третий из них внушал мне невыносимый страх.

Не ожидал таких препон поселянин: «Ведь доступ к Закону должен быть открыт для всех в любой час», – подумал он. Но тут он пристальнее взглянул на привратника, на его тяжелую шубу, на острый горбатый нос, на длинную жидкую черную монгольскую бороду и решил, что лучше подождать, пока не разрешат войти.

Привратник подал ему скамеечку и позволил присесть в стороне, у входа. И сидел он там день за днем и год за годом. Непрестанно добивался он, чтобы его впустили, и докучал привратнику этими просьбами. Иногда привратник допрашивал его, пытался, откуда он родом и многое другое, но вопросы задавал безучастно, как важный господин, и под конец непрестанно повторял, что пропустить его он еще не может.

Много добра взял с собой в дорогу поселянин, и все, даже самое ценное, он отдавал, чтобы подкупить привратника. А тот все принимал, но при этом говорил:

– Беру, чтобы ты не думал, будто ты что-то упустил.

Шли года, внимание просителя неотступно было приковано к привратнику. Он забыл, что есть еще другие стражи, и ему казалось, что только этот, первый, преграждает ему доступ к Закону. В первые годы он громко проклинал эту свою неудачу, а потом пришла старость и он только ворчал про себя.

Наконец он впал в детство, и, оттого что он столько лет изучал привратника и знал каждую блоху в его меховом воротнике, он молил даже этих блох помочь ему уговорить привратника. Уже померк свет в его глазах, и он не понимал, потемнело ли все вокруг, или его обманывало зрение. Но теперь, во тьме, он увидел, что неугасимый свет струится из врат Закона.

И вот жизнь его подошла к концу. Перед смертью все, что он испытал за долгие годы, свелось в его мыслях к одному вопросу – этот вопрос он еще ни разу не задавал привратнику. Он подозвал его кивком – окоченевшее тело уже не повиновалось ему, подняться он не мог. И привратнику пришлось низко наклониться – теперь по сравнению с ним проситель стал совсем ничтожного роста.

– Что тебе еще нужно узнать? – спросил привратник. – Ненасытный ты человек!

– Ведь все люди стремятся к Закону, – сказал тот, – как же случилось, что за все эти долгие годы никто, кроме меня, не требовал, чтобы его пропустили?

И привратник, видя, что поселянин уже совсем отходит, закричал изо всех сил, чтобы тот еще успел услышать ответ:

– Никому сюда входа нет, эти врата были предназначены для тебя одного! Теперь пойду и запру их.

Притча Навои

Большие шахматы и жизнь человеческая

Два опытных и очень искусных шахматных игрока сели за доску с черно-белыми клетками и расставили на ней свои войска.

Каждое войско возглавлял король, при котором обязательно находился министр и ферзь. Белая и черная рати имели свои крепости с башнями. В боевых рядах находились и слоны, и жирафы, и медведи.

Началось сражение. На доске происходили столкновения и коварные обходы. Хитрые замыслы оказывались неудачными, и оба короля снова и снова вели в бой свои войска.

И эта битва мало чем отличалась от сражений, которые вели земные короли. В этих сражениях тоже были столкновения и обходы, засады и попытки клином разделить вражеские войска.

И все участники этих битв покинули наш бранный мир. Все пропало неизвестно куда – и мысли, и дела мудрых стратегов, и подвиги храбрых воинов. Когда кончаются шахматные бои, все фигуры одним махом сбрасываются в мешок, где пешки лежат вперемежку с королями.

В жизни происходит то же самое.

Притчи Пу Сунлин

Апельсиновое дерево

Господин Лю из Шэньси служил начальником области Синхуа. К нему явился какой-то даос и преподнес ему дерево в горшке, Лю взглянул – оказывается, это маленький апельсин, тоненький, всего с палец величиной. Отклонил, не принял.

У Лю была маленькая дочка, которой было лет шесть-семь. Как раз в этот день справляли в первый раз день ее рождения.

– Эта вещь, – сказал даос, – недостойна того, чтобы поднести ее вашей высокопоставленности для чистого любования. Позвольте же ей пожелать молодой госпоже счастья и долговечности!

И Лю принял. Девочка взглянула на деревцо и не могла побороть своей к нему любви и жалости. Поставила к себе в комнату и ухаживала за ним с утра до вечера, боясь лишь, как бы его не повредить.

Когда срок службы Лю истек, деревцо было в полный кулак и в этот год впервые дало плоды. Отбирая вещи перед отъездом, он решил, что апельсин обременит его лишней тяжестью, и надумал его бросить. Но дочь обхватила деревцо и стала капризно плакать. Домашняя прислуга обманывала ее и говорила:

– Уйдем лишь на время... Потом снова сюда придем!

Девочка поверила, и ее слезы прекратились. Однако, боясь, как бы кто-нибудь из сильных людей не унес дерево на себе, она стояла и смотрела, как прислуга пересаживала деревцо к крыльцу. И тогда только ушла.

Вернувшись на родину, девочка была просватана за некоего Чжуана. Чжуан в год бин и суй прошел в «поступающие на службу», снял, как говорится, холстины и был назначен начальником Синхуа. Супруга его была этому очень рада, хотя и думала про себя, что за эти десять, а то и больше лет деревцо уже, вероятно, погибло.

Когда они приехали, то оказалось, что дерево уже обхватов в десять, и плоды на нем так грудями и висят, – целыми тысячами.

Госпожа осведомилась у старых слуг Те в один голос засвидетельствовали ей, что с тех пор, как господин Лю отбыл, апельсин роскошно цвел, но не давал плодов, и те, что она видит теперь, появились на нем впервые. Госпожу это очень удивило.

Три года служил Чжуан, и обилие плодов было неизменным явлением. На четвертый год дерево поблекло, захирело, не дало ни малейшего цветения.

– Ну, значит, тебе недолго уже служить здесь, – сказала мужу госпожа.

И действительно, с наступлением осени Чжуан сдал должность.

Единственный чиновник

Цзинаньский чиновник господин У отличался твердой прямоотой, ни за чем не гнался. В его время существовало такое подлое обыкновение: если кто-нибудь из алчных взяточников попадался в преступлении, но покрывал дефициты казначейства из своих средств, то начальство это немедленно замазывало, а взятка делилась среди сослуживцев.

Никто не смел действовать вопреки этому обыкновению. Так же велели поступать и нашему господину У. Но он этого распоряжения не послушался.

Его принуждали, но безуспешно. Рассердились, принялись поносить и бранить его. У тоже отвечал злым тоном.

– Я, – говорил он, – чиновник хотя и небольшой, но так же, как вы, получил повеление моего государя, так что можете на меня доносить, можете меня карать, но ругать и бесчестить меня вы не вправе. Хотите моей смерти – пусть я умру. Но я не могу брать от государя жалованье и в то же время покрывать и искупать чужие несправедливые взятки.

Тогда начальник изменил выражение лица и взял теплый, ласковый тон.

– Послушайте, – говорил он, – всякий вам скажет, что в этом мире нельзя жить прямою правдой. Люди, конечно, этой прямой правды лишены. А раз так, то можно ли, в свою очередь, обвинять эту нашу жизнь за то, что правдой действовать нет возможности?

Как раз в это время в Гаююане жил некий Му Цинхуай, к которому приходила лиса и сейчас же начинала с большим воодушевлением беседовать с людьми. С кресла раздавался звук голоса, но человека не было видно.

Му как-то прибыл в Цзинань. Посетители стали беседовать, и во время беседы один из них задал такой вопрос:

– Скажите, святая, – вы ведь знаете решительно все, – разрешите спросить вас: сколько всего в нашем городе правительственных чиновников?

– Один, – был ответ.

Все смеялись. Гость снова задал вопрос, как это так.

– Да, – продолжала лиса, – хотя во всем вашем уезде и наберется семьдесят два чиновника, но чтобы кого назвать настоящим, – так это одного лишь господина У.

Как он сажал грушу

Мужик продавал на базаре груши, чрезвычайно сладкие и душистые, и цену на них поднял весьма изрядно. Даос в рваном колпаке и в лохмотьях просил у него милостыню, все время бегая у телеги. Мужик крикнул на него, но тот не уходил. Мужик рассердился и стал его ругать.

– Помилуйте, – говорил даос, – у вас их целый воз, ведь там несколько сот штук. Смотрите: старая рвань просит у вас всего только одну грушу. Большого убытка у вашей милости от этого не будет. Зачем же сердиться?

Те, кто смотрел на них, стали уговаривать мужика бросить монаху какую-нибудь дрянную грушу: пусть-де уберется, но мужик решительно не соглашался. Тогда какой-то мастеровой, видя все это и наскучивший шумом, вынул деньги, купил одну грушу и дал ее монаху, который поклонился ему в пояс и выразил свою благодарность.

Затем, обращаясь к толпе, он сказал:

– Я монах. Я ушел от мира. Я не понимаю, что значит жадность и скупость. Вот у меня прекрасная груша. Прошу позволения предложить ее моим дорогим гостям!

– Раз получил грушу, – говорили ему из толпы, – чего ж сам не ешь?

– Да мне нужно только косточку на семена! С этими словами он ухватил грушу и стал ее жадно есть. Съев ее, взял в руку косточку, снял с плеча мотыгу и стал копать в земле ямку. Вырыв ее глубиной на несколько вершков, положил туда грушевую косточку и снова покрыл ямку землей. Затем обратился к толпе с просьбой дать ему кипятку для поливки.

Кто-то из любопытных достал в первой попавшейся лавке кипятку. Даос принялся

поливать взрытое место. Тысячи глаз так и вонзились... И видят: вот выходит тоненький росток. Вот он все больше и больше – и вдруг это уже дерево, с густыми ветвями и листвой. Вот оно зацвело. Миг – и оно в плодах, громадных, ароматных, чудесных. Вот они уже свисают с ветвей целыми пучками.

Даос полез на дерево и стал рвать и бросать сверху плоды в собравшуюся толпу зрителей. Минута – и все было кончено. Даос слез и стал мотыгой рубить дерево. Трах-трах... рубил очень долго, наконец срубил, взял дерево – как есть, с листьями, – взвалил на плечи и, не торопясь, удалился.

Как только даос начал проделывать свой фокус, мужик тоже втиснулся в толпу, вытянул шею, уставил глаза и совершенно забыл о своих делах. Когда даос ушел, тогда только он взглянул на свою телегу. Груши исчезли.

Теперь он понял, что то, что сейчас раздавал монах, были его собственные груши. Посмотрел внимательнее: у телеги не хватает одной оглобли, и притом только что срубленной.

Закипел мужик гневом и досадой, помчался в погоню по следам монаха, свернул за угол, глядь: срубленная оглобля брошена у забора. Догадался, что срубленный монахом ствол груши был не что иное, как эта самая оглобля.

Куда девался даос, никто не знал. Весь базар хохотал.

Продавец холста

Некий человек из Чанцина, торговавший холстом, остановился на некоторое время в Тайани. Там он прослышал, что некий искусник очень силен в звездочетной науке. Торговец зашел к нему, чтобы узнать, будет ему удача или нет. Гадатель разложил знаки, сказал:

– Ужасно скверная у тебя судьба! Уезжай скорее домой!

Торговец сильно перепутался, собрал все деньги в мешок и двинулся на север.

По дороге он повстречал какого-то человека в короткой одежде, напоминавшего своим видом служителя казенных учреждений. Разговорился с ним. Друг другу они понравились, сошлись, и, часто покупая себе еду и напитки, торговец звал спутника есть с ним вместе. Тот был очень тронут и выражал свои чувства.

– А что у тебя, собственно, за дело? – спросил торговец.

– Да вот, – отвечал служитель, – я иду сейчас в Чан-цин. Там велено кое-кого забрать.

– А кого же это? – спросил тот.

Тогда одетый в короткое платье человек вытащил приказ и показал ему, предоставив ему самому разбираться. На первом месте стояло как раз его имя. Он перепугался.

– За что же меня тянут? – спросил торговец.

– Да я, видишь ли, – отвечал ему человек в короткой одежде, – не живой, а служитель четвертого шаньдунского округа из Сунли. Думаю, что твоей жизни, брат, пришел конец.

У торговца показались слезы. Он просил спасти его.

– Не могу, брат, – отвечал мертвый дух. – Разве вот что: в приказе стоит много имен. Пока будут их тащить да собирать, потребуется время. А ты иди-ка скорей домой да распорядись, что нужно делать после твоей смерти. Все это ты сделаешь, а я к этому времени за тобой и приду... Этим вот разве и отблагодарю тебя за хорошее отношение.

Вскоре они пришли к реке. Мост разорвался, и подошедшие путники не знали, как быть с переправой.

– Вот что, – сказал дух, – ты все равно идешь умирать. Ни одного ведь медяка с собой не унесешь. Предлагаю тебе сейчас же построить мост, чтобы принести пользу прохожим. Правда, это будет тебе очень накладно и хлопотно, но зато не сказано, что в будущем это ничего не даст тебе хорошего.

Торговец согласился. Пришел домой, велел жене и детям сделать все, что нужно для его тела, и, срочно набрав рабочих, построил мост. Прошло уже порядочно времени, а дух так и не появлялся. Торговец не знал, что и думать, как вдруг однажды он пришел и сказал:

– Я, знаешь, брат, уже докладывал богу города о том, что ты построил мост, а бог, в свою очередь, донес об этом в Мрачное Управление. Там сказали, что за это дело тебе можно продлить жизнь, так что в моем приказе твое имя уже вычеркнуто. Честь имею об этом тебе сообщить!

Торговец был страшно доволен и бросился изливаться в выражениях сердечной признательности.

Впоследствии ему пришлось еще раз побывать у горы Тай. Не забыв о благодеянии своего духа, он накопил бумажных слитков и принес их в благодарственную жертву, вызывая духа по имени. Только что он вышел из города, как увидел короткопалого, который быстро к нему устремился.

– Ай, брат, – сказал он, подойдя ближе, – ты меня чуть не погубил! Ведь как раз сейчас только управляющий пришел на службу и занимался делами... Хорошо еще, что он не слышал... А то – что бы мне делать?..

Проводил торговца несколько шагов.

– Знаешь что, – продолжал он, – ты уже больше сюда не приходи! Если будут у меня дела, вызывающие меня на север, так я уж сам как-нибудь заверну по дороге к тебе и проведу!

Простился и исчез!

Содержание чиновника

Один видный деятель часто поступал бессовестно. Жена всякий раз в таких случаях обращалась к нему с увещаниями и предостережениями, указывая на ждущее его возмездие. Но он совершенно не желал ее слушать и не верил.

Как-то появился у них маг, которому дано было знать, сколько человек получит содержание. Наш деятель пошел к нему. Маг посмотрел на него самым внимательным и долгим взором и сказал так:

– Вы скушаете еще двадцать мер риса и двадцать мер муки. И ваше «содержание с небес» на этом кончится!

Человек пришел домой и рассказал жене. Стали считать. Выходило, что один человек в год съедает всего-навсего не более двух мер муки. Следовательно, этого самого «небесного содержания» хватит лет на двадцать, а то и больше! Может ли, значит, безнравственность прервать эти положенные годы? И рассудив так, он стал озорничать по-прежнему.

Вдруг он заболел «выбрасыванием» нутра. Стал есть очень много – и все-таки был голоден. Приходилось ему теперь есть и днем и ночью, раз десять. Не прошло и года, как он умер.

Притчи Роберта Стивенсона

Две спички

Некий путешественник оказался в лесах Калифорнии, когда настал сезон засухи и подул сильный ветер. Он проделал долгий путь, он устал и проголодался; он спустился с коня, чтобы раскурить трубку. Но когда он сунул руку в карман, то обнаружил там только две спички. Он чиркнул первой, но она не загорелась.

– Веселенькое дельце! – сказал путешественник. – До смерти хочется курить; осталась всего одна спичка; и так не хватает огня! Бывают ли на свете такие неудачники?

«И все же, – подумал путешественник, – полагаю, я смогу зажечь эту спичку, раскурю свою трубку и вытряхну пепел в траву – трава может загореться, поскольку здесь ужасно сухо; и пока я буду затаптывать огонь спереди, он может увернуться, укрыться у меня за спиной и хватиться вон за тот куст; прежде чем я смогу туда добежать, он вспыхнет; за

кустарником я вижу сосну, поросшую мхом; она тоже в мгновение ока будет охвачена огнем от ствола до верхних ветвей; и огонь этого длинного факела... Как может подхватить его и разнести по всему лесу сильный ветер! Я слышу, как эта лошина в несколько мгновений заполняется единым эхом ветра и огня; вижу, как я скачу изо всех сил, а огонь мчится по моим следам за холмы; вижу, как этот чудесный лес много дней горит, и рогатый скот поджаривается, и ручьи пересыхают, и фермеры разоряются, и дети их идут по миру. Как будет ужасен мир после этого!»

Подумав так, он чиркнул спичкой, и она не загорелась.

– Слава Богу! – сказал путешественник и засунул трубку в карман.

Кающийся

Один человек повстречал плачущего юношу.

– О чем ты плачешь? – спросил он.

– Я плачу о моих грехах, – сказал юноша.

– Тебе, должно быть, нечем заняться, – сказал человек.

На следующий день они встретились снова. Юноша опять плакал.

– Почему ты плачешь сегодня? – спросил человек.

– Я плачу, потому что мне нечего есть, – сказал парень.

– Я так и думал, что до этого дойдет, – сказал человек.

Ломовые лошади и верховая лошадь

Две ломовые лошади, жеребец и кобыла, прибыли на острова Самоа и оказались на одном поле с верховым скакуном. Они боялись подойти к нему, потому что видели, что это был верховой конь, и полагали, что он не станет говорить с ними. А верховой конь никогда не видел таких огромных существ. «Это, должно быть, великие вожди», – подумал он и вежливо приблизился к вновь прибывшим.

– Леди и джентльмен, – сказал он, – я понимаю, что вы – из колоний. Я адресую вам свои наилучшие пожелания и от всего сердца желаю хорошо провести время на островах.

Переселенцы посмотрели на него искоса и посоветовались друг с другом.

– Кем он может быть? – сказал жеребец.

– Он кажется подозрительно вежливым, – сказала кобыла.

– Я не думаю, что он занимает высокий пост, – сказал жеребец.

– Готова поспорить, это всего лишь туземец, – сказала кобыла.

Потом они повернулись к скакуну.

– Иди к дьяволу! – сказал жеребец.

– Удивляюсь твоей наглости! Надо же – беседовать с такими персонами, как мы! – воскликнула кобыла.

Верховой конь ушел в одиночестве. «Я был прав, – сказал он себе, – это великие вожди».

Удивительный пришелец

Когда-то прибыл на Землю посетитель с соседней планеты. И его встретил на месте приземления великий философ, который должен был все показать гостю.

Прежде всего они прошли по лесу, и пришелец осмотрел деревья.

– Что это у вас здесь? – спросил он.

– Это всего лишь растения, – сказал философ. – Они живые, но совсем не интересные.

– Я ничего не знаю об этом, – сказал пришелец. – У них, кажется, очень хорошие манеры. Они никогда не разговаривают?

– Они лишены этого дара, – сказал философ.

– Все-таки мне кажется, что я слышу их пение, – сказал его спутник.
– Это – всего лишь ветер среди листьев, – сказал философ. – Я объясню вам теорию ветров: будет очень интересно.
– Хорошо, – ответил пришелец, – жалко, что я не знаю, о чем они думают.
– Они не могут думать, – сказал философ.
– Я ничего об этом не знаю, – откликнулся незнакомец и затем, положив руку на ствол, добавил: – Мне нравится этот народец.
– Это вообще не люди, – сказал философ. – Пойдем дальше.
Затем они прошли по лугу, где паслись коровы.
– Это очень грязные люди, – сказал пришелец.
– Это вообще не люди, – сказал философ; и он объяснил, что представляет собой корова с научной точки зрения; эти объяснения я позабыл.
– Мне это безразлично, – сказал пришелец. – Но почему они никогда не смотрят вверх?
– Потому что они травоядные, – пояснил философ, – а жить на одной траве, которая не слишком питательна, довольно тяжело; им требуется уделять столько внимания еде, что у них не остается времени, чтобы думать, говорить, осматривать пейзаж или содержать себя в чистоте.
– Ну, – сказал пришелец, – это, без сомнения, тоже способ выживать. Но я предпочитаю людей с зелеными головами.
Затем они вошли в город, и улицы были полны мужчинами и женщинами.
– Очень странные люди, – сказал пришелец.
– Это люди величайшей нации в мире, – сказал философ.
– В самом деле? – удивился пришелец. – А с виду не похоже.

Человек и его друг

Человек поссорился со своим другом.
– Я так в тебе ошибся, – сказал человек.
И друг отвернулся от него и ушел.
Немного спустя они оба умерли и предстали вместе перед великим белым Престолом Мира. Другу показалось, что дела принимают дурной оборот, но человек некоторое время сохранял хорошее настроение.
– Я вижу здесь какое-то упоминание о ссоре, – сказал судья, глядя в свои записи. – Кто из вас был неправ?
– Он, – сказал человек. – Он плохо говорил обо мне у меня за спиной.
– Так ли это? – сказал судья. – И как же он говорил о твоих соседях?
– О, у него всегда был такой длинный язык, – сказал человек.
– И ты избрал его себе в друзья? – вскричал судья. – Мой дорогой, нам здесь не нужны дураки.
И тогда человек был брошен в яму, а друг громко рассмеялся во тьме и остался, чтобы ответить на другие обвинения.

Четыре реформатора

Четыре реформатора встретились под кустом ежевики. Все они согласились, что мир следует изменить.
– Мы должны отменить собственность, – сказал один.
– Мы должны отменить брак, – сказал второй.
– Мы должны отменить Бога, – сказал третий.
– Я хочу, чтобы мы отменили труд, – сказал четвертый.
– Давайте не будем удаляться от практической политики, – сказал первый. – Прежде всего нужно сократить население до среднего уровня.

- Прежде всего, – сказал второй, – нужно дать свободу полам...
- Прежде всего, – сказал третий, – нужно выяснить, как это сделать.
- Первый шаг, – сказал первый, – отменить Библию.
- Первейшая потребность, – сказал второй, – отменить законы.
- Первейшая потребность, – сказал третий, – отменить человечество.

Притчи Ивана Тургенева

Восточная легенда

Кто в Багдаде не знает великого Джаффар, Солнца Вселенной?

Однажды, много лет тому назад, – он был еще юношей, – прогуливался Джаффар в окрестностях Багдада. Вдруг до слуха его долетел хриплый крик: кто-то отчаянно звал о помощи. Джаффар отличался между своими сверстниками благородием и обдуманностью; но сердце у него было жалостливое – и он надеялся на свою силу. Он побежал на крик и увидел дряхлого старика, притиснутого к городской стене двумя разбойниками, которые его грабили. Джаффар выхватил свою саблю и напал на злодеев: одного убил, другого прогнал. Освобожденный старец пал к ногам своего избавителя и, облобызав край его одежды, воскликнул:

– Храбрый юноша, твое великодушие не останется без награды. На вид я – убогий нищий; но только на вид. Я человек не простой. Приходи завтра ранним утром на главный базар; я буду ждать тебя у фонтана – и ты убедишься в справедливости моих слов.

Джаффар подумал: «На вид человек этот нищий, точно; однако – всяко бывает. Отчего не попытаться?» – и отвечал:

– Хорошо, отец мой; приду.

Старик взглянул ему в глаза – и удалился.

На другое утро, чуть забрезжил свет, Джаффар отправился на базар. Старик уже ожидал его, облокотясь на мраморную чашу фонтана. Молча взял он Джаффара за руку и привел его в небольшой сад, со всех сторон окруженный высокими стенами. По самой середине этого сада, на зеленой лужайке, росло дерево необычайного вида. Оно походило на кипарис; только листва на нем была лазоревого цвета. Три плода – три яблока – висело на тонких, кверху загнутых ветках; одно – средней величины, продолговатое, молочно-белое; другое – большое, круглое, ярко-красное; третье – маленькое, сморщенное, желтоватое. Все дерево слабо шумело, хоть и не было ветра. Оно звенело тонко и жалобно, словно стеклянное; казалось, оно чувствовало приближение Джаффара.

– Юноша! – промолвил старец. – Сорви любой из этих плодов и знай: сорвешь и съешь белый – будешь умнее всех людей; сорвешь и съешь красный – будешь богат, как еврей Ротшильд; сорвешь и съешь желтый – будешь нравиться старым женщинам. Решайся и не мешкай! Через час и плоды завянут, и само дерево уйдет в немую глубь земли!

Джаффар понурил голову – и задумался.

– Как тут поступить? – произнес он вполголоса, как бы рассуждая сам с собою. – Сделаешься слишком умным – пожалуй, жить не захочется; сделаешься богаче всех людей – будут все тебе завидовать; лучше же я сорву и съем третье, сморщенное яблоко!

Он так и поступил; а старец засмеялся беззубым смехом и промолвил:

– О, мудрейший юноша! Ты избрал благую часть! На что тебе белое яблоко? Ты и так умнее Соломона. Красное яблоко также тебе не нужно... И без него ты будешь богат. Только богатству твоему никто завидовать не станет.

– Поведай мне, старец, – промолвил, встрепенувшись, Джаффар, – где живет почтенная мать нашего богоспасаемого халифа?

Старик поклонился до земли – и указал юноше дорогу. Кто в Багдаде не знает Солнца Вселенной, великого, знаменитого Джаффара?

Враг и друг

Осужденный на вечное заточение узник вырвался из тюрьмы и стремглав пустился бежать. За ним по пятам мчалась погоня. Он бежал изо всех сил. Преследователи начинали отставать.

Но вот перед ним река с крутыми берегами – узкая, но глубокая река. А он не умеет плавать! С одного берега на другой перекинута тонкая гнилая доска. Беглец уже занес на нее ногу... Но случилось так, что тут же возле реки стояли лучший его друг и самый жестокий его враг. Враг ничего не сказал и только скрестил руки; зато друг закричал во все горло:

– Помилуй! Что ты делаешь? Опомнись, безумец! Разве ты не видишь, что доска совсем сгнила? Она сломится под твоею тяжестью, и ты неизбежно погибнешь!

– Но ведь другой переправы нет, а погоню слышишь? – отчаянно простонал несчастный и ступил на доску.

– Не допущу!.. Нет, не допущу, чтобы ты погибнул! – возопил ревностный друг и выхватил из-под ног беглеца доску. Тот мгновенно бухнул в бурные волны – и утонул.

Враг засмеялся самодовольно и пошел прочь; а друг присел на бережку и начал горько плакать о своем бедном... бедном друге! Обвинять самого себя в его гибели он, однако, не подумал... ни на миг.

– Не послушался меня! Не послушался! – шептал он уныло.

– А впрочем! – промолвил он наконец. – Ведь он всю жизнь свою должен был томиться в ужасной тюрьме! По крайней мере, он теперь не страдает! Теперь ему легче! Знать, уж такая ему выпала доля!

– А все-таки жалко, по человечеству!

И добрая душа продолжала неутешно рыдать о своем злополучном друге.

Два богача

Когда при мне перевозноят богача Ротшильда, который из громадных своих доходов уделяет целые тысячи на воспитание детей, на лечение больных, на призрение старых, – я хвалю и умиляюсь. Но, и хваля и умиляясь, не могу я не вспомнить об одном убогом крестьянском семействе, принявшем сироту-племянницу в свой разоренный домишко.

– Возьмем мы Катьку, – говорила баба, – последние наши гроши на нее пойдут, не на что будет соли добыть, похлебку посолить.

– А мы ее... и не соленую, – ответил мужик, ее муж.

Далеко Ротшильду до этого мужика!

Два четверостишья

Существовал некогда город, жители которого до того страстно любили поэзию, что если проходило несколько недель и не появлялось новых прекрасных стихов, – они считали такой поэтический неурожай общественным бедствием. Они надевали тогда свои худшие одежды, посыпали пеплом головы и, собираясь толпами на площадях, проливали слезы, горько роптали на музу, покинувшую их.

В один подобный злополучный день молодой поэт Юний появился на площади, переполненной скорбевшим народом. Проворными шагами взобрался он на особенно устроенный амвон и подал знак, что желает произнести стихотворение. Ликторы тотчас замахали жезлами.

– Молчание! Внимание! – зычно возопили они, и толпа затихла, выжидая.

– Друзья! Товарищи! – начал Юний громким, но не совсем твердым голосом:

Друзья! Товарищи! Любители стихов!

Поклонники всего, что стройно и красиво!
Да не смущает вас мгновенье грусти темной!
Придет желанный миг... и свет рассеет тьму!

Юний умолк, а в ответ ему, со всех концов площади, поднялся гам, свист, хохот. Все обращенные к нему лица пылали негодованием, все глаза сверкали злобой, все руки поднимались, угрожали, сжимались в кулаки!

– Чем вздумал удивить! – ревели сердитые голоса. – Долой с амвона бездарного рифмоплета! Вон дурака! Гнилыми яблоками, тухлыми яйцами шута горохового! Подайте камней! Камней сюда!

Кубарем скатился с амвона Юний. Но он еще не успел прибежать к себе домой, как до слуха его долетели раскаты восторженных рукоплесканий, хвалебных возгласов и кликов. Исполненный недоуменья, стараясь, однако, не быть замеченным (ибо опасно раздражать залютевшего зверя), возвратился Юний на площадь.

И что же он увидел?

Высоко над толпою, над ее плечами, на золотом плоском щите, облеченный пурпурной хламидой, с лавровым венком на взвившихся кудрях, стоял его соперник, молодой поэт Юлий. А народ вопил кругом:

– Слава! Слава! Слава бессмертному Юлию! Он утешил нас в нашей печали, в нашем горе великом! Он одарил нас стихами слаще меду, звучнее кимвала, душистее розы, чище небесной лазури! Несите его с торжеством, обдавайте его вдохновенную голову мягкой волной фимиама, прохлаждайте его чело мерным колебанием пальмовых ветвей, расточайте у ног его все благовония аравийских мирр! Слава!

Юний приблизился к одному из славословящих.

– Поведай мне, о мой согражданин, какими стихами осчастливил вас Юлий? Увы, меня не было на площади, когда он произнес их! Повтори их, если ты их запомнил, сделай милость!

– Такие стихи – да не запомнить? – ретиво отвечивал вопрошенный. – За кого ж ты меня принимаешь? Слушай – и ликуй, ликуй вместе с нами! Любители стихов! – так начал божественный Юлий...

Любители стихов! Товарищи! Друзья!
Поклонники всего, что стройно, звучно, нежно!
Да не смущает вас мгновенье скорби тяжелой!
Желанный миг придет – и день прогонит ночь!

– Каково?

– Помилуй! – возопил Юний, – да это мои стихи! Юлий, должно быть, находился в толпе, когда я произнес их, он услышал и повторил их, едва изменив, – и уж, конечно, не к лучшему, – несколько выражений!

– Ага! Теперь я узнаю тебя! Ты Юний, – возразил, насунив брови, остановленный им гражданин. – Завистник или глупец! Сообрази только одно, несчастный: у Юлия как возвышенно сказано: «И день прогонит ночь!..» А у тебя – чепуха какая-то: «И свет рассеет тьму»? Какой свет?! Какую тьму?!

– Да разве это не все едино? – начал было Юний.

– Прибавь еще слово, – перебил его гражданин, – я крикну народу, и он тебя растерзает!

Юний благоразумно умолк, а слышавший его разговор с гражданином седовласый старец подошел к бедному поэту и, положив ему руку на плечо, промолвил:

– Юний! Ты сказал свое – да не вовремя; а тот не свое сказал – да вовремя. Следовательно, он прав, а тебе остаются утешения собственной твоей совести.

Но пока совесть – как могла и как умела... довольно плохо, правду сказать – утешала прижавшегося к сторонке Юния, – вдали, среди грома и плеска ликований, в золотой пыли

всепобедного солнца, блистая пурпуром, темнея лавром сквозь волнистые струи обильного фимиама, с величественной медленностью, подобно царю, шествующему на царство, плавно двигалась гордо выпрямленная фигура Юлия. И длинные ветви пальм поочередно склонялись перед ним, как бы выражая своим тихим вздыманьем, своим покорным наклоном то непрестанно возобновлявшееся обожание, которое переполняло сердца очарованных им сограждан.

Довольный человек

По улице столицы мчится вприпрыжку молодой еще человек. Его движения веселы, бойки; глаза сияют, ухмыляются губы, приятно алеет умиленное лицо... Он весь – довольство и радость.

Что с ним случилось? Досталось ли ему наследство? Повысили ли его чином? Спешит ли он на любовное свиданье? Или просто он хорошо позавтракал – и чувство здоровья, чувство сытой силы выиграло во всех его членах? Уж не возложили ли на его шею твой красивый осьмиугольный крест, о польский король Станислав!

Нет. Он сочинил клевету на знакомого, распространил ее тщательно, услышал ее, эту самую клевету, из уст другого знакомого – и сам ей поверил.

О, как доволен, как даже добр в эту минуту этот милый, многообещающий молодой человек!

Истина и правда

– Почему вы так дорожите бессмертием души? – спросил я.

– Почему? Потому что я буду тогда обладать Истиной вечной, несомненной... А в этом, по моему понятию, и состоит высочайшее блаженство!

– В обладании Истиной?

– Конечно.

– Позвольте, в состоянии ли вы представить себе следующую сцену? Собралось несколько молодых людей, толкуют между собою. И вдруг вбегает один их товарищ: глаза его блестят необычайным блеском, он задыхается от восторга, едва может говорить. «Что такое? Что такое?» – «Друзья мои, послушайте, что я узнал, какую истину! Угол падения равен углу отражения! Или вот еще: между двумя точками самый краткий путь – прямая линия!» – «Неужели! о, какое блаженство!» – кричат все молодые люди, с умилением бросаются друг другу в объятия! Вы не в состоянии себе представить подобную сцену? Вы смеётесь... В том-то и дело: Истина не может доставить блаженства. Вот Правда может. Это человеческое, наше земное дело... Правда и Справедливость! За Правду и умереть согласен. На знании Истины вся жизнь построена; но как это «обладать ею»? Да еще находить в этом блаженство?

Дурак

Жил-был на свете дурак. Долгое время он жил припеваючи, но понемногу стали доходить до него слухи, что он всюду слышет за безмозглого пошлеца. Смутился дурак и начал печалиться о том, как бы прекратить те неприятные слухи?

Внезапная мысль озарила, наконец, его темный умишко. И он, нимало не медля, привел ее в исполнение.

Встретился ему на улице знакомый – и принялся хвалить известного живописца.

– Помилуйте! – воскликнул дурак. – Живописец этот давно сдан в архив. Вы этого не знаете? Я от вас этого не ожидал. Вы – отсталый человек.

Знакомый испугался и тотчас согласился с дураком.

– Какую прекрасную книгу я прочел сегодня! – говорил ему другой знакомый.

– Помилуйте! – воскликнул дурак. – Как вам не стыдно?! Никуда эта книга не годится; все на нее давно махнули рукою. Вы этого не знаете? Вы – отсталый человек.

И этот знакомый испугался и согласился с дураком.

– Что за чудесный человек мой друг N. N.! – говорил дураку третий знакомый. – Вот истинно благородное существо!

– Помилуйте! – воскликнул дурак. – N. N. – заведомый подлец! Родню всю ограбил. Кто ж этого не знает? Вы – отсталый человек!

Третий знакомый тоже испугался и согласился с дураком, отступился от друга.

И кого бы, что бы ни хвалили при дураке – у него на все была одна отповедь. Разве иногда прибавит с укоризной:

– А вы все еще верите в авторитеты?

– Злюка! Желчевик! – начинали толковать о дураке его знакомые. – Но какая голова!

– И какой язык! – прибавляли другие. – О, да он – талант!

Кончилось тем, что издатель одной газеты предложил дураку заведовать у него критическим отделом. И дурак стал критиковать все и всех, нисколько не меняя ни манеры своей, ни своих восклицаний. Теперь он, кричавший некогда против авторитетов, – сам авторитет, и юноши перед ним благоговеют и боятся его. Да и как им быть, бедным юношам? Хоть и не следует, вообще говоря, благоговеть... но тут, поди, не возблагоговей – в отсталые люди попадаешь!

Житье дуракам между трусами.

Корреспондент

Двое друзей сидят за столом и пьют чай.

Внезапный шум поднялся на улице. Слышны жалобные стоны, ярые ругательства, взрывы злорадного смеха.

– Кого-то бьют, – заметил один из друзей, выглянув из окна.

– Преступника? Убийцу? – спросил другой. – Слушай, кто бы он ни был, нельзя допустить бессудную расправу. Пойдем заступимся за него.

– Да это бьют не убийцу.

– Не убийцу? Так вора? Все равно, пойдем отнимем его у толпы.

– И не вора.

– Не вора? Так кассира, железнодорожника, военного поставщика, российского мецената, адвоката, благонамеренного редактора, общественного жертвователя?.. Все-таки пойдем поможем ему!

– Нет... это бьют корреспондента.

– Корреспондента? Ну, знаешь что: допьем сперва стакан чаю.

Милостыня

Вблизи большого города, по широкой проезжей дороге шел старый, больной человек. Он шатался на ходу; его исхудалые ноги, путаясь, волочась и спотыкаясь, ступали тяжело и слабо, словно чужие; одежда на нем висела лохмотьями; непокрытая голова падала на грудь... Он изнемогал.

Он присел на придорожный камень, наклонился вперед, облокотился, закрыл лицо обеими руками, и сквозь искривленные пальцы закапали слезы на сухую, седую пыль.

Он вспоминал...

Вспоминал он, как и он был некогда здоров и богат, и как он здоровье истратил, а богатство роздал другим, друзьям и недругам... И вот теперь у него нет куса хлеба, и все его покинули, друзья еще раньше врагов... Неужели ж ему унизиться до того, чтобы просить милостыню? И горько ему было на сердце и стыдно.

А слезы все капали да капали, пестря седую пыль.

Вдруг он услышал, что кто-то зовет его по имени; он поднял усталую голову – и увидел перед собою незнакомца. Лицо спокойное и важное, но не строгое; глаза не лучистые, а светлые; взор пронзительный, но не злой.

– Ты все свое богатство роздал, – послышался ровный голос. – Но ведь ты не жалеешь о том, что добро делал?

– Не жалею, – ответил со вздохом старик, – только вот умираю я теперь.

– И не было бы на свете нищих, которые к тебе протягивали руку, – продолжал незнакомец, – не над кем было бы тебе показать свою добродетель, не мог бы ты упражняться в ней?

Старик ничего не ответил и задумался.

– Так и ты теперь не гордись, бедняк, – заговорил опять незнакомец, – ступай, протягивай руку, доставь и ты другим добрым людям возможность показать на деле, что они добры.

Старик встрепенулся, вскинул глазами, но незнакомец уже исчез; а вдали на дороге показался прохожий. Старик подошел к нему и протянул руку. Этот прохожий отвернулся с суровым видом и не дал ничего.

Но за ним шел другой – и тот подал старику малую милостыню. И старик купил себе на данные гроши хлеба. И сладок показался ему выпрошенный кусок, и не было стыда у него на сердце, а напротив: его осенила тихая радость.

Пир у Верховного Существа

Однажды Верховное Существо вздумало задать великий пир в своих лазоревых чертогах. Все добродетели были им позваны в гости. Одни добродетели... мужчин он не приглашал... одних только дам.

Собралось их очень много – великих и малых. Малые добродетели были приятнее и любезнее великих; но все казались довольными и вежливо разговаривали между собою, как приличествует близким родственникам и знакомым.

Но вот Верховное Существо заметило двух прекрасных дам, которые, казалось, вовсе не были знакомы друг с дружкой.

Хозяин взял за руку одну из этих дам и подвел ее к другой.

– Благодарность! – сказал он, указав на первую.

– Благодарность! – прибавил он, указав на вторую.

Обе добродетели несказанно удивились: с тех пор как свет стоял – а стоял он давно, – они встречались в первый раз!

Писатель и критик

Писатель сидел у себя в комнате за рабочим столом. Вдруг входит к нему критик.

– Как?! – воскликнул он. – Вы все еще продолжаете строчить, сочинять, после всего, что я написал против вас? После всех тех больших статей, фельетонов, заметок, корреспонденций, в которых я доказал как дважды два четыре, что у вас нет – да и не было никогда – никакого таланта, что вы позабыли даже родной язык, что вы всегда отличались невежеством, а теперь совсем выдохлись, устарели, превратились в тряпку?

Сочинитель спокойно обратился к критику.

– Вы написали против меня множество статей и фельетонов, – отвечал он, – это несомненно. Но известна ли вам басня о лисе и кошке? У лисы много было хитростей, а она все-таки попалась; у кошки была только одна: взлезть на дерево, и собаки ее не достали. Так и я: в ответ на все ваши статьи я вывел вас целиком в одной только книге, надел на вашу разумную голову шутовской колпак – и будете вы в нем щеголять перед потомством.

– Перед потомством! – расхохотался критик, – Как будто ваши книги дойдут до потомства! Лет через сорок, много пятьдесят их никто и читать не будет.

– Я с вами согласен, – отвечал писатель, – но с меня и этого довольно. Гомер пустил на вечные времена своего Ферсита, а для вашего брата и полвека за глаза. Вы не заслуживаете даже шутовского бессмертия. Прощайте, господин... Прикажете назвать вас по имени? Едва ли это нужно: все произнесут его и без меня.

Повесить его!

– Это случилось в 1805 году, – начал мой старый знакомый, – незадолго до Аустерлица. Полк, в котором я служил офицером, стоял на квартирах в Моравии.

Нам было строго запрещено беспокоить и притеснять жителей; они и так смотрели на нас косо, хоть мы и считались союзниками.

У меня был денщик, бывший крепостной моей матери, Егор по имени. Человек он был честный и смиренный; я знал его с детства и обращался с ним как с другом.

Вот однажды в доме, где я жил, поднялись бранчливые крики, вопли: у хозяйки украли двух кур, и она в этой краже обвиняла моего денщика. Он оправдывался, призывал меня в свидетели... «Станет он красть, он, Егор Артамонов!» Я уверял хозяйку в честности Егора, но она ничего слушать не хотела.

Вдруг вдоль улицы раздался дружный конский топот: то сам главнокомандующий проезжал со своим штабом. Он ехал шагом, толстый, обрюзглый, с понурой головой и свислыми на грудь эполетами.

Хозяйка увидела его – и, бросившись наперерез его лошади, пала на колени – и вся растерзанная, простоволосая, начала громко жаловаться на моего денщика, указывала на него рукою.

– Господин генерал! – кричала она, – ваше сиятельство! Рассудите! Помогите! Спасите! Этот солдат меня ограбил!

Егор стоял на пороге дома, вытянувшись в струнку, с шапкой в руке, даже грудь выставил и ноги сдвинул, как часовой, – и хоть бы слово! Смутил ли его весь этот остановившийся посреди улицы генералитет, окаменел ли он перед налетающей бедою – только стоит мой Егор да мигает глазами – а сам бел, как глина!

Главнокомандующий бросил на него рассеянный и угрюмый взгляд, промышчал сердито: – Ну?..

Стоит Егор как истукан и зубы оскалил! Со стороны посмотреть: словно смеется человек.

Тогда главнокомандующий промолвил отрывисто:

– Повесить его! – толкнул лошадь под бока и двинулся дальше – сперва опять-таки шагом, а потом шибкой рысью. Весь штаб помчался вслед за ним; один только адъютант, повернувшись на седле, взглянул мельком на Егора.

Ослушаться было невозможно. Егора тотчас схватили и повели на казнь. Тут он совсем помертвел – и только раза два с трудом воскликнул:

– Батюшки! батюшки! – а потом вполголоса: – Видит бог – не я!

Горько, горько заплакал он, прощаясь со мною. Я был в отчаянии.

– Егор! Егор! – кричал я, – как же ты это ничего не сказал генералу!

– Видит бог, не я, – повторял, всхлипывая, бедняк.

Сама хозяйка ужаснулась. Она никак не ожидала такого страшного решения и в свою очередь разревелась! Начала умолять всех и каждого о пощаде, уверяла, что куры ее отыскались, что она сама готова все объяснить. Разумеется, все это ни к чему не послужило. Военные, сударь, порядки! Дисциплина! Хозяйка рыдала все громче и громче.

Егор, которого священник уже исповедал и причастил, обратился ко мне:

– Скажите ей, ваше благородие, чтоб она не убивалась... Ведь я ей простил.

Мой знакомый повторил эти последние слова своего слуги, прошептал: «Егорушка, голубчик, праведник!» – и слезы закапали по его старым щекам.

Порог

Я вижу громадное здание.

В передней стене узкая дверь раскрыта настежь; за дверью – угрюмая мгла. Перед высоким порогом стоит девушка... Русская девушка.

Морозом дышит та непроглядная мгла; и вместе с ледящей струей выносятся из глубины здания медлительный, глухой голос.

– О ты, что желаешь переступить этот порог, знаешь ли ты, что тебя ожидает?

– Знаю, – отвечает девушка.

– Холод, голод, ненависть, насмешка, презрение, обида, тюрьма, болезнь и самая смерть?

– Знаю.

– Отчуждение полное, одиночество?

– Знаю. Я готова. Я перенесу все страдания, все удары.

– Не только от врагов, но и от родных, от друзей?

– Да... и от них.

– Хорошо. Ты готова на жертву?

– Да.

– На безымянную жертву? Ты погибнешь – и никто... никто не будет даже знать, чью память почтить!

– Мне не нужно ни благодарности, ни сожаления. Мне не нужно имени.

– Готова ли ты на преступление?

Девушка потупила голову...

– И на преступление готова.

Голос не тотчас возобновил свои вопросы.

– Знаешь ли ты, – заговорил он наконец, – что ты можешь разувериться в том, чему веришь теперь, можешь понять, что обманулась и даром погубила свою молодую жизнь?

– Знаю и это. И все-таки я хочу войти.

– Войди!

Девушка перешагнула порог – и тяжелая завеса упала за нею.

– Дура! – проскрежетал кто-то сзади.

– Святая! – принеслось откуда-то в ответ.

Щи

У бабы-вдовы умер ее единственный двадцатилетний сын, первый на селе работник. Барыня, помещица того самого села, узнав о горе бабы, пошла навестить ее в самый день похорон. Она застала ее дома. Стоя посреди избы, перед столом, она, не спеша, ровным движеньем правой руки (левая висела плетью) черпала пустые щи со дна закоптелого горшка и глотала ложку за ложкой. Лицо бабы осунулось и потемнело; глаза покраснели и опухли... но она держалась истово и прямо, как в церкви.

«Господи! – подумала барыня. – Она может есть в такую минуту... Какие, однако, у них у всех грубые чувства!»

И вспомнила тут барыня, как, потеряв несколько лет тому назад девятимесячную дочь, она с горя отказалась нанять прекрасную дачу под Петербургом и прожила целое лето в городе! А баба продолжала хлебать щи. Барыня не вытерпела наконец.

– Татьяна! – промолвила она. – Помилуй! Я удивляюсь! Неужели ты своего сына не любила? Как у тебя не пропал аппетит? Как можешь ты есть эти щи!

– Вася мой помер, – тихо проговорила баба, и наболевшие слезы снова побежали по ее впалым щекам. – Значит, и мои пришел конец: с живой с меня сняли голову. А щам не пропадать же: ведь они посоленные.

Барыня только плечами пожала и пошла вон. Ей-то соль доставалась дешево.

Проклятие

Я читал байроновского Манфреда... Когда я дошел до того места, где дух женщины, погубленной Манфредом, произносит над ним свое таинственное заклинание, я ощутил некоторый трепет.

Помните: «Да будут без сна твои ночи, да вечно ощущает твоя злая душа мое незримое неотвязное присутствие, да станет она своим собственным адом».

Но тут мне вспомнилось иное... Однажды, в России, я был свидетелем ожесточенной распри между двумя крестьянами, отцом и сыном.

Сын кончил тем, что нанес отцу нестерпимое оскорбление.

– Прокляни его, Васильич, прокляни окаянного! – закричала жена старика.

– Изволь, Петровна, – отвечал старик глухим голосом и широко перекрестился: – Пускай же и он дождет сына, который на глазах своей матери плюнет отцу в его седую бороду!

Это проклятие показалось мне ужаснее манфредовского.

Сын раскрыл было рот, да пошатнулся на ногах, позеленел в лице – и вышел вон.

Притчи Льва Толстого

Апостол Иоанн и разбойник

После смерти Иисуса Христа ученики его разошлись по разным землям, делом и словом проповедуя его учение. Любимый ученик Христа, Иоанн, проповедовал в богатых торговых городах греческих. В одном городе, во время проповеди, увидел он в толпе молодого человека. Юноша слушал и глаз не спускал с говорившего. Апостол Иоанн после проповеди подозвал его к себе и долго говорил с ним. Увидел он, что юноша всей душой готов принять учение Христа, что душа у него горячая, но нет у него веры. «Ему нужен надежный друг и советник, – подумал Иоанн, – а то собьется он с доброго пути, пойдет за дурными людьми». Собрался апостол идти дальше на проповедь в другие места и, перед уходом, повел юношу к епископу и сказал ему:

– Я ухожу, а ты позаботься о нем: укрепи его веру в Христа, охраняй его от всего дурного.

Епископ обещал, взял молодого человека к себе в дом, учил его и окрестил.

Окрестивши, епископ перестал о нем заботиться так, как заботился прежде; «Теперь уж он крещением спасен от всего дурного», – думал епископ. Молодой человек сошелся с дурными товарищами, стал с ними пьянствовать, распутничать. Порой нападало на него будто раскаяние, но у него уже не было настоящей веры, чтобы оставить дурную жизнь. Для разгульной жизни нужны были деньги. Стал он их добывать всякой неправдой; и ушел он из города, и стал жить разбоем.

Он скоро прославился своей удалью, и разбойники выбрали его своим атаманом.

Вернулся апостол Иоанн с проповеди, пришел к епископу и спросил:

– А где то сокровище, которое ты взял на хранение?

Епископ сначала не понял, о чем спрашивает апостол; он подумал, что Иоанн его спрашивает о деньгах, которые жертвовались на бедных и больных.

– Не о деньгах спрашиваю я тебя, – сказал Иоанн, – а о душе брата. Я оставил у тебя юношу, где он?

– Он умер, – с грустью отвечал епископ.

– Когда умер? Какою смертью умер? – спросил апостол.

– Ослепла его душа, и он стал злодеем, грабителем, душегубцем, – отвечал епископ.

Не ждал апостол такой вести; огорчился до слез и сказал епископу:

– Горе ему, горе и нам всем! Не был ты для него надежным другом и наставником, а то бы он не ушел от тебя: я знаю его молодую, горячую душу. А что сделал ты, чтобы вернуть его, чтобы спасти его?

Епископ молчал. Иоанн сказал бывшим при этом людям:

– Дайте мне скорее коня, покажите дорогу в горы.

Люди стали его отговаривать:

– Не езд, – от разбойников нет там никому ни прохода, ни проезда. Не губи себя, учитель.

Но Иоанн не стал их слушать, взял коня и собрался ехать. Стыдно стало людям отпустить старика одного; вызвалось несколько человек его проводить.

Поехали; въехали в лес, стали подниматься в гору. Подъем был крутой, ехать было трудно. Долго ехали так. Вот показалось впереди несколько разбойников. Люди испугались и бросились назад, а Иоанн пошел им навстречу. Разбойники схватили его. Удивились они, что он и не защищается, и пощады не просит.

– Ведите меня к вашему атаману, – сказал им Иоанн.

Разбойники повели старца к своему стану. Увидел атаман, что возвращаются товарищи, вышел к ним навстречу. Только взглянул на связанного человека, сейчас узнал Иоанна: побледнел, задрожал и бросился бежать. Иоанн стал его звать:

– Сын мой, остановись, выслушай меня!

Но разбойник не оборачивался и уходил все дальше и дальше в лес. Разбойники отступили от Иоанна, перестали его держать и понять не могли, чем мог этот слабый, безоружный старик так испугать их атамана.

Иоанн пошел за разбойником. Старик апостол так утомился от долгого пути, что едва мог идти, а молодой разбойник не останавливался. От усталости и тревоги стали у Иоанна подкашиваться ноги. Он остановился, собрался с силами и в последний раз дрожащим голосом закричал разбойнику:

– Пожалей меня, сын мой! дальше не могу идти за тобой, приди ты ко мне. Зачем боишься меня, зачем перестал верить мне? Я – Иоанн; вспомни, как ты прежде любил и слушал меня!

Разбойник остановился, обернулся к Иоанну и стал его ждать. Иоанн подходил к нему, с трудом передвигая ноги, а разбойник стоял, ожидая его, и смотрел в землю. Вот подошел Иоанн, а разбойник все стоял, опустив голову.

Апостол молча положил ему руку на плечо. Задрожал разбойник, выронил из рук оружие и, рыдая, обнял учителя, прижался лицом к его груди.

– Я пришел за тобой, сын мой, – тихо сказал ему Иоанн. – Пойдем со мной в город к братьям.

– Не пойду, – отвечал разбойник, – оставь меня; я пропащий человек. Проклят я и богом, и людьми; некуда мне идти. Жить дольше, как жил – не могу; только и остается руки на себя наложить.

– Сын мой, не делай этого, не говори так! Жизнь наша во плоти есть воля бога; убить свою плоть значит идти против воли бога – искушать его. А помнишь, я рассказывал тебе о разбойнике, покавшемся на кресте? В последнюю минуту жизни он получил блаженство.

– Люди не простят меня, не поверят, что я покался, и не примут меня.

– Не бойся, сын мой, люди простят, когда бог простил, я умолю их не делать тебе никакого вреда, ты снова начнешь честную, трудовую жизнь и любовью к ним искупишь прежние преступления. Не медли, решайся скорее!

Так уговаривал Иоанн своего ученика, и поверил разбойник, и смягчилась душа его.

– Пойдем, учитель! – воскликнул он. – С тобою не страшна мне самая лютая казнь; веди меня куда хочешь, успокой мою измученную душу!

Оперся усталый старец на руку молодого разбойника, и пошли они к стану.

Простился атаман со своими товарищами, рассказал им о своей прошлой жизни, об Иоанне, уговаривал и их оставить разбой.

Возвратился Иоанн в город с разбойником и повел его в церковь. Поставил его апостол рядом с собой и сказал:

– Братья, вот тот, кого вы считали погибшим. Радуйтесь: брат наш вернулся к нам.

И убеждал Иоанн братию принять покаявшегося, и заключил свою речь словами притчи, сказанной спасителем: «Приведите откормленного теленка и заколите; станем есть и веселиться, ибо этот сын мой был мертв и ожил, пропадал и нашелся!» (Лук. 15: 23, 24)

Бродяжка непутевый

Из города донесся по воде гул и медное дрожание большого охотничьего колокола. Стоявший подле Нехлюдова ямщик и все подводчики одни за другими сняли шапки и перекрестились. Ближе же всех стоявший у перил невысокий лохматый старик, которого Нехлюдов сначала не заметил, не перекрестился, а, подняв голову, уставился на Нехлюдова. Старик этот был одет в заплатанный озям, суконные штаны и разношенные, заплатанные бродни. За плечами была небольшая сумка, на голове высокая меховая вытертая шапка.

– Ты что же, старый, не молишься? – сказал нехлюдовский ямщик, надев и оправив шапку. – Аль некрещеный?

– Кому молиться-то? – решительно, наступающе и быстро выговаривая слог за слогом, сказал лохматый старик.

– Известно кому, Богу, – иронически проговорил ямщик.

– А ты покажи мне, игде он? Бог-то?

Что-то было такое серьезное и твердое в выражении старика, что ямщик, почувствовав, что он имеет дело с сильным человеком, несколько смутился, но не показывал этого и, стараясь не замолчать и не осрамиться перед прислушивающейся публикой, быстро отвечал:

– Игде? Известно – на небе.

– А ты был там?

– Был – не был, а все знают, что богу молиться надо.

– Бога никто же не видел нигде же. Единородный сын, сущий в недре отчем, он явил, – строго хмурясь, той же скороговоркой сказал старик.

– Ты, видно, нехрист, дырник. Дыре молишься, – сказал ямщик, засовывая кнутовище за пояс и оправляя шлею на пристяжной.

Кто-то засмеялся.

– А ты какой, дедушка, веры? – спросил немолодой уже человек, с возом стоявший у края парома.

– Никакой веры у меня нет. Потому никому я, никому не верю, кроме себе, – так же быстро и решительно ответил старик.

– Да как же себе верить? – сказал Нехлюдов, вступая в разговор. – Можно ошибиться.

– Ни в жизнь, – тряхнув головой, решительно отвечал старик.

– Так отчего же разные веры есть? – спросил Нехлюдов.

– Оттого и разные веры, что людям верят, а себе не верят. И я людям верил и блудил, как в тайге; так заплутался, что не чаял выбраться. И староверы, и нововеры, и субботники, и хлысты, и поповцы, и беспоповцы, и австрияки, и молokane, и скопцы. Всякая вера себя одна восхваляет. Вот все и распозлись, как кутята слепые. Вер много, а дух один. И в тебе, и во мне, и в нем. Значит, верь всяк своему духу, и вот будут все соединены. Будь всяк сам себе, и все будут заедино.

Старик говорил громко и все оглядывался, очевидно желая, чтобы как можно больше людей слышали его.

– Что же, вы давно так исповедуете? – спросил его Нехлюдов.

– Я-то? Давно уж. Уж они меня двадцать третий год гонят.

– Как гонят?

– Как Христа гнали, так и меня гонят. Хватают да по судам, по попам – по книжникам, по фарисеям и водят; в сумасшедший дом сажали. Да ничего мне сделать нельзя, потому я

слободен. «Как, говорят, тебя зовут?» Думают, я звание какое приму на себя. Да я не принимаю никакого. Я от всего отрекся: нет у меня ни имени, ни места, ни отечества, – ничего нет. Я сам себе. Зовут как? Человеком. «А годов сколько?» Я, говорю, не считаю, да и счесть нельзя, потому что я всегда был, всегда и буду. «Какого, говорят, ты отца, матери?» Нет, говорю, у меня ни отца, ни матери, кроме Бога и Земли. Бог – отец, Земля – мать. «А царя, говорят, признаешь?» Отчего не признавать? Он себе царь, а я себе царь. «Ну, говорят, с тобой разговаривать». Я говорю: я и не прошу тебя со мной разговаривать. Так и мучают.

– А куда же вы идете теперь? – спросил Нехлюдов.

– А куда Бог приведет. Работаю, а нет работы – прошу, – закончил старик, заметив, что паром подходит к тому берегу, и победоносно оглянулся на всех слушавших его.

Нехлюдов достал кошелек и предложил старику денег. Старик отказался.

– Я этого не беру. Хлеб беру, – сказал он.

– Ну, прощай.

– Нечего прощать. Ты меня не обидел. А и обидеть меня нельзя, – сказал старик и стал на плечо надевать снятую сумку.

– И охота вам, барин, разговаривать, – сказал ямщик Нехлюдову, когда он, дав на чай могучим паромщикам, влез на телегу. – Так, бродяжка непутевый.

В одной из камер ссыльных Нехлюдов, к удивлению своему, увидал того самого странного старика, которого он утром видел на пароме. Старик этот, лохматый и весь в морщинах, в одной грязной, пепельного цвета, прорванной на плече рубахе, таких же штанах, босой, сидел на полу подле нар и строго-вопросительно смотрел на вошедших. Изможденное тело его, видневшееся в дыры грязной рубахи, было жалко и слабо, но лицо его было еще больше сосредоточенно и серьезно оживленно, чем на пароме. Все арестанты, как и в других камерах, вскочили и вытянулись при входе начальства: старик же продолжал сидеть. Глаза его блестели, и брови гневно хмурились.

– Встать! – крикнул на него смотритель.

Старик не пошевелился и только презрительно улыбнулся.

– Перед тобой твои слуги стоят. А я не твой слуга. На тебе печать... – проговорил старик, указывая смотрителю на его лоб.

– Что-о-о? – угрожающе проговорил смотритель, надвигаясь на него.

– Я знаю этого человека, – поспешил сказать Нехлюдов смотрителю. – За что его взяли?

– Полиция прислала за бесписьменность. Мы просим не присылать, а они все шлют, – сказал смотритель, сердито косясь на старика.

– А ты, видно, тоже антихристова войска? – обратился старик к Нехлюдову.

– Нет, я посетитель, – сказал Нехлюдов.

– Что ж, пришли подивиться, как антихрист людей мучает? На вот, гляди. Забрал людей, запер в клетку войско целое. Люди должны в поте лица хлеб есть, а он их запер; как свиней, кормит без работы, чтоб они озверели.

– Что он говорит? – спросил англичанин.

Нехлюдов сказал, что старик осуждает смотрителя за то, что он держит в неволе людей.

– Как же, спросите, по его мнению, надо поступать с теми, которые не соблюдают закон? – сказал англичанин.

Нехлюдов перевел вопрос. Старик странно засмеялся, оскалив сплошные зубы.

– Закон! – повторил он презрительно. – Он прежде ограбил всех, всю землю, все богатство у людей отнял, под себя подобрал, всех побил, какие против него шли, а потом закон написал, чтобы не грабили да не убивали. Он бы прежде этот закон написал.

Нехлюдов перевел. Англичанин улыбнулся.

– Ну все-таки, как же поступать теперь с ворами и убийцами, спросите у него.

Нехлюдов опять перевел вопрос. Старик строго нахмурился.

– Скажи ему, чтобы он с себя антихристову печать снял, тогда и не будет у него ни воров, ни убийц. Так и скажи ему.

– He is crazy (Он полоумный (англ.)), – сказал англичанин, когда Нехлюдов перевел ему слова старика, и, пожав плечами, вышел из камеры.

– Ты делай свое, а их оставь. Всяк сам себе. Бог знает, кого казнить, кого миловать, а не мы знаем, – проговорил старик. – Будь сам себе начальником, тогда и начальников не нужно. Ступай, ступай, – прибавил он, сердито хмурясь и блестя глазами на медлившего в камере Нехлюдова. – Нагляделся, как антихристовы слуги людьми вшей кормят. Ступай, ступай!

Галчонок

Пустынник увидел раз в лесу сокола. Сокол принес в гнездо кусок мяса, разорвал мясо на маленькие кусочки и стал кормить галчонка.

Пустынник удивился, как так сокол кормит галчонка, и подумал: «Галчонок, и тот у Бога не пропадет, и научил же Бог этого сокола кормить чужого сироту. Видно, Бог всех тварей кормит, а мы все о себе думаем. Перестану я о себе заботиться, не буду себе припасать пищи. Бог всех тварей не оставляет, и меня не оставит».

Так и сделал: сел в лесу и не вставал с места, а только молился Богу. Три дня и три ночи он пробыл без питья и еды. На третий день пустынник так ослабел, что уж не мог поднять руки. От слабости он заснул. И приснился ему старец. Старец будто подошел к нему и говорит:

– Ты зачем себе пищи не припасашь? Ты думаешь Богу угодить, а грешешь. Бог так мир устроил, чтоб каждая тварь добывала себе нужное. Бог велел соколу кормить галчонка, потому что галчонок пропал бы без сокола; а ты можешь сам работать. Ты хочешь испытывать Бога, а это грех. Проснись и работай по-прежнему.

Пустынник проснулся и стал жить по-прежнему.

Гордый олень

Олень подошел к речке напиться, увидел себя в воде и стал радоваться на свои рога, что они велики и развилисты, а на ноги посмотрел и говорит:

– Только ноги мои плохи и жидки.

Вдруг выскочил лев и бросился на оленя. Олень пустился скакать по чистому полю. Он уходил, а как пришел в лес, запутался рогами за сучья, и лев схватил его.

Как пришло время погибать оленю, он и говорит:

– То-то глупый я! Про кого думал, что плохи и жидки, те спасали меня, а на кого радовался, от тех пропал.

Деревянная кормушка

Когда-то жил очень старый человек. Глаза его ослепли, слух притупился, колени дрожали. Он почти не мог держать в руках ложку и во время еды часто проливал на скатерть суп, а иногда кое-что из пищи выпадало у него изо рта. Сын и его жена с отвращением смотрели на старика и стали во время еды сажать его в угол за печку, а еду подавали ему в старом блюдецке. Оттуда он печально смотрел на стол, и глаза его становились влажными. Однажды руки его так тряслись, что он не смог удержать блюдецко с едой. Оно упало на пол и разбилось. Молодая хозяйка стала ругать старика, но он не сказал ни слова, а только тяжело вздохнул. Тогда ему купили деревянную миску. Теперь он должен был есть из нее.

Как-то раз, когда родители сидели за столом, в комнату вошел их четырехлетний сын с куском дерева в руках.

– Что ты хочешь сделать? – спросил отец.

– Деревянную кормушку, – ответил малыш. – Из нее папа с мамой будут кушать, когда я вырасту.

Л. Н. Толстой позаимствовал сюжет этой притчи из сказки братьев Гримм «Старый

дед и внучек».

Как чертенок краюшку выкупал

Выехал бедный мужик пахать, не завтракавши, и взял с собой из дома краюшку хлеба. Перевернул мужик соху, отвязал сволока, положил под куст; тут же положил краюшку хлеба и накрыл кафтаном. Уморилась лошадь, и проголодался мужик. Воткнул мужик соху, отпрег лошадь, пустил ее кормиться, а сам пошел к кафтану пообедать. Поднял мужик кафтан – нет краюшки; поискал, поискал, повертел кафтан, потряс – нет краюшки. Удивился мужик. «Чудное дело, – думает. – Не видал никого, а унес кто-то краюшку». А это чертенок, пока мужик пахал, утащил краюшку и сел за кустом послушать, как будет мужик ругаться и его, черта, поминать.

Потужил мужик.

– Ну, да, – говорит, – не умру с голоду! Видно, тому нужно было, кто ее унес. Пускай ест на здоровье!

И пошел мужик к колодцу, напился воды, отдохнул, поймал лошадь, запряг и стал опять пахать.

Смутился чертенок, что не навел мужика на грех, и пошел сказатьсь на большему черту. Явился к большему и рассказал, как он у мужика краюшку унес, а мужик вместо того, чтобы выругаться, сказал: «На здоровье!» Рассердился больший дьявол.

– Коли, – говорит, – мужик в этом деле верх над тобою взял, ты сам в этом виноват: не умел. Если, – говорит, – мужики, а за ними и бабы такую повадку возьмут, нам уж ни при чем и жить станет. Нельзя этого дела так оставить! Ступай, – говорит, – опять к мужику, заслужи эту краюшку. Если ты в три года сроку не возьмешь верха над мужиком, я тебя в святой воде выкупаю!

Испугался чертенок, побежал на землю, стал придумывать, как свою вину заслужить. Думал, думал и придумал. Обернулся чертенок добрым человеком и пошел к бедному мужику в работники. И научил он мужика в сухое лето посеять хлеб в болоте. Послушался мужик работника, посеял в болоте. У других мужиков все солнцем сожгло, а у бедного мужика вырос хлеб густой, высокий, колосистый. Прокормился мужик до нови, и осталось еще много хлеба. На лето научил работник мужика посеять хлеб на горах. И выпало дождливое лето. У людей хлеб повалился, попрел, и зерна не налило, а у мужика на горах обломный хлеб уродился. Осталось у мужика еще больше лишнего хлеба. И не знает мужик, что с ним делать.

И научил работник мужика затереть хлеб и вино курить. Накурил мужик вина, стал сам пить и других поить. Пришел чертенок к большему и стал хвалиться, что заслужил краюшку. Пошел больший посмотреть.

Пришел к мужику, видит – созвал мужик богачей, вином их угощает. Подносит хозяйка вино гостям. Только стала обходить, зацепилась за стол, пролила стакан. Рассердился мужик, разбил жену.

– Ишь, – говорит, – чертова дура! Разве это помои, что ты, косолапая, такое добро наземь льешь?

Толкнул чертенок большого локтем:

– Примечай, – говорит, – как он теперь не пожалеет краюшки.

Разбил работник хозяйку, стал сам подносить. Приходит с работы бедный мужик, незванный; поздоровался, присел, видит – люди вино пьют; захотелось и ему с устали винца выпить. Сидел-сидел, глотал-глотал слюны, – не поднес ему работник; только про себя пробормотал: «Разве на всех вас вина напасешься!»

Понравилось и это большему черту. А чертенок хвалится:

– Погоди, то ли еще будет.

Выпили богатые мужики, выпил и работник. Стали они все друг к другу подольщаться: друг другу хвалить и масляные облыжные речи говорить.

Послушал, послушал набольший, – похвалил и за это:

– Коли, – говорит, – от этого питья так лисить будут да друг дружку обманывать, они у нас все в руках будут.

– Погоди – говорит чертенок, – что дальше будет; дай они по другому стаканчику выпьют. Теперь они, как лисицы, друг перед дружкой хвостами виляют, друг дружку обмануть хотят, а погляди, сейчас как волки злые сделаются.

Выпили мужики по другому стаканчику, стала у них речь погромче и поглубе. Вместо масляных речей стали они ругаться, стали друг на дружку обозляться, сцепились драться, исколупали друг дружке носы. Вязался в драку и хозяин, избил и его.

Поглядел набольший, и понравилось ему и это.

– Это, – говорит, – хорошо.

А чертенок говорит:

– Погоди, то ли еще будет! Дай они выпьют по третьему. Теперь они как волки остервенились, а дай срок, по третьему выпьют, сейчас как свиньи сделаются.

Выпили мужики по третьему. Рассолодели совсем. Бормочут, кричат сами не знают что и друг дружку не слушают. Пошли расходиться – кто порознь, кто по двое, кто по трое, – повалились все по улицам. Вышел провожать гостей хозяин, упал носом в лужу, измазался весь, лежит, как боров, хрюкает.

Еще пуще понравилось это набольшему.

– Ну, – говорит, – хорошо питье ты выдумал, заслужил краюшку. Скажи ж ты мне, – говорит, – как ты это питье сделал? Не иначе ты сделал, как напустил туда сперва лисьей крови: от нее-то мужик хитрый, как лисица, сделался. А потом – волчьей крови: от нее-то он обозлился, как волк. А под конец подпустил ты, видно, свиной крови: от нее-то он свиной стал.

– Нет, – говорит чертенок, – я не так сделал. Я ему всего только и сделал, что хлеба лишнего зародил. Она, эта кровь звериная, всегда в нем живет, да ей ходу нет, когда хлеба с нужду рождается. Тогда он и последней краюшки не жалел, а как стали лишки от хлеба оставаться, стал он придумывать, как бы себя потешить. И научил я его потехе – вино пить. А как стал он Божий дар в вино курить для своей потехи, поднялась в нем и лисья, и волчья, и свиная кровь. Теперь только бы вино пил, всегда зверем будет.

Похвалил набольший чертенка, простил его за краюшку хлеба и у себя в старших поставил.

Карма

Панду, богатый ювелир браминской касты, ехал со своим слугой в Бенарес. Догнав по пути монаха почтенного вида, который шел по тому же направлению, он подумал сам с собой: «Этот монах имеет благородный и святой вид. Общение с добрыми людьми приносит счастье; если он также идет в Бенарес, я приглашу его ехать со мной в моей колеснице». И, поклонившись монаху, он спросил его, куда он идет, и, узнав, что монах, имя которого было Нарада, идет также в Бенарес, он пригласил его в свою колесницу.

– Благодарю вас за вашу доброту, – сказал монах брамину, – я действительно измучен продолжительным путешествием. Не имея собственности, я не могу вознаградить вас деньгами, но может случиться, что я буду в состоянии воздать вам каким-либо духовным сокровищем из богатства знания, которое я приобрел, следуя учению Шакьямуни, блаженного великого Будды, Учителя человечества.

Они поехали вместе в колеснице, и Панду дорогою слушал с удовольствием поучительные речи Нарады. Проехав один час, они подъехали к мосту, где дорога была размыта с обеих сторон и телега земледельца со сломанным колесом загоразивала путь.

Девала, владелец телеги, ехал в Бенарес, чтобы продать свой рис, и торопился поспеть до зари следующего утра. Если бы он опоздал днем, покупатели риса могли уже уехать из города, скупив нужное им количество риса.

Когда ювелир увидел, что он не может продолжать путь, если телега земледельца не будет сдвинута, он рассердился и приказал Магадуге, рабу своему, сдвинуть телегу в сторону, так чтобы колесница могла проехать. Земледелец противился, потому что воз его лежал так близко к обрыву, что мог рассыпаться, если его тронуть, но брамин не хотел слушать земледельца и приказал своему слуге сбросить воз с рисом. Магадуга, необыкновенно сильный человек, находивший удовольствие в оскорблении людей, повиновался, прежде чем монах мог вступить, и сбросил воз. Когда Панду проехал и хотел продолжать свой путь, монах выскочил из его колесницы и сказал:

– Извините меня, господин, за то, что я покидаю вас. Благодарю вас за то, что вы по своей доброте позволили мне проехать один час в вашей колеснице. Я был измучен, когда вы посадили меня, но теперь благодаря вашей любезности я отдохнул. Признав же в этом земледельце воплощение одного из ваших предков, я не могу ничем лучше вознаградить вас за вашу доброту, как тем, чтобы помочь ему в его несчастье.

Брамин взглянул с удивлением на монаха.

– Вы говорите, что этот земледелец есть воплощение одного из моих предков; этого не может быть.

– Я знаю, – отвечал монах, – что вам неизвестны те сложные и значительные связи, которые соединяют вас с судьбою этого земледельца. Но от слепого нельзя ожидать того, чтобы он видел, и потому я сожалею о том, что вы вредите сами себе, и постараюсь защитить вас от тех ран, которые вы собираетесь нанести себе.

Богатый купец не привык к тому, чтобы его укоряли; чувствуя же, что слова монаха, хотя и сказанные с большой добротой, содержали в себе язвительный упрек, он приказал слуге своему тотчас же ехать далее.

Монах поздоровался с Девалой-земледельцем и стал помогать ему в починке его телеги и в том, чтобы подобрать рассыпавшийся рис. Дело шло быстро, и Девала подумал: «Этот монах, должно быть, святой человек, – ему как будто помогают невидимые духи. Спрошу его, чем я заслужил жестокое со мной обращение гордого брамина».

И он сказал:

– Почтенный господин! Не можете ли вы сказать мне, за что я потерпел несправедливость от человека, которому я никогда не сделал ничего худого?

Монах сказал:

– Любезный друг, вы не потерпели несправедливости, но только потерпели в теперешнем существовании то, что вы совершили над этим брамином в прежней жизни. И я не ошибусь, сказавши, что даже и теперь вы бы сделали над брамином то же самое, что он сделал с вами, если бы были на его месте и имели такого сильного слугу.

Земледелец признался, что, если бы он имел власть, то не раскаялся бы, поступив с другим человеком, загородившим ему дорогу, так же, как брамин поступил с ним.

Рис был убран в воз, и монах с земледельцем приближались уже к Бенаресу, когда лошадь вдруг шарахнулась в сторону.

– Змея, змея! – воскликнул земледелец.

Но монах, пристально взглянув на предмет, испугавший лошадь, соскочил с телеги и увидел, что это был кошелек, полный золота. «Никто, кроме богатого ювелира, не мог потерять этот кошелек», – подумал он и, взяв кошелек, подал его земледельцу, сказав:

– Возьмите этот кошелек и, когда будете в Бенаресе, подъезжайте к гостинице, которую я укажу вам, спросите брамина Панду и отдайте кошелек. Он будет извиняться перед вами за грубость своего поступка, но вы скажите ему, что вы простили его и желаете ему успеха во всех его предприятиях, потому что, верьте мне, чем больше будут его успехи, тем лучше это будет для вас. Ваша судьба во многом зависит от его судьбы. Если бы Панду спросил у вас объяснений, то пошлите его в монастырь, где он всегда найдет меня в готовности помочь ему советом, если совет нужен ему.

Панду между тем приехал в Бенарес и встретил Малмеку, своего торгового приятеля, богатого банкира.

– Я погиб, – сказал Малмека, – и не могу делать никаких дел, если нынче же не куплю воз лучшего риса для царской кухни. Есть в Бенаресе мой враг банкир, который, узнав то, что я сделал условие с царским дворецким о том, что я доставлю ему сегодня утром воз риса, желая погубить меня, скупил весь рис в Бенаресе. Царский дворецкий не освободит меня от условия, и завтра я пропал, если Кришна не пошлет мне ангела с неба.

В то время как Малмека жаловался на свое несчастье Панду хватился своего кошелька. Обыскав свою колесницу и не найдя его, он заподозрил своего раба Магадугу и призвал полицейских, обвинил его и, велев привязать его, жестоко мучил, чтобы вынудить от него признание. Раб кричал, страдая:

– Я невиновен, отпустите меня! Я не могу переносить этих мук! Я совершенно невинен в этом преступлении и страдаю за грехи других! О, если бы я мог выпросить прощение у того земледельца, которому я сделал зло ради моего хозяина! Мучения эти, верно, служат наказанием за мою жестокость.

В то время как полицейские еще продолжали бить раба, земледelec подъехал к гостинице и, к великому удивлению всех, подал кошелек. Раба тотчас же освободили из рук его мучителей, но, будучи недоволен своим хозяином, он убежал от него и присоединился к шайке разбойников, живших в горах. Когда же Малмека услышал, что земледelec может продать самого лучшего рису, годного для царского стола, он тотчас же купил весь воз за тройную цену, а Панду, радуясь в сердце своем возвращению денег, тотчас же поспешил в монастырь, чтобы получить от монаха те объяснения, которые он обещал ему.

Нарада сказал:

– Я бы мог дать вам объяснение, но, зная, что вы неспособны понять духовную истину, я предпочитаю молчание. Однако я дам вам общий совет: обращайтесь с каждым человеком, которого вы встретите, так же, как с самим собой, служите ему так же, как вы желали бы, чтобы вам служили. Таким образом, вы посеете семя добрых дел, и богатая жатва их не минует вас.

– О, монах! дайте мне объяснение, – сказал Панду, и мне легче будет следовать вашему совету.

И монах сказал:

– Слушайте же, я дам вам ключ к тайне: если вы и не поймете ее, верьте тому, что я скажу вам. Считать себя отдельным существом есть обман, и тот, кто направляет свой ум на то, чтобы исполнять волю этого отдельного существа, следует за ложным советом, который приведет его в бездну греха. То, что мы считаем себя отдельными существами, происходит оттого, что покрывало Майи ослепляет наши глаза и мешает нам видеть неразрывную связь с нашими ближними, мешает нам проследить наше единство с душами других существ. Немногие знают эту истину. Пусть следующие слова будут вашим талисманом:

«Тот, кто вредит другим, делает зло себе. Тот, кто помогает другим, делает добро себе. Перестаньте считать себя отдельным существом – и вы вступите на путь Истины. Для того, чье зрение омрачено покрывалом Майи, весь мир кажется разрезанным на бесчисленные личности. И такой человек не может понимать значения всеобъемлющей любви ко всему живому».

Панду отвечал:

– Ваши слова, почтенный господин, имеют глубокое значение, и я запомню их. Я сделал небольшое добро, которое мне ничего не стоило, для бедного монаха во время моей поездки в Бенарес, и вот как благодетельны оказались его последствия. Я много обязан вам, потому что без вас я не только потерял бы свой кошелек, но не мог бы делать в Бенаресе тех торговых дел, которые значительно увеличили мое состояние. Кроме того, ваша заботливость и прибытие воза риса содействовали благосостоянию моего друга Малмеки. Если бы все люди познали истину ваших правил, насколько лучше бы был наш мир, как уменьшилось бы зло в нем и возвысилось общее благосостояние! Я желал бы, чтобы Истина Будды была понята всеми, и потому я хочу основать монастырь на моей родине, Колшамби и приглашаю вас посетить меня с тем, чтобы я мог посвятить это место для братства учеников

Будды.

Прошли годы, и основанный Панду монастырь Колшамби сделался местом собрания мудрых монахов и стал известным как центр просвещения для народа.

В это время соседний царь, услышав о красоте драгоценных крашений, приготавливаемых Панду, послал к нему своего казначея, чтобы заказать корону из чистого золота, украшенную самыми драгоценными камнями Индии.

Когда Панду окончил эту работу, он поехал в столицу царя и, надеясь делать там торговые дела, взял с собой большой запас золота. Караван, везший его драгоценности, был охраняем вооруженными людьми, но когда он достиг гор, то разбойники, с Магадудой, ставшим атаманом их, во главе, напали на него, побили охрану и захватили все драгоценные камни и золото. Сам Панду едва спасся. Это несчастье было большим ударом для благосостояния Панду: богатство его значительно уменьшилось.

Панду был очень огорчен, но переносил свои личные несчастья без ропота; он думал: «Я заслужил эти потери грехами, совершенными мною в моей прошлой жизни. Я в молодости был жесток с народом; и если я теперь пожинаю плоды своих дурных дел, то мне нельзя жаловаться».

Так как он стал много добрее ко всем существам, то несчастья его послужили только к очищению его сердца.

Опять прошли годы, и случилось, что Пантака, молодой монах и ученик Нарады, путешествуя в горах Колшамби, попал в руки разбойников. Так как у него не было никакой собственности, атаман разбойников крепко избил его и отпустил.

На следующее утро Пантака, идя через лес, услышал шум битвы и, придя на этот шум, увидел много разбойников, которые с бешенством нападали на своего атамана Магадуду.

Магадута, как лев, окруженный собаками, отбивался от них и убил многих из нападавших. Но врагов его было слишком много, и под конец он был побежден и упал на землю замертво, покрытый ранами.

Как только разбойники ушли, молодой монах подошел к лежавшим, желая подать помощь раненым. Но все разбойники были уже мертвы, только в начальнике их оставалось немного жизни. Монах тотчас же направился к ручейку, бежавшему невдалеке, принес свежей воды в своем кувшине и подал умирающему.

Магадута открыл глаза и, скрипя зубами, сказал:

– Где эти неблагодарные собаки, которых я столько раз водил к победе и успеху? Без меня они скоро погибнут, как затравленные охотником шакалы.

– Не думайте о ваших товарищах и участниках вашей грешной жизни, – сказал Пантака, – но подумайте о вашей душе и воспользуйтесь в последний час возможностью спасенья, которая предоставляется вам. Вот вам вода для питья, дайте я перевяжу ваши раны. Может быть, мне и удастся спасти вашу жизнь.

– Это бесполезно, – отвечал Магадута, – я приговорен; негодяи смертельно ранили меня. Неблагодарные подлецы! Они били меня теми ударами, которым я научил их.

– Вы пожинаете то, что посеяли, – продолжал монах. – Если бы вы учили своих товарищей делам добра, вы бы и получили от них добрые поступки. Но вы учили их убийству, и потому вы через свои дела убиты их рукою.

– Ваша правда, – отвечал атаман разбойников, – я заслужил свою участь, но как тяжел мой жребий тем, что я должен пожать плод всех моих дурных дел в будущих существованиях. Научите меня, святой отец, что я могу сделать, чтобы облегчить мою жизнь от грехов, которые давят меня, как скала, наваленная мне на грудь.

И Пантака сказал:

– Искорените ваши грешные желания, уничтожьте злые страсти и наполните свою душу добротою ко всем существам.

Атаман сказал:

– Я делал много зла и не делал добра. Как могу я выпутаться из той сети горя, которую я связал из злых желаний моего сердца? Моя карма повлечет меня в Ад, я никогда не буду в

состоянии вступить на путь спасения.

И монах сказал:

– Да, ваша карма пожнет в будущих воплощениях плоды тех семян, которые вы посеяли. Для делателя дурных дел нет избавления от последствий своих дурных поступков. Но не отчаивайтесь: всякий человек может спастись, но только с тем условием, чтобы он искоренил из себя заблуждение личности. Как пример этого, я расскажу вам историю великого разбойника Кандаты, который умер нераскаянным и вновь родился дьяволом в Аду, где он мучился за свои дурные дела самыми ужасными страданиями. Он был уже в Аду много лет и не мог избавиться от своего бедственного положения, когда Будда явился на земле и достиг блаженного состояния просветления. В это достопамятное время луч света попал и в Ад, возбудив во всех демонах жизнь и надежду, и разбойник Кандата громко закричал: «О Будда блаженный, сжался надо мной! Я страшно страдаю; и хотя я делал зло, я желаю теперь идти по пути праведности. Но я не могу выпутаться из сети горя; помоги мне, господи, сжался надо мной!» Закон кармы таков, что злые дела ведут к гибели.

Когда Будда услышал просьбу страдающего в Аду демона, он послал к нему паука на паутине, и паук сказал: «Схватись за мою паутину и вылезай по ней из Ада». Когда паук исчез из вида, Кандата схватился за паутину и стал вылезать по ней. Паутина была так крепка, что не обрывалась, и он поднимался по ней все выше и выше.

Вдруг он почувствовал, что нить стала дрожать и колебаться, потому что за ним начали лезть по паутине и другие страдальцы. Кандата испугался; он видел тонкость паутины и видел, что она растягивается от увеличившейся тяжести. Но паутина все еще держала его. Кандата перед этим смотрел только вверх, теперь же он посмотрел вниз и увидел, что за ним лезла по паутине бесчисленная толпа жителей Ада. «Как может эта тонкая нить вынести тяжесть всех этих людей», – подумал он и, испугавшись, громко закричал: «Пустите паутину, она моя!» И вдруг паутина оборвалась, и Кандата упал назад в Ад. Заблуждение личности еще жило в Кандате. Он не знал чудесной силы искреннего стремления вверх для того, чтобы вступить на путь праведности. Стремление это тонко, как паутина, но оно поднимет миллионы людей, и чем больше будет людей лезть по паутине, тем легче будет каждому из них. Но как только в сердце человека возникнет мысль, что паутина эта моя, что благо праведности принадлежит мне одному и что пусть никто не разделяет его со мной, то нить обрывается, и ты падаешь назад в свое прежнее состояние отдельной личности; отдельность же личности есть проклятие, а единение есть благословение. Что такое Ад? Ад есть не что иное, как себялюбие, а нирвана есть жизнь общая...

– Дайте же мне ухватиться за паутину, – сказал умирающий атаман разбойников Магадута, когда монах кончил свой рассказ, – и я выберусь из пучины Ада.

Магадута пробыл несколько минут в молчании, собираясь с мыслями, потом он продолжил:

– Выслушайте меня, я признаюсь вам. Я был слугою у Панду, ювелира из Колшамби. Но после того как он несправедливо истязал меня, я убежал от него и стал атамном разбойников. Несколько времени тому назад я узнал от моих разведчиков, что он проезжает через горы, и я ограбил его, отнял у него большую часть его состояния. Пойдите теперь к нему и скажите ему, что я простил его от всего сердца за оскорбление, которое он несправедливо нанес мне, и прошу его простить меня за то, что я ограбил его. Когда я жил с ним, сердце его было жестоко как камень, и я научился от него себялюбию. Я слышал, что он теперь стал добродушен и что на него указывают, как на образец доброты и справедливости. Я не хочу оставаться в долгу у него; поэтому скажите ему, что я сохранил золотую корону, которую он сделал для царя, и все его сокровища и спрятал их в подземелье. Только два разбойника знали это место, и теперь они оба мертвые; пусть Панду возьмет с собою вооруженных людей и придет к этому месту и возьмет назад ту собственность, которой я лишил его.

После этого Магадута рассказал, где было подземелье, и умер на руках Пантаки.

Как скоро молодой монах Пантаки вернулся в Колшамби, он пошел к ювелиру и

рассказал ему обо всем, что случилось в лесу.

И Панду пошел с вооруженными людьми к подземелью, и взял из него все сокровища, которые атаман спрятал в нем. И они с почестью похоронили атамана и его убитых товарищей, и Пантака над могилой, рассуждая о словах Будды, сказал следующее:

«Личность делает зло, личность же и страдает от него. Личность воздерживается от зла, и личность очищается. Чистота и нечистота принадлежат личности: никто не может очистить другого. Человек сам должен сделать усилие; Будды только проповедники».

«Наша карма, – сказал еще монах Пантака, – не есть произведение Шивары, или Брахмы, или Индры, или какого-нибудь из богов, – наша карма есть последствие наших поступков».

Моя деятельность есть утроба, которая носит меня, есть наследство, которое достается мне, есть проклятие моих злых дел и благословение моей праведности. Моя деятельность есть единственное средство моего спасения».

Панду привез назад в Колшамби все свои сокровища, и, с умеренностью пользуясь своим столь неожиданно возвращенным богатством, он спокойно и счастливо прожил свою остальную жизнь, и когда он умирал, уже в преклонных годах, и все его сыновья, дочери и внуки собрались около него, он сказал им:

– Милые дети, не осуждайте других в своих неудачах. Ищите причины ваших бед в самих себе. И если вы не ослеплены тщеславием, вы найдете ее, а найдя ее, вы сумеете избавиться от зла. Лекарство ваших бед в вас самих. Пусть ваш умственный взор никогда не покрывается покровом Майи... Помните те слова, которые были талисманом моей жизни:

«Тот, кто делает больно другому, делает зло себе. Тот, кто помогает другому, помогает себе. Пусть исчезнет обман личности – и вы вступите на путь праведности».

Кающийся грешник

Жил на свете человек 70 лет, и прожил он всю жизнь в грехах. И заболел этот человек, и не каялся. И когда пришла смерть, в последний час заплакал он и сказал: «Господи! как разбойнику на кресте, прости мне!» Только успел сказать – вышла душа. И возлюбила душа грешника Бога, и поверила в милость Его, и пришла к дверям рая. И стал стучаться грешник, и проситься в царство небесное. И услышал он голос из-за двери:

– Какой человек стучится в двери райские? И какие дела совершил человек этот в жизни своей?

И отвечал голос обличителя, и перечислил все грешные дела человека этого, и не назвал добрых дел никаких. И отвечал голос из-за двери:

– Не могут грешники войти в царство небесное. Отойди отсюда.

И сказал человек:

– Господи! Голос твой слышу, а лица не вижу и имени твоего не знаю.

И ответил голос:

– Я – Петр-апостол.

И сказал грешник:

– Пожалей меня, Петр-апостол, вспомни слабость человеческую и милость Божию. Не ты ли был ученик Христов, не ты ли из самих уст Его слышал учение Его и видел пример жизни Его? А вспомни, когда Он тосковал и скорбел душою и три раза просил тебя не спать, а молиться. И ты спал, потому глаза твои отяжелели, и три раза Он застал тебя спящим. Так же и я. А вспомни еще, как обещал Ему Самому до смерти не отречься от Него и как ты три раза отрекся от Него, когда повели Его к Каиафе. Так же и я. И вспомни еще, как запел петух и ты вышел вон и заплакал горько. Так же и я. Нельзя тебе не впустить меня.

И затих голос за дверьми райскими. И, постояв недолго, опять стучаться грешник стал и проситься в царство небесное. И послышался из-за дверей другой голос и сказал:

– Кто человек этот? И как жил он на свете?

И отвечал голос обличителя, и опять повторил все худые дела грешника, и не назвал

добрых дел никаких. И отвечал голос из-за двери:

– Отойди отсюда: не могут такие грешники жить с нами вместе в раю.

И сказал грешник:

– Господи, голос твой слышу, но лица твоего не вижу и имени твоего не знаю.

И сказал ему голос:

– Я – царь и пророк Давид.

И не отчаялся грешник, не отошел от двери рая и стал говорить:

– Пожалей меня, царь Давид, и вспомни слабость человеческую и милость Божию. Бог любил тебя и возвеличил пред людьми. Все было у тебя: и царство, и слава, и богатство, и жены, и дети, и увидел ты с крыши жену бедного человека, и грех вошел в тебя, и взял ты жену Урия, и убил его самого мечом амонитян. Ты, богач, отнял у бедного последнюю овечку и погубил его самого. То же делал и я. И вспомни потом, как ты покаялся и говорил: «Я сознаю вину свою и сокрушаюсь о грехе своем». Так же и я. Нельзя тебе не впустить меня.

И затих голос за дверьми. И, постояв недолго, опять стал стучаться грешник и проситься в царство небесное. И послышался из-за дверей третий голос и сказал:

– Кто человек этот? И как прожил он на свете?

И отвечал голос обличителя, и в третий раз перечислил худые дела человека, и не назвал добрых. И отвечал голос из-за двери:

– Отойди отсюда: не могут грешники войти в царство небесное.

И отвечал грешник:

– Голос твой слышу, но лица не вижу и имени твоего не знаю.

И отвечал голос:

– Я – Иоанн Богослов, любимый ученик Христа.

И обрадовался грешник и сказал:

– Теперь нельзя не впустить меня! Петр и Давид впустят меня за то, что они знают слабость человеческую и милость Божию. А тыпустишь меня потому, что в тебе любви много. Не ты ли, Иоанн Богослов, написал в книге своей, что Бог есть любовь и что кто не любит, тот не знает Бога? Не ты ли при старости говорил людям одно слово: «Братья, любите друг друга!» Как же ты теперь возненавидишь и отгонишь меня? Или отрекись от того, что сказал ты сам, или полюби меня ипусти в царство небесное.

И отворились врата райские, и обнял Иоанн кающегося грешника ипустил его в царство небесное.

Потерянная жемчужина

Человек уронил дорогой жемчуг в море и, чтобы достать его, стал черпать ковшом воду. Морской дух вышел и спросил:

– Скоро ли ты перестанешь?

Человек сказал:

– Когда вычерпаю море и достану жемчужину.

Тогда морской дух вынес ему жемчужину.

Равное наследство

У одного купца было два сына. Старший был любимец отца, и отец все свое наследство хотел отдать ему. Мать жалела меньшого сына и просила мужа не объявлять до времени сыновьям, как их разделят: она хотела как-нибудь сравнять двух сыновей. Купец ее послушал и не объявлял своего решения.

Один раз мать сидела у окна и плакала; к окну подошел странник и спросил, о чем она плачет? Она сказала:

– Как мне не плакать: оба сына мне равны, а отец хочет одному сыну все отдать, а

другому ничего. Я просила мужа не объявлять своего решения сыновьям, пока я не придумаю, как помочь меньшому. Но денег у меня своих нет, и я не знаю, как помочь горю.

Странник сказал:

– Твоему горю легко помочь; поди объяви сыновьям, что старшему достанется все богатство, а меньшому ничего; и у них будет поровну.

Меньшой сын, как узнал, что у него ничего не будет, ушел в чужие страны и выучился мастерствам и наукам, а старший жил при отце и ничему не учился, потому что знал, что будет богат.

Когда отец умер, старший ничего не умел делать, прожил все свое имение, а младший выучился наживать на чужой стороне и стал богат.

Разрушение ада и восстановление его

Это было в то время, когда Христос открывал людям свое учение.

Учение это было так ясно и следование ему было так легко и так очевидно избавляло людей от зла, что нельзя было не принять его, и ничто не могло удержать его распространения по всему свету. И Вельзевул, отец и повелитель всех дьяволов, был встревожен. Он ясно видел, что власть его над людьми кончится навсегда, если только Христос не отречется от своей проповеди. Он был встревожен, но не унывал и подстрекал покорных ему фарисеев и книжников как можно сильнее оскорблять и мучить Христа, а ученикам Христа советовал бежать и оставить его одного. Он надеялся, что приговор к позорной казни, поругания, оставление его всеми учениками и, наконец, самые страдания и казнь сделают то, что Христос в последнюю минуту отречется от своего учения. А отречение уничтожит всю силу учения.

Дело решалось на кресте. И когда Христос возгласил: «Боже мой, боже мой, для чего ты меня оставил», – Вельзевул возликовал. Он схватил приготовленные для Христа оковы и, надев их себе на ноги, прилаживал так, чтобы они не могли быть расторгнуты, когда будут надеты на Христа.

Но вдруг послышались с креста слова: «Отче, прости им, ибо не знают, что делают», – и вслед за тем Христос возгласил: «Свершилось!», – и испустил дух.

Вельзевул понял, что все для него пропало. Он хотел снять со своих ног оковы и бежать, но не мог двинуться с места. Оковы скипелись на нем и держали его ноги. Он хотел подняться на крыльях, но не мог расправить их. И Вельзевул видел, как Христос в светлом сиянии остановился во вратах ада, видел, как грешники от Адама и до Иуды вышли из ада, видел, как разбежались все дьяволы, видел, как самые стены ада беззвучно распались на все четыре стороны. Он не мог более переносить этого и, пронзительно завизжав, провалился сквозь треснувший пол ада в преисподнюю.

Прошло 100 лет, 200, 300 лет.

Вельзевул не считал времени. Он лежал неподвижно в черном мраке и мертвой тишине и старался не думать о том, что было, и все-таки думал и бессильно ненавидел виновника своей гибели.

Но вдруг, – он не помнил и не знал, сколько сот лет прошло с тех пор, – он услышал над собой звуки, похожие на топот ног, стоны, крики, скрежет зубовой. Вельзевул приподнял голову и стал прислушиваться.

То, чтобы ад мог восстановиться после победы Христа, Вельзевул не мог верить, а между тем топот, стоны, крики и скрежет зубов становились все яснее и яснее.

Вельзевул поднял туловище, подобрал под себя мохнатые, с отросшими копытами ноги (оковы, к удивлению его, сами соскочили с них) и, затрепав свободно раскрывшимися крыльями, засвистал тем призывным свистом, которым он в прежние времена призывал к себе своих слуг и помощников.

Не успел он перевести дыхание, как над головой его разверзлось отверстие, блеснул красный огонь и толпа дьяволов, давя друг друга, высыпалась из отверстия в преисподнюю

и, как вороны вокруг падали, расселись кругом Вельзевула.

Дьяволы были большие и маленькие, и толстые и худые, и с длинными и короткими хвостами, и с острыми, прямыми и кривыми рогами.

Один из дьяволов, в накинута на плечи пелеринке, весь голый и глянцеви́то-черный, с круглым безбородым, безусым лицом и огромным отвисшим животом, сидел на корточках перед самым лицом Вельзевула и, то закатывая, то опять выкатывая свои огненные глаза, не переставая улыбался, равномерно из стороны в сторону помахивая длинным, тонким хвостом.

– Что значит этот шум? – спросил Вельзевул, указывая наверх. – Что там?

– Все то же, что было всегда, – отвечал глянцеви́тый дьявол в пелеринке.

– Да разве есть грешники? – спросил Вельзевул.

– Много, – отвечал глянцеви́тый.

– А как же учение того, кого я не хочу называть? – спросил Вельзевул.

Дьявол в пелеринке оскалился так, что открылись его острые зубы, и между всеми дьяволами послышался сдержанный хохот.

– Учение это не мешает нам. Они не верят в него, – сказал дьявол в пелеринке.

– Да ведь учение это явно спасает их от нас, и он засвидетельствовал его своею смертью, – сказал Вельзевул.

– Я переделал его, – сказал дьявол в пелеринке, быстро трепля хвостом по полу.

– Как переделал?

– Так переделал, что люди верят не в его ученье, а в мое, которое они называют его именем.

– Как ты сделал это? – спросил Вельзевул.

– Сделалось это само собой. Я только помогал.

– Расскажи коротко, – сказал Вельзевул.

Дьявол в пелеринке, опустив голову, помолчал, как бы соображая, не торопясь, а потом начал рассказывать:

– Когда случилось то страшное дело, что ад был разрушен и отец и повелитель наш удалился от нас, – сказал он, – я пошел в те места, где проповедовалось то самое учение, которое чуть было не погубило нас. Мне хотелось увидеть, как живут люди, исполняющие его. И я увидал, что люди, жившие по этому учению, были совершенно счастливы и недоступны нам. Они не сердились друг на друга, не предавались женской прелести и, или не женились, или, женившись, имели одну жену, не имели имущества, все считали общим достоянием, не защищались силою от нападающих и платили добром за зло. И жизнь их была так хороша, что другие люди все более и более привлекались к ним. Увидав это, я подумал, что все пропало, и хотел уже уходить. Но тут случилось обстоятельство, само по себе ничтожное, но оно мне показалось заслуживающим внимания, и я остался. Случилось то, что между этими людьми одни считали, что надо всем обрезать и не надо есть идоложертвенное, а другие считали, что этого не нужно и что можно и не обрезать и есть все. И я стал внушать и тем и другим, что разногласие это очень важно и что ни той, ни другой стороне никак не надо уступать, так как дело касается служения богу. И они поверили мне, и споры ожесточились. И те и другие стали сердиться друг на друга, и тогда я стал внушать и тем и другим, что они могут доказать истинность своего учения чудесами. Как ни очевидно было, что чудеса не могут доказать истинности учения, им так хотелось быть правыми, что они поверили мне, и я устроил им чудеса. Устроить это было нетрудно. Они всему верили, что подтверждало их желание быть одним в истине.

Одни говорили, что на них сошли огненные языки, другие говорили, что они видели самого умершего учителя и многое другое. Они выдумывали то, чего никогда не было, и лгали во имя того, кто назвал нас лжецами, не хуже нас, сами не замечая этого. Одни говорили про других: ваши чудеса ненастоящие – наши настоящие, а те говорили про этих: нет, ваши ненастоящие, наши настоящие.

Дело шло хорошо, но я боялся, как бы они не увидели слишком очевидного обмана, и

тогда я выдумал церковь. И когда они поверили в церковь, я успокоился: я понял, что мы спасены и ад восстановлен.

– Что такое церковь? – строго спросил Вельзевул, не хотевший верить тому, чтобы слуги его были умнее его.

– А церковь это то, что, когда люди лгут и чувствуют, что им не верят, они всегда, ссылаясь на бога, говорят: ей-богу, правда то, что я говорю. Это, собственно, и есть церковь, но только с той особенностью, что люди, признавшие себя церковью, уверяются, что они уже не могут заблуждаться, и потому, какую бы глупость они ни сказали, уже не могут от нее отречься. Делается же церковь так: люди уверяют себя и других, что учитель их, бог, во избежание того, чтобы открытый им людям закон не был ложно перетолкован, избрал особенных людей, которые одни они или те, кому они передадут эту власть, могут правильно толковать его учение. Так что люди, называющие себя церковью, считают, что они в истине не потому, что то, что они проповедают, есть истина, а потому, что они считают себя единственными законными преемниками учеников учеников учеников и, наконец, учеников самого учителя-Бога. Хотя и в этом приеме было то же неудобство, как и в чудесах, а именно то, что люди одновременно могли утверждать каждый про себя, что они члены единой истинной церкви (что всегда и бывало), но выгода этого приема та, что, как скоро люди сказали про себя, что они церковь, и на этом утверждении построили свое учение, то они уже не могут отречься от того, что они сказали, как бы нелепо ни было сказанное и что бы ни говорили другие люди.

– Но отчего же церкви перетолковали учение в нашу пользу? – спросил Вельзевул.

– А сделали они это потому, – продолжал дьявол в пелеринке, – что, признав себя единственными толкователями закона Бога и убедив в этом других, люди эти сделали высшими решителями судеб людей и потому получили высшую власть над ними. Получив же эту власть, они, естественно, возгордились и большей частью развратились и тем вызвали против себя негодование и вражду людей. Для борьбы же со своими врагами они, не имея другого орудия, кроме насилия, стали гнать, казнить, жечь всех тех, кто не признавал их власти. Так что они самым своим положением были поставлены в необходимость перетолковать учение в таком смысле, чтобы оно оправдывало и их дурную жизнь, и те жестокости, которые они употребляли против своих врагов. Они так и сделали.

– Но ведь учение было так просто и ясно, – сказал Вельзевул, все еще не желая верить тому, чтобы его слуги сделали то, чего он не догадался сделать, – что нельзя было перетолковать его. «Поступай с другим, как хочешь, чтобы поступали с тобой». Как же перетолковать это?

– А на это они, по моему совету, употребляли различные способы, – сказал дьявол в пелеринке. – У людей есть сказка о том, как добрый волшебник, спасая человека от злого, превращает его в зернышко пшеницы, и как злой волшебник, превратившись в петуха, готов уже был склевать это зернышко, но добрый волшебник высыпал на зернышко меру зерен. И злой волшебник не мог съесть всех зерен и не мог найти то, какое ему было нужно. То же сделали и они, по моему совету, с учением того, кто учил, что весь закон в том, чтобы делать другому то, что хочешь, чтобы делали тебе, они признали священным изложением закона бога 49 книг и в этих книгах признали всякое слово произведением бога – святого духа. Они высыпали на простую, понятную истину такую кучу мнимых священных истин, что стало невозможно ни принять их все, ни найти в них ту, которая одна нужна людям. Это их первый способ. Второй способ, который они употребляли с успехом более тысячи лет, состоит в том, что они просто убивают, сжигают всех тех, кто хочет открыть истину. Теперь этот способ уже выходит из употребления, но они не бросают его, и хотя и не сжигают уже людей, пытающихся открыть истину, но так клеветают на них, так отравляют им жизнь, что только очень редкие решаются обличать их. Это второй способ. Третий же способ в том, что, признавая себя церковью, следовательно, непогрешимыми, они прямо учат, когда им это нужно, противоположному тому, что сказано в писании, предоставляя своим ученикам самим, как они хотят и умеют, выпутываться из этих противоречий. Так, например, сказано в

Писании: «Один учитель у вас Христос, и отцом себе не называйте никого на земле, ибо один у вас отец, который на небесах, и не называйтесь наставниками, ибо один у вас наставник – Христос», – а они говорят: «Мы одни отцы и мы одни наставники людей». Или сказано: «Если хочешь молиться, то молись один втайне, и бог услышит тебя», – а они учат, что надо молиться в храмах всем вместе, под песни и музыку. Или сказано в Писании: «Не клянитесь никак», – а они учат, что всем надо клясться в беспрекословном повиновении властям, чего бы ни требовали эти власти. Или сказано: «Не убий», – а они учат, что можно и должно убивать на войне и по суду. Или еще сказано: «Учение мое дух и жизнь, питайтесь им, как хлебом». А они учат тому, что если положить кусочки хлеба в вино и сказать над этими кусочками известные слова, то хлеб делается телом, а вино кровью, и что есть этот хлеб и пить это вино очень полезно для спасения души. Люди верят в это и усердно едят эту похлебку и потом, попадая к нам, очень удивляются, что похлебка эта не помогла им, – закончил дьявол в пелеринке, закатил глаза и ослабил до самых ушей.

– Это очень хорошо, – сказал Вельзевул и улыбнулся. И все дьяволы разразились громким хохотом.

– Неужели у вас по-старому блудники, грабители, убийцы? – уже весело спросил Вельзевул.

Дьяволы, тоже развеселившись, заговорили все вдруг, желая выказаться перед Вельзевулом.

– Не по-старому, а больше, чем прежде, – кричал один.

– Блудники не помещаются в прежних отделениях, – визжал другой.

– Грабители теперешние злее прежних, – выкрикивал третий.

– Не наготовимся топлива для убийц, – ревел четвертый.

– Не говорите все вдруг. А пусть отвечает тот, кого я буду спрашивать. Кто заведует блудом, выходи и расскажи, как ты делаешь это теперь с учениками того, кто запретил переменять жен и сказал, что не должно глядеть на женщину с похотью. Кто заведует блудом?

– Я, – отвечал, подползая на задку ближе к Вельзевулу, женоподобный бурый дьявол с обрюзгшим лицом и слюнявым, не переставая жуящим ртом.

Дьявол этот выполз вперед из ряда других, сел на корточки, склонил набок голову и, просунув между ног хвост с кисточкой, начал, помахивая им, певучим голосом говорить так:

– Делаем мы это и по старому приему, употребленному тобою, нашим отцом и повелителем, еще в раю и предавшему в нашу власть весь род человеческий, и по новому церковному способу. По новому церковному способу мы делаем так: мы уверяем людей, что настоящий брак состоит не в том, в чем он действительно состоит, в соединении мужчины с женщиной, а в том, чтобы нарядиться в самые лучшие платья, пойти в большое, устроенное для этого здание и там, надевши на головы особенные, приготовленные для этого шапки, под звуки разных песен обойти три раза вокруг столика. Мы внушаем людям, что только это есть настоящий брак. И люди, уверившись в этом, естественно, считают, что всякое вне этих условий соединение мужчины с женщиной есть простое, ни к чему их не обязывающее удовольствие или удовлетворение гигиенической потребности, и потому, не стесняясь, предаются этому удовольствию.

Женоподобный дьявол склонил обрюзгшую голову на другую сторону и помолчал, как бы ожидая действия своих слов на Вельзевула. Вельзевул кивнул головой в знак одобрения, и женоподобный дьявол продолжал так:

– Этим способом, не оставляя при этом и прежнего, употребленного в раю способа запрещенного плода и любопытства, – продолжал он, очевидно желая польстить Вельзевулу, – мы достигаем самых лучших успехов. Воображая себе, что они могут устроить себе честный церковный брак и после соединения со многими женщинами, люди переменяют сотни жен и так при этом привыкают к распутству, что делают то же и после церковного брака. Если же им покажутся почему-либо стеснительными некоторые требования, связанные с этим церковным браком, то они устраивают так, что совершается второе

хождение вокруг столика, первое же считается недействительным.

Женоподобный дьявол замолчал и, утерев кончиком хвоста слюни, наполнявшие ему рот, склонил на другой бок голову и молча уставился на Вельзевула.

– Просто и хорошо, – сказал Вельзевул. – Одобряю. Кто заведует грабителями?

– Я, – отвечал, выступая, крупный дьявол с большими кривыми рогами, с усами, загнутыми кверху, и огромными, криво приставленными лапами.

Дьявол этот, выползши, как и прежние, вперед и по-военному обеими лапами опираясь, дожидаясь вопроса.

– Тот, кто разрушил ад, – сказал Вельзевул, – учил людей жить, как птицы небесные, и повелевал давать просящему и хотящему взять рубашку отдавать кафтан, и сказал, что для того, чтобы спастись, надо раздать именье. Как же вы вовлекаете в грабеж людей, которые слышали это?

– А мы делаем это, – сказал дьявол с усами, величественно откидывая голову назад, – точно так же, как делал это наш отец и повелитель при избрании Саула на царство. Точно так же, как это было внушено тогда, мы внушаем людям, что вместо того, чтобы им перестать грабить друг друга, им выгоднее позволить грабить себя одному человеку, предоставив ему полную власть надо всем. Нового в нашем способе только то, что для утверждения права грабежа этого одного человека мы ведем этого человека в храм, надеваем на него особенную шапку, сажаем на высокое кресло, даем ему в руки палочку и шарик, мажем постным маслом и во имя Бога и его сына провозглашаем особу этого помазанного маслом человека священной. Так что грабеж, производимый этой особой, считающейся священной, уже ничем не может быть ограничен. И священные особы, и их помощники, и помощники помощников – все, не переставая, спокойно и безопасно грабят народ. При этом устанавливаются обыкновенно такие законы и порядки, при которых даже и без помазания праздное меньшинство всегда может безнаказанно грабить трудящееся большинство. Так что в последнее время в некоторых государствах грабеж продолжается и без помазанников так же, как и там, где они есть. Как видит наш отец и повелитель, в сущности, способ, употребляемый нами, есть старый способ. Ново в нем только то, что мы сделали этот способ более общим, более скрытым, более распространенным по пространству и времени и более прочным.

Более общим мы сделали этот способ тем, что люди прежде подчинялись по своей воле тому, кого избирали, мы же сделали так, что они теперь совершенно независимо от своего желания подчиняются не тем, кого избирают, а кому попало. Более скрытым мы сделали этот способ тем, что теперь уже ограбляемые, благодаря устройству податей особенных, косвенных, не видят своих грабителей. Более распространен же по пространству этот способ тем, что так называемые христианские народы, не довольствуясь грабежом своих, грабят под разными, самыми странными предлогами, преимущественно под предлогом распространения христианства, и все те чуждые им народы, у которых есть что ограбить. По времени же новый способ этот, более распространен, чем прежде, благодаря устройству займов, общественных и государственных: ограбляются теперь не одни живущие, а и будущие поколения. Способ же этот более прочным мы сделали тем, что главные грабители считаются особами священными, и люди не решаются противодействовать им. Стоит только главному грабителю успеть помазаться маслом, и уже он может спокойно грабить, кого и сколько он хочет. Так, одно время в России я, ради опыта, сажал на царство одну за другою самых гнусных баб, глупых, безграмотных и распутных, и не имеющих, по их же законам, никаких прав. Последнюю же, не только распутницу, но преступницу, убившую мужа и законного наследника. И люди только потому, что она была помазана, не вырвали ей ноздри и не секли кнутом, как они делали это со всеми мужеубийцами, но в продолжение тридцати лет рабски покорялись ей, предоставляя ей и ее бесчисленным любовникам грабить не только их имущество, но и свободу людей. Так что в наше время грабежи явные, то есть отнятие силою кошелька, лошади, одежды, составляют едва ли одну миллионную часть всех тех грабежей законных, которые совершаются постоянно людьми, имеющими возможность

это делать. В наше время грабежи безнаказанные, скрытые и вообще готовность к грабежу установилась между людьми такая, что главная цель жизни почти всех людей есть грабеж, умеряемый только борьбою грабителей между собою.

– Что ж, это хорошо, – сказал Вельзевул. – Но убийства? Кто заведует убийством?

– Я, – отвечал, выступая из толпы, красного, кровавого цвета дьявол с торчащими изо рта клыками, острыми рогами и поднятым кверху толстым, неподвижным хвостом.

– Как же ты заставляешь быть убийцами учеников того, кто сказал: «Не воздавай злом за зло, люби врагов?» Как же ты делаешь убийц из этих людей?

– Делаем мы это и по старому способу, – отвечал красный дьявол оглушающим, трещащим голосом, – возбуждая в людях корысть, задор, ненависть, месть, гордость. И так же по старому способу внушаем учителям людей, что лучшее средство отучить людей от убийства состоит в том, чтобы самим учителям публично убивать тех, которые убили. Этот способ не столько дает нам убийц, сколько приготавливает их для нас. Больше же количество давало и дает нам новое учение о непогрешимости церкви, о христианском браке и о христианском равенстве. Учение о непогрешимости церкви давало нам в прежнее время самое большое количество убийц. Люди, признававшие себя членами непогрешимой церкви, считали, что позволить ложным толкователям учения развращать людей есть преступление, что поэтому убийство таких людей есть угодное богу дело. И они убивали целые населенные пункты и казнили, жгли сотни тысяч людей. При этом смешно то, что те, которые казнили и жгли людей, начинавших понимать истинное учение, считали этих самых опасных для нас людей нашими слугами, то есть слугами дьяволов. Сами же казнившие и жегшие на кострах, действительно бывшие нашими покорными слугами, считали себя святыми исполнителями воли Бога. Так это было в старину. В наше же время очень большое количество убийц дает нам учение о христианском браке и о равенстве. Учение о браке дает нам, во-первых, убийства супругов друг другом и матерями детей. Мужья и жены убивают друг друга, когда им кажутся стеснительными некоторые требования закона и обычая церковного брака. Матери же убивают детей большей частью тогда, когда соединения, от которых произошли дети, не признаются браком. Такие убийства совершаются постоянно и равномерно. Убийства же, вызванные христианским учением о равенстве, совершаются периодически, но зато, когда совершаются, то совершаются в очень большом количестве. По учению этому людям внушается, что они все равны перед законом. Люди же ограбленные чувствуют, что это неправда. Они видят, что равенство это перед законом состоит только в том, что грабителям удобно продолжать грабить, им же это неудобно делать, и они возмущаются и нападают на своих грабителей. И тогда начинаются взаимные убийства, которые дают нам сразу иногда десятки тысяч убийц.

– Но убийства на войне? Как вы приводите к ним учеников того, кто признал всех людей сынами одного отца и велел любить врагов?

Красный дьявол оскалился, выпустив изо рта струю огня и дыма, и радостно ударил себя по спине толстым хвостом.

– Делаем мы так: мы внушаем каждому народу, что он, этот народ, есть самый лучший из всех на свете. Deutschland uber alles (Германия – превыше всего (нем.), Франция, Англия, Россия uber alles, и что этому народу (имярек) надо властвовать над всеми другими народами. А так как всем народам мы внушали то же самое, то они, постоянно чувствуя себя в опасности от своих соседей, всегда готовятся к защите и озлобляются друг на друга. А чем больше готовится к защите одна сторона и озлобляется за это на своих соседей, тем больше готовится к защите все остальные и озлобляются друг на друга. Так что теперь все люди, принявшие учение того, кто назвал нас убийцами, все постоянно и преимущественно заняты приготовлениями к убийству и самими убийствами.

– Что ж, это остроумно, – сказал Вельзевул после недолгого молчания. – Но как же свободные от обмана ученые люди не увидели того, что церковь извратила учение, и не восстановили его?

– А они не могут этого сделать, – самоуверенным голосом сказал, выползая вперед,

матово-черный дьявол в мантии, с плоским покатым лбом, безмускульными членами и оттопыренными большими ушами.

– Почему? – строго спросил Вельзевул, недовольный самоуверенным тоном дьявола в мантии.

Не смущаясь окриком Вельзевула, дьявол в мантии, не торопясь, покойно уселся не на корточки, как другие, а по-восточному, скрестив безмускульные ноги, и начал говорить без запинки, тихим, размеренным голосом:

– Не могут они делать этого, оттого что я постоянно отвлекаю их внимание от того, что они могут, и что им нужно знать, и направляю его на то, что им не нужно знать и чего они никогда не узнают.

– Как же ты сделал это?

– Делал и делаю я различно по времени, – отвечал дьявол в мантии. – В старину я внушал людям, что самое важное для них – это знать подробности об отношении между собою лиц троицы, о происхождении Христа, об естествах его, о свойстве бога и т. п. И они много и длинно рассуждали, доказывали, спорили и сердились. И эти рассуждения так занимали их, что они вовсе не думали о том, как им жить. А, не думая о том, как им жить, им и не нужно было знать того, что говорил им их учитель о жизни.

Потом, когда они уже так запутались в этих рассуждениях, что сами перестали понимать то, о чем говорили, я внушал одним, что самое важное для них – это изучить и разъяснить все то, что написал человек по имени Аристотель, живший тысячи лет тому назад в Греции; другим внушал, что самое важное для них – это найти такой камень, посредством которого можно бы было делать золото, и такой эликсир, который излечивал бы от всех болезней и делал людей бессмертными. И самые умные и ученые из них все свои умственные силы направили на это.

Тем же, которые не интересовались этим, я внушал, что самое важное – это знать: земля ли вертится вокруг солнца, или солнце вокруг земли? И когда они узнали, что земля вертится, а не солнце, и определили, сколько миллионов верст от солнца до земли, то были очень рады и с тех пор еще усерднее изучают до сих пор расстояния от звезд, хотя и знают, что конца этим расстояниям нет и не может быть, и что самое число звезд бесконечно, и что знать им это совсем не нужно. Кроме того, я внушил им еще и то, что им очень нужно и важно знать, как произошли все звери, все червяки, все растения, все бесконечно малые животные. И хотя им это точно так же совсем не нужно знать и совершенно ясно, что узнать это невозможно, потому что животных так же бесконечно много, как и звезд, они на эти и подобные этим исследования явления материального мира направляют все свои умственные силы и очень удивляются тому, что чем больше они узнают того, что им не нужно знать, тем больше остается не узнанного ими. И хотя очевидно, что по мере их исследований область того, что им остается узнать, становится все шире и шире, предметы исследования все сложнее и сложнее и самые приобретаемые ими знания неприложимые и неприложимые к жизни, это нисколько не смущает их, и они, вполне уверенные в важности своих занятий, продолжают исследовать, проповедовать, писать и печатать, и переводить с одного языка на другой все свои большей частью ни на что не пригодные исследования и рассуждения, а если изредка и пригодные, то только на потеху меньшинства богатых или на ухудшение положения большинства бедных.

Для того же, чтобы они никогда уже не догадались, что единое нужное для них – это установление законов жизни, которое указано в учении Христа, я внушаю им, что законов духовной жизни они знать не могут и что всякое религиозное учение, в том числе и учение Христа, есть заблуждение и суеверие, а что узнать о том, как им надо жить, они могут из придуманной мною для них науки, называемой социологией, состоящей в изучении того, как различно дурно жили прежние люди. Так что вместо того, чтобы им самим, по учению Христа, постараться жить лучше, они думают, что им надо только изучить жизнь прежних людей, и что они из этого изучения выведут общие законы жизни, и что для того, чтобы жить хорошо, им надо будет только сообразоваться в своей жизни с этими выдуманнами ими

законами.

Для того же, чтобы еще больше укрепить их в обмане, я внушаю им нечто подобное учению церкви, а именно то, что существует некоторая преемственность знаний, которая называется наукой, и что утверждения этой науки так же непогрешимы, как и утверждения церкви.

А как только те, которые считаются деятелями науки, уверяются в своей непогрешимости, так они, естественно, провозглашают за несомненные истины самые не только ненужные, но и часто нелепые глупости, от которых они, раз сказавши их, уже не могут отречься.

Вот от этого-то я и говорю, что до тех пор, пока я буду внушать им уважение, подобострастие к той науке, которую я выдумал для них, они никогда не поймут того учения, которое чуть было не погубило нас.

– Очень хорошо. Благодарю, – сказал Вельзевул, и лицо его просияло. – Вы стоите награды, и я достойно награжу вас.

– А нас вы забыли, – закричали в несколько голосов остальные разношерстные, маленькие, большие, кривоногие, толстые, худые дьяволы.

– Вы что делаете? – спросил Вельзевул.

– Я – дьявол технических усовершенствований.

– Я – разделения труда.

– Я – путей сообщения.

– Я – книгопечатания.

– Я – искусства.

– Я – медицины.

– Я – культуры.

– Я – воспитания.

– Я – исправления людей.

– Я – одурманивания.

– Я – благотворительности.

– Я – социализма.

– Я – феминизма, – закричали они все вдруг, теснясь вперед перед лицом Вельзевула.

– Говорите порознь и коротко, – закричал Вельзевул. – Ты, – обратился он к дьяволу технических усовершенствований. – Что ты делаешь?

– Я внушаю людям, что чем больше они сделают вещей и чем скорее они будут делать их, тем это будет для них лучше. И люди, губя свои жизни для производства вещей, делают их все больше и больше, несмотря на то, что вещи эти не нужны тем, которые заставляют их делать, и недоступны тем, которые их делают.

– Хорошо. Ну а ты? – обратился Вельзевул к дьяволу разделения труда.

– Я внушаю людям, что, так как делать вещи можно скорее машинами, чем людьми, то надо людей превратить в машины, и они делают это, и люди, превращенные в машины, ненавидят тех, которые сделали это над ними.

– И это хорошо. Ты? – обратился Вельзевул к дьяволу путей сообщения.

– Я внушаю людям, что для их блага им нужно, как можно скорее переезжать с места на место. И люди, вместо того, чтобы улучшать свою жизнь каждому на своих местах, проводят большую часть ее в переездах с места на место и очень гордятся тем, что они в час могут проехать пятьдесят верст и больше.

Вельзевул похвалил и этого.

Выступил дьявол книгопечатания. Его дело, как он объяснил, состоит в том, чтобы как можно большему числу людей сообщить все те гадости и глупости, которые делаются и пишутся на свете.

Дьявол искусства объяснил, что он, под видом утешения и возбуждения возвышенных чувств в людях потворствует их порокам, изображая их в привлекательном виде.

Дьявол медицины объяснил, что их дело состоит в том, чтобы внушать людям, что

самое нужное для них дело – это забота о своем теле. А так как забота о своем теле не имеет конца, то люди, заботящиеся с помощью медицины о своем теле, не только забывают о жизни других людей, но и о своей собственной.

Дьявол культуры объяснил, что внушает людям то, что пользование всеми теми делами, которыми заведуют дьяволы технических усовершенствований, разделения, труда, путей сообщения, книгопечатания, искусства, медицины, есть нечто вроде добродетели и что человек, пользующийся всем этим, может быть вполне доволен собой и не стараться быть лучше.

Дьявол воспитания объяснил, что он внушает людям, что они могут, живя дурно и даже не зная того, в чем состоит хорошая жизнь, учить детей хорошей жизни.

Дьявол исправления людей объяснил, что он учит людей тому, что, будучи сами порочны, они могут исправлять порочных людей.

Дьявол одурманивания сказал, что он научает людей тому, что вместо того, чтобы избавиться от страданий, производимых дурною жизнью, стараясь жить лучше, им лучше забиться под влиянием одурения вином, табаком, опиумом, морфином.

Дьявол благотворительности сказал, что он, внушая людям то, что, грабя пудами и давая ограбленным золотниками, они добродетельны и не нуждаются в усовершенствовании, – он делает их недоступными к добру.

Дьявол социализма хвастался тем, что во имя самого высокого общественного устройства жизни людей он возбуждает вражду сословий.

Дьявол феминизма хвастался тем, что для еще более усовершенствованного устройства жизни он, кроме вражды сословий, возбуждает еще и вражду между полами.

– Я – комфорт, я – моды! – кричали и пищали еще другие дьяволы, подползая к Вельзевулу.

– Неужели вы думаете, что я так стар и глуп, что не понимаю того, что, как скоро учение о жизни ложно, то все, что могло быть вредно нам, все становится нам полезным, – закричал Вельзевул и громко расхохотался. – Довольно. Благодарю всех.

И, всплеснув крыльями, он вскочил на ноги. Дьяволы окружили Вельзевула. На одном конце сцепившихся дьяволов был дьявол в пелеринке – изобретатель церкви, на другом конце – дьявол в мантии, изобретатель науки. Дьяволы эти подали друг другу лапы, и круг замкнулся. И все дьяволы, хохоча, визжа и свистя, начали, махая и трепля хвостами, кружиться и плясать вокруг Вельзевула. Вельзевул же, расправив крылья и трепля ими, плясал в середине, высоко задирая ноги. Вверху же слышались крики, плач, стоны и скрежет зубов.

Три сына

Дал отец сыну именье, хлеба, скотины и сказал:

– Живи так, как я, и будет тебе всегда хорошо.

Взял сын все отцовское, ушел от отца и стал жить в свое удовольствие. «Отец ведь сказал, чтобы я жил так, как и он. Он живет и радуется, и я буду так жить».

Жил так год, два, десять, двадцать лет, и прожил все отцовское именье, и ничего не осталось у него. И стал он просить отца дать ему еще, но отец не слушал его. Тогда стал он задабривать отца и дарить отцу то, что у него было лучшего, и просить его. Но отец ничего не отвечал ему. Тогда сын стал просить прощенья у отца, думая, что он обидел чем отца, и опять просил дать ему еще, но отец ничего не говорил.

И тогда стал сын клясть отца. Он сказал:

– Если теперь не даешь, зачем прежде давал и оделял меня, и обещал, что мне будет всегда хорошо жить. Не стоят все мои прежние радости, когда я проживал именье, одного часа теперешней муки. Вижу, что погибаю, и спасенья нет. А кто виноват? – Ты. Ты ведь знал, что мне неостанет именья, а не дал больше. Ты сказал мне только: живи, как я, и тебе будет хорошо. Я и жил, как ты. Ты жил в свое удовольствие, и я жил в свое удовольствие.

Себе-то ты больше оставил. У тебя и теперь есть, а мне не достало. Не отец ты, а обманщик и злодей. Проклятая моя жизнь, проклят и ты, злодей, мучитель, не хочу знать и ненавижу тебя.

Дал отец именье и второму сыну и сказал только:

– Живи, как я, и тебе будет всегда хорошо.

Второй сын уж не так обрадовался именью, как первый. Он думал, что ему так и следует. Но он знал, что случилось со старшим братом, и потому стал думать о том, как бы не прожить все именье так же, как и первый. Он понял одно, что старший брат не так понял слова «живи, как я», и что не надо жить только в свое удовольствие. И стал он думать, что значит: «Живи, как я». И придумал, что надо, как и отец, заводить все то именье, которое дано ему. И начал заводить вновь такое же именье, как и то, которое дал ему отец.

И стал он придумывать, как бы самому снова сделать все то, что дал ему отец. И стал спрашивать у отца, как что делать, но отец не отвечал ему. Но сын подумал, что отец боится сказать ему, и стал разбирать все вещи отцовские, чтобы понять по ним, как все сделано. И перепортил и погубил все, что получил от отца, а все, что сделал нового, все это было не на пользу. Но ему не хотелось признаться, что он все перепортил, и он жил и мучился, а всем говорил, что отец ему ничего и не давал, а все он сделал себе сам. «А все мы сами все можем делать лучше и лучше, и дойдем скоро так, что все будет прекрасно». Так говорил второй сын, пока еще у него оставалось кое-что отцовское, но когда он переломал последнее и ему стало нечем жить, он сам на себя наложил руки и убил себя.

Дал отец такое же именье и третьему сыну, и так же сказал:

– Живи так, как я, и тебе будет всегда хорошо.

И третий сын так же, как первый и второй, обрадовался именью и ушел от отца. Но он знал, что случилось со старшими братьями, и стал думать о том, что значит: «Живи так, как я, и тебе будет всегда хорошо».

Старший брат думал, что жить так, как отец, – значит жить в свое удовольствие, и все прожил и пропал. Второй брат думал, что жить так, как отец, – значит сделать самому все то, что сделал отец, и тоже отчаялся. Что же значит: «Живи так, как отец»?

И стал он вспоминать все, что знал об отце. И сколько он ни думал, ничего другого он не знал об отце, как только то, что прежде ничего не было, и его самого не было; и что отец родил, вспоил, вскормил его, научил и дал ему всякое добро, и сказал; живи так, как я, и тебе будет всегда хорошо. То же отец сделал и с братьями. И сколько он ни думал, больше он ничего не мог узнать об отце. Все, что он знал об отце, было только то, что отец делал добро и ему и братьям его.

И тогда он понял, что значат слова: «Живи так, как я». Он понял, что жить так, как отец, значит делать то, что он делает, делать добро людям.

И когда он подумал это, отец уж был подле него и сказал:

– Вот мы и опять вместе, и тебе всегда будет хорошо. Поди же к своим братьям, ко всем детям моим и скажи им, что значит «живите, как я», и что правда то, что тем, которые будут жить, как я, будет всегда хорошо.

И третий сын пошел и все рассказал своим братьям, и с тех пор все дети, когда получали именье от отца, радовались не тому, что у них именья много, а тому, что они могут жить так же, как отец, и что им будет всегда хорошо.

Отец – это Бог; сыновья – это люди; именье – это жизнь. Люди думают, что они могут жить одни, без Бога. Одни из этих людей думают, что жизнь им дана затем, чтобы наслаждаться этой жизнью. Они веселятся и проматывают жизнь, а как придет время умирать, не понимают, зачем была дана жизнь такая, веселье которой кончается страданиями и смертью. И эти люди умирают, проклиная Бога и называя его злым, и отделяются от Бога. Это первый сын.

Другие люди думают, что жизнь им дана затем, чтобы понять, как она сделана, и чтобы сделать ее лучше, чем та, которая дана им от Бога. И они бьются о том, чтобы сделать другую, лучшую жизнь. Но они, улучшая эту жизнь, губят ее, и этим сами лишают себя

жизни.

Третьи говорят: «Все, что мы знаем о Боге, это то, что он дает людям благо, велит им делать то же, что и он, и потому будем делать то же, что он, – благо людям».

И как только они начинают делать это, Бог сам приходит к ним и говорит: «Этого самого я и хотел. Делайте со мною вместе то, что я делаю, и как я живу, так и вы жить будете».

Тысяча золотых

Богатый человек захотел отдать 1000 золотых бедным, но не знал, каким бедным дать эти деньги. Он пришел к священнику и говорит:

– Хочу дать 1000 золотых бедным, да не знаю, кому дать. Возьмите деньги и раздайте, кому знаете.

Священник сказал:

– Деньги большие, я тоже не знаю, кому дать: может быть, я одному дам много, а другому мало. Скажите, каким бедным и по сколько дать ваших денег?

Богатый сказал:

– Если вы не знаете, кому дать деньги, то бог знает: кто первый бедный придет к вам, тому и отдайте деньги.

В том же приходе жил бедный человек. У него было много детей, а сам он был болен и не мог работать. Бедный человек читал раз псалтырь и прочел эти слова: я был молод и состарился и не видал праведного оставленного и детей его, просящих хлеба.

Бедный подумал: «Я вот оставлен богом! А я дурного ничего не сделал. Дай пойду к священнику, спрошу его, как так неправда сказана в Писании».

Он пошел к священнику. Священник увидал его и сказал:

– Этот бедный первый пришел ко мне, – и отдал ему все 1000 золотых богатого человека.

Притчи Константина Ушинского

Ветер и солнце

Однажды Солнце и сердитый северный Ветер затеяли спор о том, кто из них сильнее. Долго спорили они и наконец решились померяться силами над путешественником, который в это самое время ехал верхом по большой дороге.

– Посмотри, – сказал Ветер, – как я налечу на него: мигом сорву с него плащ.

Сказал – и начал дуть, что было мочи. Но чем более старался Ветер, тем крепче закутывался путешественник в свой плащ: он ворчал на непогоду, но ехал все дальше и дальше. Ветер сердился, свирепел, осыпал бедного путника дождем и снегом; проклиная Ветер, путешественник надел свой плащ в рукава и подвязался поясом. Тут уж Ветер и сам убедился, что ему плаща не сдернуть.

Солнце, видя бессилие своего соперника, улыбнулось, выглянуло из-за облаков, обогрело, осушило землю, а вместе с тем и бедного полузамерзшего путешественника. Почувствовав теплоту солнечных лучей, он приободрился, благословил Солнце, сам снял свой плащ, свернул его и привязал к седлу.

– Видишь ли, – сказала тогда кроткое Солнце сердитому Ветру, – лаской и добротой можно сделать гораздо более, чем гневом.

Два плуга

Из одного и того же куска железа и в одной и той же мастерской были сделаны два

плуга. Один из них попал в руки земледельца и немедленно пошел в работу, а другой долго и совершенно бесполезно провалялся в лавке купца. Случилось через несколько времени, что оба земляка опять встретились. Плуг, бывший у земледельца, блестел, как серебро, и был даже еще лучше, чем в то время, когда он только что вышел из мастерской; плуг же, пролежавший без всякого дела в лавке, потемнел и покрылся ржавчиной.

– Скажи, пожалуйста, отчего ты так блестяешь? – спросил заржавевший плуг у своего старого знакомого.

– От труда, мой милый, – отвечал тот, – а если ты заржавел и сделался хуже, чем был, то потому, что все это время ты пролежал на боку, ничего не делая.

Чудный домик

Чудный я знаю домик, и с полным хозяйством. Есть в нем мельничка, есть в нем и кухня, где день и ночь готовится теплая пища. В этом домике множество ходов и переходов, и проворные маленькие слуги разносят по ним теплую пищу во все уголки дома. Есть в этом доме неугомонный экономец. Ни днем ни ночью не засыпает он ни на минуту: все тук да тук – и гонит проворных слуг во все уголки дома, где только спрашивается пища, питье или тепло. Есть в этом доме обширная зала, куда свободно входит чистый воздух; есть два светлых окошечка со ставеньками: ночью эти ставеньки запираются, днем отпираются. В доме живет невидимая хозяйка. Хозяйки этой не видно, но она-то всем распоряжается и все оживляет: для нее-то хлопочет экономец, для нее-то работают маленькие слуги, она-то смотрит в светлые окошечки, подымает и опускает ставеньки. Уйдет хозяйка из дома, и все замолкнет: экономец перестанет стучать, слуги останутся в переходах, и во всем домике станет тихо, пусто и холодно, а ставеньки закроют окошки. Но куда же уходит хозяйка? Туда, откуда пришла, – на небо. На земле она только гостя, а домик без хозяйки рассыпается в прах.

Притчи Оскара Уайльда

Великан-эгоист

Каждый день, возвращаясь из школы, дети, как повелось, заходили в сад Великана поиграть. Это был большой красивый сад, и трава там была зеленая и мягкая. Из травы тут и там, словно звезды, выглядывали венчики прекрасных цветов, а двенадцать персиковых деревьев, которые росли в этом саду, весной покрывались нежным жемчужно-розовым цветом, а осенью приносили сочные плоды. На деревьях сидели птицы и пели так сладко, что дети бросали игры, чтобы послушать их пение.

– Как хорошо нам здесь! – радостно кричали дети друг другу.

Но вот однажды Великан вернулся домой. Он навещал своего приятеля – корнуэльского Великана-людоеда и пробыл у него в гостях семь лет. За семь лет он успел поговорить обо всем, о чем ему хотелось поговорить, ибо был не слишком словоохотлив, после чего решил возвратиться в свой замок, а возвратившись, увидел детей, которые играли у него в саду.

– Что вы тут делаете? – закричал он страшным голосом, и дети разбежались.

– Мой сад – это мой сад, – сказал Великан, – и каждому это должно быть ясно, и, уж конечно, никому, кроме самого себя, я не позволю здесь играть.

И он обнес свой сад высокой стеной и прибил объявление:

Вход воспрещен. Нарушители будут наказаны.

Он был большим эгоистом, этот Великан.

Бедным детям теперь негде было играть. Они попробовали поиграть на дороге, но там оказалось очень много острых камней и пыли, и им не понравилось там играть. Теперь после школы они обычно бродили вокруг высокой стены и вспоминали прекрасный сад, который

за ней скрывался.

– Как хорошо было там, – говорили они друг другу.

А потом пришла Весна, и повсюду на деревьях появились маленькие почки и маленькие птички, и только в саду Великана-эгоиста по-прежнему была Зима. Птицы не хотели распевать там своих песен, потому что в саду не было детей, а деревья забыли, что им пора цвести. Как-то раз один хорошенький цветочек выглянул из травы, но увидел объявление и так огорчился за детей, что тут же спрятался обратно в землю и заснул. Только Снегу и Морозу все это очень пришлось по душе.

– Весна позабыла прийти в этот сад, – воскликнули они, – и мы теперь будем царить здесь круглый год!

Снег покрыл траву своим толстым белым плащом, а Мороз расписал все деревья серебряной краской. После этого Снег и Мороз пригласили к себе в гости Северный Ветер, и он прилетел. С головы до пят он был закутан в меха и целый день бушевал в саду и завывал в печной трубе.

– Какое восхитительное местечко! – сказал Северный Ветер. – Мы должны пригласить в гости Град.

И тогда явился и Град. Изю дня в день он часами стучал по кровле замка, пока не перебил почти всей черепицы, а потом что было мочи носился по саду. На нем были серые одежды, а дыхание его было ледяным.

– Не понимаю, почему так запаздывает Весна, пора бы уж ей прийти, – сказал Великан-эгоист, сидя у окна и поглядывая на свой холодный, белый сад. – Надеюсь, погода скоро переменится.

Но Весна так и не пришла, не пришло и Лето. Осень принесла золотые плоды в каждый сад, но даже не заглянула в сад Великана.

– Он слишком большой эгоист, – сказала Осень. И в саду Великана всегда была Зима, и только Северный Ветер да Снег, Град и Мороз плясали и кружились между деревьев.

Однажды Великан, проснувшись в своей постели, услышал нежную музыку. Эта музыка показалась ему такой сладостной, что он подумал, не идут ли мимо его замка королевские музыканты. На самом-то деле это была всего лишь маленькая коноплянка, которая запела у него под окном, но Великан так давно не слышал пения птиц в своем саду, что щебет коноплянки показался ему самой прекрасной музыкой на свете. И тут Град перестал выплясывать у него над головой, и Северный Ветер прекратил свои завывания, а в приотворенное окно долетел восхитительный аромат.

– Должно быть, Весна все-таки пришла наконец, – сказал Великан, выскочил из постели и глянул в окно.

И что же он увидел?

Он увидел совершенно необычайную картину. Дети проникли в сад сквозь небольшое отверстие в стене и залезли на деревья. Они сидели на всех деревьях. Куда бы Великан ни бросил взгляд – на каждом дереве он видел какого-нибудь ребенка. И деревья были так рады их возвращению, что сразу зацвели, и стояли, тихонько покачивая ветвями над головками детей. А птицы порхали по саду и щебетали от восторга, и цветы выглядывали из зеленой травы и улыбались. Это было очаровательное зрелище, и только в одном углу сада все еще стояла Зима. Это был самый укромный уголок, и Великан увидел там маленького мальчика. Он был так мал, что не мог дотянуться до ветвей дерева и только ходил вокруг него и горько плакал. И бедное деревце было все до самой верхушки еще покрыто инеем и снегом, а над ним кружился и завывал Северный Ветер.

– Взберись на меня, мальчик! – сказала Дерево и склонило ветви почти до самой земли.

Но мальчик не мог дотянуться до них – он был слишком мал.

И сердце Великана растаяло, когда он глядел в окно.

– Какой же я был эгоист! – сказал он. – Теперь я знаю, почему Весна не хотела прийти в мой сад. Я посажу этого маленького мальчика на верхушку дерева и сломаю стену, и мой сад на веки вечные станет местом детских игр. Он и в самом деле был очень расстроен тем,

что натворил.

И вот он на цыпочках спустился по лестнице, тихонько отомкнул парадную дверь своего замка и вышел в сад. Но как только дети увидели Великана, они так испугались, что тут же бросились врассыпную, и в сад снова пришла Зима. Не убежал один только маленький мальчик, потому что глаза его были полны слез, и он даже не заметил появления Великана. А Великан тихонько подкрался к нему сзади, осторожно поднял с земли и посадил на дерево. И дерево тотчас зацвело, и к нему слетелись птицы и запели песни, порхая с ветки на ветку, а маленький мальчик обхватил Великана руками за шею и поцеловал. И тогда другие дети, увидав, что Великан перестал быть злым, прибежали обратно, а вместе с ними возвратилась и Весна.

– Теперь этот сад ваш, дети, – сказал Великан и взял большой топор и снес стену.

И жители, направляясь в полдень на рынок, видели Великана, который играл с детьми в самом прекрасном саду, какой только есть на свете.

Весь день дети играли в саду, а вечером они подошли к Великоану, чтобы пожелать ему доброй ночи.

– А где же ваш маленький приятель? – спросил Великан. – Мальчик, которого я посадил на дерево? – Он особенно пришелся по душе Великоану, потому что поцеловал его.

– Мы не знаем, – отвечали дети. – Он куда-то ушел.

– Непременно передайте ему, чтобы он не забыл прийти сюда завтра, – сказал Великан.

Но дети отвечали, что они не знают, где живет этот мальчик, так как ни разу не видели его раньше, и тогда Великан очень опечалился.

Каждый день после уроков дети приходили поиграть с Великоаном, но маленький мальчик, который так полюбился Великоану, ни разу больше не пришел в сад. Великан был теперь очень добр ко всем детям, но тосковал о своем маленьком друге и часто о нем вспоминал.

– Как бы мне хотелось повидать его! – то и дело говорил Великан.

Год проходил за годом, и Великан состарился и одряхлел. Он уже не мог больше играть в саду и только сидел в глубоком кресле, смотрел на детей и на их игры да любовался своим садом.

– У меня много прекрасных цветов, – говорил он, – но нет на свете цветов прекраснее, чем дети.

Как-то раз зимним утром Великан, одеваясь, выглянул в окно. Он теперь не испытывал неприязни к Зиме, – ведь он знал, что Весна просто уснула, а цветы отдыхают.

И вдруг он стал тереть глаза и все смотрел и смотрел в окно, словно увидел чудо. А глазам его и вправду открылось волшебное зрелище. В самом укромном уголке сада стояло дерево, сплошь покрытое восхитительным белым цветом. Ветви его были из чистого золота, и на них висели серебряные плоды, а под деревом стоял маленький мальчик, который когда-то так полюбился Великоану.

Не помня себя от радости, побежал Великан вниз по лестнице и ринулся в сад. Быстрым шагом прошел он по траве прямо к ребенку. Но когда он подошел совсем близко, лицо его побагровело от гнева, и он спросил:

– Кто посмел нанести тебе эти раны?

Ибо на ладонях мальчика он увидел раны от двух гвоздей, и на детских его ступнях были раны от двух гвоздей тоже.

– Кто посмел нанести тебе эти раны? – вскричал Великан. – Скажи мне, и я возьму мой большой меч и поражу виновного.

– Нет! – ответствовало дитя. – Ведь эти раны породила Любовь.

– Скажи – кто ты? – спросил Великан, и благоговейный страх обуял его, и он пал перед ребенком на колени.

А дитя улыбнулось Великоану и сказала:

– Однажды ты позволил мне поиграть в твоём саду, а сегодня я поведу тебя в свой сад, который зовется Раем.

И на другой день, когда дети прибежали в сад, они нашли Великана мертвым: он лежал под деревом, которое было все осыпано белым цветом.

Молодой Король

Вечером накануне дня Коронации молодой Король сидел один в своей великолепной спальне. Придворные уже удалились, отвешивая ему низкие поклоны согласно чопорным обычаям того времени, и вернулись в Большой Дворцовый Зал, дабы получить последние наставления у Профессора Этикета, – ведь кое-кто из них еще не утратил естественности манер, а вряд ли стоит напоминать, что у царедворца это серьезный порок.

Юношу – а Король был юношей, которому едва минуло шестнадцать лет, – не огорчил уход придворных: с глубоким вздохом облегчения откинулся он на мягкие подушки роскошного ложа и так лежал, приоткрыв рот и глядя перед собой пугливыми глазами, подобно смуглолицему лесному фавну или молодому зверю, который попался в расставленную охотниками западню.

Его и в самом деле нашли охотники, ненароком повстречавшие юношу, когда тот, босиком и со свирелью в руке, гнал стадо бедного пастуха, который взрастил его и сыном которого он всегда себя почитал. Сын единственной дочери старого Короля, родившийся от тайного союза с человеком, стоявшим много ниже ее, – с чужеземцем, как говорили одни, который дивными чарами своей лютни заслужил любовь юной Принцессы, или, как говорили другие, с художником из Римини, которому Принцесса оказала много, пожалуй, слишком много внимания и который внезапно исчез из города, так и не закончив роспись в Соборе, – он, когда была ему от роду неделя, был похищен у матери, пока та спала, и отдан на попечение простого крестьянина и его жены, не имевших своих детей и живших в глухом лесу, больше чем в дне езды от города. Через час после пробуждения родившая его белокурая девушка умерла от горя, или от чумы, как утверждал придворный медик, или от молниеносного итальянского яда, подмешанного в чашу вина с пряностями, как поговаривали люди, и между тем как верный гонец, увезший младенца в седле, спешил со взмыленного коня и постучал в грубо сколоченную дверь пастушьей хижины, тело Принцессы опустили в могилу, вырытую на заброшенном кладбище за городскими воротами, в могилу, где, как рассказывали, уже лежало тело юноши, наделенного чудесной чужеземной красотой, с руками, стянутыми за спиной веревками, и грудью, испещренной алыми кинжальными ранами.

Так, по крайней мере, гласила молва. А верно то, что на смертном одре старый Король то ли раскаялся в своем великом грехе, то ли просто пожелал сохранить королевство за своими потомками, послал за юношей и в присутствии Совета провозгласил его своим наследником.

И кажется, что в первое же мгновение юноша выказал знаки той странной страсти к прекрасному, которой суждено было столь сильно повлиять на его жизнь. Те, что сопровождали юношу в отведенные для него покои, не раз повествовали о том, как с уст его сорвался крик радости, когда он увидал приготовленные для него изящные одежды и драгоценные камни, и о том, с каким почти яростным наслаждением сбросил он с себя грубую кожаную тунику и плащ из овчины. Порою, правда, ему недоставало свободной лесной жизни, и он, случалось, досадовал на докучные дворцовые церемонии, ежедневно отнимавшие столько времени, но чудесный дворец – или, как его называли, Joyeuse (радостный, счастливый – фр.), – хозяином которого стал юноша, представлялся ему новым миром, словно нарочно созданным для наслаждения, и стоило ему ускользнуть с заседания Совета или аудиенции, как он сбегал по широкой лестнице со ступенями из яркого порфира и бронзовыми львами по сторонам и, блуждая по анфиладам комнат и галереям, словно бы пытался красотой умерить боль и исцелиться от недуга.

В этих, как говорил он сам, странствиях в неведомое – ибо воистину для него это были путешествия по волшебной стране – его иногда сопровождали стройные и белокурые

дворцовые пажи в развевающихся плащах и пестрых трепещущих лентах, но чаще он бродил один, понимая благодаря какому-то острому инстинкту, почти озарению, что тайны искусства должно познавать втайне и что Красота, подобно Мудрости, любит, когда ей поклоняются в одиночестве.

Много загадочного рассказывали о нем в ту пору. Говорили, что доблестный Бургомистр, прибывший к нему, дабы произнести витийственное приветствие от имени горожан, узрел юношу коленапреклоненным в неподдельном восторге перед картиной, только что присланной из Венеции, и это, казалось, возвещало почитание новых богов. В другой раз он исчез на несколько часов, и после продолжительных поисков его нашли в каморке, в одной из северных башен дворца, где он, оцепенев, любовался греческой геммой с изображением Адониса. Молва гласила, что видели, как прижимался он горячими губами к мраморному челу античной статуи, на которой было начертано имя вифинского раба, принадлежавшего Адриану, и которую обнаружили на дне реки при постройке каменного моста. Целую ночь провел он, следя, как играет лунный свет на серебряном лице Эндимиона.

Все, что было редко и драгоценно, постоянно влекло юношу, и в погоне за редкостями он посылал в путь множество купцов: одних – торговать янтарь у грубых рыбаков северного моря, иных – в Египет, искать ту необыкновенную зеленую бирюзу, которая заключена в одних лишь могилах фараонов и обладает, говорят, чудодейственными свойствами, иных – в Персию, за шелковыми коврами и расписной посудой, прочих же – в Индию, покупать кисею и раскрашенную слоновую кость, лунные камни и браслеты из нефрита, сандал, лазурную финифть и тонкие шерстяные шали.

Но больше всего иного занимало его одеяние из тканого золота, предназначенное для коронации, усеянная рубинами корона и скипетр, покрытый полосками и ободками жемчугов. Именно об этом думал он в тот вечер, лежа на своем роскошном ложе и глядя, как догорает в камине большое сосновое полено. Уже много месяцев назад вручили ему эскизы, выполненные знаменитейшими художниками того времени, и он распорядился, чтобы ремесленники ночью и днем трудились над его одеянием и чтобы по всему миру искали драгоценные камни, достойные его труда. Он воображал себя в прекрасном королевском облачении перед высоким алтарем Собора, и на его детских губах подолгу играла улыбка, озаряя ярким блеском его темные лесные глаза.

Немного погодя он встал и, опершись о резную полку над камином, оглядел погруженную в полумрак спальню. По стенам висели дорогие гобелены, изображавшие Торжество Красоты. В углу стоял большой шкаф, инкрустированный агатами и ляписом-лазурью, а напротив окна находился поставец редкой работы, с лаковыми панно, украшенными золотыми блестками и мозаикой, на котором были расставлены хрупкие кубки венецианского стекла и чаша из оникса с темными прожилками. Шелковое покрывало на ложе было расшито бледными маками, которые, казалось, не смогли удержать ослабевшие руки сна, и стройные тростинки резной слоновой кости поддерживали бархатный балдахин, а над ним белой пеной вздымались страусовые перья, достигая бледно-серебристого лепного потолка. Смеющийся Нарцисс из зеленоватой бронзы держал над головой полированное зеркало. На столе стояла плоская аметистовая чаша.

Из окна открывался вид на огромный купол Собора, нависший громадным шаром над призрачными домами, да на усталых часовых, шагавших взад-вперед по террасе, едва различимой в речном тумане. Далеко в саду запел соловей. Слабый запах жасмина донесся из открытого окна. Юноша откинул со лба темные кудри и, взяв лютню, коснулся пальцами струн. Отяжелевшие веки его опустились, и им овладела странная истома. Никогда прежде не ощущал он с такой остротой и утонченной радостью таинство и волшебство прекрасных вещей.

Когда часы на башне пробили полночь, он коснулся рукой колокольчика, и вошли его пажи и, согласно церемонии, сняли с него одежды, окропили его руки розовой водой и усыпали его подушку цветами. Затем они оставили спальню, и несколько мгновений спустя юноша уснул.

И он спал, и видел сон, и вот что приснилось ему.

Ему привиделось, что он – под самой крышей, в душной мастерской, и вокруг шумит и стучит множество ткацких станков. Чахлый свет пробивался сквозь зарешеченные окна, и в его отблесках молодой Король видел склонившихся над станками изможденных ткачей. Бледные, больные на вид дети, съезжившись, сидели на толстых поперечинах станков. Когда челноки проскакивали сквозь основу, дети поднимали тяжелые рейки, а когда челноки останавливались, они опускали рейки и опраправляли нити. От голода щеки у детей втянулись, а исхудалые руки тряслись и дрожали. За столом сидели несколько изнуренных женщин и шили. Чудовищный запах стоял в мастерской, Воздух был тяжелый и нездоровый, а с заплесневелых стен сочилась влага.

Молодой Король подошел к одному из ткачей и, стоя рядом, смотрел на него.

И ткач сердито взглянул на юношу и сказал:

– Отчего ты смотришь за мной? Не соглядатай ли ты, приставленный к нам хозяином?

– Кто твой хозяин? – спросил молодой Король.

– Хозяин? – с горечью воскликнул ткач. – Он такой же человек, как я. Воистину разница меж нами лишь в том, что он носит добрую одежду, а я хожу в лохмотьях, что я ослабел от голода, а он немало страдает от обжорства.

– В нашей стране все свободны, – сказал молодой Король, – и ты не раб.

– На войне, – отвечал ткач, – сильный поработает слабого, но наступит мир, и богатый поработает бедного. Мы работаем, чтобы выжить, но нам платят так скудно, что мы умираем. Целыми днями мы трудимся на богачей, и они набивают сундуки золотом, и наши дети увядают раньше времени, и лица любимых суровеют и ожесточаются. Мы давим виноград, но вино пьют другие. Мы сеем хлеб, но пусто у нас на столе. На нас оковы, но их никто не видит; мы рабы, но зовемся свободными.

– Все ли живут так? – спросил молодой Король.

– Все живут так, – ответил ткач, – молодые и старые, женщины и мужчины, малые дети и старики. Нас грабят купцы, но нам приходится соглашаться на их цены. Священник проезжает мимо, перебирая четки, и никому нет до нас дела. Наши не знающие солнца закоулки обходит, озираясь голодными глазами, Нищета, и Грех с бесчувственным от пьянства лицом следует за нею. Горе будит нас по утрам, и Стыд сидит подле нас ночью. Но что тебе в том? Ты не из нас. Твое лицо слишком радостно.

И ткач отвернулся, и пропустил челнок через основу, и молодой Король увидел, что его уток – золотая нить. И объял его великий страх, и он сказал ткачу:

– Что за одеяние ты ткешь?

– Это наряд для коронации молодого Короля, – ответил ткач. – Что тебе в том?

И молодой Король издал громкий крик и проснулся. И вот он снова лежал в своих покоях и, глянув в окно, увидел медвяную луну, висевшую в сумрачном небе.

И он снова уснул, и видел сон, и вот что приснилось ему.

Ему привиделось, что он лежит на палубе огромной галеры, приводимой в движение сотней рабов-гребцов. Рядом с ним на ковре сидел капитан галеры. Он был черен, как эбеновое дерево, и тюрбан его был из алого шелка. Большие серебряные серьги оттягивали мочки его ушей, и в руках у него были весы из слоновой кости.

На рабах были лишь ветхие набедренные повязки, и каждый из них был прикован цепью к соседу. Над галерой полыхало жаркое солнце, а меж рабами бегали негры и полосовали их сыромятными ремнями. Рабы напрягали тощие руки и погружали тяжелые весла в воду. Из-под весел взлетали соленые брызги.

Наконец, достигнув маленькой бухты, они принялись промеривать глубину. Легкий ветерок дул в сторону моря и покрывал палубу и большой латинский парус мелкой красной пылью. Прискакали три араба на диких ослах и метнули в них копья. Капитан галеры поднял разноцветный лук, и его стрела вонзилась в горло одного из арабов. Тот плашмя рухнул в прибой, а его товарищи ускакали. Женщина в желтой чадре медленно двинулась за ними на верблюде, то и дело оглядываясь на мертвое тело.

Как только был брошен якорь и спущен парус, негры сошли в трюм и вынесли оттуда длинную веревочную лестницу с тяжелыми свинцовыми грузилами. Капитан галеры перебросил лестницу через борт и закрепил ее концы на двух железных стойках. Потом негры схватили самого молодого из рабов, и сбили с его ног кандалы, и запечатали его ноздри и уши воском, и привязали к его поясу тяжелый камень. Раб медленно спустился по лестнице и исчез в море. В том месте, где он погрузился в воду, поднялись пузырьки. Другие рабы с любопытством глядели за борт. На носу галеры сидел заклинатель акул и монотонно бил в барабан.

Спустя некоторое время ныряльщик показался из воды и, тяжело дыша, уцепился за лестницу, и в правой руке держал он жемчужину. Негры отобрали ее и столкнули раба обратно в воду. Другие рабы дремали за веслами.

Ныряльщик являлся снова и снова и каждый раз приносил прекрасный жемчуг. Капитан галеры взвешивал жемчужины и прятал их в кошелек зеленой кожи.

Молодой Король хотел заговорить, но губы его не слушались и язык, казалось, присох к небу. Негры болтали друг с другом и ссорились из-за нитки разноцветных бус. Два журавля кругами летали над судном.

Затем ныряльщик появился в последний раз, и принесенная им жемчужина была прекраснее всех жемчугов Ормуза, ибо она была подобна полной луне и казалась белее утренней звезды. Но лицо ныряльщика было до странности бледным, и, когда он упал на палубу, кровь хлынула из его ушей и ноздрей. Он вздрогнул и замер. Негры пожалы плечами и бросили тело за борт.

И капитан галеры засмеялся, и, протянув руку, взял жемчужину, и, посмотрев на нее, он прижал ее ко лбу и поклонился.

– Эта жемчужина, – сказал он, – украсит скипетр молодого Короля. – И дал неграм знак поднимать якорь.

И, услышав это, молодой Король пронзительно вскрикнул и проснулся, и за окном он увидел длинные тусклые персты зари, вцепившиеся в бледнеющие звезды.

И он снова уснул, и видел сон, и вот что приснилось ему.

Ему привиделось, что он бредет по сумрачному лесу, а вокруг растут странные плоды и прекрасные ядовитые цветы. Вслед ему шипели гадюки, и разноцветные попугаи, крича, перелетали с ветки на ветку. Грузные черепахи спали в теплой тине. На деревьях сидело множество обезьян и павлинов.

Он шел и шел, пока не достиг опушки, и там увидел он великое множество людей, работавших в русле высохшей реки. Толпами взбирались они на утесы, подобно муравьям. Они рыли глубокие колодцы в почве и спускались туда. Одни из них огромными топорами раскалывали камни, другие рылись в песке. Они с корнями вырвали кактус и растоптали алые цветы. Они спешили, перекликались, и ни один не оставался без дела.

Из темной пещеры на них взирали Смерть и Корусть, и Смерть сказала:

– Я устала. Отдай мне треть этих людей, и я уйду. Но Корусть покачала головой.

– Нет, они мои слуги, – сказала она. И Смерть молвила:

– Что у тебя в руке?

– Три пшеничных зерна, – ответила Корусть. – Что тебе в том?

– Дай мне одно! – воскликнула Смерть. – Я посею его в моем саду. Одно лишь зерно, и тогда я уйду.

– Ничего я не дам тебе, – сказала Корусть и спрятала руку в складках одежды.

И Смерть засмеялась, и взяла чашу, и окунула ее в лужу, и из чаши восстала Лихорадка. Лихорадка обошла все великое множество людей, и каждый третий упал замертво. За нею тянулся холодный туман, и водяные змеи ползли у нее по бокам.

И когда Корусть увидела, что треть всех людей мертва, она стала бить себя в грудь и рыдать. Она била себя в иссохшую грудь и громко кричала.

– Ты убила треть моих слуг! – возопила она. – Иди же прочь. В горах Татарии идет война, и цари воюющих племен зывают к тебе. Афганцы зарезали черного быка и

выступили в поход. Они надели железные шлемы и барабанят копьями по щитам. На что тебе моя долина, зачем медлишь ты здесь? Иди же прочь и более не возвращайся.

– Нет, – ответила Смерть, – пока не дашь мне пшеничного зерна, я не уйду.

Но Корусть сжала ладонь и стиснула зубы.

– Ничего не дам я тебе, – пробормотала она. И Смерть засмеялась, и подняла черный камень, и бросила его в лес, и из зарослей дикого болиголова в огненном одеянии явилась Горячка. Она обошла все великое множество людей и касалась их рукой, и кого коснулась она – тот умирал. И под ногами ее увядала трава.

И задрожала Корусть, и осыпала пеплом свою главу.

– Ты безжалостна, – возопила она, – ты безжалостна. В индийских горах голод, и колодцы Самарканда иссякли. В египетских городах голод, и саранча пришла из пустыни. Нил вышел из берегов, и жрецы возносят молитву Исиде и Осирису. Иди к ждущим тебя и оставь моих слуг.

– Нет, – ответила Смерть, – пока не дашь мне пшеничного зерна, я не уйду.

– Ничего не дам я тебе, – сказала Корусть.

И снова засмеялась Смерть, и, вложив пальцы в рот, свистнула, и на свист прилетела по воздуху женщина. «Чума» было написано на ее челе, и стая тощих стервятников кружилась вокруг нее. Они распростерли свои крыла над долиной, и все люди упали замертво.

И Корусть с пронзительным криком бросилась в лес, а Смерть вскочила на своего красного коня и ускакала, и скакала она быстрее ветра.

И из слизи, скопившейся на дне долины, выползли драконы и чешуйчатые чудовища, и шакалы забегали по песку, ощупывая ноздрями воздух.

И молодой Король заплакал и сказал:

– Кто были те люди и чего искали они?

– Они искали рубины для королевской короны, – ответил тот, кто стоял у него за спиной.

И молодой Король вздрогнул и, повернувшись, увидел человека в одеждах паломника и с серебряным зеркалом в руках.

И молодой Король побледнел и спросил:

– Чья это корона?

И паломник ответил:

– Посмотри в это зеркало и увидишь чья.

И юноша глянул в зеркало и, узрев там свое лицо, пронзительно вскрикнул и проснулся, и яркий солнечный свет лился в его покои, и на деревьях в саду пели птицы.

И пошли Гофмейстер и главные сановники Государства, и поклонились ему, и пажи поднесли ему облачение, тканное золотом, и положили пред ним корону и скипетр.

И молодой Король посмотрел на это облачение, и оно было прекрасно. Оно было прекраснее всего, что он видывал раньше. Но он вспомнил, что снилось ему, и сказал вельможам:

– Унесите это, ибо этого я не приму.

И придворные изумились, и иные из них засмеялись, решив, что он шутит.

Но он остался непреклонен и сказал снова:

– Уберите это и спрячьте от меня. Хотя сегодня день моей коронации, я этого не приму. Ибо одеяние это соткано на ткацком стане Скорби белыми руками Боли. В сердце рубина – Кровь, и в сердце жемчуга – Смерть.

И он поведал им три своих сна. И, услышав их, царедворцы, переглядываясь и перешептываясь, говорили:

– Воистину он лишился рассудка, ибо сон не есть ли просто сон, а видение – просто видение? Разве явь они, чтобы их остерегаться? И что нам жизнь тех, кто трудится на нас? И воздерживаться ли от хлеба, пока не увидишь пахаря, и от вина, пока не молвишь слова с виноградарем?

И Гофмейстер обратился к молодому Королю и сказал:

– Государь мой, прошу тебя: оставь эти черные мысли, и надень это прекрасное облачение, и возложи корону на голову. Ибо как народу знать, что ты король, если не будешь облачен по-королевски?

И посмотрел на него молодой Король.

– Воистину ли так? – спросил он. – И не узнают во мне короля, если не облачусь по-королевски?

– Не узнают, мой государь, – воскликнул Гофмейстер.

– Я думал прежде, что иным дан королевский облик, – ответил молодой Король. – Но может быть и так, как говоришь. Однако я не хочу ни этого одеяния, ни этой короны, но каким вошел во дворец, таким и выйду из него.

И молодой Король отослал всех прочь, кроме одного паж, отрока, который был моложе его на год и был оставлен им себе в сотоварищи. Его оставил он служить себе, и совершив омовение прозрачной водой, открыл большой крашенный сундук, и оттуда достал кожаную тунику и накидку из грубой овчины, которые носил, когда стерег на склонах холмов длиннорунных коз пастуха. Он надел тунику и плащ и взял грубый пастуший посох.

И маленький паж, удивляясь, широко раскрыл синие глаза и с улыбкой сказал ему:

– Государь мой, вот одеяние твое и скипетр, но я не вижу короны.

И молодой Король сорвал побег дикого вереска, обвинившего балкон, и сделал из него венец и возложил его на голову.

– Вот корона, – ответил он.

И, так облачась, он вышел из своих покоев в Большой Зал Дворца, где ждали его придворные.

И развеселились придворные, и иные закричали ему:

– Государь, народ ждет короля, ты же явишься ему нищим.

И разгневались другие и сказали:

– Он навлек бесчестье на наше королевство и не достоин править нами.

И он не сказал им ни слова, а пошел далее, и спустился по лестнице из блистающего порфира, и вышел из бронзовых ворот, и сел на коня, и поскакал к Собору, а маленький паж бежал следом за ним.

И народ смеялся и говорил:

– Вот едет королевский шут, – и потешался над ним. И он натянул поводья и сказал:

– Не шут я, но Король.

И он поведал им три своих сна. И вышел из толпы человек, и обратился к нему, и с горечью сказал:

– Государь, не зиждется ли жизнь бедного на роскоши богатого? Ваше великолепие кормит нас, и ваши пороки дают нам хлеб. Работать на хозяина горько, но когда работать не на кого – еще горше. Думаешь ли, что вороны нас прокормят? И знаешь ли от этого лекарство? Велишь ли покупающему, да купит за столько-то, и продающему, да продаст за столько-то? Не может такое стать. Потому воротись во Дворец и облачись в пурпур и тонкие ткани. Что тебе мы и наши страдания?

– Не братья ли богатый и бедный? – спросил молодой Король.

– Братья, – ответил тот, – и имя богатому – Каин.

И глаза молодого Короля наполнились слезами, и он тронулся в путь под рокот толпы, и маленький паж испугался и оставил его.

И когда он достиг соборных врат, стражи выставили свои алебарды и сказали:

– Чего тебе надобно здесь? Никто, кроме Короля, да не войдет в эти двери.

И лицо его покраснело от гнева, и он сказал им:

– Я Король, – и он отвел в сторону их алебарды и вошел.

И когда старый епископ увидел его, одетого пастухом, то в изумлении поднялся со своего места, и пошел навстречу ему, и сказал:

– Сын мой, в королевском ли ты облачении? И какой короной буду венчать тебя, и какой скипетр вложу в твою руку? Воистину се день твоей радости, а не унижения.

– Должно ли Радости облачиться в сотканное Горем? – спросил молодой Король.

И он поведал ему три своих сна. Епископ же, услышав их, нахмурил брови и сказал:

– Сын мой, я стар и на склоне лет знаю, что много зла творится в мире. Беспощадные разбойники спускаются с гор, и уносят малых детей, и продают их маврам. Львы подстерегают караваны и набрасываются на верблюдов. Дикие вепри вытаптывают посевы на равнинах, и лисы обглаживают виноградники на склонах гор. Пираты опустошают морское побережье, и жгут рыбацкие лодки, и отнимают у рыбаков сети. Прокаженные обитают в солончаках и плетут тростниковые хижины, и никто не смеет приблизиться к ним. Нищие бродят по городам и едят вместе с псами. Можешь ли ты сделать, чтобы этого не было? Положишь ли к себе в постель прокаженного, посадишь ли нищего с собой за стол? Послушает ли лев твою просьбу и покорится ли тебе кабан? Разве Тот, кто создал нищету, не мудрее тебя? Потому не хвалю тебя за то, что ты содеял, но прошу: поезжай во Дворец, и да будет на лице твоём веселье, и на тебе – одежда, подобающие королю, и я возложу на твою голову золотую корону и вложу в твою руку жемчужный скипетр. Что же до твоих снов, не помышляй о них более. Бремя мира сего не вынести одному человеку, и скорбь мира сего не выстрадать одному сердцу.

– В чьем доме говоришь ты это? – сказал молодой Король, и прошел мимо епископа, и поднялся по ступеням алтаря, и предстал перед ликом Христовым.

Он стоял перед ликом Христовым, и ошую и одесную от него были чудесные золотые сосуды – потир с янтарным вином и чаша с миррой. Он преклонил колени перед ликом Христовым, и ярко горели высокие свечи вокруг усеянной драгоценными камнями святыни, и благовонный дым, курясь, поднимался к куполу тонкими голубыми венчиками. Склонив голову, он молился, и священнослужители неслышно отошли от алтаря в своих неуклюжих ризах.

И вдруг в дверях послышался страшный шум, и в храм вошли придворные с обнаженными мечами, и перья покачивались на их шляпах, а стальные щиты сверкали.

– Где этот сновидец? – кричали они. – Где этот Король, ряженный нищим, этот мальчишка, покрывший позором наше королевство? Воистину мы убьем его, ибо он недостоин править нами.

И молодой Король вновь опустил голову, и молился, и, окончив молитву, встал, и, обернувшись, печально смотрел на них.

И вот через оконные витражи на него хлынул солнечный свет, и лучи солнца соткали вокруг него облачение прекраснее того, что сделали ради его роскоши. Мертвый посох расцвел, и на нем распустились лилии, которые были белее жемчуга. Сухой шип расцвел, и на нем распустились розы, которые были краснее рубинов. Белее отборных жемчужин были лилии, и стебли их были чистого серебра. Краснее кровавых рубинов были розы, и листья их были чеканного золота.

Он стоял в королевском облачении, и врата изукрашенного драгоценными камнями алтаря отверзлись, и из хрустальных граней дароносицы полился таинственный дивный свет. Он стоял в королевском облачении, и святые, казалось, ожили в глубоких нишах. В прекрасном королевском облачении предстал он пред ними, и загудел орган, и затрубили в свои трубы трубачи, и запели певчие.

И народ в страхе преклонил колени, и придворные вложили мечи в ножны и присягнули ему на верность, и лицо епископа побледнело, а руки его задрожали.

– Тот, кто выше меня, венчал тебя! – воскликнул он и встал перед ним на колени.

И молодой Король спустился со ступеней алтаря и, пройдя сквозь толпу, пошел во Дворец. Но никто не смел взглянуть ему в лицо, ибо оно было подобно ангельскому лику.

Продолжение истории о Нарциссе

Всем известен миф о прекрасном юноше, который целыми днями напролет глядел на свое отражение в ручье, любуясь своей красотой. В конце концов, заглядевшись, он упал в

воду и захлебнулся. На берегу же вырос цветок, названный в память погибшего.

Когда Нарцисс погиб, нимфы леса – дриады – заметили, что пресная вода в ручье сделалась от слез соленой.

– О чем ты плачешь? – спросили у него дриады.

– Я оплакиваю Нарцисса, – отвечал ручей.

– Неудивительно, – сказали дриады. – В конце концов, мы ведь всегда бежали за ним вслед, когда он проходил по лесу, а ты – единственный, кто видел его красоту вблизи.

– А он был красив? – спросил тогда ручей.

– Да кто же лучше тебя может судить об этом? – удивились лесные нимфы. – Не на твоём ли берегу, склонившись не над твоими ли водами, проводил он дни?

Ручей долго молчал и наконец ответил:

– Я плачу по Нарциссу, хотя никогда не понимал, что он – прекрасен. Я плачу потому, что всякий раз, когда он опускался на мой берег и склонялся над моими водами, в глубине его глаз отражалась моя красота.

Соловей и роза

– Она сказала, что будет танцевать со мной, если я принесу ей красных роз, – воскликнул молодой Студент, – но в моем саду нет ни одной красной розы.

Его услышал Соловей, в своем гнезде на Дубе, и, удивленный, выглянул из листвы.

– Ни единой красной розы во всем моем саду! – продолжал сетовать Студент, и его прекрасные глаза наполнились слезами. – Ах, от каких пустяков зависит порою счастье! Я прочел все, что написали мудрые люди, я постиг все тайны философии, – а жизнь моя разбита из-за того только, что у меня нет красной розы.

– Вот он наконец-то, настоящий влюбленный, – сказал себе Соловей. – Ночь за ночью я пел о нем, хотя и не знал его, ночь за ночью я рассказывал о нем звездам, и, наконец, я увидел его. Его волосы темны, как темный гиацинт, а губы его красны, как та роза, которую он ищет; но страсть сделала его лицо бледным, как слоновая кость, и скорбь наложила печать на его чело.

– Завтра вечером принц дает бал, – шептал молодой Студент, – и моя милая приглашена. Если я принесу ей красную розу, она будет танцевать со мной до рассвета. Если я принесу ей красную розу, я буду держать ее в своих объятиях, она склонит голову ко мне на плечо, и моя рука будет сжимать ее руку. Но в моем саду нет красной розы, и мне придется сидеть в одиночестве, а она пройдет мимо.

Она даже не взглянет на меня, и сердце мое разорвется от горя.

– Это настоящий влюбленный, – сказал Соловей. – То, о чем я лишь пел, он переживает на деле; что для меня радость, то для него страдание. Воистину любовь – это чудо. Она драгоценнее изумруда и дороже прекраснейшего опала. Жемчуга и гранаты не могут купить ее, и она не выставляется на рынке. Ее не приторгуешь в лавке и не выменяешь на золото.

– На хорах будут сидеть музыканты, – продолжал молодой Студент. – Они будут играть на арфах и скрипках, и моя милая будет танцевать под звуки струн. Она будет носиться по зале с такой легкостью, что ноги ее не коснутся паркета, и вокруг нее будут толпиться придворные в расшитых одеждах. Но со мной она не захочет танцевать, потому что у меня нет для нее красной розы.

И юноша упал ничком на траву, закрыл лицо руками и заплакал.

– О чем он плачет? – спросила маленькая зеленая Ящерица, которая проползала мимо него, помахивая хвостиком.

– Да, в самом деле, о чем? – подхватила Бабочка, порхавшая в погоне за солнечным лучом.

– О чем? – спросила Маргаритка нежным шепотом свою соседку.

– Он плачет о красной розе, – ответил Соловей.

– О красной розе! – воскликнули все. – Ах, как смешно!

А маленькая Ящерица, несколько склонная к цинизму, беззастенчиво расхохоталась.

Один только Соловей понимал страдания Студента, он тихо сидел на Дубе и думал о таинстве любви.

Но вот он расправил свои темные крылышки и взвился в воздух. Он пролетел над рощей, как тень, и, как тень, пронесся над садом.

Посреди зеленой лужайки стоял пышный Розовый Куст. Соловей увидел его, подлетел к нему и спустился на одну из его веток.

– Дай мне красную розу, – воскликнул он, – и я спою тебе свою лучшую песню!

Но Розовый Куст покачал головой.

– Мои розы белые, – ответил он, – они белы, как морская пена, они белее снега на горных вершинах. Поди к моему брату, что растет возле старых солнечных часов, – может быть, он даст тебе то, чего ты просишь.

И Соловей полетел к Розовому Кусту, что рос возле старых солнечных часов.

– Дай мне красную розу, – воскликнул он, – и я спою тебе свою лучшую песню!

Но Розовый Куст покачал головой.

– Мои розы желтые, – ответил он, – они желты, как волосы сирены, сидящей на янтарном престоле, они желтее златоцвета на нескошенном лугу. Поди к моему брату, что растет под окном у Студента, может быть, он даст тебе то, чего ты просишь.

И Соловей полетел к Розовому Кусту, что рос под окном у Студента.

– Дай мне красную розу, – воскликнул он, – и я спою тебе свою лучшую песню!

Но Розовый Куст покачал головой.

– Мои розы красные, – ответил он, – они красны, как лапки голубя, они краснее кораллов, что колышутся, как веер, в пещерах на дне океана. Но кровь в моих жилах застыла от зимней стужи, мороз побил мои почки, буря поломала мои ветки, и в этом году у меня совсем не будет роз.

– Одну только красную розу – вот все, чего я прошу, – воскликнул Соловей. – Одиноединственную красную розу! Знаешь ты способ получить ее?

– Знаю, – ответил Розовый Куст, – но он так страшен, что у меня не хватает духу открыть его тебе.

– Открой мне его, – попросил Соловей, – я не боюсь.

– Если ты хочешь получить красную розу, – молвил Розовый Куст, – ты должен сам создать ее из звуков песни при лунном сиянии, и ты должен обогреть ее кровью сердца. Ты должен петь мне, прижавшись грудью к моему птицу. Всю ночь ты должен мне петь, и мой шип пронзит твоё сердце, и твоя живая кровь перельется в мои жилы и ста нет моею кровью.

– Смерть – дорогая цена за красную розу, – воскликнул Соловей. – Жизнь мила каждому! Как хорошо, сидя в лесу, любоваться солнцем в золотой колеснице и луною в колеснице из жемчуга. Сладко благоухание боярышника, милы синие колокольчики в долине и вереск цветущий на холмах. Но Любовь дороже Жизни, и сердце какой-то пташки – ничто в сравнении с человеческим сердцем!

И, взмахнув своими темными крылышками, Соловей взвился в воздух. Он пронесся над садом, как тень, и, как тень, пролетел над рощей.

А Студент все еще лежал в траве, где его оставил Соловей, и слезы еще не высохли в его прекрасных глазах.

– Радуйся! – крикнул ему Соловей. – Радуйся, будет у тебя красная роза. Я создам ее из звуков моей песни при лунном сиянии и обогрью ее горячей кровью своего сердца. В награду я прошу у тебя одного: будь верен своей Любви, ибо, как ни мудра Философия, в Любви больше Мудрости, чем в Философии, – и как ни могущественна Власть, Любовь сильнее любой Власти. У нее крылья цвета пламени, и пламенем окрашено тело ее. Уста ее сладки, как мед, а дыхание подобно ладану.

Студент привстал на локтях и слушал, но он не понял того, что говорил ему Соловей, ибо он знал только то, что написано в книгах.

А Дуб понял и опечалился, потому что очень любил эту малую пташку, которая свила

себе гнездышко в его ветвях.

– Спой мне в последний раз твою песню, – прошептал он. – Я буду сильно тосковать, когда тебя не станет.

И Соловей стал петь Дубу, и пение его напоминало журчание воды, льющейся из серебряного кувшина.

Когда Соловей кончил петь, Студент поднялся с травы, вынул из кармана карандаш и записную книжку и сказал себе, направляясь домой из рощи:

– Да, он мастер формы, это у него отнять нельзя. Но есть ли у него чувство? Боюсь, что нет. В сущности, он подобен большинству художников: много виртуозности и ни капли искренности. Он никогда не принесет себя в жертву другому. Он думает лишь о музыке, а всякий знает, что искусство эгоистично. Впрочем, нельзя не признать, что иные из его трелей удивительно красивы. Жаль только, что в них нет никакого смысла, и они лишены практического значения.

И он пошел к себе в комнату, лег на узкую койку и стал думать о своей любви; вскоре он погрузился в сон.

Когда на небе засияла луна, Соловей прилетел к Розовому Кусту, сел к нему на ветку и прижался к его шипу. Всю ночь он пел, прижавшись грудью к шипу, и холодная хрустальная луна слушала, склонив свой лик. Всю ночь он пел, а шип вонзался в его грудь все глубже и глубже, и из нее по каплям сочилась теплая кровь.

Сперва он пел о том, как прокрадывается любовь в сердце мальчика и девочки. И на Розовом Кусте, на самом верхнем побеге, начала распускаться великолепная роза. Песня за песней – лепесток за лепестком. Сперва роза была бледная, как легкий туман над рекою, – бледная, как стопы зари, и серебристая, как крылья рассвета. Отражение розы в серебряном зеркале, отражение розы в неподвижной воде – вот какова была роза, расцветавшая на верхнем побеге Куста.

А Куст кричал Соловью, чтобы тот еще крепче прижался к шипу.

– Крепче прижмись ко мне, милый Соловушка, не то день придет раньше, чем заалет роза!

Все крепче и крепче прижимался Соловей к шипу, и песня его звучала все громче и громче, ибо он пел о зарождении страсти в душе мужчины и девушки.

И лепестки розы окрасились нежным румянцем, как лицо жениха, когда он целует в губы свою невесту. Но шип еще не проник в сердце Соловья, и сердце розы оставалось белым, ибо только живая кровь соловьиного сердца может обогреть сердце розы.

Опять Розовый Куст крикнул Соловью, чтобы тот крепче прижался к шипу.

– Крепче прижмись ко мне, милый Соловушка, не то день придет раньше, чем заалет роза!

Соловей еще сильнее прижался к шипу, и острое коснулось наконец его сердца, и все тело вдруг пронзила жестокая боль. Все мучительнее и мучительнее становилась боль, все громче и громче раздавалось пенье Соловья, ибо он пел о Любви, которая обретает совершенство в Смерти, о той Любви, которая не умирает в могиле.

И стала алой великолепная роза, подобно утренней зре на востоке. Алым стал ее венчик, и алым, как рубин, стало ее сердце.

А голос Соловья все слабел и слабел, и вот крылышки его судорожно затрепыхались, а глазки заволокло туманом. Песня его замирала, и он чувствовал, как что-то сжимает его горло.

Но вот он испустил свою последнюю трель. Бледная луна услышала ее и, забыв о рассвете, застыла на небе. Красная роза услышала ее и, вся затрепетав в экстазе, раскрыла свои лепестки навстречу прохладному дуновению утра. Эхо понесло эту трель к своей багряной пещере в горах и разбудило спавших там пастухов. Трель прокатилась по речным камышам, и те отдали ее морю.

– Смотри! – воскликнул Куст. – Роза стала красной!

Но Соловей ничего не ответил. Он лежал мертвый в высокой траве, и в сердце у него

был острый шип.

В полдень Студент распахнул окно и выглянул в сад.

– Ах, какое счастье! – воскликнул он. – Вот она, красная роза. В жизни не видал такой красивой розы! У нее, наверное, какое-нибудь длинное латинское название.

И он высунулся из окна и сорвал ее.

Потом он взял шляпу и побежал к Профессору, держа розу в руках.

Профессорская дочь сидела у порога и наматывала голубой шелк на катушку. Маленькая собачка лежала у нее в ногах.

– Вы обещали, что будете со мной танцевать, если я принесу вам красную розу! – воскликнул Студент. – Вот самая красная роза на свете. Приколите ее вечером поближе к сердцу, и, когда мы будем танцевать, она расскажет вам, как я люблю вас.

Но девушка нахмурилась.

– Боюсь, что эта роза не подойдет к моему туалету, – ответила она. – К тому же племянник камергера прислал мне настоящие камни, а всякому известно, что камни куда дороже цветов.

– Как вы неблагодарны! – с горечью сказал Студент и бросил розу на землю.

Роза упала в колею, и ее раздавило колесом телеги.

– Неблагодарна? – повторила девушка. – Право же, какой вы грубиян! Да и кто вы такой, в конце концов? Всего-навсего студент. Не думаю, чтоб у вас были такие серебряные пряжки к туфлям, как у камергерова племянника.

И она встала с кресла и ушла в комнаты.

– Какая глупость – эта Любовь, – размышлял Студент, возвращаясь домой. – В ней и наполовину нет той пользы, какая есть в Логике. Она ничего не доказывает, всегда обещает несбыточное и заставляет верить в невозможное. Она удивительно непрактичная, а так как наш век – век практический, то вернусь я лучше к Философии и буду изучать Метафизику.

И он вернулся к себе в комнату, вытащил большую запыленную книгу и принялся ее читать.

Счастливый Принц

На высокой колонне, над городом, стояла статуя Счастливого Принца. Принц был покрыт сверху донизу листочками чистого золота. Вместо глаз у него были сапфиры, и крупный рубин сиял на рукоятке его шпаги.

Все восхищались Принцем.

– Он прекрасен, как флюгер-петух! – изрек Городской Советник, жаждавший прослыть за тонкого ценителя искусств. – Но, конечно, флюгер куда полезнее! – прибавил он тотчас же, опасаясь, что его обвинят в непрактичности; а уж в этом он не был повинен.

– Постарайся быть похожим на Счастливого Принца! – убеждала разумная мать своего мальчугана, который все плакал, чтобы ему дали луну. – Счастливый Принц никогда не капризничает!

– Я рад, что на свете нашелся хоть один счастливец! – пробормотал гонимый судьбой горемыка, взирая на эту прекрасную статую.

– Ах, он совсем как ангел! – восхищались Приютские Дети, толпою выходя из собора в ярко-пунцовых пелеринках и белоснежных передниках.

– Откуда вы это знаете? – возразил Учитель Математики. – Ведь ангелов вы никогда не видали.

– О, мы их видим во сне! – отозвались Приютские Дети, и Учитель Математики нахмурился и сурово взглянул на них: ему не нравилось, что дети видят сны.

Как-то ночью пролетала тем городом Ласточка. Ее подруга вот уже седьмая неделя как улетела в Египет, а она отстала от них, потому что была влюблена в гибкий красивый Тростник. Еще ранней весной она увидела его, гоняясь за желтым большим мотыльком, да так и застыла, внезапно прельщенная его стройным станом.

– Хочешь, я полюблю тебя? – спросила Ласточка с первого слова, так как любила во всем прямоту; и Тростник поклонился ей в ответ.

Тогда Ласточка стала кружиться над ним, изредка касаясь воды и оставляя за собой на воде серебристую рябь. Так она выражала любовь. И так продолжалось все лето.

– Что за нелепая связь! – щебетали остальные ласточки. – Ведь у Тростника ни гроша за душой и целая куча родственников.

Действительно, вся эта речка густо заросла тростниками. Потом наступила осень, и ласточки улетели.

Когда они улетели, Ласточка почувствовала себя сиротой, и эта привязанность к Тростнику показалась ей очень тягостной.

– Боже, ведь он как немой, ни слова от него не добьешься, – говорила с упреком Ласточка, – и я боюсь, что он очень кокетлив: заигрывает с каждым ветерком.

И правда, чуть только ветер, Тростник так и гнется, так и кланяется.

– Пускай он домосед, но ведь я-то люблю путешествовать, и моему мужу не мешало бы тоже любить путешествия.

– Ну что же, полетишь ты со мной? – наконец спросила она, но Тростник только головой покачал: он был так привязан к дому!

– Ах, ты играл моею любовью! – крикнула Ласточка. – Прощай же, я лечу к пирамидам!

И она улетела.

Целый день летела она и к ночи прибыла в город.

«Где бы мне здесь остановиться? – задумалась Ласточка. – Надеюсь, город уже приготовился достойно встретить меня?»

Тут она увидела статую на высокой колонне.

– Вот и отлично. Я здесь и устроюсь: прекрасное место и много свежего воздуха.

И она приютилась у ног Счастливого Принца.

– У меня золотая спальня! – разнеженно сказала она, озираясь.

И она уже расположилась ко сну и спрятала головку под крыло, как вдруг на нее упала тяжелая капля.

– Как странно! – удивилась она. – На небе ни облачка. Звезды такие чистые, ясные, – откуда же взяться дождю? Климат на севере Европы просто ужасен. Мой Тростник любил дождь, но ведь он такой эгоист.

Тут упала другая капля.

– Какая же польза от статуи, если она даже от дождя не способна укрыть? Поищу-ка себе пристанища где-нибудь у трубы на крыше. – И Ласточка решила улететь.

Но не успела она расправить крылья, как упала третья капля.

Ласточка посмотрела вверх, и что же увидела она!

Глаза Счастливого Принца были наполнены слезами. Слезы катились по его золоченым щекам. И так прекрасно было его лицо в лунном сиянии, что Ласточка преисполнилась жалостью.

– Кто ты такой? – спросила она.

– Я Счастливый Принц.

– Но зачем же ты плачешь? Ты меня промочил насквозь.

– Когда я был жив и у меня было живое человеческое сердце, я не знал, что такое слезы, – ответила статуя. – Я жил во дворце Sans Souci (Беззаботности – фр.), куда скорби вход воспрещен. Днем я забавлялся в саду с друзьями, а вечером я танцевал в Большом Зале. Сад был окружен высокой стеной, и я ни разу не догадался спросить, что же происходит за ней. Вокруг меня все было так прекрасно! «Счастливый Принц» – величали меня приближенные, и вправду, я был счастлив, если только в наслаждениях счастье. Так я жил, так и умер. И вот теперь, когда я уже неживой, меня поставили здесь, наверху, так высоко, что мне видны все скорби и вся нищета моей столицы. И хотя сердце теперь у меня оловянное, я не могу удержаться от слез.

«А, так ты не весь золотой!» – подумала Ласточка, но, конечно, не вслух, потому что была достаточно вежлива.

– Там, далеко, в узкой улочке, я вижу убогий дом, – продолжала статуя тихим мелодическим голосом. – Одно окошко открыто, и мне видна женщина, сидящая у стола. Лицо у нее изможденное, руки огрубевшие и красные, они сплошь исколоты иглой, потому что она швея. Она вышивает страстоцветы на шелковом платье прекраснейшей из фрейлин королевы для ближайшего придворного бала. А в постельке, поближе к углу, ее больное дитя. Ее мальчик лежит в лихорадке и просит, чтобы ему дали апельсинов. Но у матери нет ничего, только речная вода. И вот этот мальчик плачет. Ласточка, Ласточка, маленькая Ласточка! Не снесешь ли ты ей рубин из моей шпаги? Ноги мои прикованы к пьедесталу, и я не в силах сдвинуться с места.

– Меня ждут не дождутся в Египте, – ответила Ласточка. – Мои подруги кружатся над Нилом и беседуют с пышными лотосами. Скоро они полетят на ночлег в усыпальницу Великого Царя. Там почивает он сам, в своем роскошном гробу. Он закутан в желтые ткани и набальзамирован благовонными травами. Шея у него обвита бледно-зеленой нефритовой цепью, а руки его как осенние листья.

– Ласточка, Ласточка, маленькая Ласточка. Останься здесь на одну только ночь и будь моей посланницей. Мальчику так хочется пить, а мать его так печальна.

– Не очень-то мне по сердцу мальчик. Прошлым летом, когда я жила над рекою, дети мельника, злые мальчишки, всегда швыряли в меня камнями. Конечно, где им попасть! Мы, ласточки, слишком увертливы. К тому же мои предки славились особой ловкостью, но все-таки это было очень непочтительно.

Однако Счастливый Принц был так опечален, что Ласточка пожалела его.

– Здесь очень холодно, – сказала она, – но ничего, эту ночь я останусь с тобой и выполню твое поручение.

– Благодарю тебя, маленькая Ласточка, – молвил Счастливый Принц.

И вот Ласточка выклевала большой рубин из шпаги Счастливого Принца и полетела с этим рубином над городскими крышами. Она пролетела над колокольной собора, где стоят беломраморные изваяния ангелов. Она пролетела над королевским дворцом и слышала звуки музыки. На балкон вышла красивая девушка, и с нею ее возлюбленный.

– Какое чудо эти звезды, – сказал ей возлюбленный, – и как чудесна власть любви!

– Надеюсь, мое платье поспеет к придворному балу, – ответила она. – Я велела на нем вышить страстоцветы, но швеи такие лентяйки.

Ласточка пролетела над рекою и увидела огни на корабельных мачтах. Она пролетела над Гетто и увидела старых евреев, заключавших между собою сделки и взвешивавших монеты на медных весах. И наконец она прилетела к убогому дому и заглянула туда. Мальчик метался в жару, а мать его крепко заснула – она так была утомлена. Ласточка пробралась в каморку и положила рубин на стол, рядом с наперстком швеи. Потом она стала беззвучно кружиться над мальчиком, навевая на его лицо прохладу.

– Как мне стало хорошо! – сказал ребенок. – Значит, я скоро поправлюсь. – И он впал в приятную дремоту.

А Ласточка возвратилась к Счастливому Принцу и рассказала ему обо всем.

– И странно, – заключила она свой рассказ, – хотя на дворе стужа, мне теперь несколько не холодно.

– Это потому, что ты сделала доброе дело! – объяснил ей Счастливый Принц.

И Ласточка задумалась над этим, но тотчас же заснула. Стоило ей задуматься, и она засыпала. На рассвете она полетела на речку купаться.

– Странное, необъяснимое явление! – сказал Профессор Орнитологии, проходивший в ту пору по мосту. – Ласточка – среди зимы!

И он напечатал об этом пространное письмо в местной газете. Все цитировали это письмо; оно было полно таких слов, которых никто не понимал.

«Сегодня же ночью – в Египет!» – подумала Ласточка, и сразу ей стало весело.

Она посетила все памятники и долго сидела на шпиге соборной колокольни. Куда бы она ни явилась, воробьи принимались чирикать: «Что за чужак! Что за чужак!» – и звали ее знатной иностранкой, что было для нее чрезвычайно лестно.

Когда же взошла луна, Ласточка вернулась к Счастливому Принцу.

– Нет ли у тебя поручений в Египте? – громко спросила она. – Я сию минуту улетаю.

– Ласточка, Ласточка, маленькая Ласточка! – взмолился Счастливый Принц. – Останься на одну только ночь.

– Меня ожидают в Египте, – ответила Ласточка. – Завтра подружки мои полетят на вторые пороги Нила. Там в камышах лежат гиппопотамы, и на великом гранитном престоле восседает там бог Мемнон. Всю ночь он глядит на звезды, а когда засияет денница, он приветствует ее радостным кликом. В полдень желтые львы сходят к реке на водопой. Глаза их подобны зеленым бриллам, а рев их громче, чем рев водопада.

– Ласточка, Ласточка, маленькая Ласточка! – сказал ей Счастливый Принц. – Там, далеко, за городом я вижу в мансарде юношу. Он склонился над столом, над бумагами. Перед ним в стакане увядшие фиалки. Его губы алы, как гранаты, его каштановые волосы выются, а глаза его большие и мечтательные. Он торопится закончить свою пьесу для Директора Театра, но он слишком озяб, огонь догорел у него в очаге, и от голода он вот-вот лишится чувств.

– Хорошо, я останусь с тобой до утра! – сказала Ласточка Принцу. У нее было предоброе сердце. – Где же у тебя другой рубин?

– Нет у меня больше рубинов, увьи! – молвил Счастливый Принц. – Мои глаза – это все, что осталось. Они сделаны из редкостных сапфиров и тысячу лет назад были привезены из Индии. Выключи один из них и отнеси тому человеку. Он продаст его ювелиру и купит себе еды и дров, и закончит свою пьесу.

– Милый Принц, я не могу сделать это! – И Ласточка стала плакать.

– Ласточка, Ласточка, маленькая Ласточка! Исполни волю мою!

И выклевала Ласточка у Счастливого Принца глаз, и полетела к жилищу поэта. Ей было нетрудно проникнуть туда, ибо крыша была дырявая. Сквозь эту крышу и пробралась Ласточка в комнату. Юноша сидел, закрыв лицо руками, и не слышал трепетания крыльев. Только потом он заметил сапфир в кучке увядших фиалок.

– Однако меня начинают ценить! – радостно воскликнул он. – Это от какого-нибудь знатного поклонника. Теперь-то я могу закончить свою пьесу. – И счастье было на его лице.

А утром Ласточка отправилась в гавань. Она села на мачту большого корабля и стала оттуда смотреть, как матросы вытаскивают на веревках из трюма какие-то ящики.

– Дружнее! Дружнее! – кричали они, когда ящик поднимался наверх.

– Я улетаю в Египет! – сообщила им Ласточка, но на нее никто не обратил внимания.

Только вечером, когда взошла луна, Ласточка возвратилась к Принцу.

– Я пришла попрощаться с тобой! – издали закричала она.

– Ласточка, Ласточка, маленькая Ласточка! – взмолился Счастливый Принц. – Не останешься ли ты до утра?

– Теперь зима, – ответила Ласточка, – и скоро здесь пойдет холодный снег. А в Египте солнце согревает зеленые листья пальм, и крокодилы вытянулись в тине и лениво глядят по сторонам. Мои подружки вьют уже гнезда в Баальбековом храме, а белые и розовые голуби смотрят на них и воркуют. Милый Принц, я не могу остаться, но я никогда не забуду тебя, и, когда наступит весна, я принесу тебе из Египта два драгоценных камня вместо тех, которые ты отдал. Краснее, чем красная роза, будет рубин у тебя, и сапфир голубее морской волны.

– Внизу, на площади, – сказал Счастливый Принц, – стоит маленькая девочка, которая торгует спичками. Она уронила их в канаву, они испортились, и отец ее прибьет, если она возвратится без денег. Она плачет. У нее ни башмаков, ни чулок, и голова у нее непокрыта. Выключи другой мой глаз, отдай его девочке, и отец не побьет ее.

– Я могу остаться с тобой еще одну ночь, – ответила Ласточка, – но выклевать твой глаз не могу. Ведь тогда ты будешь совсем слепой.

– Ласточка, Ласточка, маленькая Ласточка! – молвил Счастливый Принц, – исполни волю мою!

И она выклевала у Принца второй глаз, и подлетела к девочке, и уронила ей в руку чудесный сапфир.

– Какое красивое стеклышко! – воскликнула маленькая девочка и, смеясь, побежала домой.

Ласточка возвратилась к Принцу.

– Теперь, когда ты слепой, я останусь с тобой навеки.

– Нет, моя милая Ласточка, – ответил несчастный Принц, – ты должна отправиться в Египет.

– Я останусь с тобой навеки, – сказала Ласточка и уснула у его ног.

С утра целый день просидела она у него на плече и рассказывала ему о том, что видела в далеких краях: о розовых ибисах, которые длинной фалангой стоят на отмелях Нила и клювами вылавливают золотых рыбок; о Сфинксе, старом как мир, живущем в пустыне и знающем все; о купцах, которые медленно шествуют рядом со своими верблюдами и перебирают янтарные четки; о Царе Лунных гор, который черен, как черное дерево, и поклоняется большому осколку хрусталя; о великом Зеленом Змее, спящем в пальмовом дереве, где двадцать жрецов кормят его медовыми пряниками; о пигмеях, что плавают по озеру на плоских широких листьях и вечно сражаются с бабочками.

– Милая Ласточка, – отозвался Счастливый Принц, – все, о чем ты говоришь, удивительно. Но самое удивительное в мире – это людские страдания. Где ты найдешь им разгадку? Облети же мой город, милая Ласточка, и расскажи мне обо всем, что увидишь.

И Ласточка пролетела над всем огромным городом, и она видела, как в пышных палатах ликуют богатые, а бедные сидят у их порогов. В темных закоулках побывала она и видела бледные лица истощенных детей, печально глядящих на черную улицу. Под мостом два маленьких мальчика лежали обнявшись, стараясь согреть друг друга.

– Нам хочется есть! – повторяли они.

– Здесь не полагается валяться! – кричал Полицейский.

И снова они вышли под дождь. Ласточка возвратилась к Принцу и поведала все, что видела.

– Я весь позолоченный, – сказал Счастливый Принц. – Сними с меня золото, листок за листком, и раздай его бедным. Люди думают, что в золоте счастье.

Листок за листком Ласточка снимала со статуи золото, покуда Счастливый Принц не сделался тусклым и серым. Листок за листком раздавала она его чистое золото бедным, и детские щеки розовели, и дети начинали смеяться и затевали на улицах игры.

– А у нас есть хлеб! – кричали они.

Потом выпал снег, а за снегом пришел и мороз. Улицы засеребрились и стали сверкать; сосульки, как хрустальные кинжалы, повисли на крышах домов; все закуталось в шубы, и мальчики в красных шапочках катались по льду на коньках.

Ласточка, бедная, зябла и мерзла, но не хотела покинуть Принца, так как очень любила его. Она украдкой подбирала у булочной крошки и хлопала крыльями, чтобы согреться. Но наконец она поняла, что настало время умирать. Только и хватило у нее силы – в последний раз взобраться Принцу на плечо.

– Прощай, милый Принц! – прошептала она. – Ты позволишь мне поцеловать твою руку?

– Я рад, что ты наконец улетаешь в Египет, – ответил Счастливый Принц. – Ты слишком долго здесь оставалась; но ты должна поцеловать меня в губы, потому что я люблю тебя.

– Не в Египет я улетаю, – ответила Ласточка. – Я улетаю в Обитель Смерти. Смерть и Сон не родные ли братья?

И она поцеловала Счастливого Принца в уста и упала мертвая к его ногам.

И в ту же минуту странный треск раздался у статуи внутри, словно что-то разорвалось.

Это расколосось оловянное сердце. Воистину был жестокий мороз.

Рано утром внизу на бульваре гулял Мэр Города, а с ним Городские Советники. Проходя мимо колонны Принца, Мэр посмотрел на статую.

– Боже! Какой стал оборвыш этот Счастливей Принц! – воскликнул Мэр.

– Именно, именно оборвыш! – подхватили Городские Советники, которые всегда во всем соглашались с Мэром.

И они приблизились к статуе, чтобы осмотреть ее.

– Рубина уже нет в его шпаге, глаза его выпали, и позолота с него сошла, – продолжал Мэр. – Он хуже любого нищего!

– Именно хуже нищего! – подтвердили Городские Советники.

– А у ног его валяется какая-то мертвая птица. Нам следовало бы издать постановление: птицам здесь умирать воспрещается.

И Секретарь городского совета тотчас же занес это предложение в книгу.

И свергли статую Счастливого Принца.

– В нем уже нет красоты, а стало быть, нет и пользы! – говорил в Университете Профессор Эстетики.

И расплавили статую в горне, и созвал Мэр городской совет, и решили, что делать с металлом.

– Сделаем новую статую! – предложил Мэр. – И эта новая статуя пусть изображает меня!

– Меня! – сказал каждый советник, и все они стали ссориться.

Недавно мне довелось слышать о них: они и сейчас еще ссорятся.

– Удивительно! – сказал Главный Литейщик. – Это разбитое оловянное сердце не хочет расплавляться в печи. Мы должны выбросить его прочь.

И швырнули его в кучу сора, где лежала мертвая Ласточка.

И повелел Господь ангелу своему:

– Принеси мне самое ценное, что ты найдешь в этом городе.

И принес ему ангел оловянное сердце и мертвую птицу.

– Правильно ты выбрал, – сказал Господь. – Ибо в моих райских садах эта малая пташка будет петь во веки веков, а в моем сияющем чертоге Счастливей Принц будет воздавать мне хвалу.

Притча Анатоля Франса

Жонглер Богоматери

Во времена короля Людовика жил во Франции бедный жонглер; был он родом из Компьена, и звали его Барнабе; он переходил из города в город, показывая фокусы, требовавшие силы и ловкости.

В дни ярмарок Барнабе расстилал на людных площадях ветхий, истрепанный коврик и зазывал детей и зевак забавными прибаутками, – он перенял их у одного старого жонглера и ничего в них не изменил. Затем, приняв самую неестественную позу, он заставлял оловянную тарелку балансировать на своем носу.

Первое время толпа смотрела на него равнодушно.

Но когда, держась на руках вниз головой, он бросал в воздух и ловил ногами шесть медных шаров, блестящих на солнце, или, изогнувшись так, что затылок его касался пяток, придавал своему телу форму колеса и жонглировал в этом положении двенадцатью ножами, гул одобрения поднимался в толпе зрителей, и монеты градом сыпались на ковер.

Однако, как и большинство людей, живущих своим талантом, Барнабе из Компьена еле сводил концы с концами.

Добывая хлеб свой в поте лица своего, он терпел куда больше лишений, нежели

положено терпеть человеку за грехи прародителя нашего Адама.

К тому же он не имел возможности трудиться столько, сколько ему хотелось. Чтобы выказывать свое замечательное умение, он нуждался в лучах солнца и свете дня подобно тому, как нуждаются в этом деревья, дабы цвести и плодоносить. Зимой же он походил на дерево, лишенное листвы и как бы засохшее. Мерзлая земля была сурова к жонглеру. И, словно стрекоза, о которой рассказывает Мария Французская (поэтесса, автор сборника басен), он с наступлением ненастья страдал от холода и голода. Но в простоте душевной он все невзгоды сносил терпеливо.

Никогда не задумывался Барнабе ни над происхождением богатства, ни над неравенством в положении людей. Он твердо верил в то, что если здешний мир плох, то иной мир непременно должен быть хорошим, и надежда эта поддерживала его. Он не подражал тем богохульникам и безбожникам, которые продали душу дьяволу. Никогда не поносил он имя божье; он жил честно и, хотя своей жены у него не было, не желал жены ближнего своего, ибо женщина – враг мужей сильных, что доказывается историей Самсона, которая приведена в Писании.

По правде говоря, он не был подвержен плотским вожделениям, и ему труднее было отказаться от стаканчика вина, чем от общения с женщиной, – будучи от природы воздержанным, он все же не прочь был в жаркую погоду промочить горло. Словом, то был человек добродетельный, богобоязненный и глубоко чтивший пресвятую Деву.

Входя в церковь, он никогда не упускал случая преклонить колена перед изображением богоматери и помолиться ей:

«Царица небесная, не оставь меня своей милостью, пока господу богу угодно, чтобы я жил на земле, а когда я умру, ниспошли мне райское блаженство».

Однажды вечером, после дождливого дня, когда Барнабе, печальный и согбенный, неся под мышкой свои шары и ножи, завернутые в ветхий коврик, брел в поисках какого-нибудь овина, где бы можно было, не ужиная, устроиться на ночлег, он заметил на дороге шедшего в том же направлении монаха и почтительно поклонился ему. И так как они пошли дальше вместе, то между ними завязалась беседа.

– Скажи, добрый человек: отчего ты одет с ног до головы в зеленое? – спросил монах. – Верно, тебе предстоит исполнить роль одержимого в какой-нибудь мистерии?

– Вовсе нет, отец мой, – отвечал Барнабе. – Просто-напросто я жонглер, а зовут меня Барнабе. И если бы мне удавалось каждый день есть досыта, я бы сказал, что лучше всего быть жонглером.

– Ты заблуждаешься, друг Барнабе, – возразил монах. – Лучше всего быть монахом. Монахи славословят Господа, пречистую Деву и всех святых, жизнь инока – это неумолчная хвала богу.

– Отец мой, я сознаюсь в своем невежестве, – сказал Барнабе. – Мое звание не может сравниться с вашим, и хотя не так-то просто танцевать, удерживая на кончике носа палку, на которой балансирует монета, но все это меркнет пред вашими деяниями. Мне бы так хотелось подобно вам, отец мой, неустанно молиться, паче же всего – прославлять пресвятую Деву, которую я особенно чтю! Я охотно отказался бы от искусства, благодаря которому приобрел известность более чем в шестистах городах и селениях, от Суасона до Бове, и пошел бы в монахи.

Простодушие жонглера тронуло чернеца, а так как он был довольно прозорлив, то угадал в Барнабе одного из тех людей доброй воли, о которых господь бог сказал: «Да пребудет с ними мир на земле!», и обратился к нему с такими словами:

– Друг Барнабе, пойдем со мной, я – настоятель одного из монастырей, и я приму тебя в свою обитель. Тот, кто указывал Марии Египетской дорогу в пустыне, поставил меня на твоём пути, дабы направить тебя на стезю спасения.

Так Барнабе стал монахом. В монастыре, куда он был принят, иноки особенно ревностно поклонялись пресвятой Деве; каждый употреблял ей во славу все знание и умение, которое даровал ему господь.

Сам настоятель сочинял книги, в которых возвеличивал по всем правилам схоластической науки добродетели божьей матери.

Брат Маврикий искусной рукой переписывал эти трактаты на пергаменте.

Брат Александр украшал их изящными миниатюрами. На них изображалась царица небесная, сидящая на троне Соломоновом, у подножья которого бодрствовали четыре льва; вокруг ее осиянной главы летали семь голубей, олицетворявших семь даров святого духа: страх божий, благочестие, знание, силу, просветление, разум и мудрость. Ее окружали шесть златокудрых дев: Смирение, Благоразумие, Уединение, Благоговение, Девственность и Послушание.

У ног ее были изображены в молитвенных позах две обнаженные фигурки удивительной белизны. То были души, чаявшие ее всемогущего заступления, молившие, и, разумеется, не вотще, спасти их.

На другой странице брат Александр для сравнения с Марией изображал Еву, дабы одновременно можно было лицезреть грех и его искупление, униженную женщину и деву в молитвенном экстазе. На страницах той же книги можно было полюбоваться Источником живой воды, Родником, Лилией, Луной, Солнцем, Запертым вертоградом, о котором говорится в Песне Песней, Небесными вратами, Градом божьим, и все это были изображения пречистой Девы.

Брат Марбод тоже был одним из самых нежных детей Марии.

Он без устали высекал на камне ее изображения, поэтому борода, брови и волосы у него были белы от пыли, а воспаленные глаза постоянно слезились. Уже достигнув почтенного возраста, он все еще был полон сил и бодрости, – видимо, царица небесная покоила старость своего чада. Марбод изображал ее сидящей на престоле, вокруг ее чела сиял расшитый жемчугом венчик. Марбод заботливо прикрывал складками платья ноги той, о которой пророк сказал: «Словно запертый вертоград, возлюбленная моя».

Иногда он придавал ей облик прелестного ребенка; казалось, она говорила: «Господи, воистину ты бог мой!» – *Dixi de ventre matris meae: Deus meus es tu.* (От чрева матери моей ты бог мой (лат.), Псалом XXI, 11)

Были в монастыре и поэты, которые сочиняли на латинском языке изречения и гимны во славу присноблаженной девы Марии, а некий пикардиец перекладывал рассказы о чудесах богородицы на язык простонародья и воспевал их в стихах.

Наблюдая подобное соревнование в восхвалении пресвятой Девы и такое множество славных деяний, Барнабе ужасался своему невежеству и простоте.

– Увы! – говорил он сам с собой, гуляя в небольшом, лишенном тени монастырском садике. – Как я несчастен! Я не могу подобно братьям достойно прославить пресвятую Богородицу, а между тем я люблю ее всем сердцем. Увы! Увы! Я человек простой, неискушенный, нет у меня для служения тебе, владычица, ни назидательных проповедей, ни трактатов, составленных по всем правилам, ни красивых картин, ни искусно высеченных статуй, ни разделенных на стопы складных стихов! Увы, нет у меня ничего!

Так он стенал и печалился. Однажды вечером монахи гуляли и беседовали меж собой, и тут он услышал о некоем иноке, который знал лишь одну молитву: «Богородица, дево, радуйся!» Все презирали его за невежество. Но после смерти инока из уст его выросло пять роз по числу букв, составляющих имя Марии, и таким образом была возведена святость усопшего.

Выслушав этот рассказ, Барнабе еще раз подивился доброте пречистой Девы. Но блаженная кончина инока не утешила его, ибо сердце Барнабе было преисполнено рвения, и он жаждал потрудиться по славу Царицы небесной.

Барнабе все искал для этого возможность, но не находил, и день ото дня все более и более сокрушался, как вдруг однажды утром он пробудился с радостным чувством, поспешил в часовню и оставался там в одиночестве долее часа. После обеда он опять пошел туда.

С тех пор он ежедневно отправлялся в часовню, когда там никого не было, и пребывал

в ней большую часть времени, которое другие монахи посвящали вольным искусствам и ремеслам. Больше он уже не грустил и не сетовал.

Столь странное поведение возбудило любопытство монахов. Братия недоумевала, почему Барнабе так часто уединяется.

Настоятель, чей долг состоит в том, чтобы все знать о своих монахах, решил последить за Барнабе во время его отлучек. И вот однажды, когда тот заперся по своему обыкновению в часовне, настоятель с двумя старцами направился туда и стал смотреть в дверную щель, что происходит внутри.

У алтаря святой девы Барнабе, держась на руках, вниз головой, подняв ноги кверху, жонглировал шестью медными шарами и двенадцатью ножами. В честь божьей матери он проделывал фокусы, за которые его когда-то особенно хвалили. Не поняв, что этот бесхитростный человек отдает пресвятой Деве все свое искусство и умение, старцы сочли это кощунством. Настоятель знал, что Барнабе чист душою, но он решил, что у бывшего жонглера помутился разум. Все трое хотели было вывести его из часовни, как вдруг увидели, что пресвятая Дева сошла с амвона и вытирает полою своей голубой одежды пот, струящийся со лба жонглера.

Тогда, распростершись на каменных плитах, настоятель возгласил:

– Блаженны чистые сердцем, ибо они бога узрят!

– Аминь! – целуя землю, ответили старцы.

Притчи Омара Хайяма

Лук и стрела

Рассказывают, что однажды царь Хосров Нушинраван спросил своего приближенного Бабака Ариза:

– Кто из воинственных людей более известен?

– Те, кто владеет луком и стрелой, – ответил Ариз.

Нушинраван был удивлен этим ответом и спросил Ариза, какими же, по его мнению, должны быть эти лучшие бойцы. Бабак Ариз ответил:

– Они должны быть такими, что все их тело – сердце, все их сердце – рука, вся их рука – лук, и весь их лук – стрела, а вся их стрела попадает в сердце врага.

– Как же понять все эти иносказания? – спросил Нушинраван.

– Надо понимать так, что они должны иметь сердце сильное и крепкое, как и их рука, жилы ровные и крепкие, как лук, и стрелу прямую и ровную, как тетиву, а если будет так, они увидят место своей стрелы в сердце врага, – пояснил Бабак Ариз.

Эмир Хоросана и прекрасная невольница

Рассказывают, что эмир Хоросана Абдаллах ибн-Тахир рассердился на одного из своих военачальников и посадил его в тюрьму. Многие обращались с просьбами простить и выпустить заключенного, но гнев эмира был сильнее этих ходатайств, и просившие потеряли надежду помочь несчастному.

Но у находившегося в тюрьме военачальника была весьма находчивая служанка. Просьбу пощадить своего хозяина она изложила в письме, и, когда настал день суда, она, закрыв по обычаю лицо, пришла к ибн-Тахиру и, вручая ему письмо, сказала:

– О эмир, помнишь ли ты арабскую пословицу: «Нашедший дает, а могучий прощает»?

– Но грех твоего хозяина превышает надежды на его помилование! – ответил ибн-Тахир.

– О эмир, я пришла не одна и надеюсь, что мне поможет мой заступник, с которым трудно спорить! – ответила бойкая служанка.

– Что-то я не вижу твоего заступника, которому, как ты говоришь, я не смогу даже

возразить! – воскликнул эмир.

– Ты сейчас увидишь его! – сказала служанка и открыла свое лицо одному только эмиру.

В жизни своей эмир еще не видел такой красоты, и, когда его растерянность прошла, он улыбнулся и сказал:

– Как велик твой заступник, и как мала по сравнению с ним твоя просьба!

И он приказал тут же освободить военачальника, одарил его халатом и другими подарками. Так велико могущество красоты.

Притчи Эзопа

Волк и козленок

Козленок отстал от стада, и за ним погнался волк. Обернулся козленок и сказал волку:

– Волк, я знаю, что я – твоя добыча. Но чтобы не погибнуть мне бесславно, сыграй-ка на дудке, а я спляшу!

Начал волк играть, а козленок плясать; услышали это собаки и бросились за волком. Обернулся волк на бегу и сказал козленку:

– Так мне и надо: нечего мне, мяснику, притворяться музыкантом.

Так люди, когда берутся за что-нибудь не вовремя, упускают и то, что у них уже в руках.

Враги

Двое врагов плыли на одном корабле. Чтобы держаться друг от друга подальше, один устроился на корме, другой – на носу; так они и сидели. Поднялась страшная буря, и корабль опрокинуло. Тот, что сидел на корме, спросил у кормчего, какой конец корабля грозит потонуть раньше.

– Нос, – ответил кормчий. Тогда тот сказал:

– Ну, тогда мне и умереть не жалко, лишь бы увидеть, как мой враг захлебнется раньше меня.

Так иные люди из ненависти к ближним не боятся пострадать, лишь бы увидеть, как и те страдают.

Галка и птицы

Зевс пожелал назначить птицам царя и объявил день, чтобы все явились к нему. А галка, зная, какая она некрасивая, стала ходить и подбирать птичьи перья, украшая ими себя. Настал день, и она, разубранная, предстала пред Зевсом. Зевс за эту красоту уже хотел ее выбрать царем, но птицы, вознегодовав, обступили ее, каждая вырывая свое перо; и тогда, голая, она снова оказалась простой галкой.

Так и у людей должники, пользуясь чужими средствами, достигают видного положения, но, отдав чужое, остаются такими же, как были.

Гусыня, несущая золотые яйца

Один человек особенно чтил Гермеса, и Гермес за это подарил ему гусыню, которая несла золотые яйца. Но у того не было терпения богатеть понемножку: он решил, что гусыня внутри вся из золота, и, недолго думая, зарезал ее. Но и в ожиданиях он обманулся, и яиц с этих пор лишился, потому что в гусыне он нашел одни потроха.

Так часто люди корыстолюбивые, лгясь на большее, теряют и то, что имеют.

Две лягушки

Две лягушки, когда пересохло их болото, пустились искать, где бы поселиться. Пришли они к колодцу, и одна из них предложила, недолго думая, туда и прыгнуть. Но другая сказала:

– А если и здесь вода пересохнет, как нам оттуда выбраться?

Не стоит браться за дело, не подумав.

Дикие козы и пастух

Пастух выгнал своих коз на пастбище. Увидав, что они пасутся там вместе с дикими, он вечером всех загнал в свою пещеру. На другой день разыгралась непогода, он не мог вывести их, как обычно, на луг, и ухаживал за ними в пещере; и при этом своим козам он давал корму самую малость, не умерли бы только с голоду, зато чужим наваливал целые кучи, чтобы и их к себе приручить. Но когда непогода улеглась и он опять погнал их на пастбище, дикие козы бросились в горы и убежали. Пастух начал их корить за неблагодарность: ухаживал-де он за ними как нельзя лучше, а они его покидают. Обернулись козы и сказали:

– Потому-то мы тебя так и остерегаемся: мы только вчера к тебе пришли, а ты за нами ухаживал лучше, чем за старыми своими козами; стало быть, если к тебе придут еще другие, то новым ты отдашь предпочтение перед нами.

Не должно вступать в дружбу с теми, кто новых друзей предпочитает старым: когда те станут старыми друзьями, он опять заведет новых и предпочтет их прежним.

Зевс и лисица

Зевс, восхищаясь умом и хитростью лисицы, поставил ее царем над неразумными животными. Но ему хотелось узнать, с переменной судьбы переменилась ли у лисицы и низкая ее душа? И вот, когда ее несли в носилках, он выпустил перед нею жука; жук закружился над носилками, а лиса, не в силах сдержаться, позабыла всякую царскую честь, выскочила из носилок и бросилась его ловить. Разгневался Зевс и обратил лисицу в ее прежнее состояние.

Дурные люди даже среди пышности и блеска не меняют своего нрава.

Зевс, Прометей, Афина и Мом

Зевс сотворил быка, Прометей – человека, Афина – дом, и выбрали они в судьи Мома. Позавидовал Мом их творениям и начал говорить: Зевс сделал оплошность, что у быка глаза не на рогах и он не видит, куда бодает; Прометей – что у человека сердце не снаружи и нельзя сразу отличить дурного человека и увидеть, что у кого на душе; Афине же следовало снабдить дом колесами, чтобы легче было переехать, если рядом поселится дурной сосед. Разгневался Зевс за такую клевету и выгнал Мома с Олимпа.

Нет ничего столь совершенного, чтобы быть свободным от всяких упреков.

Крестьянин и его сыновья

Сыновья у крестьянина вечно ссорились. Много раз уговаривал он их жить по-хорошему, но никакие слова на них не действовали; и тогда он решил убедить их на примере. Он велел им принести пучок прутьев; когда они это сделали, дал он им эти прутья все разом и предложил переломить. Как они ни силились, ничего не получилось. Тогда отец развязал пучок и стал им давать прутья по одному, и они без труда их ломали. Тогда сказал крестьянин:

– Так и вы, дети мои: если будете жить дружно меж собою, то никакие недруги вас не одолеют; если же начнете ссориться, то осилить вас будет всякому легко.

Крестьянин и змея

Змея подползла к сыну крестьянина и ужалила его насмерть. Крестьянин, не помня себя от горя, схватил топор и засел возле ее норы, чтобы убить сразу, едва она покажется. Выглянула змея, и ударил он топором, но по змее не попал, а расколол возле норы камень. Однако потом стало ему страшно, и стал он просить змею помириться с ним.

– Нет, – ответила змея, – ни я не могу тебе добра желать, глядя на трещину в камне, ни ты мне – глядя на могилу сына.

Крестьянин и собаки

Крестьянина на пастбище застигла непогода, и он не мог выйти из хижины, чтобы достать пропитание. Тогда он съел сначала своих овец. Буря не унималась; тогда он поел и коз. Но непогоде конца не было видно, и тогда, в третью очередь, взялся он за пахотных волов.

Тут собаки, глядя, что он делает, сказали друг другу:

– Пора нам отсюда бежать: коли хозяин не пожалел и волов, что с ним работают, то нас и подавно не пощадит.

Остерегаться более всего надо тех, кто даже своих близких не колеблется обидеть.

Крестьянин и судьба

Крестьянин, вскапывая поле, нашел клад; за это он стал каждый день украшать Землю венком, полагая ее своей благодетельницей. Но явилась к нему Судьба и сказала:

– Друг мой, зачем ты благодаришь Землю за мой подарок? Ведь это я его тебе послала, чтобы ты разбогател! А ведь если случай переменит твои дела и окажешься ты в нужде и бедности, то опять бранить ты будешь меня, Судьбу.

Надо знать своего благодетеля и ему воздавать благодарность.

Лисица и ее дар

Была у неразумных животных сходка, и обезьяна отличилась перед ними в пляске; за это они выбрали ее царем. А лисице было завидно; и вот, увидев в одном капкане кусок мяса, привела к нему лисица обезьяну и сказала, что нашла она этот клад, но себе не взяла, а сберегла для царя как почетный дар: пусть же обезьяна возьмет его. Та, ничего не подозревая, подошла и угодила в капкан. Стала она корить лисицу за такую подлость, а лисица сказала:

– Эх, обезьяна, и с таким-то умом будешь ты царствовать над животными?

Так и те, кто берется за дело неосмотрительно, терпят неудачу и становятся посмешищем.

Лисица и виноград

Голодная лисица увидела виноградную лозу со свисающими гроздьями и хотела до них добраться, да не смогла; и, уходя прочь, сказала сама себе:

– Они еще зеленые!

Так и у людей иные не могут добиться успеха по причине того, что сил нет, а винят в этом обстоятельства.

Лисица и дровосек

Лисица, убегая от охотников, увидела дровосека и взмолилась, чтобы он ее приютил. Дровосек велел ей войти и спрятаться в его хижине. Немного спустя показались охотники и спросили дровосека, не видал ли он, как пробегала здесь лисица? Тот отвечал им вслух:

– Не видал, – а рукою меж тем подавал знаки, показывая, где она спряталась. Но знаков его охотники не заметили, а словам его поверили. Вот дождалась лисица, чтобы они ускакали, вылезла и, не говоря ни слова, пошла прочь. Дровосек начал ее бранить: он-де ее спас, а от нее не слышит ни звука благодарности. Ответила лисица:

– Уж поблагодарила бы я тебя, если бы только слова твои и дела рук твоих не были так несхожи.

Есть и среди людей такие, которые речи говорят хорошие, а дела делают дурные.

Лисица и терновник

Лисица карабкалась через забор и, чтоб не оступиться, ухватилась за терновник. Колючки терновника искололи ей шкуру, стало ей больно, и начала она его попрекать, ведь она к нему обратилась как будто за помощью, а от него ей стало еще хуже. Но терновник возразил:

– Ошиблась ты, голубушка, вздумав за меня уцепиться: я ведь сам привык за всех цепляться.

Так и среди людей лишь неразумные просят помощи у тех, кому от природы свойственнее приносить вред.

Орел и жук

Орел гнался за зайцем. Увидел заяц, что ниоткуда нет ему помощи, и взмолился к единственному, кто ему подвернулся – к навозному жуку. Ободрил его жук и, увидев перед собой орла, стал просить хищника не трогать того, кто ищет у него помощи. Орел не обратил даже внимания на такого ничтожного заступника и сожрал зайца. Но жук этой обиды не забыл: неустанно он следил за орлиным гнездовьем и всякий раз, как орел сносил яйца, он поднимался в вышину, выкатывал их и разбивал. Наконец орел, нигде не находя покоя, искал прибежища у самого Зевса и просил уделить ему спокойное местечко, чтобы высидеть яйца. Зевс позволил орлу положить яйца к нему за пазуху. Жук, увидав это, скатал навозный шарик, взлетел до самого Зевса и сбросил свой шарик ему за пазуху. Встал Зевс, чтобы отрясти с себя навоз, и уронил ненароком орлиные яйца. С тех самых пор, говорят, орлы не вьют гнезд в ту пору, когда выводятся навозные жуки.

Никого не должно презирать, ибо никто не бессилен настолько, чтобы не отомстить за оскорбление.

Муравей и жук

В летнюю пору гулял муравей по пашне и собирал по зернышку пшеницу и ячмень, чтобы запастись кормом на зиму. Увидел его жук и посочувствовал, что ему приходится так трудиться даже в такое время года, когда все остальные насекомые отдыхают от тягот и предаются праздности. Промолчал тогда муравей; но когда пришла зима и навоз дождями размыло, остался жук голодным, и пришел он попросить у муравья корму. Сказал муравей:

– Эх, жук, кабы ты тогда работал, когда меня трудом попрекал, не пришлось бы тебе теперь сидеть без корму.

Так люди в достатке не задумываются о будущем, а при перемене обстоятельств терпят жестокие бедствия.

Пасечник

Какой-то человек пришел на пасеку, когда пасечника не было, и унес с собой соты и мед. Вернулся пасечник, увидел, что ульи пустые, остановился и начал их осматривать. А пчелы прилетели с поля, заметили его и стали жалить. И пасечник, больно искусанный, сказал им:

– Негодные вы твари! Кто украл ваши соты, того вы отпустили, не тронув, а меня, кто о вас же заботится, кусаете!

Так иные люди, не умея разобраться, от врагов не защищаются, а друзей отталкивают как злоумышленников.

Поросенок и овцы

В одном овечьем стаде пасся поросенок. Однажды схватил его пастух, а он стал визжать и упираться. Стали овцы укорять его за такой крик:

– Мы ведь не кричим, когда он то и дело хватает нас!

Ответил им поросенок:

– Меня он не так хватает, как вас; от вас ему нужна шерсть или молоко, а от меня ему нужно мясо.

Потерпевший кораблекрушение

Один богатый афинянин вместе с другими плыл по морю. Поднялась страшная буря, и корабль перевернулся. Все остальные пустились вплавь, и только афинянин без конца взывал к Афине, обещая ей бесчисленные жертвы за свое спасение. Тогда один из товарищей по несчастью, проплывая мимо, сказал ему:

– Афине молись, да и сам шевелись.

Путники и медведь

Два приятеля шли по дороге, как вдруг навстречу им медведица. Один тотчас забрался на дерево и там спрятался. А другому бежать уж было поздно, и он бросился наземь и притворился мертвым; и когда медведица придвинулась к нему мордой и стала его обнюхивать, то задержал дыхание, потому что, говорят, мертвецов зверь не трогает.

Ушла медведица прочь, спустился приятель с дерева и спрашивает, что это ему медведица шептала на ухо? А тот в ответ:

– Шептала: впредь не бери в дорогу таких приятелей, которые тебя бросают в беде!

Путники и находка

Шли два путника по дороге. Один из них нашел топор, а другой воскликнул:

– Вот нам и находка!

Первый ответил:

– Неверно говоришь: не нам находка, а мне находка.

Немного спустя столкнулись они с хозяевами, потерявшими топор, и те погнались за ними. Тот, у кого был топор, крикнул другому:

– Вот нам и погибель!

Другой ответил:

– Неверно говоришь: не нам погибель, а тебе погибель – ведь когда ты нашел топор, то не взял меня в долю!

Кто в счастье не делится с друзьями, тот в несчастье будет ими покинут.

Старик и смерть

Старик нарубил однажды дров и потащил их на себе; дорога была дальняя, устал он идти, сбросил ношу и стал молить о кончине. Явилась Смерть и спросила, зачем он ее звал.

– Чтобы ты подняла мне эту ношу, – ответил старик.

Всякий человек любит жизнь, как бы он ни был несчастен.

Укушенный собакой

Одного человека укусила собака, и он бросился искать помощи. Кто-то ему сказал, что надо вытереть кровь хлебом и бросить хлеб собаке, которая укусила.

– Нет, – возразил он, – ежели я так сделаю, то меня кинутся кусать все собаки в городе.

Так и злонравие в людях, если ему угождать, становится только хуже.

Притчи Ильи Ильфа и Евгения Петрова

Притча о гусаре-схимнике

Блестящий гусар, граф Алексей Буланов, был действительно героем аристократического Петербурга. Имя великолепного кавалериста и кутилы не сходило с уст чопорных обитателей дворцов по Английской набережной и со столбцов светской хроники. Очень часто на страницах иллюстрированных журналов появлялся фотографический портрет красавца гусара – куртка, расшитая бранденбурами и отороченная зернистым каракулем, высокие прилизанные височки и короткий победительный нос.

За графом Булановым катилась слава участника многих тайных дуэлей, имевших роковой исход, явных романов с наикрасивейшими, неприступнейшими дамами света, сумасшедших выходов против уважаемых в обществе особ и прочувствованных кутежей, неизбежно кончавшихся избиением штафирок.

Граф был красив, молод, богат, счастлив в любви, счастлив в картах и в наследовании имущества. Родственники его умирали быстро, и наследства их увеличивали и без того огромное богатство.

Он был дерзок и смел. Он помогал абиссинскому негусу Менелику в его войне с итальянцами. Он сидел под большими абиссинскими звездами, закутавшись в белый бурнус, и глядел в трехверстную карту местности. Свет факелов бросал шатающиеся тени на прилизанные височки графа. У ног его сидел новый друг, абиссинский мальчик Васька. Разгромив войска итальянского короля, граф вернулся в Петербург вместе с абиссинцем Васькой. Петербург встретил героя цветами и шампанским. Граф Алексей снова погрузился в беспечную пучину наслаждений. О нем продолжали говорить с удвоенным восхищением, женщины травились из-за него, мужчины завидовали. На запятках графской кареты, пролетавшей по Миллионной, неизменно стоял абиссинец, вызывая своей чернотой и тонким станом изумление прохожих.

И внезапно все кончилось. Граф Алексей Буланов исчез. Княгиня Белорусско-Балтийская, последняя пассия графа, была безутешна. Таинственное исчезновение графа наделало много шума. Газеты были полны догадками. Сыщики сбились с ног. Но все было тщетно. Следы графа не находились.

Когда шум уже затихал, из Аверкиевой пустыни пришло письмо, все объяснившее. Блестящий граф, герой аристократического Петербурга, Валтасар XIX века – принял схиму. Передавали ужасающие подробности. Говорили, что граф-монах носит вериги в несколько пудов, что он, привыкший к тонкой французской кухне, питается теперь только картофельной шелухой. Поднялся вихрь предположений. Говорили, что графу было видение умершей матери. Женщины плакали. У подъезда княгини Белорусско-Балтийской стояли

вереницы карет. Княгиня с мужем принимали соблезнования. Рождались новые слухи. Ждали графа назад. Говорили, что это временное помешательство на религиозной почве. Утверждали, что граф бежал от долгов. Передавали, что виною всему несчастный роман.

А на самом деле гусар пошел в монахи, чтобы постичь жизнь. Назад он не вернулся. Мало-помалу о нем забыли. Княгиня Балтийская познакомилась с итальянским певцом, а абиссинец Васька уехал на родину.

В обители граф Алексей Буланов, принявший имя Евпла, изнурял себя великими подвигами. Он действительно носил вериги, но ему показалось, что этого недостаточно для познания жизни. Тогда он изобрел себе особую монашескую форму: клобук с отвесным козырьком, закрывающим все лицо, и рясу, связывающую движения. С благословения игумена он стал носить эту форму. Но и этого показалось ему мало. Обуянный гордыней смирения, он удалился в лесную землянку и стал жить в дубовом гробу.

Подвиг схимника Евпла наполнил удивлением обитель. Он ел только сухари, запас которых ему возобновляли раз в три месяца.

Так прошло двадцать лет. Евпл считал свою жизнь мудрой, правильной и единственно верной. Жить ему стало необыкновенно легко, и мысли его были хрустальными. Он постиг жизнь и понял, что иначе жить нельзя.

Однажды он с удивлением заметил, что на том месте, где он в продолжение двадцати лет привык находить сухари, ничего не было. Он не ел четыре дня. На пятый день пришел неизвестный ему старик в лаптях и сказал, что мужики сожгли помещика, а монахов выселили большевики и устроили в обители совхоз. Оставив сухари, старик, плача, ушел. Схимник не понял старика. Светлый и тихий, он лежал в гробу и радовался познанию жизни. Старик крестьянин продолжал носить сухари.

Так прошло еще несколько никем не потревоженных лет. Однажды только дверь землянки растворилась, и несколько человек, согнувшись, вошли в нее. Они подошли к гробу и принялись молча рассматривать старца. Это были рослые люди в сапогах со шпорами, в огромных галифе и с маузерами в деревянных полированных ящиках. Старец лежал в гробу, вытянув руки, и смотрел на пришельцев лучезарным взглядом. Длинная и легкая серая борода закрывала половину гроба. Незнакомцы зазвенели шпорами, пожали плечами и удалились, бережно прикрыв за собою дверь.

Время шло. Жизнь раскрылась перед схимником во всей своей полноте и сладости. В ночь, наступившую за тем днем, когда схимник окончательно понял, что все в его познании светло, он неожиданно проснулся. Это его удивило. Он никогда не просыпался ночью. Размышляя о том, что его разбудило, он снова заснул и сейчас же опять проснулся, чувствуя сильное жжение в спине. Постигая причину этого жжения, он старался заснуть, но не мог. Что то мешало ему. Он не спал до утра. В следующую ночь его снова кто-то разбудил. Он проворочался до утра, тихо стелая и, незаметно для самого себя, почесывая руки. Днем, поднявшись, он случайно заглянул в гроб. Тогда он понял все. По углам его мрачной постели быстро перебежали вишневого цвета клопы. Схимнику сделалось противно.

В этот же день пришел старик с сухарями. И вот подвижник, молчавший двадцать лет, заговорил. Он попросил принести ему немножко керосину. Услышав речь великого молчальника, крестьянин опешил. Однако, стыдясь почему-то и пряча бутылочку, он принес керосин. Как только старик ушел, отшельник дрожащей рукой смазал все швы и пазы гроба. Впервые за три дня Евпл заснул спокойно. Его ничто не потревожило. Смазывал он керосином гроб и в следующие дни. Но через два месяца понял, что керосином вывести клопов нельзя. По ночам он быстро переворачивался и громко молился, но молитвы помогали еще меньше керосина. Прошло полгода в невыразимых мучениях, прежде чем отшельник обратился к старику снова. Вторая просьба еще больше поразила старика. Схимник просил привезти ему из города порошок «Арагац» против клопов. Но и «Арагац» не помог. Клопы размножались необыкновенно быстро и кусали немилосердно. Могучее здоровье схимника, которое не могло сломить двадцатипятилетнее постничество, – заметно ухудшалось. Началась темная отчаянная жизнь. Гроб стал казаться схимнику Евплу

омерзительным и неудобным. Ночью, по совету крестьянина, он лучиною жег клопов. Клопы умирали, но не сдавались.

Было испробовано последнее средство – продукты бр. Глик – розовая жидкость с запахом отравленного персика под названием «Клопин». Но и это не помогло. Положение ухудшалось. Через два года от начала великой борьбы отшельник случайно заметил, что совершенно перестал думать о смысле жизни, потому что круглые сутки занимался травлей клопов.

Тогда он понял, что ошибся. Жизнь так же, как и двадцать пять лет тому назад, была темна и загадочна. Уйти от мирской тревоги не удалось. Жить телом на земле, а душою на небесах оказалось невозможным.

Тогда старец встал и проворно вышел из землянки. Он стоял среди темного зеленого леса. Была ранняя сухая осень. У самой землянки выперлось из-под земли целое семейство белых грибов толстобрюшек. Неведомая птаха сидела на ветке и пела solo. Послышался шум проходящего поезда. Земля задрожала. Жизнь была прекрасна. Старец, не оглядываясь, пошел вперед.

Сейчас он служит кучером конной базы Московского коммунального хозяйства.

Притча об Адаме и Еве

Был, господа, в Москве молодой человек, комсомолец. Звали его – Адам. И была в том же городе молодая девушка, комсомолка Ева. И вот эти молодые люди отправились однажды погулять в московский рай – в Парк культуры и отдыха. Не знаю, о чем они там беседовали. У нас обычно молодые люди беседуют о любви. Но ваши Адам и Ева были марксисты и, возможно, говорили о мировой революции. Во всяком случае, вышло так, что, прогуливаясь по бывшему Нескучному саду, они присели на траву под деревом. Не знаю, какое это было дерево. Может быть, это было древо познания добра и зла. Но марксисты, как вам известно, не любят мистики. Им, по всей вероятности, показалось, что это простая рябина. Продолжая беседовать, Ева сорвала с дерева ветку и подарила ее Адаму. Но тут показался человек, которого лишённые воображения молодые марксисты приняли за садового сторожа. А между тем это был, по всей вероятности, ангел с огненным мечом, ругаясь и ворча, ангел повел Адама и Еву в контору на предмет составления протокола за повреждения, нанесенные садовому хозяйству. Это ничтожное бытовое происшествие отвлекло молодых людей от высокой политики, и Адам увидел, что перед ним стоит нежная Ева, а Ева заметила, что перед ней стоит мужественный Адам. И молодые люди полюбили друг друга. Через три года у них было уже два сына.

Одного сына зовут Каин, а другого – Авель, и через известный срок Каин убьет Авеля, Авраам родит Исаака, Исаак родит Иакова, и вообще вся библейская история начнется сначала, и никакой марксизм этому помешать не сможет. Все повторяется. Будет и потоп, будет и Ной с тремя сыновьями, и Хам обидит Ноя, будет и Вавилонская башня, которая никогда не достроится, господа. И так далее. Ничего нового на свете не произойдет. Так что вы напрасно кипятились насчет новой жизни.

Притча о Вечном Жиде

Не буду напоминать вам длинной и скучной истории Вечного еврея. Скажу только, что около двух тысяч лет этот пошлый старик шатался по всему миру, не прописываясь в гостиницах и надоедая гражданам своими жалобами на высокие железнодорожные тарифы, из-за которых ему приходилось ходить пешком. Его видели множество раз. Он присутствовал на историческом заседании, где Колумбу так и не удалось отчитаться в авансовых суммах, взятых на открытие Америки. Еще совсем молодым человеком он видел пожар Рима. Лет полтора он прожил в Индии, необыкновенно поражая йогов своей живучестью и сварливым характером. Одним словом, старик мог бы порассказать много

интересного, если бы к концу каждого столетия писал мемуары. Но Вечный Жид был неграмотен и к тому же имел дырявую память.

Не так давно старик проживал в прекрасном городе Рио-де-Жанейро, пил прохладительные напитки, глядел на океанские пароходы и разгуливал под пальмами в белых штанах. Штаны эти он купил по случаю восемьсот лет назад в Палестине у какого-то рыцаря, отвоевавшего гроб господень, и они были еще совсем как новые. И вдруг старик забеспокоился. Захотелось ему в Россию, на Днепр, Он бывал везде: и на Рейне, и на Ганге, и на Миссисипи, и на Ян цзы, и на Нигере, и на Волге. И не был он только на Днепре. Захотелось ему, видите ли, бросить взгляд и на эту широкую реку.

Аккурат в 1919 году Вечный Жид в своих рыцарских брюках нелегально перешел румынскую границу. Стоит ли говорить о том, что на животе у него хранились восемь пар шелковых чулок и флакон парижских духов, которые одна кишиневская дама просила передать киевским родственникам. В то бурное время ношение контрабанды на животе называлось «носить в припарку». Этому делу старика живо обучили в Кишиневе. Когда Вечный Жид, выполнив поручение, стоял на берегу Днепра, свесив неопрятную зеленую бороду, к нему подошел человек с желто-голубыми лампасами и петлюровскими погонами и строго спросил:

– Жид?

– Жид, – ответил старик.

– Ну, пойдём, – пригласил человек с лампасами. И повел его к куренному атаману.

– Жида поймали, – доложил он, подталкивая старика коленом.

– Жид? – спросил атаман с веселым удивлением.

– Жид, – ответил скиталец.

– А вот поставьте его к стенке, – ласково сказал куренной.

– Но ведь я же Вечный! – закричал старик. Две тысячи лет он нетерпеливо ждал смерти, а сейчас вдруг ему очень захотелось жить.

– Молчи, жидовская морда! – радостно закричал губатый атаман. – Рубай его, хлопцы-молодцы!

И Вечного странника не стало.

Современные притчи

Автор-составитель Елена Цымбурская

Воскресный листок

Каждое воскресенье, в полдень, после утренней службы, батюшка-настоятель приходской церкви небольшого городка вместе со своим одиннадцатилетним сынишкой выходил в город раздавать воскресные листки каждому, кого повстречают на пути. Такие Воскресные Листки можно взять в любой церкви у нас в России. В обычаях той страны в небольших городах было разносить и раздавать листки прохожим. В то воскресенье, о котором пойдет речь, было очень холодно, а ко времени, когда было пора выходить разносить Листки, пошел сильный дождь. Мальчик надел на себя одежду потеплее и сказал отцу: «Я готов, папа».

Папа и батюшка в одном лице спросил: «Готов к чему?»

– Папа! Уже пора выходить разносить Листки!

– Сын мой! На улице очень холодно и идет дождь.

Сын непонимающе смотрел на отца:

– Папа! Людям необходимо знать о Боге даже, когда идет дождь.

Отец ответил:

– Сынок, я не выйду на улицу по такой погоде.

В отчаянии, подросток спросил: «А я могу пойти один? Пожалуйста!»

Его отец засомневался на мгновение, а потом сказал:

– Сын, ты можешь идти. Вот тебе Листики. Будь осторожен!

– Спасибо, папа! – И с этими словами он вышел под дождь.

Мальчик одиннадцати лет обошел все улицы городка, раздавая Воскресные Листики всем, кого видел. Через два часа ходьбы под дождем по холоду у него остался последний Листок. Он остановился на одном перекрестке, чтобы посмотреть, не идет ли кто-нибудь еще, чтобы отдать оставшийся Листок, но улицы были абсолютно пустынными. Тогда он повернулся лицом к первому попавшемуся дому, подошел к двери, несколько раз позвонил в звонок и стал ждать. Но никто не выходил. В конце концов, мальчик уже сделал движение телом, чтобы развернуться и уйти, но что-то его остановило. Он повернулся к двери и стал упорно звонить в звонок и стучать в дверь, но она оставалась неприступной. Он ждал и не уходил. Что-то удерживало его у этой двери. Он вновь постучал. И тут дверь открылась. На пороге показалась женщина с очень грустными глазами и тихо спросила:

– Что я могу сделать для тебя, сынок?

Озаряя ее восторженным лучистым взглядом и широко улыбаясь, мальчик объяснил свое появление:

– Простите меня за беспокойство, я только хотел сказать, что Бог действительно Вас любит, и принес Вам мой последний Листок, в котором говорится о Боге и его Безграничной Любви.

Мальчик вручил женщине Листок, попрощался и убежал.

– Спасибо, сынок! Благослови тебя Господь! – только и успела сказать ему вслед женщина.

В следующее воскресенье батюшка после того, как отслужил утреннюю службу и прочитал проповедь прихожанам, спросил, есть ли у кого какие вопросы или кто-то хочет чем-то поделиться?

Одна пожилая женщина из задних рядов продвинулась вперед и стала говорить. Ее глаза излучали свет.

– Меня здесь никто не знает. Я никогда не приходила в эту церковь, а еще в прошлое воскресенье не была даже крещенной. Не так давно умер мой муж и оставил меня совершенно одну в этом мире. Прошное воскресенье было холодным и дождливым. Так же было и у меня на сердце. В этот день я дошла до точки, у меня не осталось ни капли надежды и никакого желания продолжать жить. Так я взяла стул, нашла веревку и поднялась с ними на чердак моего дома. Привязала веревку к стропилам, хорошо затянула узел. Стала на стул, из второго конца веревки завязала петлю и одела ее на шею. Стоя на стуле и чувствуя только тотальное одиночество и опустошенность в сердце, я готовилась прыгнуть со стула, когда услышала звонок в дверь. Подумала, подожду минуту, пока тот, кто звонит, уйдет. Я ждала, но звонок не успокаивался, напротив, становился все настойчивей. Потом в дверь стали с силой стучать. Я подумала, кто бы это мог быть? Меня никто никогда не приходит навестить, тем более никто никогда так настойчиво не стучит. Пришлось снять петлю, слезть со стула и пойти отворять. Пока я шла, звонки и стук не утихали. Когда открыла дверь, то не могла поверить своим глазам. Передо мной стоял ангелоподобный, лучащийся радостью и светом мальчик. Я никогда не забуду его улыбку. Слова, которые сошли с его уст, мгновенно осветили и согрели мое сердце, которое уже долгое время было мертвым. Оно вернулось к жизни, когда услышало голос этого херувима: «Я только хотел сказать, что Бог действительно Вас любит».

Когда маленький ангел растворился в дожде, я закрыла дверь, раскрыла Листок и прочла каждое слово. Потом поднялась на чердак, убрала стул и сняла веревку, она мне больше не понадобится. Как видите, сегодня я счастливая дочь Спасителя и Отца. Так как адрес церкви был обозначен внизу Листка, я пришла лично поблагодарить этого маленького ангела, которого послал мне Бог именно в тот момент, когда я хотела поменять свою вечную жизнь на вечный ад.

Все плакали в церкви. Батюшка подошел к своему сыну, который стоял в первых рядах прихожан, обнял его и разрыдался.

Что я о тебе думаю

Как-то раз учительница попросила своих учеников выписать в столбик имя и фамилию всех своих одноклассников, и под каждой фамилией оставить достаточно места, а потом заполнить его, рассказав о каждом своем соученике только лучшее, что о нем знаешь, перечислив самые красивые качества, стороны, черты характера.

На выходных она села за обработку работ своих учеников: на отдельных листах учительница выписала фамилии всех учеников, а потом вписала туда все красивые слова и характеристики о них их же товарищей.

В понедельник она вручила каждому ученику лист с отзывами о нем самом. Почти сразу же весь класс засветился улыбками. «Это правда!» – слышала учительница шепот. «Я никогда не думал, что могу хоть что-нибудь значить для окружающих...», «Я не знал, что мои товарищи меня так любят...», – слышались комментарии.

Через несколько лет после выпуска этого класса пришла печальная новость: один из учеников погиб, исполняя, как говорят, интернациональный долг в чужой стране. Учительница пришла на похороны. В церкви на отпевании присутствовали его товарищи по школе. Учительница подошла попрощаться последней.

Во время погребения несколько солдат, которые несли почетный караул, подошли к ней и поинтересовались, не она ли была учителем их погибшего друга. Она кивнула.

– Он много нам рассказывал о вас!

После кладбища большинство поехало на поминки в родительский дом погибшего. Отец мальчика достал какой-то бумажник и обратился к учительнице:

– Я хочу вам кое-что показать. Это нашли в одежде моего сына. Думаем, что вы узнаете.

Открыв бумажник, он бережно вынул оттуда свернутый вчетверо, потрепанный по краям и затертый на сгибах листок бумаги. Это был лист, на котором рукой учительницы были выписаны все самые красивые и добрые слова о погибшем, которые высказывали его школьные товарищи.

– Спасибо вам за то, что вы сделали, – сказала мать мальчика. – Как видите, мой сын хранил этот листок как самую большую драгоценность. Друзья погибшего окружили учительницу и его родителей. Один из ребят сказал:

– Я тоже до сих пор храню мой лист.

А жена одного из одноклассников поделилась:

– Мой муж попросил, чтобы я прикрепила его лист к нам в свадебный альбом.

– И я сберегаю свой листок, – призналась одна из девушек.

– А мой приклеен в моей записной книжке, – добавила другая.

Третья открыла свою сумочку, достала свой бумажник, вынула из него затертый листок со словами:

– А я ношу свой листок всегда с собой.

Учительница присела и расплакалась: как могли значить столько простые добрые слова, написанные на одном листе бумаги?

Теперь, может, станет понятнее значимость хороших и плохих слов? Одно слово признания, любви, поддержки, прощения, сочувствия имеет неопишемую силу.

Стерпится – слюбится

Молодой монах пришел к старцу за советом.

– Отче, – сказал он, – я живу в пустыне чуть больше года, и за это время уже пять или шесть раз появлялась саранча. Ты знаешь, что это за напасть, – она проникает всюду, даже в

нашу пищу. Что мне делать?

Старец, который жил в пустыне уже на протяжении сорока лет, отвечал:

– Когда саранча попала мне в похлебку в первый раз, я все вылил. Затем, во второй раз, я выбросил саранчу, а похлебку съел. В третий раз я съел все, и похлебку, и саранчу. А теперь, если саранча пытается выбраться из моей похлебке, я сталкиваю ее назад в миску.

Пусть встанет тот, кто верит в Бога!

Такой приказ в студенческой аудитории могли огласить скорее в Советском Союзе, нежели в университете Южной Каролины, но история эта произошла все же в США...

Именно в университете Южной Каролины профессор философии, глубоко убежденный атеист, имевший огромный авторитет и заслуги, любил бросать такой клич в конце каждого семестра перед экзаменами. Его основной задачей, подводя итоги семестра, было в который раз подтвердить на практике, что Бог не может существовать.

Его студенты боялись вступать с ним в дискуссию. Профессор обладал железной логикой. На протяжении 20 лет он был уверен, что никто в его аудитории и за ее пределами не найдет в себе смелости противостоять ему. Конечно, обсуждения в аудитории происходили, но никогда не против мнения преподавателя, так велик был его авторитет.

Каждый последний день семестра профессор обращался к тремстам слушателям с неизменным предложением: «Если тут есть кто-нибудь, кто до сих пор еще верит в Иисуса, пусть встанет!» За 20 лет еще ни один студент не встал в аудитории. Потому что все знали, что последует потом. Он бы сказал: «Потому что любой, кто верит в Бога, дурак. Если бы Бог существовал, он бы доказал свое присутствие тем, что хотя бы не позволил куску мела, брошенному на пол, разбиться на мелкие кусочки. Было бы так просто доказать, что Бог есть, но он даже этого не может сделать». И так каждый год профессор бросал об пол мел, и тот разлетался на мелкие кусочки. Студенты могли только молча смотреть на это. Большинство из них убеждали себя в том, что Бога нет. Конечно, из числа студентов за 20 лет многие из них были христианами, но ни один из них за все это время не встал.

Наступил очередной учебный год, профессор начал курс лекций для новых студентов. Один из них был верующим, и первое, о чем был осведомлен, так же как и все остальные студенты, о последнем дне семестра, и о том, что происходит на нем каждый год. Он боялся, что если встанет, может разозлить профессора и не сдать экзамен. В течение трех месяцев того семестра он молился, чтобы Господь дал ему сил встать перед всей аудиторией в последний день учебы, независимо от того, что скажет профессор или подумают товарищи по курсу. Ведь ничто не может поколебать его веры.

И вот этот день настал. Профессор сказал привычное и торжественное: «Если тут есть кто-нибудь, кто до сих пор еще верит в Иисуса, пусть встанет!» Он пристально всматривался в лица трех сотен студентов, сидевших перед ним, а они молча смотрели на него. И тут, неожиданно для всех, в глубине аудитории встал один студент. Все были в шоке. А профессор выкрикнул: «Дурак! Если бы Бог существовал, он бы доказал свое присутствие тем, что хотя бы не позволил куску мела, брошенному на пол, разбиться на мелкие кусочки». С этими словами он повернулся к доске, схватил кусок мела и уже собирался швырнуть его о пол. Но мел выскользнул у него из пальцев и закатился в рукав рубашки, потом пропутешествовал в брюки, вышел из штанины и аккуратно, не потеряв ни одной крупинки, лег рядом с ботинком. Профессор замер с открытым ртом, разглядывая кусок мела на полу. Потом поднял свой взгляд к юноше, который стоял в глубине аудитории, развернулся и выбежал из помещения.

Семь чудес света

Учитель попросил вырвать из тетради лист и перечислить на нем семь чудес света. Чуть позже, он попросил всех зачитать перед классом то, что они включили в свой список.

Дети по порядку вставали и зачитывали.

- Египетские пирамиды!
- Тадж-Махал!
- Панамский канал!
- Китайская стена! – раздавалась переключка.

Одна девочка сидела молча и, казалось, не хочет говорить и стесняется отдавать свою работу. Учитель спросил, не возникло ли у нее трудностей с выполнением задания.

– Да, – застенчиво проговорила ученица. – У меня возникли сомнения, чудес в мире так много, что тяжело выбрать.

Учитель попросил ее зачитать, что выбрала она.

– Зачитай, что ты выбрала, а мы послушаем, может быть, сможем тебе чем-нибудь помочь.

Девочка замялась, но потом все же прочла:

– Думаю, что в семь чудес света входят: возможность людей думать, говорить, совершать поступки, видеть, слышать, помогать, и самая важная из всех – любить.

После того, как она закончила читать, класс долго оставался в полной тишине.

Будем помнить, эти чудеса света все в нашей власти.

Просто, как яичница

Рассказывают, что один журналист долго приставал к Эйнштейну с вопросом: «Вы можете объяснить мне, что такое относительность?» На что Эйнштейн ответил: «А вы можете объяснить мне, как поджарить яйцо?»

Журналист недоверчиво посмотрел на Эйнштейна и сказал: «Конечно, могу...»

Эйнштейн прервал его: «Хорошо, сделайте одолжение! Только представьте, что я не знаю, ни что такое яйцо, ни что такое сковорода, ни что такое масло, ни что такое огонь!»

Шрамы любви

Говорят, это случилось на южном побережье Флориды в один из жарких летних дней. Маленький мальчик побежал купаться на озеро за своим домом. Он выскочил с заднего хода, бросился в воду и стал нырять, фыркая от удовольствия. Он не видел приближавшегося к нему крокодила.

Зато его прекрасно разглядела его мать, присматривавшая за сыном из окна. В ужасе она выскочила из дома и побежала изо всех сил к озеру, на ходу крича об опасности своему ребенку так громко, как могла. Мальчик услышал, развернулся и что есть мочи стал грести к мостику, с которого прыгал в воду, но было поздно. Мать схватила своего ребенка за плечи одновременно с крокодилом, который ухватил его за ноги. Женщина тянула сына к себе изо всех сил, на которые было способно ее сердце. Крокодил был намного сильнее, но мать боролась за свое дитя и ее любовь удесятерила ее силы. Один местный житель, услышавший крики женщины, прибежал на помощь. У него был пистолет, и он убил крокодила.

Ребенок выжил и, несмотря на то, что его ноги сильно пострадали, он смог встать на них и начал снова ходить.

Когда он поправился, один из журналистов попросил мальчика продемонстрировать свои шрамы на ногах. Ребенок поднял одеяло и показал их. Но потом, с огромной гордостью, он закатил рукава своей рубашки и показал глубокие шрамы на руках и на плечах со словами: «Вот это те, которые вы должны увидеть! У меня эти шрамы от того, что мама меня не отпустила и спасла мне жизнь!»

Мы тоже имеем в душе шрамы от прошлых обид, предательств, разочарований, прошлой любви. Если мы вспомним и рассмотрим их поближе, то увидим, что эти шрамы когда-то спасли нам жизнь.

Уставший цирюльник

До нас дошла история, что братьям Николаю и Павлу в скитской пустыне было поручено стричь монахов, и работы у них было много. Как-то к ним пришел старец, который десять лет до того не брился и не стригся. Брат Павел в этот день был несколько утомлен из-за долгого поста. В результате в конце стрижки и бритья у старца было три пореза: на подбородке, на щеке и на голове.

– Отче, – спросил его брат Павел, – ты у меня уже бывал?

– Нет, уверяю тебя, – отвечал старец. – Ухо мне отрезали разбойники в пустыне.

Вы жена Бога?

Мальчик лет десяти, дрожа от холода, босиком стоял у витрины обувного магазина и не отрываясь смотрел на теплую обувь. К нему подошла одна дама и спросила:

– Мой маленький друг, что ты с таким интересом рассматриваешь за этим стеклом, о чем ты думаешь?

– Я прошу Бога, чтобы он мне дал одну пару ботинок, – ответил мальчик.

Дама взяла ребенка за руку и вошла с ним в магазин. Она попросила продавца принести шесть пар детских носков и спросила, может ли тот найти им емкость с водой и полотенце. Служащий принес все, о чем его попросила дама. Она повела мальчика в заднюю часть магазина, сняла перчатки, вымыла ребенку ноги, высушила их полотенцем. Продавец принес носки. Дама одела одну пару на ноги ребенку, затем примерила и купила ему ботинки, и попросила завернуть остальные носки в пакет, и отдала их мальчику. Потом она погладила его по голове и сказала:

– Теперь, без сомнений, ты чувствуешь себя намного лучше.

Она развернулась, чтобы покинуть магазин. В этот момент мальчик дотянулся до ее руки и, глядя на нее со слезами на глазах, спросил:

– Вы жена Бога?

Ненормальный

Объявили, на город надвигается сильнейший ураган. Шквалистый ветер уже бил по крышам, заполнял собой улицы. Начался ливень.

Один мужчина странно вел себя посреди трассы, ведущей из города. Он снял рубашку и размахивая ею, бегал перед едущими автомобилями, чуть ли не бросался под колеса. Водители думали, что это какой-то сумасшедший. Некоторые с трудом объезжали его и продолжали путь, другие не могли этого сделать, останавливались, рассерженные, раздраженные, пугали его тем, что сдадут в полицию, если он не освободит путь.

Только, когда ненормальный застопорил все движение, он смог прокричать: «Мост, к которому вы все едете, разрушен водой! Если бы я вас не смог остановить, вы бы погибли, как другие водители».

Все нашли, что ненормальный, на самом деле, был настоящим героем, рисковал своей жизнью, чтобы спасти их.

А вы когда-нибудь благодарили ненормальных, вмешивающихся в вашу жизнь?

Другая женщина

После 25 лет супружеской жизни я открыл для себя новую форму поддерживать живым огонь любви. Недавно я начал выходить в свет с другой женщиной. На самом деле, это была идея моей жены.

– Ты же знаешь, что ты ее любишь, – сказала она мне однажды, застигнув врасплох. – Жизнь довольно коротка, и ты должен уделить ей время.

– Но я люблю тебя! – запротестовал я.

– Я знаю, но ты тоже любишь и ее! И это замечательно. За это я еще больше люблю тебя!

Другая женщина, которую моя жена хотела, чтобы я навещал, была моя мать, которая 19 лет тому назад овдовела и жила одна. Но моя напряженная работа, жена, трое детей не давали возможности навещать ее часто, только несколько раз в году.

Тем вечером я позвонил ей и пригласил в кино и поужинать.

– Что случилось, ты в порядке? – забеспокоилась она.

Моя мать принадлежит к тому типу женщин, для которых поздний звонок или неожиданное приглашение означают плохие новости.

– Я просто хотел увидеть тебя и вместе провести время, только это, – ответил я.

Она тотчас расслабилась и с радостью согласилась встретиться.

В ту пятницу после работы, когда я поехал забрать ее, я чувствовал себя немного взволнованно. Это было волнение, как перед свиданием. А когда я приехал к ней домой, заметил, что она тоже на эмоциональном подъеме в связи с нашим выходом.

Она ожидала меня возле двери уже в пальто. По прическе было видно, что она посещала парикмахера. Одета в платье, в котором она отмечала последнюю с отцом годовщину их свадьбы. Она улыбалась, ее лицо лучилось светом.

– Я сказала своим подружкам, что встречаюсь со своим сыном, и они очень обрадовались, – рассказывала мама, пока мы ехали в машине. – Они не могут дождаться завтрашнего утра, чтобы узнать, как мы с тобой повеселились.

Мы пошли не в фешенебельный, но очень уютный ресторан. Моя мама шла со мной под руку, как первая леди. Когда мы уселись за столик, мне пришлось зачитать ей меню, так как она могла прочесть только крупные буквы. Когда я дошел до половины закусок, я поднял глаза и увидел, как мама, сидя на противоположной стороне стола, ласково смотрела на меня. Щемящая ностальгическая улыбка лежала на ее губах.

– Помню, я читала тебе меню, когда ты был маленьким.

– Значит, пришло время, когда я тебе могу вернуть долг, – пошутил я.

Во время ужина мы увлеченно разговаривали о жизни друг друга, как будто не виделись 20 лет, и так заговорились, что пропустили сеанс в кинотеатре.

– Я пойду с тобой еще раз, но если ты позволишь мне пригласить тебя, – сказала моя мама, когда я привез ее домой. Я согласился.

– Ну, как прошла встреча? – спросила жена.

– Очень хорошо, намного лучше, чем я себе мог представить, – ответил я.

Спустя несколько дней моя мама умерла от обширного инфаркта. Все произошло так быстро, что я не успел ничего предпринять.

Еще через несколько дней я получил конверт с копией авансом оплаченного чека из того ресторана, где мы ужинали с мамой, и записку, где маминым почерком было написано: «За ужин я уже заплатила заранее, я была почти уверена, что не смогу пойти, но все равно заплатила за двоих, за тебя и за твою жену. Ты никогда не сможешь понять, что та ночь означала для меня. Я люблю тебя».

В этот момент я понял огромную важность сказанного вовремя: «Я люблю тебя!» и предоставления любимым людям пространства, которого они заслуживают. Дай им свое время, потому что они не могут, не должны ждать. Ничего нет важнее в жизни, чем семья.

Я могу сделать даже больше, чем это

Мать двадцати шести лет стояла над больничной койкой шестилетнего сына, который умирал от лейкемии. Ее сердце было полно печалью от несправедливости происходящего, она чувствовала приближение конца. Как любая другая мать, она мечтала, чтоб ее сын вырос и реализовал свои мечты. Сейчас это было невозможным, лейкемия вошла в завершающую стадию. Но даже сейчас она всей душой желала, чтобы хотя бы какая-нибудь одна мечта ее

сына исполнилась.

Она взяла за руку своего мальчика и спросила:

– Сынок, ты думал когда-нибудь о том, кем ты хочешь стать, когда вырастешь?

– Мама, я всегда хотел стать пожарным!

Мать улыбнулась и сказала:

– Посмотрим, сможем ли мы превратить эту мечту в действительность.

В тот же день она пошла в городскую пожарную часть и познакомилась там с начальником пожарных. Он был человеком с большим сердцем. Она рассказала ему о ситуации, в которой находился ее сын, о его последнем желании, и спросила, возможно ли просить их о том, чтобы они на своей пожарной машине сделали один круг возле яблони вместе с ее шестилетним сынишкой.

Начальник пожарных сказал:

– Знаете, мы можем сделать даже больше, чем только это! Если ваш сын готов, то послезавтра в семь часов утра мы его заберем и сделаем на целый день почетным пожарником города. Он сможет посетить пожарную часть, кушать с нами за одним столом и выезжать на все вызовы целый день. И, если вы скажете нам его размер, мы сможем достать ему настоящую форму с эмблемой нашего полка, такой же защитный комбинезон, как у нас, и такие же сапоги.

Ровно в обещанный срок, рано утром, начальник пожарных поднялся в больницу к мальчику, одел его в форму пожарного и отнес на руках в пожарную машину. Его устроили рядом с водителем и привезли в пожарную часть.

Он был на седьмом небе от счастья. Его глаза сияли. В тот день было три вызова, и мальчик ездил на каждый из них на разной технике. Один раз даже на спецмашине начальника пожарных. Его сняли в программе местного телевидения. Его мечта сбылась! Всю любовь и внимание, на которые были способны пожарники, они подарили мальчику, и это его так тронуло, что он прожил на три месяца больше, чем предполагали медики.

Раз ночью все его жизненные функции стали быстро падать. Дежурная медсестра стала обзванивать всех его родственников, чтобы мальчик не умер один. Она вспомнила о приехавших пожарниках и позвонила в пожарную часть, спрашивая у начальника, нельзя ли прислать хотя бы одного пожарного в этот тяжелый для ребенка момент.

Начальник пожарных ответил:

– Мы можем сделать даже больше, чем только это! Будем через пять минут. Помогите нам, когда услышите сирены и увидите свет от машин, передайте системе безопасности, что это не пожар, что речь не идет ни о каком воспламенении. Что это – пожарные приехали проведать еще раз своего почетного члена. И сможете открыть окно в его комнате? Спасибо!

Ровно через пять минут к больнице подъехала пожарная машина с телескопической лестницей. Лестница поднялась до этажа, где лежал мальчик, и шестнадцать пожарных поднялись в его палату. С разрешения матери каждый обнял ребенка, передавая из рук в руки, и сказали, как сильно они его любят.

На последнем дыхании мальчик спросил:

– Командир, я честно, по-настоящему, пожарник?

– Ты один из лучших пожарников! – ответил начальник.

Услышав эти слова, мальчик улыбнулся и закрыл глаза навсегда.

Более ценное, чем цирк

Как-то раз, когда я была маленькой, мы с папой стояли в очереди за билетами в цирк. Перед нами в очереди стояла супружеская пара с восьмью детьми, старшему из них на вид было не больше одиннадцати лет. По одежде было видно, что они очень бедные. Но сами дети были веселы, подвижны, они болтали о клоунах, слонах и медведях, которых увидят вечером на арене. Я услышала, что они в первый раз идут в цирк.

Жена смотрела на мужа с благодарностью, было понятно, что отцу стоило большого

труда повести всю семью в цирк.

Когда подошла их очередь и они приблизились к окошку, кассир спросила у отца семейства, сколько билетов он желает приобрести. Он с гордостью ответил:

– Пожалуйста, дайте мне восемь детских и два взрослых.

Кассир оторвала нужное количество билетов, положила их на стойку и назвала сумму. Супругов парализовало, они как будто онемели. Это было по деньгам намного больше, чем они ожидали. Как они сейчас скажут всем своим восьмерым детям, что у них не хватает денег, чтобы повести их в цирк? Видя, что происходит, мой отец бросил на пол купюру в двадцать долларов (а мы, надо сказать, сами не были богатыми, и эти деньги предназначались для наших билетов), потом наклонился, поднял банкноту, похлопал отца семейства по плечу и сказал:

– Извините, но у вас это выпало из кармана.

Мужчина сразу все понял, посмотрел прямо в глаза моему отцу, обеими руками пожал руку моего отца, взял двадцать долларов и с дрожью в голосе, со слезами на глазах сказал:

– Спасибо, огромное спасибо. Это очень много значит для меня и для моей семьи. Я не забуду никогда.

Мы с папой вернулись домой. Мы не пошли в цирк, но вернулись с большим. Я на всю жизнь запомнила поступок моего отца. Тем вечером я получила от него урок, который обогатил всю мою жизнь.

Семена

Ночью я видел странный сон: как будто на главной площади нашего города открылся новый магазин, вывеска которого гласила: «Подарки Бога». Я вошел. Один ангел обслуживал покупателей. Я удивленно спросил:

– А что ты продаешь, ангел?

– Предлагаю любые подарки от Бога.

– Стоят очень дорого?

– Нет, бесплатно.

Я посмотрел на полки, забитые амфорами любви, флакончиками веры, пакетами надежды, коробками спасения и на множество другого товара, набрался смелости и сделал свой заказ:

– Дай мне, пожалуйста, побольше любви, флакон веры, коробочку спасенья и всего остального понемногу.

Меня очень удивило, когда ангел протянул мне один маленький пакетик.

– Не может быть! Это все? – спросил я у ангела.

– Да, все. Бог никогда не дает созревшие спелые фрукты. Он дарит только маленькие семена, и только от тебя зависит, вырастишь ты их или нет.

Мелочь может подвести

Как-то раз один новый министр правительства переехал жить в другой штат. Спустя некоторое время он решил воспользоваться автобусом, чтобы доехать до центра города. Когда он удобно устроился на сиденье, увидел, что водитель, со сдачей за билет, дал ему лишние 25 центов. Пока он решал, что делать, вставить сейчас или потом, другая мысль прозвучала в его голове: «А, забудь, это только 25 центов. Кто будет в убытке от такой мелочи? В конце концов, автобусная компания получает хорошие прибыли от высоких проездных тарифов. Так что, никто не пострадает. Прими это как подарок».

Но когда он подъехал к своей остановке и собирался выходить, подумал снова и решил вернуть монетку водителю, что и сделал со словами:

– Возьмите, вы мне дали лишних 25 центов.

Водитель широко улыбнулся и сказал:

– Я вас узнал, когда вы сядились, я знал, что вы – новый министр, и хотел проверить, что Вы сделаете, если я вам дам больше сдачи, а потом рассказать об этом всем завтра на общем собрании.

Министр вышел, вытер со лба выступивший пот: «Боже, из-за 25 центов чуть не потерял престиж, а может, и карьеру!»

Вышивка

Когда я был маленьким, моя мама очень много вышивала. Я сидел с ней рядом на маленький стульчик и спрашивал, что она делает. Она мне отвечала: «Вышиваю».

Будучи маленьким, я мог видеть мамину работу только снизу. Я всегда жаловался, что вижу только некрасивые перемешанные нитки.

Она мне улыбалась сверху и ласково говорила: «Сынок, иди погуляй, поиграй немного, когда я закончу, я положу вышивку на колени и ты посмотришь сверху».

Я задавал себе вопросы, почему она использовала некоторые нити темных цветов, почему мне казалось все таким беспорядочным с того места, где я находился? Позже я слышал голос своей мамы: «Сынок, иди, можешь уже посмотреть!» Я с радостью забегал и несказанно удивлялся тому, что представало у меня перед глазами – прекрасный цветок или великолепный закат на вышивке. Я не мог поверить: снизу можно было только увидеть неопрятное скопление беспорядочных нитей, а сверху такую красоту. Моя мама тогда говорила: «Сын мой, снизу все видится запутанным и беспорядочным, но ты не знал что у меня, наверху, был свой план, у меня был красивый рисунок. Теперь посмотри сверху, как красиво!»

Так и в жизни, не зная вселенского плана, нам кажется, что все не так, все плохо. На самом деле это может быть частью красивой завершенной божественной вышивки. Сверху виднее, как вышить красивый узор.

Помощь

Корабль потерпел крушение у берега необитаемого острова. Выжил лишь один пассажир. Каждый день он молил Бога, чтобы тот спас его, каждый день часами смотрел на линию горизонта в ожидании помощи, но помощь все не приходила.

Тогда он начал строить небольшой шалаш, чтобы защитить себя от солнца, ветра, холода и дождя и сберечь те немногие вещи, которые уцелели вместе с ним. Как-то раз он пошел на поиски пищи, а, когда вернулся, обнаружил свой шалаш, объятый языками пламени. Дым поднимался до самого неба. Все сгорело. Потерянный и расстроенный, он сказал в сердцах Богу:

– Как ты мог сделать мне это?

И, устав от пережитого, заснул на песке.

Рано утром следующего дня его разбудил звук гудка приближающегося к острову корабля. Его приехали спасти. Он спросил:

– А как вы узнали, что я здесь?

И команда ответила:

– Мы увидели дымовые сигналы, которые ты нам посылал...

Когда мы просим о чем-то, нам нужно поменять радостное нетерпение на радостное терпение.

Чудеса медицины

– Как! Отец Пафнутий умер? Но ведь врач приходил к нему всего только раз...

– Как видно, брат, ты не в курсе последних достижений медицины...

* * *

Отец Онуфрий был при смерти. Врачу, который уверял его, что у него нет ничего серьезного, он сказал:

– Какая удача! Значит, я умираю в добром здравии.

* * *

Один монах был не только великим человеком Божьим, но также очень талантливым травником. Каждый год в лаборатории возле своей кельи он с гениальной изобретательностью составлял огромное количество все новых и новых великолепных лекарств. Но вот однажды он неожиданно бросил свою работу. Его спросили:

– Брат, почему ты перестал придумывать новые лекарства?

На что он ответил:

– Я их и так сделал слишком много. Врачи не успевают придумывать новые болезни.

* * *

Старец привел как-то молодого монаха на берег реки собирать целебные травы.

– В этих местах, – сказал он, – росла некогда чудодейственная трава. С ее помощью отец Евмений составил эликсир долголетия.

– Отец Евмений? – спросил монах. – Я никогда о нем не слышал.

– Неудивительно, ведь он умер, когда ему едва исполнилось двадцать восемь лет!

Стакан молока

Один юноша, который оплачивал свое обучение в медицинском институте, работая уличным продавцом нужных мелочей, испытывал в тот день сильный голод, но у него не было ни копейки на обед. Он решил подавить стыд и попросить чего-нибудь поесть у следующей двери, в которую постучит. Но он растерял свою решительность, когда дверь ему открыла молодая красивая девушка. Вместо еды он попросил стакан воды. Она почувствовала что-то и принесла стакан молока. Он выпил, сильно стесняясь, а потом спросил: «Сколько я вам должен?» «Вы мне ничего не должны», – ответила девушка. – «Моя мама нас научила не принимать плату, если кто-то нуждается в помощи». «Тогда благодарю от всего сердца!»

Много лет спустя эта девушка, став взрослой женщиной, серьезно заболела. Местные врачи были обеспокоены состоянием ее здоровья и отправили в больницу большого города, как раз туда, где практиковал молодой человек, ставший известным врачом.

Когда к нему попала медицинская карта женщины и он увидел ее имя и название городка, где учился, то сейчас же пошел повидать пациентку, а увидав, тотчас ее узнал. Он вернулся в свой кабинет, изучил случай и сделал все, чтобы спасти жизнь пациентки. Борьба была долгой, но женщина выздоровела.

В свою очередь, женщина сильно переживала о стоимости своего пребывания в больнице. Сумма должна была быть для нее астрономической.

Когда она выписывалась, ей принесли счет. Она со страхом открыла его, ожидая увидеть длинный ряд цифр. В счете значилось: «Оплачено стаканом молока. И подпись: доктор такой-то».

Кто возьмет сына?

Один богатый мужчина и его сын обожали искусство. В их коллекции было все: от Рафаэля до Пикассо. Когда началась война во Вьетнаме, сына отправили туда. Он был очень смелым и погиб в бою, вынося на плечах раненого солдата. Отец, получив скорбную весть о гибели единственного сына, еле выжил. Спустя месяц в дверь к убитому горем отцу позвонили. На пороге стоял молодой человек с большим пакетом в руках.

– Здравствуйте! – сказал он. – Вы меня не знаете, но я тот солдат, за которого ваш сын отдал свою жизнь. Он спас много жизней в этот день и старался отнести меня в безопасное место, когда пуля вошла в его грудь. Он умер мгновенно. Он много рассказывал о вас и

вашей общей любви к искусству.

Молодой человек протянул отцу пакет:

– Я не великий художник, но, думаю, что вашему сыну понравилось бы, чтобы вы получили это.

Отец раскрыл пакет. Это был портрет его сына, выполненный юным солдатом. Ему удалось очень точно поймать личность, индивидуальность сына и переместить на холст. На отца смотрели живые глаза его сына, а его собственные наполнились слезами. Он от души поблагодарил товарища сына и предложил ему оплатить портрет.

– О, что вы! Я никогда не смогу оплатить того, что сделал для меня ваш сын!

Отец повесил портрет сына на самом видном месте, и, когда кто-нибудь приходил к нему, первым делом показывал портрет сына, а потом уже все остальные картины из своей известной галереи.

Через несколько лет он скончался, и на все его картины был объявлен аукцион. Множество важных, богатых и знаменитых людей съехались на аукцион с целью пополнить шедеврами свои коллекции.

На платформе первым был выставлен портрет сына. Распорядитель стукнул молоточком, объявляя об открытии аукциона.

– Начинаем с портрета под названием «Сын», – огласил он.

– Кто предложит свою цену?

Повисло тяжелое молчание. Кто-то из глубины зала крикнул:

– Мы хотим видеть известные картины, забудьте об этой!

Несмотря ни на что, лицитатор продолжал:

– Кто-то предложит что-то за эту картину? Сто долларов? Двести долларов?

Другой голос раздраженно выкрикнул:

– Мы не пришли за этой картиной! Мы пришли за Ван Гогом, Рембрандтом! Давайте перейдем к ним, уважайте наши время и деньги!

Но распорядитель продолжал свою работу, не обращая внимания на недовольство присутствующих:

– «Сын»! «Сын»! Кто возьмет «Сына»?

Издали раздался голос:

– Я возьму картину за 10 долларов.

Это был старый садовник, который прослужил у отца и сына много лет, но больше за картину, по бедности, предложить не мог.

– Имеем 10 долларов! – кричал ведущий. – Кто 20?

Большинство недовольно гудело:

– Отдай за 10 и начинай выставлять настоящие картины!

– Предложено 10 долларов! Кто-то даст 20 долларов? А? 20?

Ответом было раздраженное молчание. Больше никто не хотел приобрести «Сына», все ждали выставления мировых шедевров.

Наконец, ведущий ударил молоточком:

– Один! Два... Продано за 10 долларов!

Раздался всеобщий вздох облегчения: сейчас начнется распродажа коллекции.

Ведущий отложил в сторону молоточек и громко объявил:

– Сожалею, дамы и господа, но на этом аукцион закончен.

– Но здесь же все картины?!

– Сожалею. Когда меня пригласили вести аукцион, меня проинформировали об одном условии, оставленном владельцем в завещании. И это условие было секретом, который я не имел права разглашать. На аукционе была выставлена только одна картина – «Сын». Тот, кто ее купит, согласно завещанию, унаследует все картины прежнего владельца. Человек, который купил «Сына», получит все.

Прошло немного времени после публикации Эйнштейном своей теории относительности, как он начал становиться известным во всей Европе, его стали приглашать читать лекции во многие университеты. Учреждение, в котором он работал, выделило ему в распоряжение автомобиль с водителем, чтобы он мог передвигаться от университета к университету. Везде, где бы он ни побывал, он имел огромный успех. В конце выступлений его благодарили бурными аплодисментами, но в связи с тем, что тема была новой и трудной, вопросов ему нигде не задавали.

Так колесили Эйнштейн и его водитель по университетам. Водитель всегда сидел в первом ряду и внимательно слушал все лекции профессора. Через несколько месяцев водитель обратился к Эйнштейну: «Профессор, я предлагаю вам сделку. Я не понимаю ни одного слова из того, что вы говорите на своих конференциях, но у меня великолепная память, и я слово в слово могу повторить все ваши выступления, включая формулы. К тому же, я думаю, вы устали повторять одно и то же по столько раз, и никто не о чем вас не спрашивает. С другой стороны, мне, бедному водителю, никто и никогда не аплодировал. Я предлагаю вам поменяться местами. Я буду выступать на конференциях, вопросов мне задавать никто не будет. А вы будете отдыхать и сможете подумать о других проблемах».

Эйнштейн немного подумал, потом проверил, как водитель читает лекцию, убедился, что так и есть, он ее произносит без единой ошибки, и согласился с предложением своего шофера.

Водитель подождал, пока у него отросли волосы, чтобы быть похожим на Эйнштейна, а Эйнштейн надел водительский темно-синий костюм и фуражку, и они начали эксперимент.

Водитель прекрасно вел конференции, завершавшиеся бурными аплодисментами, а Эйнштейн сидел в первом ряду, курил трубку и отдыхал.

Все шло гладко, без вопросов, пока они не приехали в один из университетов в Баварии. Когда водитель закончил выступление и присутствующие уже начали аплодировать, из глубины зала послышался голос:

– Господин Эйнштейн! Я не понял всего, о чем вы говорили, и хотел, чтобы вы мне объяснили в деталях значение таблицы № 3.

Шофер замаялся только на секунду, но тут же нашелся и ответил:

– Мой дорогой профессор, меня удивляет, что вы мне задаете такой вопрос. То, что вы хотите узнать, на самом деле знает любой. Это вам объяснит даже мой шофер. Кстати, он присутствует здесь. Пожалуйста, любезный, объясните!

Пятнадцать минут любви

Это случилось во время каникул, мы на один месяц поехали волонтерами в Кению. Когда все приехали в столицу Найроби и осмотрелись по сторонам, мы спросили себя: кому мы, университетские девушки и юноши, можем помочь в этой невыносимо жаркой, пыльной и грязной Африке? Может быть, только поднося кирпичи? Но никто из нас не имел опыта в строительстве. Может быть, крася школы? Но никто из нас не разбирался в покраске. У нас было только желание помогать. Тем не менее мы получили гораздо больше, чем постарались отдать: нам повезло войти в контакт с «третьим миром» через приют бездомных детей в Найроби.

Мы все вошли в низкий дом, просто какой-то сарай без мебели с плохим освещением. В глаза ударил резкий контраст между развешанными гамаками, полными больных темнокожих детей, и белыми одеждами монашек, которые излучали радость. Я застыла на месте посреди комнаты. Я никогда не видела ничего подобного. Мои университетские товарищи рассредоточились по приюту, следуя за отдельными монашками, которые нуждались в помощи. Одна монахиня спросила меня:

– Ты приехала посмотреть или хочешь помочь?

Этот прямой вопрос застал меня врасплох, и я, пребывая еще в состоянии ступора,

протянула:

– Помогать...

– Видишь этого ребенка, там, в глубине, который плачет?

Ребенок действительно безутешно плакал, негромко, без силы.

– Да, вижу...

– Хорошо, возьми его бережно и принеси сюда. Мы его вчера окрестили.

Я взяла его на руки и почувствовала, что он горит, у него была высокая температура.

Ребенку было около двух лет.

– Сейчас держи его и дай ему любовь, какую можешь.

– Не поняла? – извинилась я.

– Дай ему всю нежность, на которую способна, как ты умеешь, – и оставила меня с ребенком.

Я ему пела, целовала его, укачивала... перестал плакать, улыбнулся мне и заснул. Через какое то время я в слезах разыскала монашку:

– Сестра, он не дышит!

Монашка подтвердила наступление смерти:

– Он умер на твоих руках. И ты дала ему пятнадцать минут своей любви, через которую он ушел в вечность.

Там я поняла столько вещей! Кения разделила мою жизнь «до Кении» и «после Кении». Сейчас я знаю, что все мы окружены «Кениями», которые нуждаются в нашей любви.

Супружество

Был один курс для супружеских пар на коммуникацию между супругами.

– К следующей пятнице выпишите на листе бумаги пять дефектов, которые ваш муж или жена должны исправить в первую очередь и в срочном порядке, – дал задание слушателям курса руководитель.

После получения задания все пары разъехались. По дороге домой один из супругов-слушателей остановил машину, вышел, купил пять роз, вернулся и преподнес их своей жене с запиской: «Мне не приходит в голову ничего, что тебе нужно исправлять. Я люблю тебя такой, какая ты есть». Женщина расчувствовалась, расплакалась, нежно обняла своего мужа...

Пришла пятница. Женщина сохранила подаренные мужем розы в таком же состоянии и принесла их на занятия с той запиской, которую ей написал муж. И, когда подошла ее очередь зачитывать список дефектов, объяснила, что произошло.

Остальные супруги натянуто улыбались, пока она говорила. Им было стыдно, ведь они принесли с собой не по одному, а по несколько листов, заполненных жалобами и перечислениями неприятных дефектов, нуждающихся в исправлении, приправленными колкими замечаниями, не оставшимися безответными с противоположной стороны.

Но урок запомнили все. Особенно женщина, получившая пять алых роз, которая наверняка имела свои изъяны, но получила очень красивый стимул для того, чтобы каждый день справляться с ними и устранить.

Отцы и дети

Что думает сын о своем отце.

В возрасте 4 лет:

Мой папочка может сделать все.

В возрасте 5 лет:

Мой папочка знает все.

В возрасте 6 лет:

Мой папа знает больше, чем твой.

В возрасте 8 лет:
Думаю, что, может быть, мой папа знает не абсолютно все.
В возрасте 10 лет:
В прошлом, когда мой папа рос, все было другое.
В возрасте 13 лет:
О, в натуре, папа ничего об этом не знает, он слишком старый для этих вещей.
В возрасте 15 лет:
Не слушай моего предка, он далеко отстал.
В возрасте 17 лет:
Иногда я себя спрашиваю, как мой старик мог продвинуться в жизни, так плохо разбираясь в вещах.
В возрасте 21 года:
Мой старик? Боже мой, он абсолютно не в теме, он из прошлой эпохи.
В возрасте 25 лет:
Думаю, что мой папа кое-что знает. Это логично, ведь он прожил столько лет.
В возрасте 30 лет:
Может, мне посоветоваться с отцом, спросить, что он об этом думает? Все-таки у него большой опыт.
В возрасте 40 лет:
Не буду ничего делать, пока не проконсультируетесь с отцом.
В возрасте 50 лет:
Я спрашиваю, как моему отцу удавалось удерживать все это под контролем? Он такой мудрый, и у него огромный жизненный опыт.
В возрасте 55 лет:
Я бы отдал все, что угодно, за то, чтобы мой отец сейчас был вместе с нами, чтобы поговорить об этом с ним. Жаль, что я не понимал в свое время, каким мудрым он был. Я бы столькому мог у него научиться!...

Как птички в клетке

В одном небольшом поселке пастор на воскресную службу принес с собой грязную старую клетку и повесил ее рядом с кафедрой. Прихожане смотрели на нее вопросительно. А он, как бы отвечая на их безмолвный вопрос, стал говорить:

– Вчера я проходил по поселку, когда увидел одного мальчика с этой клеткой. В ней сидели три птички, дрожа от голода, холода и страха. Я остановил мальчика и спросил:

– Что у тебя тут, сын?

– Тут только несколько поганеньких птиц, – ответил он.

– И что ты думаешь с ними делать? – спросил я.

– Принесу домой и буду развлекаться с ними, – ответил мальчик. – Буду их дразнить, мешать им, пугать, выдергивать перья и заставлять драться друг с другом. Это будет сегодняшним развлечением для меня и моих друзей.

– Но ты рано или поздно устанешь от птиц. Что ты тогда с ними сделаешь?

– У меня несколько котов, – сказал мальчик, – Они любят есть птиц. Я дам им их на десерт. Они будут очень этому рады.

Я остался без слов, а потом спросил:

– Сколько ты хочешь за них, сын?

– А? Зачем они вам? Это простые старые птицы, они не поют. Хоть бы красивые были, да и того нет.

– Сколько? – настаивал я.

Мальчик смотрел на меня, как на сумасшедшего, а потом сказал:

– Десять долларов.

Я нащупал свой кошелек и всунул в его руки 10 долларов. За одну секунду мальчик

исчез. Я забрал клетку, донес ее до конца улицы, где росло два раскидистых дерева, поставил клетку на землю, открыл ее и тихонечко постучал по прутьям, чтобы уговорить птиц выйти из клетки на свободу.

Вот это и есть вся история о подвешенной здесь клетке. Я принес ее потому, что мне вспомнилась другая история, более известная.

Как-то раз Иисус и Искуситель Адама и Евы разговаривали между собой. Последний только что вернулся из Эдамского сада и был в хорошем расположении:

– Только что поймал целый мир людей там, внизу. Я поставил им ловушку с наживкой, я знал, что они не смогут устоять. Они поймались! Все.

– И что ты будешь с ними делать? – спросил Иисус.

Его оппонент ответил:

– Я буду развлекаться! Буду впаривать им любые иллюзии, чтобы они думали, что они могущественные и мудрые. Закончат, разругавшись друг с другом. Даже любящие пары разведутся. Даже хорошие вещи, которые они придумали, их же и погубят: секс и деньги. Эти людишки, которых ты так любишь, станут алкоголиками и наркоманами. Я их научу, как изобрести оружие, и они уничтожат друг друга... Вот повеселюсь!

– И, что ты с ними сделаешь, когда устанешь?

– О, поубиваю!

– Сколько ты хочешь за них? – спросил Иисус.

– Сколько? Всего лишь твоя жизнь до последней капли крови.

– Договорились, – сказал Иисус.

С этими словами пастор снял клетку, открыл двери и вышел из церкви.

Стул

Одна молодая девушка попросила священника прийти к ней домой, помолиться о здоровье ее тяжелобольного отца. Когда священник зашел в комнату больного, он увидел его лежащим на кровати, голову поддерживали подушки, рядом с кроватью стоял стул. Священник подумал, что к его приходу готовились.

– Вы меня ожидали? – спросил священник.

– Нет, а кто вы? – спросил больной.

– Я – священник. Ваша дочь пригласила меня помолиться с вами о здоровье. Когда я увидел пустой стул рядом с вашей кроватью, предположил, что вы знали о том, что я приду навестить вас.

– Ах, да, стул, – протянул больной мужчина. – Вам не тяжело будет закрыть дверь?

Немного удивленный просьбой, священник закрыл дверь, а больной начал объяснять:

– Я никому никогда об этом не рассказывал, но всю свою жизнь я прожил, не зная, как молиться. Когда я ходил в церковь, то слышал, что там говорили, что всегда надо молиться, что молитвы много дают, приносят в жизнь много хорошего. Но все молитвы заходили мне в одно ухо и выходили из другого. У меня не получалось их запомнить. С тех пор, а прошло уже очень много времени, я перестал молиться. И только четыре года тому назад, когда я беседовал с одним своим хорошим другом, он посоветовал мне:

– Дорогой! Молитва – это просто разговор с Богом. Попробуй, сядь на один стул, рядом со своим поставь другой, а потом, с верой, смотри на стул рядом и представляй, что на нем сидит Иисус Христос. В этом нет ничего безумного, ведь он сказал: «Я буду всегда с вами». А потом говори с ним, рассказывай ему обо всем и слушай, как ты слушаешь меня сейчас. Я попробовал, и мне так понравилось, что я ежедневно по два часа стал проделывать это. Всегда аккуратно, чтобы не видела моя дочка... потому что сразу отправит меня в дом для умалишенных.

Священник находился под сильным эмоциональным впечатлением от рассказа больного, и сказал, что то, что он делает – очень хорошо, и чтобы он не переставал вести такие беседы с Богом. Потом помолился над больным, благословил и ушел в свой приход.

Через несколько дней после этого случая дочь больного, которая приглашала священника помолиться, подошла к нему и сказала, что ее отец умер. Священник спросил:

– Он ушел с миром?

– Да, думаю, что так, – ответила девушка. – Было два часа дня, когда я собиралась за покупками. Он позвал меня, я подошла к его кровати. Он сказал, что очень сильно любит меня и поцеловал. А когда я через час вернулась из магазина домой, то нашла его бездыханным. Но есть что-то непонятное, странное в его смерти. Перед тем как умереть, он, по-видимому, собрал все свои силы, оторвался от подушек и подвинулся к стулу, который стоял рядом с его кроватью, и положил на него голову. Именно так я его и нашла. Как вы думаете, что бы это могло означать?

Священник утер слезы и ответил:

– Дай Бог каждому так уйти.

Стул не был пустым.

Страшный дефект

Много лет тому назад в Ирландии жил один король. В те времена Ирландия была разделена на множество маленьких королевств. Так что, этот король и его королевство были незаметными до того дня, пока король не унаследовал от одного родственника огромный бриллиант. Это был самый большой в мире бриллиант. Каждый, кому удавалось увидеть его, непременно открывал от удивления рот. На короля сразу обратили внимание другие короли, потому что он стал владельцем уникальной драгоценности. Король поместил бриллиант в большую стеклянную шкатулку и выставил на обозрение во дворце, чтобы каждый подданный или гость королевства мог насладиться видом камня. Конечно же, бриллиант круглосуточно охранялся вооруженными солдатами.

С этих пор и король, и его королевство стали процветать. Король приписывал это везение появлению бриллианта и очень дорожил им.

Как-то раз начальник охраны прибежал, дрожа от страха, к королю. Он доставил ужасную новость: на бриллианте появился страшный дефект. Речь шла о трещине, образовавшейся как раз по середине камня. Король ужаснулся и опрометью бросился в зал, где был выставлен бриллиант, воочию убедиться в произошедшей трагедии. Это было правдой. На одной из граней бриллианта красовалась трещинка, дефект, отлично видимый с расстояния.

Король в срочном порядке собрал всех ювелиров королевства, чтобы они высказали свое мнение и решили проблему. Вердикт ювелиров его сильно огорчил. Он заверили его в том, что дефект драгоценности настолько глубок, что его невозможно заделать, так что бриллиант уже потерял свою былую ценность. Единственно возможным, по их словам, это было разделить его пополам и получить два камня. Да и то с риском, что он может расколоться в процессе резки на тысячи мелких фрагментов.

Пока король мучительно раздумывал, делить или не делить камень, во дворец с большим опозданием прибыл еще один ювелир королевства. Он был очень старым. Ювелир приблизился к королю и попросил разрешения высказаться. Король кивнул.

– Если Ваше Высочество даст мне неделю поработать над камнем, возможно, мне удастся спасти его.

Вначале король даже не обратил внимания на его слова, ведь столько других ювелиров говорили о невозможности реставрации камня. Но потом вдруг согласился, с условием, что бриллиант не должен покидать стен дворца. Ювелир счел разумным это условие. К дверям комнаты, где он стал трудиться, приставили охрану, и все с нетерпением ожидали, и прислушивались к постукиванию, исходившему оттуда.

Король размышлял над тем, что сделает с ювелиром, если тот обманет его ожидания и не справится с работой.

Неделя подошла к концу, старик вышел из своей комнаты. Король и его приближенные,

напротив, бросились в комнату, увидеть, чем увенчалась таинственная работа ювелира.

У короля на глазах выступили слезы от счастья, когда он рассмотрел свой камень. Его бриллиант превратился во что-то несравненное, более прекрасное и дорогое, нежели раньше. Старик выгравировал на дефектной грани бриллианта бесподобную по красоте и утонченности розу, а трещинка превратилась в ее гибкий стебель.

Так любой дефект в себе мы можем превратить в уникальное, несравнимое и прекрасное отличие.

Обвинение в похищении

У одних родителей росли двое очень подвижных шаловливых детей, которые не давали им ни минуты покоя. Это были брат и сестра. Мальчику было 10 лет, девочке – 8. Родители имели большие затруднения в контроле над своими детьми, они уже выбились из сил и решили обратиться за помощью к своему духовному отцу. Священник выразил готовность побеседовать с детьми. Договорились о встрече, первым пошел на собеседование мальчик, как старший. Родители привезли его в дом к священнику и оставили. Когда мальчик вошел в комнату, он увидел священника сидящим за своим письменным столом. Он смотрел на мальчика цепким, пронзающим, строгим взглядом.

Священник сказал мальчику сесть на стул, стоящий прямо напротив него. И мальчик послушался. Потом очень авторитарным тоном он спросил: «Где Господь?»

Тишина повисла в комнате после этого вопроса. Мальчик ничего не ответил. Священник повторил свой вопрос: «Где Господь?» Тишина заполнила все пространство комнаты. Мальчик молчал. Когда священник в третий раз повторил свой вопрос, мальчик не выдержал, подхватился со стула и выбежал из дома. Он бежал без остановки до тех пор, пока не добежал до своего дома. Первым делом он бросился в комнату сестры. С очень большой тревогой в голосе он сообщил ей: «У нас проблемы!» Она спросила: «Что случилось?» Брат ответил: «Похоже, Бог потерялся и они думают, что мы замешаны, и хотят на нас свалить всю вину!»

Сладкая правда

Всякий раз, когда ваши дети не слушаются и выходят из-под вашего контроля, можете утешить себя тем, что даже Господь Бог не мог справиться с собственными творениями.

Сразу после создания неба и земли Господь Бог создал Адама и Еву, и его первыми словами к ним были: «Не делай этого!»

– Не делай чего? – спросил Адам.

– Не ешь запретный плод.

– Запретный плод? У нас что, есть запретный плод? Эй, Ева! У нас есть запретный плод!

– Ни в коем случае!

– Во всех случаях!

– НЕ ешь плод! – сказал Господь Бог.

– Почему?

– Потому, что я – твой отец, и говорю, что НЕТ, – ответил Бог, задавая себе вопрос, почему он не остановил процесс творения после того, как создал слонов...

Буквально несколько минут спустя Бог увидел, что его создания едят яблоко...

– Я вам сказал, чтобы вы не ели яблоко?

– Ага, – ответил Адам.

– Так зачем же вы это сделали?

– Не знаю, – сказала Ева.

– Это она начала, – зачастил Адам.

– Это не я! – отрицала Ева.

– Да, ты, ты первая начала!

– Нет не я!

Устав от обоих, Бог наказал Адама и Еву тем, что у них появились свои собственные дети. С тех пор ни родительская, ни детская пластинки ни разу не менялись. Но кое-что можно извлечь из этой истории. Если ты с терпением и любовью старался передать детям свой опыт и мудрость, а они не взяли, то не суди себя из-за этого слишком строго. Если у Господа Бога были проблемы, когда он растил своих детей... Почему ты решил, что это будет легко для тебя?

Что предназначено для тебя, предназначено для тебя

Как-то раз в ворота одного мужского монастыря постучались. Брат Макарий, в чьи ежедневные обязанности входило стоять на воротах, отворил их и увидел знакомого крестьянина, который обрабатывал землю неподалеку от монастыря. Крестьянин протянул ему огромную гроздь крупного спелого винограда со словами: «Брат, дарю тебе эту гроздь винограда, как благодарность за то, что ты всегда с большим вниманием и добротой относишься ко мне всякий раз, когда я прихожу в монастырь».

Брат Макарий, недолго думая, с радостью принял подарок, поблагодарил и сказал, что будет тянуть время и есть понемногу, чтобы растянуть это удовольствие.

Как только крестьянин ушел, Макарий подумал, что надо бы спрятать гроздь, чтобы потом съесть одному, не говоря ничего другим, в конце концов, это подарили лично ему. Он бережно промыл гроздь и повесил обсушиться на гвоздь, вбитый в ворота, поглядывая на светящийся виноград с радостью и предвкушением огромного удовольствия, которое его ожидало.

Но у брата Макария совесть не спала, и она заставила его подумать об одном заболевшем брате, который лежал в части монастыря, отведенной под больницу, и ничего не хотел есть. «Отнесу-ка я эту гроздь больному брату, она ему поможет окрепнуть и даст сил, чтобы выздороветь». И с этими мыслями он снял с гвоздя огромную красивую гроздь и направился в больничную часть монастыря.

Больной, увидав небывало большой размер виноградной грозди, от удивления широко открыл глаза. А брат Макарий в это время обратился к нему с такими словами:

– Брат Митрофан, мне подарили эту удивительно прекрасную гроздь винограда, но я, подумав о твоей болезни и вспомнив, что ты ничего не хочешь есть, решил, что может быть этот виноград откроет тебе аппетит.

Брат Митрофан от всего сердца поблагодарил брата Макария и сказал, что если ему придется умереть от своей болезни, то он и на небесах вместе с Господом Богом будет помнить о его доброте.

Брат Макарий нашел выступ у изголовья на спинке кровати, на который подвесил гроздь, чтобы больной мог срывать виноградины, когда ему захочется. Затем он удалился на свой пост, к воротам, радуясь тому доброму поступку, который совершил.

Больной с большим трудом снял гроздь и уже хотел оторвать первую виноградину, как в голову ему пришла мысль о брате Илье, который денно и ночно ухаживал за ним с такой любовью и заботой. И он решил не есть виноград, а сделать доброе дело и отблагодарить медбрата. Он позвал его, и на его зов, думая, что больному нехорошо, немедленно явился брат Илья.

– Дорогой брат, – обратился Митрофан к медбрату. – Брат Макарий принес мне эту прекрасную гроздь винограда в надежде, что она поспособствует моему выздоровлению. Но мой желудок пока не просит пищи, и я боюсь есть виноград, а вдруг мне от него станет хуже? Поэтому я хочу, чтобы его съел ты, который так хорошо относишься ко мне.

Брат Илья настаивал, чтобы больной попробовал съесть виноград, но чем больше он настаивал, тем решительнее больной отказывался это сделать. Наконец медбрат устал и решил съесть виноград у себя в келье, в который раз поблагодарив за подарок своего

подопечного. Пока он нес роскошную гроздь в свою келью, ему подумалось, что лучше было бы подарить этот виноград брату повару, который очень сильно старался из того малого, что было в монастыре и пожертвований прихожан, приготовить повкуснее, особенно для больных братьев. Спустившись вниз на кухню, Илья подошел к повару брату Вениамину, отвернул край своей рясы и показал огромную гроздь винограда со словами: «Посмотри, что мне подарили. Но я дарю тебе, чтобы ты вкусил этот виноград, такой прекрасный, как прекрасно твое сердце». Брат Вениамин, в свою очередь, решил, что лучше подарить гроздь настоятелю монастыря, ведь он несет за них всех такую ответственность.

Так виноградная гроздь обошла всю монастырскую братию, брат за братом, пока не очутилась вновь в руках брата Макария, ответственного за монастырские ворота. Удивленный и обескураженный Макарий решил больше не пускать по кругу виноградную гроздь, а съел ее с превеликим удовольствием: такого вкусного винограда он не ел ни разу в жизни.

Кто ты, девочка?

Эйнштейн очень быстро концентрировался на своих мыслях и поэтому, как и многие другие гении, слыл чудаковатым. Один раз в трамвае на сиденье рядом с ним села девочка. Альберт Эйнштейн живо заинтересовался ребенком, спросил, сколько ей лет и как ее зовут.

– Меня зовут Клара, папа, – ответила девочка.

Случайностей не бывает

В город одной европейской страны прибыл молодой священник, назначенный вновь открыть одну бездействующую церковь. Он с большим энтузиазмом собирался взяться за дело, но, когда прибыл на место и увидел, в каком состоянии находится церковь, у него чуть не опустились руки. Стоял октябрь, и батюшка решил сделать все возможное, чтобы открыть церковь к Рождеству Христову. Он трудился без отдыха: заделывал дыры в стенах, штукатурил, красил, починял... Рождество приближалось, и буквально за несколько дней до его прихода на город обрушилась гроза со снегом и дождем, которая два дня не давала людям выйти на улицу. Когда священник пришел на третьи сутки в церковь, то увидел, что вода, просочившаяся через купол, проникла в стену и образовала в ней дыру на уровне головы прямо за алтарем. Священник прибрал на полу и, удрученный, пошел домой с мыслями перенести начало богослужения на другую дату. По дороге он обратил внимание на маленький магазин с прилавками на улице, типа блошиного рынка, который открылся, по-видимому, только сегодня. Его взгляд привлекла скатерть цвета слоновой кости, вышитая вручную красивыми цветами с большим крестом посередине. Она идеально подходила по размеру, чтобы закрыть дыру в стене. Батюшка сразу же купил скатерть и повернул назад к церкви.

Начал падать снег. Одна пожилая женщина торопливо пересекла дорогу перед ним в надежде сесть в отходящий автобус, но так и не успела. Священник пригласил ее зайти в церковь и подождать следующего, который должен был прийти только через 45 минут: в церкви было отопление и лучше было обождать внутри. Пожилая женщина вошла в церковь и присела. Священник в это время находился в поисках крючков, лестницы и прочего, чтобы повесить скатерть на месте, где зияла дыра. Наконец, скатерть была подвешена, и настоятель церкви возрадовался тому, как пришлась она к месту. Скатерть выглядела, как дорогой ковер, и закрывала все дефекты стены. Тогда он увидел, как женщина, как зачарованная, приближается по проходу и смотрит, не отводя глаз, на скатерть. Ее лицо стало бледным, как лист бумаги.

– Отче, откуда у вас эта скатерть? – спросила женщина.

Священник рассказал. Женщина попросила отвернуть нижний угол и проверить, нет ли на обратной стороне инициалов ЕВГ. Да, действительно, такие инициалы там были. Это были инициалы самой пожилой женщины, а эту скатерть она вышила тридцать пять лет тому

назад, когда была в Австрии. Женщина с трудом поверила в то, как попала эта скатерть в руки к батюшке. Она объяснила, что до начала Второй мировой войны они с мужем жили в Австрии и у них было очень хорошее экономическое положение. Когда к власти пришли нацисты, они вынудили их уехать. Жена уехала первой, а муж должен был выехать за ней вслед спустя неделю. По дороге ее арестовали и посадили в концентрационный лагерь. С тех пор она не видела своего мужа и не знает, что произошло с их домом и с ним самим. Скорее всего, расстреляли.

Священник довез женщину на машине до ее дома и захотел подарить скатерть, вышитую ею в молодости, но женщина наотрез отказалась, сказав, что счастлива, что ее работа будет находиться в церкви. И, поблагодарив от души священника за все, поднялась к себе в квартиру на третьем этаже.

Первое служение после возрождения церкви на Рождество прошло великолепно. Церковь была почти полной. Ощущение присутствия Святого Духа и церковное пение наполняли ее невероятной благодатью. В конце богослужения священник прощался с прихожанами у двери. Многие говорили, что обязательно вернуться. Один пожилой мужчина, в котором священник признал соседа по району, оставался сидеть и пристально вглядывался вперед перед собой. Священник спросил, почему тот не уходит. Мужчина спросил, откуда у священника эта скатерть, которая висит за алтарем, потому что она идентична той, которую собственноручно вышила его жена много лет тому назад в Австрии до начала войны, и как вообще могут существовать две вещи, неотличимо похожие друг на друга. Он рассказал священнику, как пришли нацисты, и он вынудил жену уехать первой из страны для ее же безопасности, и как он собирался последовать за ней, но его арестовали и отправили в концентрационный лагерь. И с тех пор он вот уже тридцать пять лет, как не видел ни ее, ни своего дома.

Священник спросил мужчину, не согласится ли он прогуляться вместе с ним недалеко. Он поймал машину и отвез пожилого мужчину к дому, где высадил три дня тому назад пожилую женщину. Затем помог пожилому человеку подняться на третий этаж и позвонил в дверь, предчувствуя самое красивое Рождество в его жизни, которое он только мог себе представить.

Все возвращается на круги своя

Как-то царь собрал всех своих визирей побеседовать. Перед ним собрались лучшие люди царства. А у царя, как у любого другого монарха, бывали свои причуды. Он мог выкинуть такое... И, конечно, царя не упрекнешь и не спросишь, зачем.

Неожиданно царь ударил человека, стоящего рядом. Им оказался первый визирь, самый умный человек при дворе. Он подождал несколько секунд, наверное, соображая, что же с этим делать, но, делать что-нибудь было нужно! И вот первый визирь развернулся и дал пощечину человеку, стоящему рядом с ним. Им оказался второй визирь.

Второй визирь опешил, а потом, недолго думая, влепил по уху следующему... Говорят, что эта пощечина обошла всю столицу. А ночью царя внезапно ударила его собственная любимая жена. Он спросил:

– Что ты делаешь?

А она ответила:

– Я не знаю, в чем дело, но это происходит по всей столице. Сегодня меня ударила твоя старшая жена. Но она старше меня, поэтому я не могла ответить ей тем же. А, кроме тебя, мне некого ударить.

– Надо же, – задумчиво произнес царь. – Моя собственная пощечина вернулась ко мне.

Кто ищет другое решение

Однажды правитель решил подвергнуть испытанию всех своих придворных, чтобы

узнать, кто из них способен занять важный государственный пост. Толпа сильных и мудрых мужей обступила его.

– Подданные мои, – обратился к ним правитель. – У меня есть для вас очень трудная задача, и я хотел бы знать, кто сможет решить ее.

Он подвел присутствующих к воротам с висящим на них громадным дверным замком, таких размеров замка еще никто никогда не видывал.

– Это самый большой и самый тяжелый замок, который когда-либо был в моем королевстве. Кто из вас сможет открыть его? – спросил правитель.

Одни только покачали головой. Другие стали разглядывать замок, однако вскоре признались, что не смогут открыть его. Третьи подумали, что раз не удалось другим, то и им ничего не остается, как тоже признаться, что эта задача им не по плечу.

Лишь один из оставшихся подошел к замку. Он стал внимательно его рассматривать и ощупывать, затем пытался различными способами сдвинуть с места и, наконец, одним рывком дернул его.

И, о чудо, замок открылся! Он был просто не полностью защелкнут. Надо было только попытаться понять, в чем дело, и смело действовать.

Тогда правитель объявил:

– Ты получишь место при дворе, потому что полагаешься не только на то, что видишь и слышишь, но и на собственные силы, и не боишься сделать попытку.

Мама

Старинная легенда гласит, что один ребенок, который вот-вот должен был родиться, спросил у Бога:

– Мне говорили, что ты будешь отправлять меня на Землю, но как жить такому маленькому и незащищенному, как я?

Бог отвечал:

– Среди множества ангелов я выбрал одного для тебя, и он тебя ждет и будет тебя оберегать.

– Но скажи мне, здесь на небе я не делаю ничего, только пою и смеюсь, и этого достаточно, чтобы быть счастливым, – продолжал беспокоиться ребенок о своем будущем.

– Твой ангел тебе понравится. Он будет улыбаться тебе каждый день, и ты почувствуешь его любовь и станешь счастливым.

– И как мне понять, что говорят люди, если я совсем не знаю и не понимаю их странного языка? – не отставал малыш.

– Твой ангел будет говорить тебе самые сладкие и самые нежные слова, какие можно услышать, и с большим терпением и любовью научит тебя говорить.

– И что мне делать, если я захочу поговорить с тобой?

– Твой ангел сложит твои ручки вместе и научит молиться.

– Я слышал, что на Земле есть плохие люди. Кто меня защитит?

– Твой ангел защитит тебя даже ценой своей собственной жизни.

– Но я буду всегда грустить, потому что не увижу больше тебя, Господь.

– Твой ангел будет тебе говорить обо мне и покажет тебе путь, по которому ты вернешься к моему присутствию, хотя я буду всегда рядом.

В это мгновение огромная тишина и спокойствие заполняли все небо, но уже начали слышаться земные голоса. И ребенок в торопливом волнении спросил:

– Господи, Боже мой, если я уже ухожу, то скажи мне хотя бы его имя! Как зовут моего ангела?

И Господь ответил:

– Не важно, как его зовут. Ты будешь говорить ему «мама».

Друг детства

Жили двое соседей. Первый купил кролика своим детям. Дети другого соседа попросили, чтобы и им купили какое-то домашнее животное. Отец купил им щенка немецкой овчарки.

Тогда первый сказал второму:

– Но он же съест моего кролика!

– Никак нет, подумай, моя овчарка – щенок! Они будут расти вместе, станут друзьями. Проблем не будет.

И похоже было на то, что хозяин собаки оказался прав. Они выросли вместе и стали друзьями. Было нормой видеть кролика во дворе у собаки и наоборот. Дети были счастливы.

Как-то раз хозяин кролика со своей семьей уехали на выходные, а кролик остался один. Была пятница. В воскресенье вечером хозяин собаки со своей семьей пили чай на веранде, когда вошел их огромный пес. В своих зубах он держал кролика: помятого, грязного от крови и земли и, что ужаснее всего, мертвого. Хозяева накинулись на своего пса и чуть не прибили собаку.

– Сосед был прав. А что теперь? Нам только этого не хватало. Через несколько часов они вернутся. Что делать?

Все переглядывались между собой. Бедный пес скулил и плакал, зализывая раны.

– Вы себе представляете, что будет с их детьми?

Кто-то из детей подал идею:

– Давайте его выкупаем хорошенько, посушим феном и положим в его домик во дворе.

Так как кролик не был порван, так и сделали. Даже побрызгали духами. «Вышло красиво, он, как живой», – говорили дети. Кролика положили в его домик, уложили голову на лапки, казалось, он спит. И тут же услышали, что соседи возвращаются. Хозяева собаки бросились в свой дом и закрыли двери. Через несколько минут они услышали детские крики. Нашли! Еще через пару минут к ним постучали. На пороге стоял бледный и испуганный хозяин кролика. Казалось, он встретил привидение.

– Что случилось? Что с тобой? – спросил хозяин собаки.

– Кролик... кролик...

– Умер? А сегодня днем он казался таким бодрым!

– Он умер в пятницу!

– В пятницу?

– До того как мы уехали, дети похоронили его в конце сада! А теперь он опять лежит в своем домике!

Никто не знает, чем закончилась эта история. Как соседи поладили и объяснились между собой. Но можно представить, что пес, с пятницы искавший своего исчезнувшего друга детства, наконец, нашел его и откопал, чтобы спасти. И понес своим хозяевам, чтобы те помогли.

Но человек привык судить заранее, без проверки того, что же произошло на самом деле, будучи полностью уверен в своей правоте.

У нищих и попрошайек не беру

Король пошел однажды в лес и там встретил отшельника. Он говорил со старцем, был поражен его праведностью и мудростью и выразил желание, чтобы тот сделал ему одолжение, приняв от него подарок. Отшельник отказался, сказав:

– Плодов этого леса достаточно, чтобы прокормиться; чистые источники, сбегаящие с гор, дают мне воду для питья; кора деревьев дарит мне покров; горные пещеры служат убежищем от непогоды, – зачем же я стану брать подарки от тебя или от кого бы то ни было?

Король отвечал:

– Просто, чтобы доставить мне удовольствие. Пожалуйста, пойдем со мною в город, в мой дворец, и возьмишь у меня что-нибудь.

Он убеждал его долго, горячо и искренне, и, наконец, отшельник согласился исполнить его желание и пошел с ним в его дворец.

Прежде чем предложить подарок старцу, правитель начал молиться:

– Господи, дай мне еще детей, дай мне еще богатства; Господи, дай еще территории; Господи, сохрани мое тело в добром здравии...

Прежде чем король окончил свою молитву, отшельник встал и спокойно ушел из дворца. Видя это, тот смутился и погнался за ним, громко крича:

– Ты уходишь, не взяв моих подарков?

Отшельник обернулся и сказал:

– Я не беру у попрошаек. Ты сам – нищий; как же ты можешь мне что-нибудь дать?

Искатель кладов

Один профессиональный искатель кладов, моряк, посвятивший свою жизнь путешествиям в поисках сокровищ по старым картам, легендам о пиратах и неизвестным маршрутам, потративший на это все свои силы и деньги, но так никогда и не нашедший чего-либо, достойного называться сокровищем, наконец состарился. А состарившись, осел в своем простом домике на берегу моря, в маленьком рыбацком поселке, где он родился и куда возвращался отдыхать в промежутках между своими путешествиями. Он еще мечтал о том, как бы зажил, если бы нашел клад. Но понимал, что это только мечты. В ночь, когда он умер, море поднялось, чтобы обнять его в последний раз. Да так высоко, что залило водой расположенное недалеко от берега местное кладбище до самых крестов.

Находясь в чрезвычайной ситуации, соседи и друзья кладоискателя решили похоронить его во дворе его же дома. Когда они копали могилу, наткнулись на что-то твердое. Камень? Нет, это был сундук. Когда они подняли и раскрыли его, то увидели, что он был полон золотыми монетами. Целая фортуна во дворе у искателя кладов, который обрыскал все моря в поисках такого и никогда не пробовал поискать у себя под ногами.

Так и в жизни, мы никогда не видим сокровищ, которые находятся рядом с нами.

Бабочка

Как-то раз куколка бабочки попала в руки к человеку. Он взял ее и рассматривал в течение нескольких часов, видя, как она изо всех сил старается вытиснуть свое тело из маленькой дырочки в коконе. Время шло, она все пыталась, но прогресса никакого не было видно. Казалось, что она совсем выбилась из сил и больше не может... Тогда человек решил помочь бабочке. Он взял ножницы и разрезал кокон до конца. Бабочка легко вышла из него, но ее тело было несколько атрофированным, маленьким, а крылья сложенными и сдавленными. Человек продолжал наблюдать за ней, он ожидал, что в любой момент она раскроет крылья и полетит.

Но этого не произошло. До конца своих дней бабочка осталась с деформированным телом и склеенными крыльями. Она никогда не смогла расправить крылья и полететь.

Человек не знал, что жесткий кокон и невероятные усилия, прикладываемые бабочкой для выхода из небольшого отверстия, были необходимы, чтобы тело приняло правильную форму, и чтобы через крепкое тело в крылья вошли силы, и она была готова лететь сразу, как освободится от кокона.

Всему свое время. Не помогай, если не умеешь или не просят. Не вмешивайся в природу вещей, которые ты не создавал. Иначе твоими благими намерениями может быть вымощена чья-то дорога в...

Надеяться и бездействовать

Была весна. Река вышла из своих берегов и стала подбираться к поселку. Скорости ее

разлива способствовал непрекращающийся ливень. Милиционеры ходили от дома к дому, предупреждали и эвакуировали в срочном порядке людей. Один глубоко верующий мужчина отказался покинуть свой дом.

– Господь спасет меня, – уверенно сказал он.

Вода затопила его подворье и быстро подошла к двери дома. Река продолжала подниматься. По улицам плавали уже лодки. Одна из них, со спасателями, приблизилась к его дому, и через громкоговоритель его призвали покинуть дом:

– Мы эвакуируем всю зону, пожалуйста, проследуйте к нам, мы вывезем вас на землю.

– Нет, – отказался мужчина, – Бог спасет меня!

Так как другие люди тоже нуждались в помощи, спасатели направились в другие пункты, а вода продолжала подниматься.

Мужчина был вынужден взобраться на крышу собственного дома. Вода уже начинала лизать его туфли, когда над ним завис вертолет. Это был военный вертолет, направленный властями на спасение терпящих бедствие. Ему спустили веревку и крикнули:

– Хватайтесь за веревку!

Мужчина отказался:

– Бог позаботится обо мне! Он меня спасет!

В конце концов, вода поднялась еще выше и смыла мужчину. Он утонул. Так как он был глубоко верующим, то сразу предстал перед Самим.

– Я доверял тебе, а ты меня не спас! Что произошло? – спросил мужчина.

Бог ответил:

– Первый раз я послал тебе машину с милицией, во второй раз – спасателей с лодками, в третий – военных с вертолетом. Чего ты еще хотел?

Эта байка напоминает о том, что верить и надеяться хорошо, но при этом не надо забывать действовать.

Благодаря маленькой скале

После кораблекрушения в живых остался всего один моряк. Ему удалось зацепиться и взобраться на одну маленькую скалу, практически выступ посреди океана. И там, среди безумного шторма, ему пришлось находиться много часов. Его нашли и спасли. И один друг спросил:

– Ты там не трясся от страха, дружище?

– Да, – ответил моряк, – Я здорово дрожал, но скала – нет!.. И это меня спасло.

Разбитый враг

Как-то китайскому императору донесли, что в одной из его провинций бунт. Он созвал всех министров и военачальников и сказал: «Все за мной! Я быстро разобью своих врагов!» Когда император и его войско добрались до бунтовщиков, он обратился к последним участливо и дружелюбно, побеседовал с ними, поинтересовался, в чем дело, и все они опять перешли на его сторону, удивленные его добротой.

Все, кто сопровождал императора, были уверены, что он тотчас отдаст приказ казнить всех повстанцев, и были обескуражены мягким, теплым и человеческим поведением своего повелителя по отношению к врагам. Премьер-министр, как и все, ожидавший мести, спросил у императора: «Вот так вы выполняете свое обещание? Вы сказали, что мы едем разбить врага. Вы, напротив, всех простили, а с некоторыми даже милостиво разговаривали».

«Я пообещал разбить всех своих врагов и выполнил обещание, – сказал император. – И вы все видите, что у меня здесь не осталось врагов, все стали моими друзьями. Разбить врага – не всегда значит уничтожить физически. Большая мудрость превратить врага в друга».

О женщинах

Монахи, хоть и не общались с женщинами, но говорить о них не возбранялось, как о части творения. И вот, какие суждения высказывали они:

«Добродетельные женщины безутешны по поводу ошибок, которых они не совершали».

«Годы, на которые женщина убавляет свой возраст, не пропадают, потому что она прибавляет их к возрасту других».

«Женщина говорит с одним мужчиной, смотрит на другого, а думает о третьем».

* * *

Один старец сказал: «Безмолвие – одно из самых драгоценных украшений женщины. Вот почему она так редко выставляет его напоказ».

* * *

Один монах сказал:

– Женщина есть существо поверхностное.

– Это так, – ответил другой, – но нет ничего более бездонного, чем поверхностность женщины.

* * *

Один молодой человек увидел как-то плачущую у колодца женщину. Он поспешил рассказать об этом старцу, но тот предостерег его:

– Когда у женщины глаза покрыты слезами, видеть ясно перестает мужчина.

* * *

– Отче, – спросил один молодой монах, – почему Церковь называет святым пребывание в браке?

– Потому что в нем насчитывается немало мучеников! – отвечал с улыбкой старец.

Наслаждайтесь своим кофе

Как-то раз группа бывших товарищей по учебе, а ныне высококлассных профессионалов, успешных, уважаемых и богатых людей, собралась провести своего старого любимого профессора. Они пришли к нему в дом, и очень скоро разговор зашел о не прекращающихся стрессах, которые провоцирует их работа, и этот современный мир, и вообще жизнь в целом.

Профессор предложил всем своим ученикам кофе, и, получив согласие, удалился на кухню. Вернулся он с большим кофейником, рядом с которым на подносе красовались на удивление разные кофейные чашки. Чашки были разноцветными, разнокалиберными и разной стоимости. Среди этой компании были и дорогие фарфоровые, и обычные керамические, и просто глиняные, и стеклянные, и пластиковые. Они отличались по форме, декору, удобству ручек... Профессор устроил кофейник посреди стола и предложил, чтобы каждый выбрал себе понравившуюся ему чашку и наполнил ее только что сваренным, ароматным кофе. Когда чашки были разобраны и кофе налит, профессор немного прокашлялся и тихо, с невероятной теплотой и доброжелательностью обратился к своим гостям:

– Вы обратили внимание, что самые красивые и дорогие чашки разошлись в первую очередь? А остались самые простые и дешевые? Это нормально, так как каждый хочет для себя лучшего. На самом деле это является, в большинстве случаев, причиной стрессов, о которых вы говорили. Продолжу: чашка не прибавила вкуса или качества кофе. Чашка только маскирует или скрывает то, что мы пьем. То, чего вы хотели, был кофе, не чашка, но инстинктивно вы искали чашку получше. Жизнь – это кофе. Работа, деньги, социальное положение – это просто чашки, которые придают форму и укрывают в чем-то жизнь. И тип чашки, которую мы имеем, не определяет и не изменяет качество той жизни, которую мы ведем. Напротив, если мы концентрируемся только на чашке, перестаем наслаждаться кофе.

Наслаждайтесь своим кофе! Самые счастливые люди не те, кто имеет самое лучшее, а те, кто делает самое лучшее с тем, что имеет. Помните.

Яблоня

Один мальчик очень любил раскидистую яблоню в саду своих родителей. Все дни он играл под ней, ел ее плоды, наигравшись, засыпал под ее тенью. Яблоня тоже очень любила малыша.

Прошло время, ребенок подрос и перестал играть под яблоней. Как-то раз он случайно подошел к дереву и услышал голос, исполненный надежды:

– Ты пришел поиграть со мной?

Мальчик ответил:

– Я уже не тот малыш, который раньше играл с тобой. Сейчас я хочу настоящие игрушки, и мне нужны деньги, чтобы купить их.

– Жаль, – сказала яблоня, – что у меня нет денег, но возьми все мои яблоки и продай их, так ты сможешь купить себе игрушки.

Мальчик собрал яблоки, выручил денег, накупил игрушек и почувствовал себя счастливым. Дерево тоже почувствовало себя счастливым, хотя мальчик и не вернулся к нему.

Через какое-то время мальчик вернулся – теперь он был взрослым юношей. Яблоня снова спросила:

– Ты пришел поиграть со мной?

– У меня нет времени для игр, я должен работать для своей семьи, мне нужен дом для моей жены и детей. Можешь помочь мне?

– Жаль, – ответило дерево, – что у меня нет дома, но ты можешь обрезать мои ветви и построить себе дом.

Юноша отпил все ветви у яблони, выстроил дом и почувствовал себя счастливым. К яблоне после этого он не вернулся.

Одним жарким летним днем он появился снова. Дерево очень обрадовалось:

– Ты пришел поиграть со мной?

– Я печален, я чувствую, что старею. Мир так велик – а я ничего не видел, кроме своего дома; мне хотелось бы попутешествовать, но мне не на что и не на чем...

– Жаль, – сказала яблоня, – что у меня нет лодки. Возьми мой ствол и смастери ее себе, так ты сможешь посмотреть мир и почувствовать себя счастливым.

Мужчина срубил ствол, сделал себе лодку и уплыл в далекие края. Долгое время он находился в плавании. Через много лет он вернулся к дереву, и яблоня сказала ему:

– Мне очень жаль, но мне уже нечего дать тебе, у меня нет ни одного яблочка.

Старик ответил ей:

– У меня нет зубов, чтобы раскусить его, и сил, чтобы разжевать, я уже стар.

Тогда яблоня сказала сквозь слезы:

– Единственное, что у меня осталось, это мои мертвые корни.

И старик сказал:

– Мне сейчас многого не надо, только место, где можно было бы отдохнуть. Я устал за столько лет.

– Хорошо, – сказала яблоня, – старый пенек и раскидистые корни – это лучшее место, где можно отдохнуть. Сядь и набирайся сил.

Мужчина сел, прислонившись к пню, и у счастливой яблони покатались слезы.

Это история каждого из нас. Дерево – это наши родители. Детьми мы очень любим их и играем с ними. Когда вырастаем, оставляем их одних. Возвращаемся к ним, когда нуждаемся в их помощи и когда у нас проблемы. Не важно, что и как, они всегда готовы принять нас и отдать все, что можно, чтобы сделать нас счастливыми.

Вы можете подумать, что ребенок был жесток с деревом, но разве мы сами порою не

так же относимся к своим родителям?

Пример настойчивости

Одного мужчину преследовали неудачи в бизнесе, и он обанкротился в 1831 году. На выборах 1835 года он не прошел в кандидаты. Его невеста умерла в 1835 году. В 1836-м он пережил нервный срыв, был побежден на выборах, так же как и на выборах в парламент 1843, 1846, 1848 и 1855 годов. Его надежды стать вице-президентом не оправдались в 1856 году, а в 1858-м он проиграл выборы в сенат.

Этого мужчину звали Авраам Линкольн, и в 1860 году он был избран президентом Соединенных Штатов Америки.

Проигрывает тот, кто прекращает стараться. Для проигравшего жизнь становится кладбищем неиспользованных возможностей. Сильный человек использует все.

Сто дней бедняка

Одна прекрасная принцесса искала себе жениха. Доблестные и богатые претенденты съезжались со всех сторон с великолепными подарками в надежде завоевать внимание принцессы. Кто-то приносил в дар украшения, драгоценности, золото, кто-то дарил земли и армии воинов. Среди кандидатов был бедный юноша, у которого из богатств были только его любовь и настойчивость. Когда подошла его очередь говорить, он сказал:

– Принцесса! Я люблю тебя всю жизнь. Так как я беден и не имею богатств, чтобы бросить их к твоим ногам, я готов принести жертву в доказательство своей любви. Сто дней я просижу под твоим окном без еды и питья, кроме того, которое даст мне дождь, и в одежде, которая сейчас на мне. Это будет моим подарком.

Принцесса, тронутая словами юноши, решила согласиться:

– Я дам тебе шанс. Если выдержишь то, что пообещал, возьмешь меня в жены.

Так начался отсчет времени. Проходили часы, дни. Юноша сидел под дворцовым окном, выдерживая испытание солнцем, ветром, снегом, ледяными ночами, устремив взор на балкон своей любимой, исполняя обещанное. Иногда оконная занавесь приоткрывалась и на балконе показывалась принцесса.

Все шло хорошо, многие заключали пари, а некоторые оптимисты готовились к празднествам.

Когда наступил девяносто девятый день, жители царства вышли поддержать своего будущего правителя. Все радовались и плясали, но, когда оставался один час до истечения срока, юноша, под удивленными взглядами зрителей и принцессы, встал и без объяснений медленно удалился с места, где провел девяносто девять дней и двадцать три часа.

Спустя несколько дней пути его догнал один мальчуган и спросил у юноши:

– Что с тобой случилось? Ты же был в одном шаге до достижения цели! Почему ты потерял этот шанс, почему ушел?

Скрывая волнение и слезы, бедный юноша тихо ответил:

– Принцесса не сократила мне ни одного дня, даже ни одного часа страданий. Она смотрела, как я мучаюсь, и ничем не облегчила моего обета. Она не заслуживает моей любви.

Когда мы готовы предложить лучшее, что есть в нас самих, как доказательство своих чувств, не боясь осуждения, насмешек, трудностей, – мы заслуживаем хотя бы одобрения или поддержки. И стоит ли нашей любви тот, кто равнодушен к нам?

E-mail

Один мужчина потерял работу. Через несколько месяцев упорных поисков он узнал,

что в местном отделении Microsoft требуются уборщики, и предложил свою кандидатуру. Директор по персоналу провел с ним собеседование и поздравил, сказав: «Место за вами! Оставьте мне, пожалуйста, свой e-mail для того, чтобы я мог сообщить вам день и время, когда вы должны приступить к работе».

Мужчина, смутившись, ответил, что у него нет e-mail-а; на что директор расстроено произнес:

– Если у вас нет e-mail-а, виртуально вы не существуете и мы не можем дать вам работу.

Мужчина ушел расстроенный, в кармане у него оставалась только мелочь. Он немного подумал и пошел на оптовый овощной рынок и купил там 10 килограммов помидоров. И пошел от дома к дому, предлагая свой товар. Меньше чем за два часа он удвоил свои деньги. Он трижды повторил эту операцию, поужинал в маленьком ресторанчике и вернулся домой с теми же деньгами, с которыми начал свой торговый день.

Он понял, что так сможет выжить, и каждый день вставал все раньше и возвращался позднее. Так с помощью настойчивости и удачи он сумел купить маленький грузовичок, который поменял со временем на большой грузовик. Через три года у него был уже свой небольшой транспортный парк. Через пять лет он стал хозяином одной из главных дистрибьютерских фирм по продовольственным товарам.

Один раз он принимал у себя страхового агента и тот, по завершении беседы, попросил у предпринимателя его электронный адрес, чтобы переслать страховой договор. Хозяин ответил, что e-mail-а у него нет, и агент сказал:

– Если вы смогли возвести такую империю без своего представительства в Интернете, то я даже не могу себе представить, что бы было, если бы оно у вас было!

Бизнесмен ответил:

– Я был бы уборщиком в Microsoft.

Работающий на себя выигрывает всегда, нужно лишь немного удачи и море терпения и трудолюбия.

Суд

Одна средневековая легенда рассказывает о мужчине, которому спасла жизнь его находчивость. Он был взят под стражу и несправедливо обвинен в убийстве. Настоящий преступник был влиятельным человеком в обществе, и поэтому изначально требовалось найти «козла отпущения».

Мужчину привели в суд, и он сразу понял, что у него практически нет шансов избежать петли.

Судья, будучи лживым и подкупленным, собирался соблюсти видимость абсолютно справедливого процесса. Он, обратившись к публике и обвиняемому, произнес:

– Зная твою репутацию человека справедливого и достойного, я отдаю твою судьбу в руки Господа Бога. Вот смотри: я беру два клочка бумаги и пишу на одном «Виновен», а на другом «Невиновен». Ты выберешь один из них, и провидение решит твою судьбу.

Конечно же, судья приготовил две записки с одним и тем же вердиктом «Виновен». Жертва, еще не понимая происходящего, почувствовала: это ловушка. Когда судья предложил обвиняемому выбрать одну из двух записок, мужчина глубоко задышал и оставался несколько секунд в полном молчании с закрытыми глазами.

Когда в зале начали беспокоиться и зашумели, он открыл глаза, с улыбкой взял один из клочков бумаги, сунул в рот и быстро проглотил.

Обескураженные и расстроенные участники процесса возмутились:

– Что же ты наделал?! Как мы теперь узнаем вердикт?

– Это очень просто, – ответил мужчина. – Мы прочтем, что написано в оставшейся записке, и так узнаем, что было в той, которую я проглотил.

Судья был вынужден освободить обвиняемого.

Альберт Эйнштейн советовал: как бы сложно для нас ни складывалась ситуация, нельзя переставать искать выход, надо бороться до самого последнего момента, и в кризисных ситуациях полагаться на воображение, которое в этих случаях важнее, чем знание.

Счастье – это путь

Мы ожидаем, что жизнь станет лучше, когда нам исполнится 18 лет, когда мы поженимся, когда получим лучшее место работы, когда у нас появится ребенок, второй.

Потом мы себя чувствуем уставшими, так как наши дети растут медленно, и думаем, что, когда они вырастут, мы почувствуем себя счастливыми. Когда они становятся более самостоятельными и у них начинается переходный возраст, мы жалуемся, что с ними тяжело ладить, и когда они пройдут этот период, станет легче.

Потом говорим, что наша жизнь станет лучше, когда мы, наконец, купим дом побольше и машину получше, сможем пойти в отпуск, выйдем на пенсию.

Правда в том, что лучшего момента почувствовать себя счастливыми не существует. Если не сейчас, то когда?

Кажется, жизнь вот-вот начнется, настоящая жизнь! Но всегда на пути существует одна проблема, одно незаконченное дело, один непогашенный долг, которые нуждаются в первостепенном решении; и вот после этого жизнь начнется. И если мы присмотримся, то увидим, что эти проблемы бесконечны. Из них, собственно, и состоит жизнь.

Это помогает нам увидеть, что пути к счастью нет, счастье – это и есть путь. Мы должны ценить каждый момент, особенно, когда делим его с кем-то дорогим, и помнить, что время не ждет никого.

Не ждите, когда окончится школа или начнется колледж, когда вы похудеете на пять килограмм, когда у вас появятся дети, когда дети пойдут в школу, женятся, разведутся, нового года, весны, осени или зимы, следующей пятницы, субботы или воскресенья, или того момента, когда вы умрете, чтобы быть счастливыми. Счастье – это путь, а не судьба.

Работайте, как будто вы не нуждаетесь в деньгах, любите так, как будто вас никогда не ранили, танцуйте так, как будто вас никто не видит.

Глухая лягушка

Группа лягушек путешествовала по лесу, когда неожиданно две из них провалились в одну глубокую яму. Остальные лягушки сгрудились вокруг ямы и, когда увидели, насколько она глубока, сказали упавшим, что выхода нет и что лучше бы им расслабиться и умереть.

Несмотря на совет, лягушки изо всех сил старались выбраться из ямы. Те, что были наверху, говорили, что эти усилия бессмысленны. В конце концов, одна из упавших лягушек прислушалась к тому, что говорили другие, сдалась и умерла. Другая продолжала прыгать изо всех сил. Сородичи кричали ей, что это бесполезно, но лягушка продолжала прыгать каждый раз с большей силой так, что, наконец, выпрыгнула из ямы. Ее спросили: «Ты что, не слышала, что мы тебе кричали?» Лягушка объяснила, что она плохо слышит и что приняла вопли паники за подбадривающие крики.

«Словом можно убить, словом можно спасти, словом можно полки за собой повести». Сказанное вслух, оно может, как вернуть к жизни, так и разрушить ее; воодушевить, придать сил в борьбе в самые тяжелые моменты жизни – и полностью обессилить. Будем же осторожными, когда говорим или советуем что-либо, и еще более осторожными, когда слушаем кого-то.

Не суди

В те дни, когда мороженое стоило гораздо меньше, чем сейчас, один ребенок лет десяти вошел в кафе и сел за стол. Официантка подошла к нему.

– Сколько стоит шоколадное мороженое с орешками? – спросил мальчик.

– Пятьдесят центов, – ответила женщина.

Мальчик вытащил руку из кармана и пересчитал монетки.

– Сколько стоит простое мороженое, без ничего? – спросил ребенок.

Некоторые посетители ожидали за столиками, официантка начала выражать недовольство:

– Двадцать пять центов, – бросила коротко в ответ.

Мальчик опять пересчитал монетки.

– Хочу простое мороженое, – решил он.

Официантка принесла мороженое, бросила на стол счет и удалилась.

Ребенок закончил есть мороженое, оплатил в кассе счет и ушел. Когда официантка вернулась убирать стол, у нее стал комок в горле, когда она увидела что рядом с пустой вазочкой лежали аккуратно сложенные монетки, двадцать пять центов – ее чаевые.

Никогда не делай выводов о человеке, пока не узнаешь причины его поступков.

Самурай

В Японии, в одном поселке недалеко от столицы жил великий самурай, уже совсем старый, который слыл мудрым учителем дзен. Поговаривали, что, несмотря на свой почтенный возраст, мастер способен победить любого противника.

Однажды один боец, известный своей агрессивностью и неуважением к людям, зашел в дом старого самурая. Он был еще известен тем, что применял технику провокаций, и ожидал, пока противник сделает первое движение, затем, благодаря своему таланту видеть ошибки, контратаковал с бешеной скоростью. Молодой и горячий боец никогда не проиграл ни одного боя. Зная репутацию старого самурая, он пришел, чтобы победить его и приумножить свою славу.

Ученики дзен, находившиеся в этот момент в доме своего Учителя, пытались отговорить старого мастера от поединка, но тот лишь улыбался.

Все собрались на городской площади, где молодой боец начал провоцировать старого. Сначала он бросал в старого самурая камни, потом плевал в лицо, выкрикивал все известные грязные ругательства, включая оскорбления всех предков старика. В течение нескольких часов он делал все возможное, чтобы вывести противника из себя, но тот оставался невозмутимым. В конце дня, раздраженный, уставший и униженный, молодой боец ушел с площади. Удивленные тем, что их Учитель вынес столько оскорблений и провокаций, ученики спросили:

– Как вы могли выдержать это? Почему вы не воспользовались своим мечом, понимая, что лучше проиграть поединок, чем выглядеть трусом перед всеми нами?

Старый самурай ответил:

– Если кто-то подойдет к тебе с подарком и ты его не примешь, кому будет принадлежать подарок?

– Конечно же тому, кто старался вручить его, – ответил один из учеников.

– То же самое касается зависти, ненависти и ругательств, – продолжал Учитель, – когда они не приняты, продолжают принадлежать тому, кто их принес.

Никто не может заставить нас чувствовать себя плохо, нападая или оскорбляя нас: только мы сами решаем, как относиться к чужим словам. Поэтому не надо никого обвинять в своих переживаниях: мы сами выращиваем их в себе.

Три сита

Молодой ученик одного известного философа пришел к нему в дом и сказал:

– Знаете, Учитель, один ваш друг говорил о вас очень плохо.

– Подожди! – перебил его философ. – Ты уже просеял через три сита то, что

собираешься рассказать мне?

– Через три сита?

– Да. Первое сито – это правда. Ты уверен в том, что твой рассказ достоверен?

– Но я слышал, как это комментировали некоторые соседи.

– Тогда, по меньшей мере, ты должен был просеять это через второе сито, которым является доброта. То, что ты собираешься сказать мне, хорошо для кого-то?

– Нет, ни для кого. Наоборот.

– Надо же! И последнее сито – это необходимость. Так ли необходимо мне знать то, что тебя беспокоило?

– На самом деле, нет.

– Тогда, – сказал, улыбаясь, философ, – если это не правдиво, не хорошо и не необходимо – забудь об этом!

Твое и мое

Когда одна женщина пришла на вокзал, объявили, что отправление ее поезда задерживается приблизительно на час. Слегка раздраженная, она купила журнал, пакет печенья и бутылку воды, нашла свободную скамью в зале ожидания и устроилась поудобнее.

Пока она рассматривала журнал, молодой человек сел рядом с ней и начал читать газету. Вскоре, без единого слова, он протянул руку, взял пакет с печеньем, открыл его и начал есть. Женщине это не очень понравилось, но она не хотела выглядеть невежливой, так же как и не хотела оставить это незамеченным. С преувеличенной важностью она взяла пакет, достала из него одно печенье и медленно съела его, при этом не моргая глядя на юношу.

В ответ юноша взял второе печенье и, глядя на женщину, положил его в рот. Здорово рассерженная происходящим, женщина взяла еще одно печенье и со всеми видимыми признаками раздражения съела его, глядя, не мигая на молодого человека. Диалог взглядов и улыбок продолжался от печенья к печенью. Женщина сердилась каждый раз все сильнее, а юноша с каждым разом улыбался все шире. В конце концов женщина увидела, что в пачке осталось последнее печенье и подумала: «Он не решится на такую наглость!» Но молодой человек абсолютно спокойно взял последнее печенье, разломил на две части и очень приветливо протянул половинку своей соседке по скамье.

– Спасибо! – сказала женщина и грубо выхватила кусок печенья.

– Не за что, – ответил юноша, улыбаясь, и съел свою половинку.

Объявили посадку на поезд. Женщина, взбешенная случившимся, поднялась со скамьи и демонстративно направилась искать свой вагон.

«Какой наглый и плохо воспитанный парень! – гневалась она. – Куда катится мир!»

Вскоре она почувствовала сухость во рту, открыла свою сумку, чтобы вытащить бутылку с водой, и чуть не обомлела, когда увидела там свой нетронутый пакет печенья.

Как часто предрассудки и поспешные решения приводят нас к неверным оценкам и серьезным ошибкам! Как часто благодаря собственной недоверчивости мы судим о людях и ситуациях, базируясь на идеях, далеких от действительности! Часто мы обеспокоены тем, что даже не существует в реальности, и изводим себя проблемами, которых нет, тогда как малой толики искренности и наблюдательности хватит для того, чтобы не осуждать других.

Хромой щенок

Хозяин одного магазина повесил на двери объявление: «Продаются щенки». Такие объявления всегда притягивают внимание детей, и вскоре появился ребенок и спросил:

– Сколько стоят собачки?

Хозяин магазина ответил:

– От тридцати до пятидесяти долларов.

Ребенок засунул руку в карман и вытащил несколько монет.

– У меня только два доллара тридцать семь центов, я могу посмотреть на щенков?

Мужчина улыбнулся и свистнул. Из подсобного помещения вышла собака, а за нею вприпрыжку шагали пятеро щенков, один из которых отставал от остальных. Ребенок мгновенно отметил отстающего щенка и поинтересовался:

– Что с этой собачкой?

Хозяин объяснил, что щенок родился с дефектом бедра и будет хромым до конца жизни. Ребенок расчувствовался и заявил:

– Именно этого щеночка я хочу купить!

И мужчина ответил:

– Нет, я тебе не продам этого щенка. Если ты его действительно хочешь, я тебе его подарю.

Мальчуган расстроился и, глядя в глаза мужчине, сказал:

– Нет, я не хочу, чтобы вы мне его дарили. Он стоит столько же, сколько и остальные щенки, и я заплачу за него полную цену. Сейчас я оставлю вам два доллара и тридцать семь центов и дальше буду платить по пятьдесят центов каждый месяц до тех пор, пока не выплачу все.

Мужчина сказал:

– Сынок, ты не захочешь купить этого щенка. Он никогда не сможет бегать, прыгать и играть как остальные.

Ребенок нагнулся и поднял одну брючину, чтобы показать свою левую ногу, выкрученную, усохшую, поддерживаемую громоздким металлическим аппаратом, вновь посмотрел на мужчину и сказал:

– Ладно, я тоже не могу хорошо бегать, зато я могу позаботиться о собачке, которая нуждается в том, чтобы ее кто-нибудь понял.

Мужчина закусил губу, его глаза наполнились слезами:

– Сынок, – чуть слышно сказал он, – я бы хотел, чтобы у каждого из этих щенков был такой хозяин, как ты.

Каждому из нас хочется, чтобы его кто-то ценил и принимал таким, какой он есть, и любил без условий.

Эхо

Отец с сыном шли через горы. Мальчик споткнулся о камень, упал, больно ударился и закричал:

– А-а-а-й!!!

И тут же услышал откуда-то из-за горы голос, который повторил за ним:

– А-а-а-й!!!

Любопытство одержало верх над страхом, и мальчик прокричал:

– Кто тут?

И получил ответ:

– Кто тут?

Рассерженный, он закричал:

– Трус!

И услышал:

– Трус!

Мальчик посмотрел на отца и спросил:

– Папа, что это?

Мужчина, улыбаясь, сказал:

– Сын мой, будь внимателен, – и крикнул в горы:

– Я тебя обожаю! И голос ответил:

– Я тебя обожаю! Мужчина крикнул:

– Ты – лучший! И голос ответил:

– Ты – лучший!

Ребенок был удивлен и ничего не понимал. Тогда отец объяснил ему:

– Люди называют это эхом, но в действительности это как жизнь. Возвращает тебе все, что ты говоришь и делаешь.

Наша жизнь – это отражение наших действий. Если хочешь больше любви от мира, отдавай больше любви окружающим. Желаете счастья – дайте счастье тем, кто вокруг тебя. Хочешь улыбки от души – улыбнись тем, кого знаешь. Жизнь возвращает нам все, что мы ей дали. Наша жизнь – не совпадения, а отражение нас самих.

Посадить будущее

В одном оазисе, затерянном среди пустынь, рядом с деревцами финиковых пальм сидел старый Али. Его сосед Хаким, богатый торговец, который вышел проветрить своих верблюдов, увидел, как запыхавшийся Али упорно копает песок.

– Как дела, старик? Мир тебе!

– И тебе, – ответил Али.

– Что ты делаешь здесь, по такой жаре, зачем ты ковыряешь землю этой палкой?

– Сажаю, – ответил старик.

– Что ты сажаешь здесь, Али?

– Финики, – ответил старик, вставляя в ямку пальму.

– Финики?! – повторил купец и закрыл глаза так, как будто услышал самую большую глупость, – Жара повредила твой ум, дорогой друг. Поднимись, брось это пустое дело, пойдем в лавку, выпьем по рюмке.

– Нет, я должен закончить сажать. После этого, если хочешь, выпьем.

– Скажи, друг, сколько тебе лет?

– Не знаю, шестьдесят, семьдесят, восемьдесят, не знаю, забыл. А какое это имеет значение?

– Смотри, друг, финиковая пальма начинает приносить первые плоды через пятьдесят лет после посадки. Я не желаю тебе ничего плохого, и дай тебе Бог жить до ста лет, но ты ведь сам понимаешь, верится с трудом, что ты дождешься плодов того, что сажаешь сейчас. Брось это, и идем со мной.

– Хаким! – ответил Али. – Я ел плоды фиников, которые посадил кто-то другой, тоже и не мечтавший их попробовать. Я сажаю сегодня, чтобы другие могли есть финики завтра. И хотя бы в честь того неизвестного, который это сделал для меня, стоит закончить мой труд.

– Ты преподавал мне очень большой урок, Али! Разреши мне отплатить тебе за это, – сказал Хаким, опустив в руку старика кожаный мешочек, полный монет.

– Благодарю тебя! Видишь, ты мне сказал, что я не смогу собрать урожай; но я еще даже не закончил сажать, а уже собрал мешочек с деньгами благодаря доброте друга.

– Твоя мудрость меня удивляет, старик! – развел руками Хаким. – Это второй важный урок, который ты мне дал, и может быть, даже более глубокий, чем первый. Разреши мне заплатить тебе за него еще одним мешочком монет.

– Иногда и такое случается, – продолжал старик, раскрыв пальцы рук, чтобы посмотреть на мешочки с деньгами. – Посадил, чтобы не собрать, и до того, как окончил сажать, уже собрал урожай, и не один, а два раза!

– Хватит, старик! Замолчи, а то, если продолжишь объяснять мне эти вещи, у меня не хватит всего моего богатства, чтобы заплатить тебе, – рассмеялся сосед.

Спрятанное счастье

Как-то раз боги, собравшись, решили поразвлечься. Один из них сказал:

– Давайте что-нибудь отберем у людей? После долгих раздумий другой воскликнул:

– Я знаю! Давайте отберем у них счастье! Проблема только в том, куда его спрятать, чтобы они не нашли.

Первый сказал:

– Давайте спрячем его на вершине самой высокой в мире горы!

– Нет, помни, что у них много сил, кто-то сможет взобраться и найти, и если найдет один, все остальные сразу узнают, где счастье, – ответил другой.

Тогда кто-то выдвинул новое предложение:

– Давайте спрячем его на дне моря!

Ему ответили:

– Нет, не забывай, что они любопытны, кто-нибудь сможет сконструировать аппарат для подводного плавания, и тогда они обязательно найдут счастье.

– Спрячем его на другой планете, подальше от Земли, – предложил кто-то еще.

– Нет, – отклонили его предложение, – помни, что мы дали им достаточно ума, когда-нибудь они придумают корабль, чтобы путешествовать по мирам, и откроют эту планету, и тогда все обретут счастье.

Самый пожилой бог, который на протяжении всего разговора хранил молчание и только внимательно слушал выступавших, сказал:

– Я думаю, что знаю, где нужно запрятать счастье, чтобы они его никогда не нашли.

Все повернулись к нему, заинтригованные, и спросили: – Где?

– Спрячем внутри них самих, они будут так заняты его поисками снаружи, что им и в голову не придет искать его внутри себя.

Все боги согласились, и с тех пор люди тратят всю свою жизнь в поисках счастья, не зная, что оно спрятано в них самих.

Представить себе решение

Одним туманным и холодным днем двое детей катались на коньках по замерзшему озеру. Вдруг в одном месте лед треснул и один из мальчиков провалился в воду. Другой схватил камень и со всей силы стал колотить по льду, расколотил его и вытащил своего друга.

Когда приехали спасатели и увидели, что произошло, они спросили:

– Как это ты сделал? Ведь лед тут очень толстый, невозможно было разбить его этим камнем и этими маленькими руками.

В этот момент к ним подошел один старик и, улыбаясь, сказал:

– Я знаю, как он это сделал.

– Как? – спросили его.

– Рядом не оказалось никого, кто сказал бы, что это невозможно.

Эйнштейн сказал, что, если можешь представить, сможешь и сделать.

Мой лучший друг

Одна арабская легенда рассказывает о двух друзьях, которые шли по пустыне и о чем-то сильно спорили. Один из них в пылу ударил другого. Другой, обидевшись, написал на песке: «Сегодня мой лучший друг ударил меня».

Они продолжили свой путь и пришли в оазис, где решили выкупаться и передохнуть. Обиженный решил поплавать в озере – и вдруг стал тонуть. Друг бросился ему на помощь и вытащил на сушу. Отдышавшись, спасенный взял нож и вырезал на камне: «Сегодня мой лучший друг спас мне жизнь». Заинтригованный, друг спросил:

– Почему, когда я тебя ударил, ты записал это на песке, а сейчас пишешь на камне?

– Когда друг нас обижает, мы должны записать это на песке, чтобы ветер забвения и прощения стер обиду; когда друг нас выручает, мы должны записать это на камне сердца, где никакой ветер не властен.

Учительница шестого класса

В начале учебного года классная руководительница шестого класса стояла перед своими бывшими пятиклассниками. Она окинула взглядом своих детей и сказала, что всех их одинаково любит и рада видеть. Это было большой ложью, так как за одной из передних парт, сжавшись в комочек, сидел один мальчик, которого учительница не любила. Она познакомилась с ним так, как и со всеми своими учениками, в прошлом учебном году. Еще тогда она заметила, что он не играет с одноклассниками, одет в грязную одежду и пахнет так, будто никогда не мылся. Со временем отношение учительницы к этому ученику стало все хуже и дошло до того, что ей хотелось исчеркать все его письменные работы красной ручкой и поставить единицу.

Как-то раз завуч школы попросил проанализировать характеристики на всех учеников с начала обучения их в школе, и учительница поставила дело нелюбимого ученика в самый конец. Когда она, наконец, дошла до него и нехотя начала изучать его характеристики, то была ошеломлена.

Учительница, которая вела мальчика в первом классе, писала: «Это блестящий ребенок, с лучезарной улыбкой. Делает домашние задания чисто и аккуратно. Одно удовольствие находиться рядом с ним».

Учительница второго класса писала о нем: «Это превосходный ученик, которого ценят его товарищи, но у него проблемы в семье: его мать больна неизлечимой болезнью, и его жизнь дома, должно быть, сплошная борьба со смертью».

Учительница третьего класса отметила: «Смерть матери очень сильно ударила по нему. Он старается изо всех сил, но его отец не проявляет к нему интереса, и его жизнь дома скоро может повлиять на его обучение, если ничего не предпринять».

Учительница четвертого класса записала: «Мальчик необязательный, не проявляет интереса к учебе, почти не имеет друзей и часто засыпает прямо в классе».

После прочтения характеристик учительнице стало очень стыдно перед самой собой. Она почувствовала себя еще хуже, когда на Новый год все ученики принесли ей подарки, обернутые в блестящую подарочную бумагу с бантами. Подарок ее нелюбимого ученика был завернут в грубую коричневую бумагу. Некоторые дети стали смеяться, когда учительница вынула из этого свертка браслетик, в котором недоставало нескольких камней и флакончик духов, заполненный на четверть.

Но учительница подавила смех в классе, воскликнув:

– О, какой красивый браслет! – и, открыв флакон, побрызгала немного духов на запястье.

В этот день мальчик задержался после уроков, подошел к учительнице и сказал:

– Сегодня вы пахнете, как пахла моя мама.

Когда он ушел, она долго плакала. С этого дня она отказалась преподавать только литературу, письмо и математику и начала учить детей добру, принципам, сочувствию.

Через какое-то время такого обучения нелюбимый ученик стал возвращаться к жизни. И чем больше его мотивировала учительница, тем лучше он отвечал. В конце учебного года он превратился в одного из самых лучших учеников.

Несмотря на то что учительница повторяла, что любит всех учеников одинаково, по-настоящему она ценила и любила только его. Через год, когда она работала уже с другими, она нашла под дверью учебного класса записку, где мальчик писал, что она самая лучшая из всех учителей, которые у него были за всю жизнь.

Прошло еще пять лет, прежде чем она получила еще одно письмо от своего бывшего ученика; он рассказывал, что закончил колледж и занял по оценкам третье место в классе, и что она продолжает быть лучшей учительницей в его жизни.

Прошло четыре года, и учительница получила еще одно письмо, где ее ученик писал, что, несмотря на все трудности, скоро заканчивает университет с наилучшими оценками, и

подтвердил, что она до сих пор является лучшей учительницей, которая была у него в жизни.

Спустя еще четыре года пришло еще одно письмо. В этот раз он писал, что после окончания университета решил повысить уровень своих знаний. Теперь перед его именем и фамилией стояло слово доктор. И в этом письме он писал, что она лучшая из всех учителей, которые были у него в жизни.

Время шло. В одном из своих писем он рассказывал, что познакомился с одной девушкой и женится на ней, что его отец умер два года тому назад, и спросил, не откажется ли она на его свадьбе занять место, на котором обычно сидит мама жениха. Конечно же, учительница согласилась.

В день свадьбы своего ученика она надела тот самый браслет с недостающими камнями и купила те же духи, которые напоминали несчастному мальчику о его маме. Они встретились, обнялись, и он почувствовал родной запах.

– Спасибо за веру в меня, спасибо, что дали мне почувствовать мою нужность и значимость и научили верить в свои силы, что научили отличать хорошее от плохого.

Учительница со слезами на глазах ответила:

– Ошибаешься, это ты меня научил всему. Я не знала, как учить, пока не познакомилась с тобой.

Старший брат

Один раз старший брат подарил младшему на Новый год новенький автомобиль. Младший брат поехал в офис на новом автомобиле и после работы, выходя из офиса, увидел мальчика, который зачарованно рассматривал его шикарное авто.

– Это ваша машина, господин? – поинтересовался мальчик.

Молодой человек кивнул:

– Мой брат подарил мне ее к Новому году.

Мальчик открыл от удивления рот:

– Вы хотите сказать, что ваш брат подарил и она вам ничегошеньки не стоила? Вау! Как бы мне хотелось.

Молодой человек думал, что мальчик скажет: «Как бы мне хотелось иметь такого брата!»

Но мальчик сказал неожиданное:

– Как бы мне хотелось быть таким братом!

Молодой человек внимательно посмотрел на мальчика и неожиданно для себя предложил:

– Хочешь прокатиться на моей машине?

– Конечно! С удовольствием!

После короткой прогулки мальчик, часто моргая, спросил:

– А можно мы проедем перед моим домом?

Молодой человек улыбнулся. Он знал, чего хотел мальчик: похвастаться перед соседями, на какой большой машине он приехал. Но и тут молодой человек ошибся.

– Можете притормозить перед этими двумя ступеньками? – попросил паренек.

Он быстро поднялся, исчез в доме и через какое-то время появился, но шел очень медленно. Он вел с собой младшего братика – инвалида. Усадил его на первой ступеньке и, показав на машину, сказал:

– Видишь! Вот она! Так, как я тебе и говорил. Его брат подарил ее ему на Новый год, и ему это ни копейки не стоило. Когда-нибудь я подарю тебе точно такую же, чтобы ты сам мог увидеть, какие подарки на Новый год стоят за витринами магазинов, о которых я тебе рассказывал.

Молодой человек вышел из машины, взял на руки больного ребенка, посадил его на переднее сиденье, его старший брат уселся на заднее, и они совершили незабываемую предновогоднюю прогулку.

В этот вечер молодой человек понял, что имели в виду его родители и учителя, когда говорили, что намного приятнее дарить, чем получать.

Дырки от гвоздей

У одного мальчика был очень плохой характер. Его отец дал ему мешок с гвоздями и сказал, что всякий раз, как он будет терять терпение, должен забить один гвоздь с обратной стороны двери.

В первый день мальчик забил тридцать семь гвоздей. В последующие дни, когда он начал учиться контролировать себя, он стал забивать все меньше и меньше гвоздей. В какой-то момент мальчик понял, что легче сдержаться, чем потом забивать гвоздь. Наступил день, когда он смог полностью контролировать свой характер в течение дня. Его отец сказал, что теперь за каждый день, который он сумел сдержаться, пусть вытаскивает из двери по одному гвоздю.

Проходили дни, и вот однажды в двери не осталось ни одного гвоздя. Отец взял за руку сына, подвел к двери и сказал: «Видно, сынок, что ты здорово потрудился, но посмотри, сколько дырок осталось в дереве. Никогда больше оно не будет таким, как раньше. Каждый раз, когда ты выходишь из себя, ты оставляешь шрамы в своей душе и в душах близких людей – такие, как здесь на двери. Ты можешь сказать что-то неуважительное, потом забрать свои слова назад, как ты вытащил гвозди, но шрамы останутся навсегда».

Круг ненависти

Один очень богатый человек отчего-то был зол и отчитал одного из директоров своих фирм. Директор приехал домой расстроенный, увидел, что обеденный стол ломится от кушаний, и накричал на свою жену, обвиняя ее в транжирстве. Жена накинулась на служанку за то, что та разбила тарелку, и ударила ногой собаку, которая попала ей под ноги. Собака выскочила на улицу и укусила проходящую мимо женщину. Когда женщина прибежала в аптеку, чтобы продезинфицировать рану, она накричала на фармацевта, потому что прививка, которую он ей сделал, была очень болезненной. Фармацевт, придя домой, накричал на свою мать за то, что еда была недостаточно вкусной. Мать, воплощение любви и прощения, погладив сына по голове, сказала: «Дорогой сынок, я тебе обещаю, что завтра приготовлю тебе твои любимые блюда. Ты много работаешь, ты устал и нуждаешься в хорошем сне. Я поменяю простыни на твоей постели на свежие, немного сбрызну их твоими любимыми духами, чтобы ты мог спокойно заснуть. Завтра ты себя будешь чувствовать намного лучше». Поцеловала его и оставила одного со своими мыслями.

В этот момент круг ненависти разбился о терпение, любовь, прощение и нежность.

Собрать мир

Один ученый жил, занятый мыслями о решении мировых проблем. Днями просиживал он в своей лаборатории в поисках ответов на разнообразнейшие вопросы космической важности. Один раз к нему зашел семилетний сын с желанием помочь, чтобы отец поскорее освободился и мог с ним поиграть. Ученый, нервничая из-за того, что его занятия могут прерваться, решил сделать все, чтобы сын пошел играть в другое место. Он стал лихорадочно соображать, чем бы отвлечь внимание ребенка. Потом вырвал из журнала лист с изображением земного шара, порвал на мелкие кусочки, протянул их сыну вместе с рулоном скотча и сказал:

– Тебе нравятся шарады? Я тебе вручаю весь мир, чтобы ты его собрал. Вот он, весь разорванный. Попробуй, может, у тебя получится его восстановить!

Он думал, что сыну понадобится несколько дней, чтобы склеить карту. Но уже через полчаса ученый услышал, как его зовут:

– Папа! Папа! Я сделал! Я уже закончил!

Вначале ученый не поверил своим ушам. Не могло такого быть, чтобы семилетний ребенок так быстро собрал карту, которой никогда не видел. Но сын продолжал звать отца. Тогда ученый оторвался от работы, уверенный, что увидит кое-как склеенные, не подходящие друг к другу кусочки карты. Каково же было удивление отца, когда он увидел перед собой мир, где все было на своих местах!

– Ты же не знал, как устроен мир, сынок! – воскликнул ученый. – Как же у тебя получилось?

– Я не знал, как устроен мир, но, когда ты вырывал страницу из журнала, я увидел с другой стороны портрет одного известного человека. Я попробовал собрать мир, но у меня не получилось. Тогда я повернул кусочки бумаги другой стороной и начал собирать человека, о котором я знал, как он выглядит. Когда я закончил, я перевернул страницу и увидел, как мир восстановился.

Мы все родились орлами

Один крестьянин пошел в лес, чтобы поймать певчую птичку, но нашел только орлиное яйцо. Человек принес его домой и подложил одной из своих куриц. Вскоре из яйца вылупился орленок, который воспитывался и рос среди курей. Прошло пять лет, и к крестьянину приехал погостить натуралист. Проходя мимо курятника, он заметил:

– Эта птица – не курица, это – орел!

– Я знаю, – сказал крестьянин. – Но я растил его как курицу и он уже не орел. Он превратился в такую же курицу, как и другие, несмотря на то что размах его крыльев – полтора метра.

– Ошибаетесь, – сказал натуралист. – Он есть и всегда будет орлом, у него сердце орла. Когда-нибудь его сердце заставит его взлететь.

– Да нет же, – настаивал крестьянин, – Он превратился в курицу и никогда не полетит, как орел.

Тогда они поспорили. Натуралист взял орла, посадил его себе на плечо и сказал:

– Ты орел и принадлежишь небу, а не земле, раскрой свои крылья и лети!

Орел потоптался на плече натуралиста, огляделся, увидел кур, клюющих зерна, и спрыгнул к ним вниз. Крестьянин засмеялся:

– Я же сказал, что он превратился в курицу...

– Нет, – настаивал натуралист. – Орел всегда останется орлом! Завтра проведем еще один эксперимент.

На следующий день натуралист поднялся на крышу дома вместе с орлом и повторил:

– Ты орел, раскрой свои крылья и лети!

Так же, как и в первый раз, орел увидел с крыши клюющих зерно куриц и спрыгнул к ним.

Крестьянин улыбнулся:

– Ну, я же говорил, что он превратился в курицу!

– Нет, – уверенно ответил натуралист, – Это орел, и он всегда будет орлом. Завтра проведем последний эксперимент, завтра он полетит.

На следующий день крестьянин и натуралист поднялись очень рано, вынесли орла за пределы поселка и поднялись на вершину одной горы. Солнце начало золотить вершины гор. Натуралист поднял птицу и приказал:

– Ты орел, ты принадлежишь небу, а не земле, расправь свои крылья и лети!

Орел смотрел вокруг, он весь дрожал от страха и возбуждения, но не взлетел. Тогда натуралист повернул его к восходящему солнцу и сбросил его в пропасть. В это мгновение орел расправил свои могучие крылья и величественно поднялся в небо, преодолев свой страх. Он поднимался все выше и выше, пока не исчез из поля зрения...

Мы все рождаемся орлами. Если кто-то нас будет убеждать в том, что мы курицы,

возможно, мы в это поверим. Но мы рождены орлами и поэтому должны научиться летать. Нам не должно соглашаться клевать зерна, которые нам бросают под ноги.

Клуб 99-ти

У одного очень печального царя был слуга-паж – всегда веселый, счастливый и довольный жизнью. Каждое утро, когда слуга приносил завтрак в покои, он будил царя какой-нибудь веселой песенкой. На его лице всегда играла улыбка, его отношение к жизни было открытым, веселым и радостным. Один раз царь велел позвать его и спросил:

– Паж, каков твой секрет?

– Какой секрет, Ваше Величество?

– Каков секрет твоей радости?

– Нет никакого секрета, мой царь!

– Не лги мне, я велел отрубить множество голов за провинности меньшие, чем ложь.

– Ваше Величество! У меня просто нет причин быть печальным. Мой царь оказывает мне честь тем, что разрешает прислуживать ему. Я, моя жена и дети живем в доме, который нам предоставили. Мы одеты, сыты и к тому же Ваше Величество иногда одаривает меня монетами, которые позволяют нам иметь маленькие удовольствия. Как же мне не быть счастливым?

– Если сейчас же ты не откроешь свой секрет, я велю обезглавить тебя, – сказал царь. – Никто не может быть счастливым по причинам, которые ты мне перечислил.

Слуга улыбнулся, поклонился и вышел из комнаты. Царь был вне себя, он не мог понять, как паж живет счастливо, одеваясь в ношеную одежду, питаясь остатками с царского стола. Когда он успокоился, позвал самого мудрого из своих советников и спросил:

– Почему он счастлив?

– Ваше Величество, он просто вне клуба, – ответил мудрец.

– Вне клуба? – удивился царь. – Что за клуб? И почему ненахождение в нем делает моего пажа счастливым?

– Нет, Ваше Величество, это не делает его несчастливым.

Царь в недоумении потряс головой:

– погоди, я правильно понимаю: членство в некоем клубе делает людей несчастными? И как же мой паж вышел из него?

– Он туда просто никогда не входил, – пожал плечами мудрец.

– Да что же это за клуб такой таинственный? – воскликнул царь.

– Клуб девяноста девяти, – ответил мудрец таким тоном, будто бы эта фраза все проясняла.

– Если честно, я ничего не понимаю.

– Чтобы Вы лучше разобрались во всем, мой повелитель, нужно, чтобы Вы увидели работу клуба своими глазами. Нужно сделать так, чтобы паж присоединился к клубу. Но, Ваше Величество, никто не может никого заставить вступить в этот клуб. Если мы дадим шанс Вашему пажу, он может решиться вступить в клуб – а может и отказаться.

– Но он не поймет, что это сделает его несчастливым? – спросил царь.

– Поймет, но уже ничего не сможет поделать, – ответил мудрец. – Если Вы готовы потерять блестящего слугу для того, чтобы понять, какова структура клуба, мы это сделаем. Этой ночью я пошлю за Вами, а Вы подготовьте кошель с девяноста девятью золотыми монетами.

Той ночью мудрец явился за царем и под покровом темноты они вместе проникли в дом к пажу и спрятались там. Мудрец положил на видном месте кошель с золотом, а рядом записку, в которой было сказано: «Этот клад – твой. Это премия за то, что ты хороший человек. Наслаждайся и не говори никому, как ты его нашел».

А затем мудрец перевернул стул – чтобы шум разбудил пажа.

Когда паж проснулся и вошел в комнату, царь и мудрец внимательно следили за ним.

Слуга прочел записку, тряхнул мешочком, услышал звон металла, прижал мешочек к груди, и глаза его заблестели. Он огляделся по сторонам и закрыл дверь, которую прежде никогда не закрывал. Царь и мудрец едва дышали, стараясь ничего не упустить. Слуга сбросил все со стола, оставив одну свечу, и высыпал все содержимое кошель на стол. Он не верил своим глазам: горка золотых монет! Паж трогал их, перебирал, освещал свечой, складывал стопкой, играл с ними... Потом начал делать столбики из 10 монет каждый. Один столбик из десяти монет, второй столбик по десять, третий, четвертый, пятый, до тех пор, пока не собрал последний столбик – девять монет! Паж внимательно осмотрел вначале стол, потом пол и, наконец, мешочек. «Не может быть!» – подумал он, поставил последний столбик рядом с остальными и убедился, что тот ниже всех.

– Меня обокрали! – закричал паж.

Еще раз он обыскал стол, кошель, свою одежду, осмотрел всю мебель, но не нашел ничего. На столе, как бы издеваясь над ним, стояла одна горка меньше, чем другие, напоминая, что было всего девяносто девять золотых монет.

– Это куча денег, – проговорил паж. – Но мне не хватает одной монеты. Девяносто девять – это не круглая цифра. Сто – это идеальное число, но девяносто девять – нет.

Царь и мудрец смотрели на слугу. Лицо пажа уже не было прежним. Посреди лба появилась складка, глаза сузились, рот искривился. Слуга собрал монеты, глядя по сторонами, спрятал кошель. Взял перо и бумагу, сел за стол и стал подсчитывать, сколько времени ему придется экономить, чтобы скопить еще один золотой.

Он громко говорил сам с собой. Он был готов работать без отдыха для того, чтобы монет стало сто, – потому что потом он мог вовсе не работать. Сто золотых сделают его богачом. Имея сто золотых, он будет жить спокойно, ни в чем не нуждаясь...

Паж подсчитал: работая и экономя, через 11 или 12 лет можно обрести желаемое – недостающую золотую монету. Он просчитал: если складывать зарплату его и жены, то можно собрать деньги за 7 лет. Это слишком долго. Но зачем столько зимней одежды, зачем больше одной пары обуви? Тогда уже за 4 года жертв можно накопить сколько нужно.

Царь и мудрец вернулись во дворец. Больше не было смысла наблюдать. Паж вошел в клуб 99-ти.

В течение последующих месяцев паж был занят экономией и подсчетами. Как-то утром он зашел в царские покои, хлопая дверями и ворча.

– Что с тобой? – спросил царь.

– Ничего, – ответил слуга.

– Не так давно ты смеялся и пел каждый день.

– Я справляюсь со своей работой? – проворчал в ответ паж. – Чего хочет Ваше Величество, чтобы я вдобавок еще был его клоуном и паяцем?

Естественно, после этих слов царь уволил своего слугу. Было неприятно каждый день видеть человека, который все время находится в плохом настроении.

Большинство из нас являются членами этого клуба: нам всегда не хватает сотой монеты, хотя у нас есть девяносто девять, чтобы тратить их себе в удовольствие.

Вес обид

Для того чтобы все студенты усвоили предложенную тему, преподаватель предложил эксперимент. Каждый из учеников должен был вспомнить все обиды, нанесенные ему другими, а затем написать имена обидчиков на картофелинах – по одному на каждой. Таким образом, у каждого набралось достаточное количество картофелин, которые нужно было сложить в пакет и каждый день всюду носить с собой. У некоторых пакеты были очень тяжелыми. Студентам было предложено носить пакет с собой в течение недели.

Конечно, это было тяжело и неудобно; к тому же, пока все следили за тем, чтобы не забыть где-нибудь пакет, они забывали о более важных и нужных делах. Вдобавок через несколько дней картофель начал портиться и неприятно пахнуть.

Эксперимент показал, что у всех есть с собой испорченный картофель в sentimentalном рюкзаке. И показал, чем мы должны платить за то, что ежедневно носим в себе прошлые обиды, которые невозможно изменить.

Только прощение освобождает от обид и их веса и дает ощущение духовной свободы. Обида – это токсин, который нас постоянно отравляет, накапливаясь все в больших дозах. Мы думаем, что прощение – это подарок для нашего обидчика, и не понимаем, что сами выигрываем гораздо больше: мы становимся свободными.

И часто первый, кого мы должны простить, – это мы сами. Мы виним себя за резкие слова, за ненужные мысли, за скверные поступки, мы наказываем себя чувством вины и не учимся любить себя – а как мы можем полюбить кого-то, если плохо относимся к себе? Прощение себя, прощение других – это ключ к свободе.

Время жизни

Один мужчина приехал в поселок к родственникам и пошел на кладбище, навестить могилу одного из своих близких. Случайно он зашел на другой участок, и его внимание привлекли надписи на могильных плитах, в которых было явно что-то не так, как у других. Одна надпись гласила: «Здесь покоится такой-то. Он жил восемь месяцев, четыре дня и девять часов». Другая надпись говорила, что здесь отдыхает такая-то, которая жила семь лет, два месяца и двадцать часов. В нескольких шагах другая плита сообщала, что она установлена в честь такого-то, который жил двенадцать лет, три месяца, семь дней и пятнадцать часов.

Количество подобных надписей заставило мужчину предположить, что это участок, где похоронены только дети. В этот момент он увидел служителей кладбища и спросил одного из них:

– Почему тут записано только время, которое эти дети прожили? Почему столько умерших детей? Что, здесь была эпидемия, или, может, кто-то проклял этих людей, и их дети умирали?

Служитель ответил:

– В этом поселке есть своя традиция. Когда дети достигают совершеннолетия, им дарят блокнот. На одной из страниц они записывают самые счастливые и значительные события в их жизни, на другой – время, сколько длилось событие, которым они наслаждались. Почти все записывают эмоции, сопровождавшие первый поцелуй, сколько секунд или минут он длился, что они при этом ощущали. Почти все вписывают день своей свадьбы, рождение ребенка, желанное путешествие, которого долго ждали, встречу с кем-то любимым, когда что-то получилось. Это и есть настоящее время жизни.

Мы существуем, чтобы быть счастливыми, получать удовольствие от жизни, помогать другим людям, быть в гармонии с миром. Все остальное – это не жизнь.

У всех есть свои трещинки

У одного водоноса было два огромных кувшина, в которых носил воду, и короткое коромысло. Один из кувшинов был треснутым, второй – идеальным и сберегал всю воду. В конце длинного пути от источника до дома хозяина в треснувшем кувшине оставалась только половина воды.

Два года кувшины терлись бок о бок. Идеальный кувшин раздувался от гордости – ведь он всегда доносил воду до дома. А потрескавшийся страдал от собственного несовершенства и чувствовал себя ничтожеством, так как мог выполнить только половину своего предназначения.

Спустя два года кувшин с дефектами сказал водоносу: «Мне стыдно, и я хочу извиниться перед тобой за то, что из-за моих трещин тыносишь только половину воды и получаешь из-за этого вполуповину меньше».

Водонос ответил: «Когда будем возвращаться домой, погляди на прекрасные цветы, которые растут по всему пути».

Кувшин так и поступил и, действительно, увидел множество красивейших цветов вдоль дороги, но это не избавило его от чувства вины, так как в конце пути в нем, как всегда, осталась только половина воды.

Тогда водонос сказал: «Ты заметил, что цветы растут только с твоей стороны дороги? Я всегда знал о твоих трещинах и хотел использовать их положительные стороны. Я посадил семена по всей дороге с твоей стороны, где ты каждый день теряешь воду, и через год здесь пышно разрослись цветы. Если бы ты не был таким, какой ты есть, я никогда не смог бы вырастить эту красоту».

У каждого из нас есть мелкие дефекты и странности. Не стоит винить себя за них – куда лучше научиться их использовать.

Дом с зеркалами

В одном небольшом городке на окраине стоял заброшенный дом. Как-то раз маленький щенок, искавший убежища от дневной жары, протиснулся в щель под дверью этого дома. Щенок медленно вскарабкался по старой деревянной лестнице, наткнулся на полуоткрытую дверь и медленно вошел.

К большой радости он обнаружил, что внутри комнаты находилась тысяча щенков, которые рассматривали его так же внимательно, как и он их. Щенок завил хвостом и стал поднимать прижатые ушки. Тысяча щенков сделали то же самое. Он улыбнулся и радостно залаял одному из них. И удивился еще больше: тысяча щенков радостно ответили ему. Щенок отдохнул, и с ним отдыхали его знакомые.

Когда щенок покинул дом, он подумал: «Какое приятное место, буду почаще сюда заходить».

Какое-то время спустя другой бездомный щенок зашел в тот же дом и в ту же комнату, только, увидев тысячу других щенков, он почувствовал угрозу, потому что на него смотрели агрессивно. Он зарычал и увидел, как тысяча щенков зарычали на него. Когда щенок в страхе выбежал из комнаты, он подумал: «Какое ужасное место, никогда больше сюда не вернусь!»

С крыши дома свисала старая вывеска, на которой было написано «Дом тысячи зеркал».

Все лица мира – это зеркала. Лицо, которое мы носим внутри, мы показываем этому миру – иногда против своей воли. Мир возвращает нам то, что мы приносим ему: наши жесты, действия, импульсы. Если мы хотим, чтобы мир нам улыбался.

Дерево желаний

Рассказывают, что много лет тому назад один путешественник, шагая по дороге под испепеляющим солнцем Индии, от всего сердца возжелал отдохнуть под деревом, которое дало бы ему много тени. Так и произошло. Вскоре он увидел вдалеке огромное раскидистое дерево, которое одиноко возвышалось среди пустоши. Обливаясь потом и подгоняя свои заплетаются от усталости ноги, пилигрим с радостью дошел до такой желанной тени.

«Наконец-то смогу отдохнуть, – подумал он, устраиваясь под ветвями, которые почти касались земли. – Чего еще желать?»

Распластавшись на земле под своим укрытием, он старался призвать сон, но земля была твердой, и чем больше путник старался устроиться и отдохнуть, тем более твердой казалась земля, на которой он лежал.

«Если бы у меня была кровать!» – подумал он. В тот же миг перед ним возникло огромное ложе с шелковыми простынями и подушками, достойное султана. Изысканные ткани, тончайшие шкуры покрывали ее. Случилось так, что путешественник, не подозревая, сел под мистическим деревом желаний. Это чудесное дерево могло превратить в реальность

любое желание, задуманное под его сенью.

Путешественник с удовольствием растянулся на кровати. «О, как же мне хорошо! Жаль, что голод докучает», – подумал он. В тот же момент перед ним появился великолепно сервированный стол с самыми изысканными кушаньями, среди которых были экзотические фрукты, восточные сладости, вина на тончайших скатертях, расшитых золотыми и серебряными нитями. Все было именно таким, какими были мечты этого человека длинными ночами, проведенными в одиночестве среди дорог и дней своих скитаний.

Чем больше путник ел, тем больше еды оказывалось на столе, и каждое последующее блюдо было еще вкуснее и изысканнее предыдущих. В конце концов он сдался:

– Я больше не могу, – сказал пилигрим.

И в тот же миг стол растворился в воздухе.

«Это восхитительно!» – подумал он. Его переполняло ощущение полного счастья. «Я никуда отсюда не уйду. Я останусь здесь и стану счастливым навсегда».

Но вскоре ужасная мысль промелькнула у него в голове: «Конечно, эти места известны и хищным зверям. Что случится, если один из них обнаружит меня? Было бы ужасно умереть, только-только обретя счастье».

Эта мысль только мелькнула у путника на какую-то долю секунды, но этого было достаточно. Во исполнение его желания в тот же момент появился ужасный тигр и разорвал пилигрима.

Так дерево желаний опять осталось одно, и до сих пор там, в ожидании человека с абсолютно чистым сердцем, в котором нет ни страха, ни недоверия.

Скорпион

Один всадник ехал по дороге и вдруг увидел, как ядовитый скорпион залез в рот и спустился в горло спящему у обочины мужчине. Всадник спешил, ударом кнута разбудил спящего мужчину и принудил его есть помет животных, валяющийся рядом на земле. Мужчина извивался от боли и отвращения и плакал:

– За что ты издеваешься надо мной, что я тебе сделал?

Но всадник продолжал хлестать его кнутом, заставляя есть дерьмо. Вскоре мужчину стало тошнить, и он изверг из себя содержимое желудка вместе со скорпионом. Тогда он понял, что произошло, и поблагодарил всадника за то, что тот спас ему жизнь, и в благодарность поцеловал ему руку, и постарался вручить простенькое колечко в знак признательности. А на прощанье спросил:

– Но почему вы просто не разбудили меня? Зачем били меня кнутом?

– Надо было действовать быстро, – ответил всадник. – Если бы я тебя просто разбудил, ты бы мне не поверил или тебя парализовал бы страх, или ты убежал бы. К тому же ни за что на свете ты не стал бы есть навоз, а боль от ударов кнутом вынуждала тебя содрогаться, что позволило избежать укуса скорпиона.

После этих слов он пустил коня в галоп и продолжил свой путь.

Неподалеку от места происшествия находились двое крестьян из соседней деревни, и они стали свидетелями случившегося. Возвратившись в деревню, они рассказали об увиденном соседям:

– Друзья! Мы стали свидетелями печального случая, который подтверждает, какие нехорошие люди бывают на этом свете. Один бедный работник прилег отдохнуть у дороги, когда подъехал надменный всадник, посчитавший, что бедняга мешает его коню. Он соскочил с лошади и кнутом стал стегать спящего. Не удовольствовавшись этим, он заставил его есть экскременты, пока того не вырвало. Потом принудил поцеловать себе руку и к тому же украл у бедняги кольцо. Но не волнуйтесь, мы подстережем этого высокомерного всадника, когда он будет возвращаться, и всыплем ему так, чтобы неповадно было издеваться над простыми людьми.

Прежде чем поверить чужому мнению, узнайте, сколько в нем правды, а сколько –

ДОМЫСЛОВ.

Твое собственное мнение

В один оазис пришел молодой человек, попил воды и спросил у старика, который отдыхал возле источника:

– Какие люди живут здесь?

Старик, в свою очередь, спросил у юноши:

– А какие люди живут там, откуда ты пришел?

– Куча эгоистов с плохими помыслами, – ответил молодой человек.

– Таких же ты найдешь и здесь, – сказал старик.

В тот же день другой юноша подошел к источнику утолить жажду с дороги. Увидев старика, он поздоровался и спросил:

– Какие люди живут в этом месте? Старик в ответ задал тот же вопрос:

– А какие люди живут там, откуда ты пришел?

– Прекрасные! Честные, гостеприимные, дружелюбные. Мне было больно расставаться с ними.

– Таких же ты найдешь и здесь, – сказал старик. Один мужчина, слышавший оба разговора, спросил:

– Как ты мог дать два таких разных ответа на один и тот же вопрос?

На что старик ответил:

– Каждый из нас может видеть только то, что несет в своем сердце. Тот, кто не нашел ничего хорошего везде, где побывал, не сможет отыскать ничего другого ни тут, ни в любом другом месте.

Если нам что-то не нравится в окружающем мире, то больше всего нас расстраивает не само явление, а наше мнение о нем.

Кольцо

– Я пришел, Учитель, потому что чувствую себя таким незначительным, ничтожным, ненужным, у меня нет сил что-нибудь сделать. Мне говорят, что я не гожусь ни для какой работы, что ничего не способен сделать хорошо, что я тупой и глупый. Как мне улучшить себя? Что я могу сделать, чтобы люди меня больше ценили? – спрашивал плачущий ученик.

Учитель, не глядя на него, отвечал:

– Очень жаль, юноша, но я не могу тебе помочь, мне нужно сначала решить свою проблему. Может быть, после этого... – и, сделав паузу, закончил: – Хотя, если ты согласишься помочь мне и я смогу побыстрее решить свою проблему, я попробую потом помочь тебе.

– Э-э-э, с радостью, Учитель, – неуверенно протянул юноша и в который раз почувствовал себя ненужным и одиноким в мире своих проблем.

– Хорошо! – обрадовался Учитель, снял со своего мизинца кольцо и, протянув его юноше, сказал:

– Возьми на заднем дворе лошадь и скачи на рынок. Я должен продать это кольцо, так как мне нужно уплатить долг. Мне необходимо, чтобы ты выручил за него как можно больше денег, но не продавай его меньше чем за одну золотую монету. Езжай и возвращайся с деньгами как можно быстрее.

Юноша взял кольцо и ускакал. Доехав до рынка, он стал предлагать кольцо торговцам. Они рассматривали его с интересом, пока он не заявлял цену, за которую рассчитывал его продать. Стоило ему обмолвиться об одной золотой монете, как кто-то начинал смеяться, кто-то сразу отворачивался и только один старичок был так любезен, что объяснил юноше, что один золотой – это очень дорого за такое колечко.

Желая помочь, кто-то предложил одну серебряную монету, но юноша, помня указания

Учителя не соглашаться менее чем за одну золотую монету, отказался. После того как ученик предложил купить кольцо всем, кто проходил по рынку, он, расстроившись, оседлал коня и возвратился ни с чем. Как бы он хотел сейчас обладать этой золотой монетой! Он смог бы отдать ее Учителю, чтобы тот освободился и мог дать ему совет и помощь.

Юноша вошел в комнату.

– Учитель! – обратился он. – Мне очень жаль, но я не смог выручить за монету столько, сколько ты мне сказал. Может быть, мне удалось бы достать две или три серебряные монеты, но думаю, что мне бы никого не удалось обмануть насчет действительной стоимости кольца.

– Ты мне сейчас сказал очень важную вещь, мой юный друг! – ответил, улыбаясь, Учитель. – Конечно же, вначале мы должны узнать настоящую стоимость кольца! Возвращайся и иди прямо к ювелиру. Кто лучше, чем он, знает об этом? Скажи ювелиру, что хочешь продать кольцо, и спроси, сколько он может дать. Не важно, сколько он предложит, не продавай кольцо. Возвращайся сюда.

Юноша опять оседлал лошадь.

Ювелир осмотрел кольцо в свете канделябра и под лупой, взвесил его и сказал:

– Скажи Учителю, что, если он хочет продать сейчас же, я не могу дать за его кольцо больше чем 58 золотых монет.

– Пятьдесят восемь золотых монет! – воскликнул юноша.

– Да, – подтвердил ювелир. – Если он может немного подождать, то мы сможем выручить за него около 70 золотых монет, но если продажа срочная.

Но обрадованный юноша уже не слышал последних слов ювелира, он скакал к дому Учителя, чтобы как можно быстрее сообщить радостную новость.

– Садись, – сказал Учитель после того, как выслушал отчет.

– Ты – как это кольцо: драгоценность – единственная и неповторимая. И поэтому оценить тебя может только настоящий эксперт. Чего ты ждешь, когда претендуешь, чтобы каждый встречный признал твою ценность?

И, сказав это, он вернул кольцо на свой мизинец.

Учительница, что такое любовь?

В одном из младших классов один из детей спросил:

– Учительница, что такое любовь?

Учительница почувствовала внимание всех остальных детей и должна была дать честный ответ. Так как это было перед переменой, она вывела весь класс в парк позади школы и попросила, чтобы каждый из учеников принес что-нибудь, что могло бы пробудить в нем чувство любви.

Дети разбежались, воодушевленные заданием, а когда они вернулись, учительница сказала:

– Хочу, чтобы каждый показал, что он принес с собой.

Первый ученик сказал:

– Я принес этот цветок, правда, он красивый?

Когда подошла очередь второго, он сказал:

– Я принес эту бабочку, посмотрите, какие у нее разноцветные крылья! Я присоединю ее к своей коллекции.

Третий ученик произнес:

– Я принес этого птенчика, который выпал из гнезда, правда, он чудесный?

Так, один за другим, дети показывали, что собрали в парке.

Заканчивая экспозицию, учительница заметила, что одна девочка не принесла ничего и чувствовала себя из-за этого неловко. Учительница обратилась к ней:

– А ты ничего не нашла?

Девочка, стесняясь, ответила:

– Извините, учительница, я видела цветок, почувствовала его запах, подумала сорвать,

но потом решила оставить, чтобы его аромат разливался по парку. Тоже видела бабочку, легкую, яркую, но она казалась такой счастливой, что у меня не хватило смелости поймать ее. Видела птенчика, упавшего из гнезда между веток, но, поднявшись на дерево, я увидела взгляд его матери, полный печали, и предпочла вернуть его в гнездо. Но я принесла с собой аромат цветка, ощущение свободы бабочки и благодарность матери птенца. Как я могу показать то, что принесла?

Учительница поставила девочке высшую оценку и объяснила детям, что любовь можно принести только в своем сердце.

Сон султана

В далекой стране Востока, затерянной среди пустынь, жил старый султан, обладавший несметными богатствами. Султан был человеком темпераментным и суеверным. Однажды ночью ему приснился сон, как будто он потерял все свои зубы. Султан проснулся и первым делом послал за мудрецом, чтобы тот истолковал его сон.

– Какое несчастье, мой господин! – воскликнул мудрец. – Каждый выпавший зуб – это потеря одного из родственников Вашего Святейшества.

– Какая наглость! – вскричал взбешенный султан. – Как ты посмел сказать мне подобное?! Вон отсюда!

Он позвал стражу и велел дать сто ударов кнутом мудрецу, принесшему плохую весть.

Чуть позже султан послал за астрологом и звездочетом и рассказал ему о своем сне. Звездочет, внимательно выслушав рассказ султана, сказал:

– Ваше Высочество! Большое счастье ожидает вас. Сон означает, что вы проживете долгую жизнь и переживете всех своих родственников.

Лицо султана озарила улыбка, он приказал выдать астрологу сто золотых монет. Когда мудрец выходил из дворца, один из советников султана, глядя ему вслед, сказал:

– Это невероятно! Ты сказал султану ровно то же, что и твой предшественник. Я не понимаю, почему первого наказали ста ударами кнута, а тебя одарили ста золотыми?

– Запомни, мой друг, – сказал звездочет, – что все зависит от формы, в которую мы облакаем наши рассуждения. Правду можно сравнить с прекрасным камнем. Если бросить его человеку в лицо, можно поранить; но если обернуть в деликатную обертку и предложить искренне и с нежностью, он будет принят с благодарностью. Не забудь, мой дорогой друг, что ты можешь облечь правду в разные оправы: пессимистическую, которая покажет только негативную сторону известия, и оптимистическую, которая всегда найдет позитивную сторону в происходящем.

Деревянная миска

Один человек на старости лет переехал жить к сыну, а у того уже были жена и сын, и жили они не сказать чтобы очень богато. У старика уже тряслись руки, затуманивалось зрение, и шагал он неуверенно.

Вся семья обедала за одним столом, и дрожащие руки, больной взгляд старика превращали трапезу в тяжелую для других процедуру. Пища вываливалась из его ложки на пол, а когда он пытался взять стакан, молоко проливалось на скатерть. Сын и его жена устали от этого.

– Мы должны придумать что-то, надо что-то делать с дедушкой! – сказал сын. – Хватит, уже достаточно! Он разливает молоко, шумит за столом и роняет еду на пол.

Супруги решили поставить один маленький столик в углу столовой. Там старик ел один, пока остальные члены семьи наслаждались своей трапезой.

Так как дедушка постоянно разбивал тарелки, еду ему подавали в деревянной миске. Муж с женой изредка поглядывали в сторону старика и могли увидеть слезы в его глазах, пока он сидел один за столиком. Между тем единственными словами, которые они

адресовали к старику, были холодные напоминания о том, что надо быть внимательным, каждый раз, когда у него выпадала вилка или еда.

Четырехлетний внук наблюдал все это в полном молчании.

Как-то вечером, перед ужином, отец мальчика заметил, что его сын играет на полу с кусками дерева. Глядя на ребенка с нежностью, он спросил:

– Что ты делаешь?

С такой же нежностью мальчуган ответил:

– Я делаю одну миску для тебя, а другую для мамы, чтобы, когда я вырасту, вы кушали из них.

Он улыбнулся и продолжил свое занятие.

Слова ребенка поразили родителей, они не могли ничего произнести. Слезы текли по их щекам. И хотя они не обменялись ни словом, оба знали, что делать.

Этим же вечером сын старика бережно взял отца за руку и проводил к столу, за которым собралась вся семья.

А невестка села рядом и помогала старику есть аккуратнее, вытирая его мокрый подбородок вышитым полотенцем. До конца своих дней дедушка занимал свое место за общим столом, и больше никогда в жизни ни у сына, ни у его жены не вызывали негодования ни упавшая вилка, ни разлитое молоко, ни испачканная скатерть.

Мы можем что-то изменить в отношениях с родителями, только пока они живы.

Три совета

Молодожены, которые сильно любили друг друга, жили очень бедно. Однажды муж предложил жене:

– Дорогая! Я уйду из дома искать работу, пойду так далеко, как могу, чтобы найти что-то получше. А когда заработаю столько, что смогу предложить тебе достойную и более удобную жизнь, вернусь. Не знаю, сколько времени я проведу вдаль от дома. Только прошу тебя, чтобы ты ждала меня и в мое отсутствие была верна мне, так же как я буду верен тебе.

Так, будучи очень молодыми, они расстались. Юноша шагал много дней, пока не набрел на ферму, хозяин которой нуждался в помощнике. Парень предложил свои услуги и был принят. Единственное, о чем юноша попросил хозяина, – отпустить его, когда он почувствует, что пришло время возвращаться.

– Я не хочу получать свое жалованье, – сказал юноша. – Прошу господина, чтобы он клал деньги на мой счет до того дня, пока я не уволюсь. В тот день, когда я буду уходить, вы мне отдадите заработанные деньги.

Хозяин согласился, и юноша проработал у него двадцать лет без отпуска и отдыха. После двадцати лет работы он подошел к своему хозяину и сказал:

– Хозяин! Я хочу взять свои деньги и вернуться домой.

Хозяин ответил:

– Хорошо, у нас с тобой был договор и я его выполню, только сначала хочу тебе сделать одно предложение. Я тебе дам твои деньги, и ты уйдешь, или дам тебе три совета и не дам денег, и ты уйдешь. Если дам денег, не дам советов, и наоборот. Иди в свою комнату и подумай, а потом дашь ответ.

Работник думал два дня, а потом отыскал хозяина и сказал:

– Хочу три совета.

Хозяин напомнил:

– Если дам советы, не дам денег.

И мужчина подтвердил:

– Хочу советы.

Тогда хозяин произнес:

– Никогда не сокращай дороги, более короткие и неизвестные пути могут стоить тебе жизни.

Никогда не проявляй любопытства к тому, что кажется плохим, любопытство может стать фатальным для тебя.

Никогда не принимай решений в моменты ненависти и боли, можешь об этом пожалеть, но будет поздно.

После этого хозяин сказал своему работнику:

– Вот тебе три хлеба. Два для того, чтобы съесть в дороге, а третий съешь с женой, когда вернешься домой.

Мужчина взял хлеба, поблагодарил хозяина и пошел домой по дороге длиной в двадцать лет его жизни от дома и жены, которую он так любил.

В конце первого дня пути он повстречал человека, который поздоровался с ним и спросил, куда тот направляется. Юноша, который уже стал зрелым мужчиной, ответил, что идет далеко, двадцать дней пути по этой дороге. Человек сказал ему, что этот путь очень длинный и он знает более короткий, которым можно добраться за несколько дней, и указал ему этот путь. Работник, довольный обретенной возможностью поскорее увидеть жену, свернул на короткий путь, когда вспомнил первый совет своего бывшего хозяина. Тогда он вернулся на знакомую дорогу. Несколько дней спустя от других он узнал, что короткая дорога вела в непроходимый лес и трясину.

Еще через несколько дней пути, уставший, он наткнулся на придорожную гостиницу, заплатил за ночь и, вымывшись, улегся спать. Под утро он проснулся, разбуженный странными криками. Он вскочил и одним прыжком оказался у двери, из-за которой доносились эти крики. Когда он прикоснулся к двери, чтобы открыть ее, вспомнил второй совет. Вернулся в свою комнату и лег в кровать спать. Утром, выпив кофе, он собрался уходить, когда хозяин гостиницы спросил, не слышал ли он ночью криков, и он ответил, что слышал. Хозяин гостиницы спросил, не было ли ему любопытно узнать, отчего эти крики, и он ответил, что нет. Тогда хозяин сказал:

– Вы первый из постояльцев, кто выходит отсюда живым, потому что мой единственный сын по ночам страдает приступами сумасшествия, кричит всю ночь и, если кто-то заходит, набрасывается, убивает и хоронит в амбаре.

Мужчина продолжил свой долгий путь, томимый желанием поскорее дойти до дома. После многих дней и ночей ходьбы, под вечер увидел между деревьями дым, выходящий из трубы его маленького дома, ускорил шаг и увидел между кустами силуэт своей жены. Темнело, но он успел рассмотреть, что она была не одна. Он еще немного приблизился и увидел у ее ног мужчину, которого она гладила по волосам. Сердце его переполнилось ненавистью и горечью, и он уже хотел вбежать и убить их обоих без сожаления, когда вспомнил о третьем совете. Он глубоко вздохнул, замедлив шаг, потом остановился, подумал и решил переночевать на этом месте, а на следующий день принять решение. На рассвете, остыв сердцем, он решил: «Не буду убивать жену! Вернусь к своему хозяину и попрошу, чтобы он принял меня обратно. Только до этого хочу сказать моей жене, что всегда был верен ей».

Он направился к двери дома и постучал. Когда жена открыла дверь и узнала его, она бросилась к нему на шею и обвила руками. Он хотел оторвать ее руки, но не смог. Тогда со слезами на глазах он сказал: «Я был верен тебе всю жизнь, а ты предала меня!»

– Как! Я никогда не предавала тебя, я тебя ждала и была верна тебе все эти двадцать лет! – воскликнула женщина.

– А кто тогда тот мужчина, которого ты ласкала вчера вечером?

И она ответила:

– Тот мужчина – наш сын. После того как ты ушел, я обнаружила, что беременна. Сейчас ему двадцать лет.

Тогда муж вошел, увидел и обнял своего сына и рассказал им всю свою историю, пока жена готовила обед. После слез радости встречи и разговоров они сели за стол, и мужчина стал делить последний хлеб.

Когда он разломил булку, оттуда выпали все заработанные им деньги.

Идеальный мир

Как-то один король объявил о высокой награде тому, кто нарисует картину идеального спокойствия, идеального мира. Многие художники представили свои работы, король посмотрел все и отобрал две, чтобы определить победителя.

На первой было отобразено очень спокойное озеро, в котором отражались величественные горы, окружавшие его. Вверху было чистое голубое небо с невесомыми белыми облаками. Все, кто смотрел на картину, чувствовали умиротворение и считали, что на ней изображен идеальный мир.

На второй картине тоже были изображены горы, а над ними – разгневанное небо, которое прорывалось ливнем, громом и молнией. Гора внизу превратилась в водопад. Ничего мирного в этой картине не было. Но при более тщательном рассмотрении картины король увидел за водопадом, под нависшим выступом горы, маленькое тоненькое деревце, которое росло на небольшой площадке. На деревце находилось гнездо, а в нем можно было рассмотреть птичку, которая спокойно сидела внутри... «Идеальный мир!» – подумал король и назначил награду второй картине, так как идеальный мир не означает места без шума, проблем и сотрясений. Пребывать в мире – это чувствовать спокойствие и равновесие в своем сердце и гармонию в своей душе; внутреннему миру не должно мешать ничего из того, что происходит снаружи.

Слон думал, что

Одному мальчику очень нравилось ходить в цирк. Как-то раз в их город приехал цирк с животными, и ребенок упросил отца повести его на представление.

На арене появился слон. Он выделял чудеса: поднимал тяжести, жонглировал, ходил на задних лапах. После представления мальчик заглянул за забор и увидел, что слон привязан цепью за одну ногу, а колышек с цепью вбит в землю. Для слона ничего не стоило вырвать колышек и уйти.

– Папа! А почему слон не уходит в джунгли, ведь он может это сделать? – спросил мальчик у отца. – Он же такой сильный!

– Потому что он дрессированный и уже привык. А еще потому, что когда его маленьким поймали и привязали, то действительно приковали к цепи очень крепко. Он каждый день, будучи маленьким и одиноким, старался освободиться от цепи, бил ногой о землю, старался оторвать цепь другой ногой, уставал, выбивался из сил, и, наконец, наступил тот день, когда он признал собственное бессилие и смирился со своей судьбой и тем, что никогда не сможет вырваться. А сейчас, когда он вырос в большого и могучего слона, он все еще думает, что не может освободиться. Он помнит, что не может, и хуже всего, что после этого он никогда больше не пробовал, не проверял еще раз.

И мы живем, как этот слон, веря в то, что никогда не сможем освободиться только потому, что когда-то попробовали и у нас не получилось.

Сколько стоит время

Представьте себе, что существует банк, который каждое утро зачисляет на ваш счет сумму в 86 400,00 долларов, и каждый вечер списывает полностью остаток, который вы не использовали в течение дня. Что бы вы делали? Конечно, снимали бы со счета ежедневно до конца дня все до последней копейки.

У каждого из нас есть такой банк. Каждое утро этот банк кладет на наш счет 86 400 секунд. Каждую ночь этот банк снимает с нашего счета и относит в потери то количество времени, которое не было использовано на что-то хорошее. Этот банк не позволяет накоплений и не сохраняет остатков. Каждый день нам открывают новый счет, и каждую

ночь уничтожают сальдо дня. Если не используем депозит в течение дня – это наши потери. Ничего нельзя вернуть, ничего нельзя изменить, не существует переноса остатков на завтра.

Мы можем жить только настоящим депозитом сегодняшнего дня. И лучше потратить как можно больше на здоровье, счастье и успех. Время идет. Используем же его по максимуму в течение дня.

Цену времени можно реально почувствовать, ощутить.

Любой студент скажет, сколько стоит год учебы, когда сдает годовой экзамен.

Любая мать скажет, сколько стоит первый месяц жизни ребенка, которого она родила.

Любой ребенок скажет, сколько стоит один день в ожидании, что завтра Дед Мороз принесет ему подарок.

Любой влюбленный скажет, сколько стоит час ожидания перед тем, как увидится с любимой.

Любой пассажир, опоздавший на поезд, скажет, сколько стоит одна минута.

Любой человек, переживший аварию, скажет, сколько стоит одна секунда.

Любой чемпион скажет, сколько стоит одна сотая секунды.

Время не ждет никого. Поэтому неплохо было бы научиться ценить время, каждый его момент, особенно когда рядом кто-то очень близкий и дорогой. Время – это единственная невозможная ценность, ничто не дается нам так легко и не стоит так дорого.

Время не ждет никого. Вчера – это уже история, завтра – загадка, сегодня – подарок, который так и называется – настоящее.

Честность

Один раз король созвал всех неженатых юношей своего королевства, чтобы найти пару для своей дочери. Все приглашенные собрались во дворце, и король обратился к ним с речью:

– Я дам по одному семечку каждому из вас. Это семена разных растений. Через шесть месяцев вы должны будете привезти во дворец горшок со своим растением. Чье растение окажется самым красивым, тому я отдам руку своей дочери и королевство в придачу.

Так он и поступил. И был один юноша, который посадил семя, но оно не проросло. Все же остальные юноши королевства только тем и занимались, что разговаривали и показывали всем цветы, которые выросли из данных королем семян.

Прошло шесть месяцев, и юноши стали стекаться со всех сторон к королевскому дворцу, каждый со своим горшком.

Юноша, у которого семечко не проросло, был опечален и не хотел идти во дворец, но его родные настояли на том, чтобы он представился королю, так как изначально был одним из участников и должен идти до конца. С опущенной головой, испытывая жгучий стыд, пошел он во дворец с горшком, в котором была только земля.

Все юноши говорили о своих растениях, а завидев соперника с пустым горшком, стали насмехаться и издеваться над ним.

В этот момент в зал вошел король, и все замерли в почтительном в поклоне. Король подходил и рассматривал каждое растение, удовлетворенно кивая головой, а потом велел позвать принцессу, взял ее за руку и подвел к юноше с пустым горшком.

Удивленные участники ожидали объяснения. Тогда король сказал:

– Это новый наследник трона, и он станет мужем моей дочери. Я дал вам по одному неплодородному семени, и каждый из вас постарался меня обмануть, посадив другие растения. Но этот юноша имел мужество предстать и продемонстрировать свой пустой горшок: честно, искренне и мужественно. Именно такими качествами и должен обладать король, и только такой человек достоин быть мужем моей дочери.

Шанс

Один мужчина проснулся среди ночи и увидел рядом Ангела. Тот поведал мужчине, что его ожидает прекрасное будущее: ему представится возможность стать богатым, достичь уважения и почета в обществе и жениться на прекрасной женщине.

Мужчина прожил жизнь в ожидании обещанных благ, но ничего не произошло. Он умер бедным и в одиночестве. Когда он поднялся к вратам неба, он увидел того самого Ангела, который посетил его при жизни, и возопил:

– Ты мне пообещал богатство, всеобщее уважение и красивую жену. Я провел всю жизнь в ожидании этого, и ничего не сбылось!

– Я не давал тебе такого обещания, – ответил Ангел. – Я пообещал, что у тебя будет возможность, шанс стать богатым, уважаемым и любимым.

Мужчина был удивлен:

– Я не понимаю, что ты хочешь этим сказать?

– Помнишь, как один раз тебя посетила идея создать свой собственный бизнес, но из-за страха потерпеть поражение ты отказался и никогда больше не пытался реализовать ее?

Мужчина кивнул в знак согласия.

– Через несколько лет та же идея пришла в голову другому, и тот не побоялся неудачи. Помнишь, он превратился в одного из самых богатых людей страны! Ты должен помнить, – продолжал Ангел, – ужасное землетрясение, которое разрушило город до основания. Тысячи людей остались под обломками домов. В то время у тебя был шанс участвовать в поисках пропавших и вызволить из-под обломков выживших, но ты не захотел оставить свой дом без внимания из страха, что мародеры могут разграбить его. Поэтому ты игнорировал призыв о помощи и остался дома.

Мужчина, почувствовав жгучий стыд, кивнул.

– Это был твой шанс спасти жизнь сотням людей и заслужить их уважение, – продолжил Ангел. – И, наконец, ты помнишь прекрасную женщину с рыжими волосами, которая так тебе нравилась? Ты находил ее несравненной, прекрасной и считал, что никогда в жизни не видел большей красоты. И, несмотря на это, ты подумал, что такая женщина не выйдет замуж за тебя. И для того, чтобы избежать отказа, никогда ничего ей не предложил.

Мужчина опять кивнул, но сейчас уже слезы катились по его щекам.

– Да, мой друг, она могла быть твоей женой, – сказал Ангел, – и с ней ты бы был счастлив, у вас были бы красивые здоровые дети, твой род цвел и преуспевал бы...

Всем нам ежедневно даются шансы, но очень редко из-за своих страхов и нерешительности мы используем их.

Коробочка с поцелуйчиками

История рассказывает нам о том, что как-то раз один мужчина наказал свою пятилетнюю дочку за то, что она истратила целый рулон золотистой бумаги для обертывания подарков. В семье было туго с деньгами, и человек разозлился, что его дитя перевело всю золотистую оберточную бумагу на то, чтобы обклеить ею какую-то картонную коробку. Коробку девочка бережно положила под новогоднюю елку.

В утро Нового года она принесла свою «золотую» коробочку отцу со словами:

– Это тебе, папочка!

Отец устыдился того, что так разозлился накануне вечером, но его плохое настроение не замедлило вернуться, когда он развернул подарок и увидел коробку пустой. Он сказал девушке раздраженно:

– Вы не знаете, девушка, что когда кто-то кому-то что-то дарит, то подарок должен находиться внутри упаковки?

Дочка обернулась к отцу, в ее глазах блеснули крупные слезы:

– Но, папочка, она не пустая! Я наполнила ее поцелуйчиками доверху!

Отец, сраженный наповал, упал на колени, обнял свою дочурку и просил, чтобы она простила его за грубое безжалостное поведение.

Какое-то время спустя несчастный случай забрал жизнь этой девочки. Говорят, что ее отец хранил золотистую коробочку рядом со своей постелью до конца своей жизни. Когда он чувствовал себя одиноко и ему не хотелось жить, он опускал руку в золотистую коробочку и доставал один воображаемый поцелуйчик своего ребенка.

«Тайная вечеря» Леонардо

Есть одна легенда о том, как создавалась картина Леонардо да Винчи «Тайная вечеря», одно из самых известных полотен мастера. Из-за трудностей в подборе натурщиков, которые походили бы на персонажей, работа над картиной продолжалась 20 лет.

В начале работы было проблемой найти натурщика, который был бы хоть как-то похож на Иисуса, чтобы его лицо излучало чистоту, доброту, любовь... и в то же время экстраординарную мужскую красоту.

Наконец художник нашел такого юношу. Потом он подыскивал модели для одиннадцати апостолов, которых рисовал всех вместе, оставив на потом Иуду Искариота, так как опять не удавалось найти нужного человека. Это должен был быть зрелый мужчина со следами предательства, продажности и скупости на лице.

Картина долгое время оставалась незаконченной, пока не объявился один ужасный преступник, которого власти с огромным трудом изловили.

Леонардо пошел посмотреть на него и увидел, что это именно тот человек, который нужен ему для окончания картины. Художник обратился к судье с просьбой разрешить заключенному позировать. Судья, поклонявшийся гению да Винчи, разрешил, и заключенного под стражей и в оковах привели в студию к мастеру. За все время работы преступник не выказал ни радости, ни огорчения от того, что был избран моделью; он был неразговорчивым и отрешенным.

В конце да Винчи, довольный результатом, подозвал заключенного и показал полотно. Когда преступник увидел картину, он упал на колени и разрыдался.

Да Винчи, удивленный таким поворотом событий, спросил у преступника, что так сильно повлияло на него. И заключенный ответил: «Маэстро да Винчи! Неужели вы' меня не помните?»

Да Винчи, взглядевшись в его лицо, недоуменно пожал плечами.

Плача и прося прощения у Бога, преступник сказал: «Маэстро, я тот самый юноша, с которого вы писали Иисуса много лет назад».

Три трубки

Один человек как-то раз пришел к вождю своего племени разгневанный и сказал, что жаждет отомстить врагу, который оскорбил его до глубины души. Человеку хотелось найти и убить его тотчас и без жалости.

Вождь внимательно выслушал соплеменника и предложил, прежде чем исполнить задуманное, наполнить свою трубку табаком, пойти под священное дерево и в спокойствии выкурить ее.

Целый час понадобился обиженному для того, чтобы выкурить трубку. Он очистил ее от пепла и решил вернуться поговорить с вождем для того, чтобы сказать: после размышления он передумал убивать своего врага, а решил вместо этого дать ему хороших палок, чтобы тот никогда не забывал о том, как нельзя поступать с другими.

Вождь выслушал человека, согласился с его решением и приказал, чтобы он еще раз наполнил свою трубку табаком и отправился выкурить ее под священное дерево.

В этот раз трубка была выкурена за полчаса. Мужчина опять вернулся к вождю и сказал, что передумал наказывать своего врага битьем, но пойдет и выскажет ему в лицо все, о чем думает, чтобы тот почувствовал стыд перед всеми богами.

Как и прежде, вождь очень внимательно выслушал своего подопечного и попросил его

вновь наполнить трубку и пойти к дереву.

Мужчине это не очень понравилось, но он, уже более спокойный, направился к дереву и выкурил третью трубку.

Когда он закончил и вернулся к вождю, то сказал:

– Подумаю лучше, я увидел, что все не так страшно. Пойду, обниму своего обидчика, так я верну себе друга, который уже точно пожалел, что обидел меня.

Вождь подарил ему две порции табака, чтобы они выкурили вместе с другом под деревом, и сказал:

– Это именно то, о чем я хотел просить тебя, но не мог сказать. Нужно было дать тебе время, чтобы это решение пришло в голову тебе самому.

Не забудь о главном

Одна легенда рассказывает о том, как очень бедная женщина с младенцем на руках проходила мимо придорожного трактира, когда услышала голос: «Войди и возьми все, что пожелаешь, но не забудь о главном. Запомни одно: после того как ты выйдешь, дверь захлопнется навсегда. А пока используй свой шанс, но не забудь о главном!»

Женщина вошла в трактир и увидела, что его столы ломятся от золота и драгоценностей. Пораженная видом несметного богатства, она опустила ребенка на пол и с жадностью стала наполнять монетами и камнями свой передник.

Голос предупредил женщину: «У тебя осталось девять минут!» Обессилев и запыхавшись, нагрузившая себя до отказа за оставшиеся минуты, женщина выскочила из трактира с золотом, украшениями и драгоценными камнями. Дверь захлопнулась... Только тогда она вспомнила о ребенке, которого оставила внутри. Но дверь была закрыта навсегда.

То же самое иногда происходит с нами. Мы живем в этом мире редко дольше ста лет, и часто внутренний голос подсказывает нам: не забудь о главном. А главное – это духовные ценности, жизнь, семья.

Но деньги, прибыль, богатства и материальные удовольствия подчас настолько застилают нам глаза, что главное всегда остается по другую сторону до тех пор, пока смерть не расставляет все по своим местам. Когда дверь этой жизни закроется для нас навсегда, нашей душе не пригодятся плотские богатства.

Принять страдание

Во времена Будды у одной женщины умер единственный сын. Не в состоянии перенести этого, женщина стала искать того, кто мог бы оживить ее сына. Ей сказали, что только Будда может это сделать.

Женщина пошла к Будде, воздала ему почести и стала умолять его оживить сына.

– Ты можешь приготовить лекарство, чтобы оживить его? – спросила женщина.

– Могу, – ответил Будда, – но для этого мне понадобятся некоторые ингредиенты.

– Какие ингредиенты? – спросила женщина с облегчением.

– Принеси мне горсть горчичных семян, – сказал Будда. Женщина пообещала, что сейчас же займется поиском, но до того как она ушла, Будда добавил: горчичные зерна обязательно должны быть принесены из дома, где не умер ни один ребенок, ни один супруг, родитель или слуга.

Женщина кивнула и поспешно удалилась. Она шла от дома к дому в поисках семян. Во всех домах, где она побывала, люди были рады помочь ей, предлагая свои горчичные семена, но когда она задавала им вопрос, умер ли в их доме кто-нибудь, оказывалось, что каждый из этих домов посетила смерть. В одном родители потеряли дочь, в другом хозяева потеряли слугу, у кого-то умер муж, отец или мать. Женщина не могла найти ни одного дома, где не испытывали бы страдания от смерти. Когда она поняла, что не она одна чувствует боль утраты, она попрощалась с безжизненным телом сына и пошла повидать Будду, который с

состраданием сказал ей:

– Ты думаешь, что только ты одна потеряла сына? Закон смерти в том, что она не может пребывать в живых.

Поиски женщины убедили ее в том, что никто не свободен от страданий и потерь. И она не была исключением. Осознание этого не уничтожило боли, неизбежной при потере близких, но помогло принять страдание, пережить его, восстановиться и жить дальше.

Поддержка

Двое тяжело больных мужчин делили одну больничную палату. Одному из них разрешали садиться на час один раз в день для дренажа легких. Его кровать находилась возле единственного в палате окна. Другой должен был все время лежать на спине. Мужчины разговаривали непрерывно, целыми днями, они говорили о своих женах, детях, домах, работе, рассказывали о случаях из своей жизни, о том, в каких странах успели побывать и что видели. Каждый день в послеобеденное время, когда мужчине возле окна разрешали садиться, он в деталях описывал соседу то, что видел за окном.

Со временем мужчина, вынужденный все время лежать, начал с нетерпением ждать этих рассказов. Глазами соседа он мог видеть все, что происходило за окном, и наслаждаться картинами, образами, действиями внешнего мира жизни.

Окно выходило в парк, разбитый у красивейшего озера. Утки и лебеди плавали по нему, а дети играли со своими корабликами у кромки воды. Влюбленные, держась за руки, гуляли среди ярких цветов. Это был пейзаж с вековыми могучими деревьями и видом на город. Пока сидящий возле окна мужчина описывал все в мельчайших подробностях, его товарищ закрывал глаза и представлял себе эту красочную картину. Один раз сосед описал ему парад, проходивший под стенами госпиталя, и, хотя лежащий больной не слышал оркестра, он смог увидеть внутренним взором все то, о чем рассказывал его товарищ по палате.

Проходили дни и недели, и как-то утром медсестра, зашедшая в палату для проведения процедур, обнаружила безжизненное тело пациента у окна. Больной заснул и ушел из жизни прямо во сне. С большой грустью она сообщила эту печальную новость второму мужчине и позвала санитаров, чтобы забрали тело. На следующий день лежащий пациент попросил, чтобы его перевели к окну. Медсестра с радостью поспешила выполнить желание больного и перевезла его кровать на новое место. Убедилась, что ему удобно и оставила одного.

С огромным напряжением и болью человек приподнялся, опираясь на руки, чтобы впервые за много дней увидеть внешний мир. Теряя последние силы, он постарался выглянуть в окно и увидел... стену соседнего здания.

Растерянный и расстроенный, он спросил у медсестры, что подвигло его бывшего соседа рассказывать о тех чудесных вещах за окном, которых не было и быть не могло.

Медсестра ответила, что умерший был слепым и не мог видеть даже стену за окном. Она сказала:

– Может, он просто хотел поддержать вас.

Это безграничная радость – облегчать боль другим, несмотря на свою собственную. Разделенное горе уменьшает печаль, а разделенная радость удваивается.

Богатство, успех и любовь

Одна женщина, выходя из своего дома, увидела трех стариков с длинными белыми бородами, сидящих напротив ее дома.

Они были незнакомы ей, и женщина сказала:

– Я не думаю, что знаю вас, но вы должно быть голодны. Пожалуйста, зайдите в дом и согласитесь разделить со мной хлеб.

– В доме есть мужчина? – спросили старики.

– Нет, – сказала женщина, – он вышел.

– Тогда мы не можем зайти, – ответили они.

Ближе к вечеру, когда муж вернулся домой, женщина рассказала ему о том, что случилось.

– Пойди и скажи, что я уже дома, и пригласи их зайти, – сказал мужчина.

Женщина вышла и пригласила старцев в дом.

– Мы не зайдем в дом вместе, – ответили они.

– Можно поинтересоваться, почему?

Один из стариков объяснил, указывая по очереди на каждого:

– Его имя – Богатство, а имя другого – Успех, мое же имя – Любовь. Сейчас возвращайся и посоветуйся со своим мужем, кого из нас вы хотите пригласить.

Женщина вошла и передала мужу все, о чем услышала. Мужчина обрадовался и воскликнул:

– Как хорошо! Давай пригласим Богатство! Пусть войдет в наш дом и заполнит его достатком.

Жена не была уверена, что согласна с мужем:

– Дорогой мой! Почему бы нам не пригласить Успех?

– Не лучше ли пригласить Любовь? – присоединилась их дочь, слышавшая все и прибежавшая с заднего двора. – Представляете, тогда наш дом наполнится любовью!

– Давай прислушаемся к совету дочери, – сказал жене муж. – Выйди и пригласи Любовь быть нашим гостем.

Женщина вышла и спросила трех стариков:

– Кто из вас Любовь? Пожалуйста, пройдите и будьте нашим гостем.

Любовь поднялся и пошел к дому. Оставшиеся двое поднялись и пошли вслед за ним.

Удивленная женщина обратилась к Богатству и Успеху:

– Я пригласила только Любовь, почему же вы тоже заходите?

Старики ответили:

– Если бы вы позвали только Богатство или только Успех, другие двое оказались бы за дверью. Но вы позвали Любовь, а куда бы она ни пошла, мы сопутствуем ей.

Все, что мы делаем, делаем для себя

Один старый плотник собрался уходить на пенсию. Он обратился к своему начальнику с просьбой отпустить его, сказав, что хочет оставшееся время посвятить своей семье – жене, детям и внукам, и хоть немного насладиться жизнью.

Начальник посокрушался о том, что теряет такого замечательного работника, и попросил его о персональном одолжении: построить последний дом.

Плотник согласился, но работал уже без желания и не вкладывал в свое произведение душу, как делал прежде. Он спешил, использовал не самые качественные материалы, работал недостаточно точно, в общем, заканчивал свой профессиональный путь неудачным произведением.

Когда плотник закончил свою работу, а начальник пришел принять ее, он протянул плотнику ключи от дома и сказал:

– Этот дом – твой. Это мой подарок тебе за долгие годы хорошей работы.

«Какая трагедия! Какой стыд! Если бы я знал, что строю свой собственный дом, все было бы совсем иначе. И сейчас я должен жить в самом худшем доме, который когда-либо сделал!» – горевал плотник.

Мост

Не так давно жили-были два брата, которые любили друг друга и много лет проработали бок о бок, обрабатывая землю и выращивая хлеб. Но как-то они сильно поссорились. Это был их первый серьезный конфликт за сорок лет. Долгое и дружное

сотрудничество, взаимопомощь и братство закончились неожиданно быстро. Ссора началась с маленького недопонимания и переросла в огромный ком обид, который взорвался криками, взаимными обвинениями, ругательствами, горечью.

Последовали недели молчания.

Однажды в дверь к старшему брату постучали. Он открыл – за дверью стоял работник с чемоданом инструментов.

– Я ищу работу, может, вам нужно что-то отремонтировать: сарай, дом, я бы мог вам помочь.

– Да, – сказал хозяин дома, – у меня есть для тебя одна работа. Смотри, по ту сторону ручья стоит дом, там живет мой сосед, вернее, мой младший брат. Еще на прошлой неделе между нами на месте ручья была одна прекрасная лужайка. Он взял и своим бульдозером изменил русло, чтобы ручей нас разделил. Может, он сделал это, чтобы разозлить меня? Ну, если он так этого хочет, я сделаю лучше. Видишь, там гора досок? Я хочу, чтобы ты мне построил забор высотой в два метра, не хочу никогда больше видеть дом моего брата.

Плотник сказал:

– Думаю, что понимаю вашу ситуацию. Покажите мне, где лежат гвозди и бревна, которые мне понадобятся, и в конце дня я вам представлю свою работу, уверен, вы останетесь довольны.

Старший брат помог плотнику собрать все материалы и уехал в поселок за продуктами.

Плотник работал без отдыха весь день: мерил, отпиливал, забивал. Под вечер, когда солнце начало садиться, он, наконец, закончил свой труд, к этому времени хозяин подъезжал к дому. Его глаза искали, но не находили никакого забора. На его месте был мост! Мост, который соединял два дома через ручей. Он был произведением искусства: отшлифованный, с резьбой по перилам.

В этот момент его сосед, младший брат, возвращался с поля и, увидев мост, бросился на шею к своему старшему брату, обнял его и сказал:

– Ты – настоящий человек! Какой прекрасный мост ты построил – и это после всего, что я тебе сделал и наговорил!

Братья стали обниматься, радоваться, наперебой рассказывать друг другу новости. Старший брат обернулся, чтобы поблагодарить плотника, но тот уже был далеко, его фигура почти исчезла за поворотом дороги.

Что-то изменилось

Как-то раз один отдыхающий гулял по пляжу. Море, ветер, влажный песок, заходящее солнце... Какая красота! Вдали он увидел человека. Тот наклонялся, брал что-то в руки, бросал в воду и опять наклонялся. Когда мужчина подошел поближе, то увидел, что человек подбирает морские звезды, которые выбросило на берег, и возвращает их морю. Он удивился и спросил:

– Добрый вечер! Можете сказать, чем вы заняты?

– Я возвращаю морские звезды в среду их обитания. Сейчас такой слабый прилив, что все звезды остались на берегу. Если их не забросить в море, они все погибнут.

– Я понимаю, но на пляже тысячи таких звезд. Их невозможно вернуть все, их слишком много! И ведь то же самое происходит на сотне пляжей вдоль всего побережья. Разве вы не понимаете, что ничего не можете изменить?

Человек улыбнулся, вновь наклонился, поднял еще одну морскую звезду для того, чтобы бросить ее в воду, и ответил:

– Для этой – что-то изменится.

Мышь и мышеловка

Как-то раз мышонок высунулся из своей норы и наблюдал, как хозяин дома с женой

разворачивают пакеты с покупками.

– Что же там может быть вкусенького? – размышлял он и пришел в ужас, когда увидел, что в одном из пакетов лежит мышеловка.

Выскочив во двор, мышонок бросился всех предупреждать:

– В доме мышеловка! Мышеловка в доме!

Курица, искавшая своих цыплят, пошаркав ногой, сказала:

– Извини, мышонок, я понимаю, что это большая проблема для тебя, но меня она не касается и не беспокоит.

Мышонок побежал к овце:

– В доме есть мышеловка!

– Извини, мышонок, но я ничего не могу сделать для тебя, разве что помолиться. Будь спокоен, ты в моих молитвах!

Мышонок подбежал к корове, и та сказала ему:

– Что ты говоришь! Мышеловка? Я, случайно, не в опасности?

– Думаю, что нет.

Тогда мышонок вернулся в дом, с опущенной головой, подавленный, для того, чтобы остаться один на один с мышеловкой.

Той же ночью он услышал шум, как будто мышеловка захлопнулась за жертвой. Хозяйка вскочила с кровати, чтобы посмотреть, что попало в ловушку, но в темноте не заметила, что это был хвост ядовитой змеи. Змея укусила хозяйку дома, хозяин быстро отвез ее в больницу. Жена вернулась оттуда с температурой. В таких случаях нет ничего лучше куриного бульона. Муж взял нож и пошел за курицей. Женщина продолжала болеть, друзья и соседи пришли проведать ее, их нужно было чем-то накормить. Мужу пришлось зарезать овцу. Но жена не выдержала и умерла. На похороны пришло много народу. Убитый горем, печальный, но благодарный за поддержку людей вдовец, чтобы накормить всех, зарезал корову.

Кто остался в живых?

Мы живем в одном мире, поэтому, когда мы слышим, что где-то проблемы, обязаны помнить: если в доме мышеловка, в опасности весь скотный двор.

Любить – это отдавать все

Один продавец, стоявший за прилавком своего магазина, рассеянно смотрел на улицу.

Маленькая девочка подошла к его магазину и буквально прилипла носом к витринному стеклу. Ее светло-голубые глаза заблестели от восторга, когда она увидела то, что искала. Она вошла внутрь и попросила, чтобы ей показали бусы из бирюзы.

– Это для моей сестры. Вы можете красиво завернуть их? – спросила девчушка.

Хозяин с недоверием посмотрел на малышку и спросил:

– А сколько у тебя денег?

Без тени сомнения ребенок вытащил из кармана платочек, высыпал из него на прилавок всю содержащуюся там мелочь и спросил, счастливо улыбаясь:

– Этого хватит?

Там было всего несколько мелких монет. Но девочка с гордостью продолжала:

– Знаете, я хочу подарить это своей старшей сестре. С тех пор как умерла наша мама, сестра заботится о нас, а на себя у нее не остается времени. Сегодня день ее рождения, и я уверена, что она будет счастлива получить такие бусы, они очень подойдут под цвет ее глаз.

Мужчина взял бусы, пошел в глубь магазина, принес красивый футляр, положил туда бирюзу, обернул сверху блестящей красной подарочной бумагой и перетянул красивой зеленой лентой, завязав ее бантом.

– Держи! – сказал он девочке. – И носи осторожно.

Девчушка выбежала счастливая и вприпрыжку понеслась к дому.

Рабочий день подходил к концу, когда порог того же магазина переступила очень

красивая молодая девушка. Она положила на прилавок знакомый продавцу футляр и отдельно красную оберточную бумагу и развязанный зеленый бант.

– Эти бусы были куплены здесь? Сколько они стоили?

– А! – сказал хозяин магазина, – стоимость любого изделия в моем магазине – это всегда конфиденциальный договор между мной и клиентом.

Девушка заявила:

– Но у моей сестры было только несколько монет. Бусы из настоящей бирюзы, так ведь? Они должны стоить очень дорого. Это нам не по карману!

Мужчина взял футляр, с большой нежностью и теплотой восстановил упаковку, вручил девушке и сказал:

– Она заплатила самую высокую цену, больше, чем мог заплатить любой взрослый: она отдала все, что имела.

Тишина заполнила маленький магазинчик, и две слезы скатились по лицу девушки, сжимающей в дрожащей руке небольшой сверток...

Молитва

Однажды император попросил Мастера прийти во дворец и помолиться за него. Мастер пришел, но молиться отказался. Он сказал:

– Это невозможно. Есть несколько вещей в жизни, которые каждый должен делать сам. Например, если вы хотите обнять женщину, я не могу сделать это за вас. Или если вы должны высморкаться, вам самому придется сделать это. Я могу сделать это, но вам ведь не поможет То же самое в отношении молитвы. Как я могу молиться за вас? Вы молитесь, и я буду молиться.

Сказав это, он закрыл глаза и погрузился в глубокую медитацию.

Сосуд жизни

Как-то один мудрец, стоя перед своими учениками, взял большой стеклянный сосуд и наполнил его до краев большими камнями. Прodelав это, он спросил учеников, полон ли сосуд. Все подтвердили – да, полон. Тогда мудрец взял коробку с мелкими камушками, высыпал ее в сосуд и несколько раз легонько встряхнул его. Камушки раскатились в промежутки между большими камнями и заполнили их. После этого мудрец снова спросил учеников, полон ли сосуд теперь. Они снова подтвердили – полон. И наконец мудрец взял со стола коробку с песком и высыпал его в сосуд. Песок, конечно же, заполнил последние промежутки между камнями.

– Теперь, – обратился мудрец к ученикам, – я хотел бы, чтобы вы смогли увидеть в этом сосуде свою жизнь. Крупные камни олицетворяют важные вещи в жизни: ваш путь, ваша вера, ваша семья, ваш любимый человек, ваше здоровье, ваши дети – те вещи, которые, даже не будь всего остального, все еще смогут наполнить вашу жизнь. Мелкие камушки представляют менее важные вещи, такие, как, например, работа, дом или увлечения. Песок – это жизненные мелочи, повседневная суета. Если вы наполните ваш сосуд вначале песком, то уже не останется места для более крупных камней. Так же и в жизни: если вы всю вашу энергию израсходуете на мелкие поступки, то для больших уже ничего не останется. Поэтому обращайтесь внимание, прежде всего, на важные вещи, находите время для ваших детей и любимых, следите за своим здоровьем. У вас остается еще достаточно времени для работы, для дома, для празднований и всего остального. Следите за вашими большими камнями – только они имеют цену, все остальное – лишь песок...

Нет работы – нет еды

Китайский Мастер дзен даже в восемьдесят лет работал вместе со своими учениками,

ухаживая за садом. Он расчищал дорожки, подрезал деревья и вскапывал землю. Ученикам было жалко видеть своего старого учителя за тяжелой работой. Зная, что он не слушает их советов, они решили спрятать его инструменты. В этот день учитель не стал есть. На другой день он снова не ел. И на третий день он продолжал голодать. «Он, верно, рассердился на то, что мы спрятали инструменты, – догадались ученики. – Положим-ка мы их лучше обратно».

Обретя свои инструменты, Мастер стал работать и есть, как и прежде. Вечером, наставляя учеников, он сказал:

– Нет работы – нет еды!

Свой крест

Один человек считал свою жизнь невыносимо тяжелой. Однажды он пришел к Богу, рассказал о своих несчастьях и попросил:

– Дай мне, Господи, другую судьбу, другой крест, полегче!

Посмотрел Бог на человека с улыбкой, повел его в хранилище, где лежали человеческие кресты, и сказал:

– Выбирай!

После долгих поисков человек наконец выбрал самый легкий и маленький крест и вновь обратился к Богу:

– Можно мне взять этот?

– Бери, – ответил Господь. – Но ведь это и есть твоя собственная доля.

Разница

Как-то раз учитель дзен и его ученик возвращались в свой монастырь. На грязной дороге, размытой после сильного дождя, они повстречали красивую девушку, которая никак не могла перебраться через быстрый ручей. Недолго думая, учитель взял девушку на руки, перенес на другой берег, опустил на землю и пошел дальше.

На закате, уже у стен монастыря, молчавший всю дорогу ученик не выдержал и воскликнул:

– Учитель! Нам запрещено прикасаться к женщинам – зачем же ты взял ту девушку на руки?!

– Я ту девушку у ручья оставил, – отвечал учитель. – А ты ее с собой до сих пор несешь.

Руки

В пятнадцатом веке, в одном поселке близ Нюрнберга жила семья, в которой подрастало восемнадцать детей. Чтобы накормить всех хотя бы хлебом, отцу семейства приходилось работать по восемнадцать часов в день в шахтах по добыче золота и еще подрабатывать, где придется.

Несмотря на отчаянную бедность, двое из сыновей Альбрехта Дюрера смели мечтать, и мечта у них была одна – оба хотели стать художниками. Они прекрасно понимали, что их отец никогда не сможет ни одному из них собрать средства на учебу в Художественной академии. Много бессонных ночей провели братья, перешептываясь под одеялом, и нашли выход. Договорились подбросить в воздух монетку, проигравший должен будет пойти работать в шахты и оплачивать обучение победившего. А по окончании учебы выигравший оплатит занятия другому, выручив деньги за проданные работы.

В одно из воскресений, выходя из церкви, они подбросили в воздух монетку. Альбрехту Дюреру-младшему повезло в этот день, и он уехал учиться в Нюрнберг. Альберт Дюрер пошел в шахты, где его ожидал опасный и тяжелый труд, и проработал там последующие четыре года для того, чтобы брат мог реализовать свою мечту.

С первых дней учебы Альбрехт стал самым талантливым учеником во всей Академии. Его гравюры, резьба, рисунки, выполненные масляными красками, были намного лучше, чем работы его преподавателей, и к окончанию Академии он уже начал зарабатывать немалые деньги от продажи своих произведений. Когда молодой художник вернулся к себе домой, семья Дюрер устроила праздничный ужин в его честь. В конце семейного торжества Альбрехт встал и произнес тост за любимого брата, который ради него пожертвовал своим талантом и превратил его мечту в реальность. Альбрехт закончил свой тост так:

– И сейчас, Альберт, брат мой, твоя очередь. Теперь ты можешь отправиться в Нюрнберг и осуществить свою мечту, теперь я позабочусь о тебе. Все взгляды обратились в сторону того угла стола, сидел Альберт. Его лицо было залито слезами, он качал головой и шептал: «Нет... нет... нет...»

Наконец он пришел в себя, поднялся, утерев слезы, обвел взглядом всех родственников и, повернувшись к брату, приложил свою руку к его щеке, погладил и ласково сказал:

– Нет, брат, я не могу поехать в Нюрнберг, слишком поздно для меня, слишком поздно. Посмотри, что за эти четыре года работы на шахте стало с моими руками! Каждый палец хотя бы один раз сломан, артрит на правой руке развился настолько, что мне стоило большого труда удерживать бокал, пока ты произносил свой тост. Мои пальцы не смогут справиться с деликатной работой художника, не смогут точно двигать карандашом или кистью. Нет, брат, для меня уже поздно.

С того дня прошло уже более четырехсот пятидесяти лет. Сегодня гравюры, акварели, картины, написанные маслом, резьба и другие работы Альбрехта Дюрера можно увидеть в музеях всего мира, но большинству из нас хорошо известна только одна из них, – картина художника, которую он посвятил брату. Та, на которой Альбрехт Дюрер в память о жертве, принесенной Альбертом, и в его честь запечатлел его изувеченные тяжелой работой руки с соединенными ладонями и пальцами, устремленными в небо. Он назвал эту великолепную картину «Руки», но весь мир, открывший сердце этому шедевру, «переименовал» картину в «Молящиеся руки».

Перстень царя Соломона

Говорят, эта история о перстне описана в Талмуде и приписывается одному из израильских царей: Соломону или Давиду.

Однажды царь созвал всех своих мудрецов и объявил:

– Самый лучший ювелир сейчас изготавливает мне перстень, которому не будет равных. Лучшие бриллианты будут украшать его. Я хочу выбить на его внутренней стороне скрытое послание, которое в моменты отчаяния могло бы помочь мне, моим наследникам и наследникам моих наследников. Оно должно быть коротким.

Все, кто слушали царя, были признанными мудрецами и мыслителями, могли написать огромные трактаты, но придумать послание из двух-трех слов, которое могло бы помочь в минуты отчаяния и безнадежности...

Они думали, искали в своих книгах, но не могли найти требуемого.

А в это время царю прислуживал старый слуга, который был слугой еще у его отца. Мать царя рано умерла, и этот слуга с младенчества заботился о нем, и снискал уважение. Царь относился к слуге как к члену семьи и ценил его мнение. Когда он решил обратиться к слуге за советом, слуга ответил:

– Я не мудрец, не мыслитель, не академик, но знаю одно послание.

На протяжении всей моей длинной жизни во дворце мне довелось повидать множество разных людей, и как-то раз среди них повстречался один мистик, его пригласил твой отец, а я им прислуживал. Когда он уходил, он подарил мне это послание, в знак благодарности. Старик что-то написал на листке бумаги, тщательно сложил вчетверо и протянул царю.

– Не читай, – сказал он. – Откроешь и прочтешь только тогда, когда станет так плохо, что уже ничего не поможет, и ты не будешь видеть выхода из ситуации.

Этот момент не замедлил наступить. Неожиданно на страну напал враг, царь потерял свое царство и для спасения жизни вынужден был бежать. Его преследовали, он был один, а преследователей много. Он скакал, пришпорив коня, но внезапно дорога оборвалась, дальше была пропасть. Единственным выходом было броситься туда и положить тем самым конец всему. Он не мог повернуть назад, так как уже отчетливо слышал топот копыт – преследователи нагоняли его. Впереди обрыв и нет другого пути. Тогда он достал сложенный вчетверо лист бумаги, развернул и увидел два слова. «Все пройдет», было написано там. И вдруг необычайное спокойствие овладело царем. Он не знал, сколько это длилось, но, когда пришел в себя, удивился. Его враги либо заблудились в лесу, либо поскакали другой дорогой, потому что топот удалялся, а вскоре и вовсе стих.

Царь почувствовал бесконечную благодарность к своему слуге и неизвестному мистика. Слова оказались чудотворными. Он снова сложил и спрятал бумагу, выбрался из леса, собрал свои войска и освободил царство от неприятеля.

В день, когда он победоносно вступал в свою столицу, был устроен пир в его честь. С музыкой, танцами, зрелищами. Царь гордился собой. А старый слуга, стоявший рядом с его каретой, обратился к нему со словами:

– Это подходящий момент, чтобы до конца дочитать послание.

– Что ты хочешь этим сказать? – спросил царь. – Я победитель, народ празднует мое возвращение, я не в отчаянии и не в безвыходной ситуации.

– Я не успел тебе сказать, это послание не только для безнадежных ситуаций, но и для радостных и приятных, не только когда ты ощущаешь себя разбитым, но и когда чувствуешь себя победителем.

Царь нехотя развернул бумагу полностью и увидел вторую часть послания: «Пройдет и это», и вновь, как тогда, почувствовал то же спокойствие, ту же умиротворенность среди толпы празднующих и танцующих. Гордость и эгоизм растворились. Царь смог постичь суть послания. Он приказал выгравировать послание на своем перстне, и оно действительно не раз спасало его самого, его наследников и наследников его наследников.

До нас же дошла легенда и понимание, что никакое событие, никакие эмоции не бывают постоянными, как день и ночь, моменты радости или моменты печали, которые есть часть изменчивой природы. Принимать их – значит принимать природу вещей.

Все в твоих руках

У одного мастера было очень много учеников. Самый способный из них однажды задумался: «А есть ли вопрос, на который наш учитель не сможет дать ответ?» Тогда он поймал на лугу самую красивую бабочку и спрятал ее в ладонях. Потом пришел к мастеру и спросил:

– Скажи учитель, какую бабочку, живую или мертвую, держу я в ладонях? – Он был готов в любое мгновение сжать ладони сильнее ради своей истины.

Не глядя на ученика, мастер ответил:

– Все в твоих руках.

Обида

Как-то раз одному человеку приснился сон, будто он идет по песчаному берегу, а рядом с ним – Господь. И начал человек вспоминать события своей жизни. Вспоминал радостные – и замечал на песке две цепочки следов, своих и Господа. Припоминал несчастья и видел лишь одну. Опечалился тогда человек и стал спрашивать Господа:

– Не ты ли говорил мне: если последую путем твоим, ты не оставишь меня? Почему же в самые трудные времена лишь одна цепочка следов тянулась по песку? Почему ты покидал меня, когда я больше всего в тебе нуждался?

Господь ответил:

– Я никогда тебя не покидал. Одна цепочка следов тянулась по дороге потому, что, когда на тебя обрушивалось горе и тяжкие испытания, я нес тебя на руках.

Никогда не знаешь, кто молится за тебя

Я возвращался из школы в пятницу, впереди маячили выходные, хорошо! Вдруг мое внимание привлек новичок. Худенький такой, он шел, сгибаясь под тяжестью стопы книг, за ним бежали мальчишки из нашего класса. Они норовили вырвать у него из рук книги и толкали. Очки новичка полетели в сторону, он упал, и я, посмотрев на него сверху вниз, увидел его глаза, там была такая тоска!

Тогда я бросился к нему, помог подняться, подал очки, отряхнул его одежду и сказал, что этим идиотам просто нечем больше заняться.

– Спасибо, – тихо поблагодарил меня новичок и улыбнулся.

Это была широкая и светлая улыбка, полная благодарности. Я помог ему собрать книги, и мы пошли рядом. Оказалось, что он живет неподалеку от моего дома. По пути мы разговорились, с ним было очень интересно беседовать. Я пригласил его на следующий день поиграть в футбол, он согласился. Мы весело провели выходные. Чем ближе мы узнавали друг друга, тем больше нам хотелось общаться. Мои друзья считали его хорошим товарищем, а вскоре он вообще стал моим лучшим другом.

После школы наши пути разошлись. Я пошел в университет на юридический факультет, а мой друг поступил в медицинский. И вот, по истечении нескольких лет, он пригласил меня на церемонию вручения диплома.

В этот день мой друг прекрасно выглядел. Очки его не портили, элегантный костюм сидел отлично, его окружали красивые девушки и новые друзья. Он шутил, улыбался, но было видно, что немного нервничает, ведь это был очень важный день в его жизни. К тому же он должен был произнести речь. Я подошел, обнял его, похлопал по плечу:

– Дружище, у тебя все получится не просто хорошо, а гениально!

Он посмотрел мне в глаза и тихо поблагодарил:

– Спасибо!

Наступила его очередь подняться на сцену.

Он откашлялся и начал тихо говорить:

– Получение диплома – это завершение одного из периодов жизни, и самое время благодарить родителей, учителей, братьев. Но больше всего мне хочется поблагодарить своих друзей. Мне кажется, возможность называть кого-то другом – это лучший подарок, который может преподнести человеку судьба. И поэтому я хочу рассказать вам одну историю, которая произошла со мной.

Я внимательно смотрел на моего друга, пока он рассказывал свою историю о дне, когда мы с ним познакомились. Оказалось, что в этот день он забрал все свои книги и личные вещи из школы, потому что решил покончить жизнь самоубийством, и не хотел, чтобы маме пришлось потом возвращаться в школу за его вещами.

В этот момент своего рассказа он нашел меня глазами в толпе, внимательно посмотрел, улыбнулся и продолжил:

– Мою жизнь спас друг. Он сейчас здесь, и я на него смотрю. Он спас меня от непоправимого, необдуманного шага, и сейчас я публично от всего сердца говорю ему: «Спасибо! Огромное спасибо за твою помощь! Я никогда тебя не забуду!»

Я слушал его, и мое сердце учащенно билось, я едва сдерживал слезы. Когда он закончил свою речь, мы крепко обнялись, и в тот миг я почувствовал единение наших сердец. Потом к нам подошли мои родители, его родители, такие же взволнованные, как и мы, одни были полны гордости, другие благодарности.

До того дня я никогда не придавал значения этому случаю и не понимал, что самый простой и, казалось бы, незначительный поступок может кардинально изменить жизнь человека.

Сжигать корабли

В триста тридцать четвертом году до нашей эры флот Александра Македонского приближался к берегам Финикии и вскоре должен был вступить в одно из самых грандиозных сражений.

Высаживаясь на берег, полководец увидел, что враг втрое превышает по численности его войска. Всегда верные воины дрогнули, не найдя внутренних сил для беспощадной битвы, они потеряли веру и уже чувствовали себя побежденными. Легендарных непобедимых воинов сковал страх.

Когда Александр Македонский высадил на вражеский берег все свои войска, он приказал сжечь корабли. Пока огонь охватывал суда и они тонули в море, он собрал своих воинов и сказал:

– Посмотрите, как горят наши корабли! Это единственная причина, по которой мы должны победить, потому что, если не победим, не сможем вернуться домой, и ни один из нас не увидит свою семью и никогда не покинет эту чужую землю. Мы должны победить в этой битве, потому что есть только один путь домой, через море. Воины! Вернуться домой можно лишь одним способом – на кораблях наших противников.

В той битве малое войско Александра Македонского победило многочисленного противника, и они вернулись домой на кораблях побежденных врагов.

Так любовь и вера дают силы творить чудеса.

История донесла до нас и другой пример о сожженных кораблях. Плутарх, один из самых известных писателей первого века, рассказывает, что после того, как была разрушена Троя, троянские мужчины пытались спастись бегством. Для этого они собирались воспользоваться своими кораблями, стоящими у причала. Но их женщины не допустили бегства, они сожгли корабли, и мужчинам все же пришлось биться с врагами.

Четыре голубые ленточки

Преподавательница университета на одной из пар объявила своим студентам об эксперименте, участниками которого должны были стать они все.

Она раздала каждому по четыре голубые ленточки, которые были сколоты в форме бантика, на каждой из них было написано: «Ты очень важен для меня», и попросила, чтобы каждый приколол одну ленточку себе на одежду, потому что каждый студент – важный и значимый человек в ее жизни.

Когда все студенты сделали то, о чем их попросили, преподавательница предложила всем подумать о том, кто для них наиболее важный и значимый в жизни человек, чтобы каждый вручил вторую ленточку ему. Потом необходимо было рассказать избраннику об эксперименте и попросить продолжить его, передать оставшиеся две ленточки, чтобы уже следующий участник отдал их человеку, наиболее значимому в его жизни. Ожидаемый результат – проследить, как маленькая деталь может влиять на людей.

Озадаченные ученики вышли из аудитории, размышляя над тем, кому отдать свои ленточки. Кто-то думал отдать их одному из родителей, кто-то брату, сестре, возлюбленному... Из этой группы студентов только один был иногородний. Он не мог отдать ленточки родным или близким. Всю ночь он думал над полученным заданием и только к утру решил отдать свои ленточки другу, именно он посоветовал ему поступить в университет и при возникновении любых трудностей в освоении предметов помогал ему разобраться, объяснял, поддерживал. Наконец-то решение было принято!

После занятий он пошел на работу к своему другу. Тот был удивлен его появлением без предварительной договоренности, он решил, что произошло что-то плохое, и попросил объяснить, что случилось. Студент рассказал о причине своего визита, вручил другу три ленточки и попросил одну из них надеть на лацкан пиджака. «Я далеко от дома, и в этом

большом городе самый близкий и значимый человек для меня это ты», – объяснил он свой поступок.

Смущенный и тронутый, молодой человек, ранее не испытывавший подобного внимания от других, пообещал, что продолжит эксперимент и расскажет о результатах.

Студент ушел, его друг остался на работе, а когда собирался уходить домой, ему пришла в голову рискованная идея – отдать две оставшиеся ленточки своему шефу, человеку очень строгому, досконально владеющему своей профессией и всегда занятому. Секретарь сказала, что шеф примет его, когда освободится. Молодой человек ждал, пока его не пригласили войти. Своего босса он застал за чтением новых проектов, его стол был завален бумагами.

– Чего желаете? – напрямую спросил начальник.

Молодой служащий, заикаясь от страха, объяснил причину своего прихода и показал две голубые ленточки.

Шеф очень удивился и спросил:

– Почему вы решили, что я подхожу для того, чтобы отдать эти ленточки мне?

Подчиненный ответил, что восхищается его энтузиазмом, самоотдачей и способностью расширять бизнес, что он научился многому и гордится тем, что может работать рядом с таким человеком.

Шеф с большим сомнением принял две голубые ленточки, не так часто за время пребывания на этом посту ему приходилось выслушивать искренние слова восхищения и благодарности. Он надел одну из них на грудь, а другую спрятал в карман. Его молодой служащий попрощался и вышел. Рабочий день закончился.

Растерянный, озадаченный и смущенный, шеф в этот день нарушил свой распорядок – сидеть допоздна на работе – и вовремя ушел домой.

Его жена удивилась раннему возвращению мужа и спросила, что случилось. Муж ответил, что все в порядке, что сегодня он просто хотел провести время со своей семьей, чем еще больше удивил свою жену, потому что обычно он возвращался домой в плохом настроении.

Шеф спросил: «Где наш сын?» Жена позвала мальчика. Сын спустился, и отец попросил: «Составь мне компанию».

И мать и сын были растеряны, так как отец семейства не привык тратить свое драгоценное время на семью.

Отец и сын вышли на крыльцо и сели на ступеньку. Отец внимательно посмотрел на сына, который смотрел на него с затаенной грустью. Мужчина говорил о том, что все понимает и знает, что не был рядом, когда сын нуждался в нем, что он решил измениться и больше бывать с семьей, потому что сын и его мама – самые нужные и важные люди в его жизни. Он рассказал о молодом подчиненном и, прикрепляя ленточку с надписью: «Ты очень важен для меня» к футболке сына, добавил:

– Я долго думал и понял, что могу отдать эту ленточку только тебе, потому что ты – самое главное, что есть у меня, самое ценное и самое святое. День, когда ты родился, был самым счастливым днем в моей жизни. Я горжусь тобой.

Сын со слезами на глазах обнял отца:

– Папа! Я не знаю, что сказать. Я думал, что я тебе не нужен! Я люблю тебя, папа! Прости меня!

Они сидели рядом, обнявшись, и оба плакали.

Эксперимент оказался удачным. Он помог изменить не одну жизнь, потому что каждый участник просто высказал вслух то, что чувствовал. В нашей власти облечь свои чувства в слова и сказать другому человеку, насколько он важен для нас, любим и значим.

Находчивость

Однажды один великий император созвал всех своих мудрецов. Он нарисовал на стене

линию и спросил их: «Как сделать эту линию короче, не касаясь ее?» Все озадаченно замолчали.

Вдруг кто-то засмеялся – это был шут императора. Он подошел к стене и нарисовал над линией, начерченной императором, другую линию, длиннее первой. «Смотри, император, я сделал твою линию короче, не касаясь ее, ведь и величина и длина относительны».

Чем громче слова, тем тише чувства

Один раз Учитель спросил у своих учеников, почему, когда люди ссорятся, они кричат?

– Потому что теряют спокойствие, – сказал один.

– Но зачем же кричать, если другой человек находится с тобой рядом? – спросил Учитель. – Нельзя с ним говорить тихо? Зачем кричать, если ты рассержен?

Ученики предлагали свои ответы, но ни один из них не устроил Учителя. В конце концов он объяснил:

– Когда люди недовольны друг другом и ссорятся, их сердца отдаляются. Для того чтобы покрыть это расстояние и услышать друг друга, им приходится кричать. Чем сильнее они сердятся, тем громче кричат.

– А что происходит, когда люди влюбляются? Они не кричат, напротив, говорят тихо. Потому что их сердца находятся очень близко, и расстояние между ними совсем маленькое. А когда влюбляются еще сильнее, что происходит? – продолжал Учитель. – Не говорят, а только перешептываются и становятся еще ближе в своей любви.

В конце даже перешептывание становится им не нужно. Они только смотрят друг на друга и все понимают без слов.

Такое бывает, когда рядом двое любящих людей.

Так вот, когда спорите, не позволяйте вашим сердцам отдаляться друг от друга, не произносите слов, которые еще больше увеличивают расстояние между вами. Потому что может прийти день, когда расстояние станет так велико, что вы не найдете обратного пути.

Изменить форму

Погожим весенним днем один слепой сидел на лавочке у остановки и просил милостыню. У его ног лежала перевернутая кепка, а рядом с кепкой стояла деревянная табличка с надписью: «Пожалуйста, помогите, я слепой!»

Мимо проходил креатив-менеджер какой-то фирмы. Он прочел надпись на табличке и, заглянув в кепку, увидел несколько мелких монет. Без разрешения он взял табличку слепого, нашел где-то огрызок мелка, сделал новую надпись, поставил табличку на место и ушел.

После обеда он вернулся на место, где сидел слепой. Перевернутая кепка была полна монет и бумажных купюр. Слепой узнал его по шагам и спросил, он ли сделал другую надпись на дощечке, и что же такое там написано, что его дневные подаяния настолько увеличились.

Менеджер ответил: «Все то же, что было написано тобой, только иными словами». Улыбнулся и продолжил свой путь.

Слепой так и не узнал, что теперь надпись на его табличке выглядела так: «Сегодня весна, но я не могу ее увидеть».

Если мы стараемся, а у нас что-то не получается, давайте попробуем изменить форму, а вдруг получится!

Не ищи причины ненависти, почти всегда это зависть

Однажды змея погналась за бабочкой и преследовала ее день и ночь. Страх придавал бабочке сил, она била крыльями и летела все дальше и дальше. А змея не уставала ползти по пятам. На третий день обессиленная бабочка почувствовала, что не может больше лететь,

она присела на цветок и спросила свою преследовательницу:

- До того как ты меня убьешь, можно задать тебе три вопроса?
- Не в моих привычках предоставлять такие возможности жертвам, ну да ладно, будем считать это твоими предсмертными желаниями, можешь спрашивать.
- Ты питаешься бабочками?
- Нет...
- Я сделала тебе что-то плохое?
- Нет.
- Тогда почему ты хочешь убить меня?
- Ненавижу смотреть, как ты порхаешь!!!

Что может поэт

У одного известного поэта был друг, владеющий небольшим бизнесом. Бизнес процветал, друг хотел его расширить и перевести в другое место. Для этого он собирался продать свою недвижимость. Как-то раз, встретив поэта на улице, друг попросил его об одолжении – отредактировать объявление о продаже для размещения в газете.

Поэт тут же нашел клочок бумаги, карандаш и написал: «Продается небольшая, очень милая, приносящая радость и счастье загородная собственность, окруженная кристально чистыми источниками. На рассвете из раскидистых вековых деревьев льются соловьиные трели. Дом купается в лучах восходящего солнца, а в полуденный зной дарит спокойную прохладную тень. Маленький ухоженный сад наполняет воздух ароматами цветов и спелых ягод».

Спустя несколько месяцев поэт случайно столкнулся со своим другом и спросил, удалось ли тому выгодно продать участок.

– Ты знаешь, я больше не думал об этом, – ответил друг. – Когда ты это написал, я понял, каким чудом обладаю, и теперь не продам его ни за какие деньги.

Случается, мы не задумываемся, какими прекрасными вещами владеем, и хотим обменять их на что-то другое. Давайте учиться ценить то, чем жизнь одарила нас просто так: друзей, работу, собственное здоровье, таланты, улыбку своих детей и любовь. Это – настоящие драгоценности.

Удар камнем

Один успешный молодой человек ехал в машине последней модели и радовался жизни, когда ощутил удар о дверцу своей любимой игрушки. Он тут же затормозил, выскочил из салона и увидел, что брошенный кем-то камень сильно оцарапал его новенькое авто. Не тратя времени, он вскочил в машину и развернул ее на сто восемьдесят градусов, решив вернуться и найти место, откуда был брошен камень. Мужчина был в бешенстве. Снова выскочив из машины, он бросился к мальчику, который оказался виновником происшествия, схватил его за худенькие плечи, толкнул к капоту и заорал:

– Ты что наделал, придурок? Ты соображаешь, что натворил? Это новая машина, и камень, который ты бросил, очень дорого тебе обойдется! Зачем ты это сделал?

– Пожалуйста, простите, господин! Пожалуйста! Я не знал, что делать! Я бросил камень потому, что никто не останавливался! – Слезы текли по щекам мальчика, он указывал рукой куда-то в сторону.

– Там мой брат! Он выпал из своей инвалидной коляски, а я не могу его поднять, он много весит, я слишком маленький. Я хотел попросить помощи!

Всхлипнув, он спросил у владельца машины:

– Вы не могли бы помочь мне посадить его в коляску? Пожалуйста. Он сильно ударился.

Тронутый до глубины души, молодой человек поднял подростка-инвалида с земли,

усадил в коляску, вытащил свой шелковый платок и постарался промокнуть ранки и ссадины, отряхнул пыль и, когда убедился, что все более или менее в порядке, посмотрел на мальчишку, поцарапавшего ему машину. Тот благодарно улыбался, в его улыбке было столько нежности и любви, что теплело на сердце.

– Господин! Большое спасибо!

Мужчина видел, как мальчуган, с трудом толкая перед собой коляску, постепенно удалялся по направлению к очень скромному дому.

Владелец новенького авто так и не починил дверцу своей машины, оставив царапину специально, чтобы всегда помнить – нельзя так беспечно нестись по жизни, чтобы другим не пришлось бросать камни, привлекая к себе внимание.

Иногда нам достаточно шепота, чтобы наши сердце и душа отозвались на нужду близких. Но иногда для этого в нас должны попасть камнем. Так стоит ли обижаться, если в тебя попал камень? Может, это значит, что ты просто кому-то нужен?

Подозрение

У одной супружеской пары не было детей, хотя они уже несколько лет прожили в браке. Чтобы не чувствовать себя одинокими, муж и жена приобрели щенка немецкой овчарки. Они любили его и заботились о нем, как о собственном сыне. Щенок вырос и превратился в большого, красивого, умного пса и не раз спасал хозяйское имущество от воров, был верным, преданным, любил и защищал своих хозяев.

Через семь лет после того, как супруги взяли собаку, у них родился долгожданный ребенок. Муж с женой были счастливы, малыш занимал почти все их время, а псу не доставалось почти ни капли внимания. Собака почувствовала себя ненужной и стала ревновать ребенка к хозяевам.

Как-то раз родители оставили спящего сына в доме, а сами на террасе занимались приготовлениями к барбекю. Когда они пошли проведать ребенка, из детской вышел пес. Его пасть была окровавленной, и он довольно вилял хвостом.

Отец ребенка предположил самое худшее, схватил оружие и тут же убил собаку. Затем вбежал в детскую и на полу, у колыбели сына, увидел огромную обезглавленную змею. «Я убил своего верного пса!» – сказал мужчина, сдерживая слезы.

Как часто мы несправедливо судим о людях? Хуже всего, что мы делаем это не задумываясь, даже не узнав причин, по которым они поступили так или иначе. Нам все равно, о чем они думали и что чувствовали, нас это не волнует. И мы не допускаем мысли, что позже, может быть, пожалеем о своей поспешности. Так давайте в следующий раз, осудив кого-то, вспомним о верном псе.

Несостоявшаяся прима

Одна девушка с детства посещала балетную школу, это было ее любимым занятием. И однажды наступил день, когда она поняла, что для нее это не просто увлечение, и она готова посвятить балету свою жизнь. Девушка мечтала стать примой и хотела, чтобы ее талант оценил и признал кто-то достойный. Как раз в это время в их город на гастроли приехала известная столичная труппа. После спектакля девушка подошла к директору труппы, прославленному балетмейстеру, и попросила, чтобы он посмотрел, как она танцует. Директор согласился. Через пять минут просмотра он отрицательно покачал головой и сказал, что она не годится для большого балета.

Девушка вернулась домой в слезах, с разбитым сердцем и разрушенными мечтами. Она забросила свои пуанты подальше в шкаф и никогда больше их не доставала. Через некоторое время девушка вышла замуж, у нее родились дети, а когда они подросли, она устроилась работать кассиром в супермаркет.

Спустя много лет она пошла на спектакль все той же столичной труппы и на выходе из

театра, к своему удивлению, столкнулась с тем самым директором, которому было уже за восемьдесят.

Она напомнила ему об их давней встрече и его оценке ее способностей, показала фотографии своих детей, сказала, что работает в супермаркете, а потом не выдержала и задала вопрос, мучивший ее всю жизнь:

– Есть кое-что, чего я не могу понять до сих пор. Как вы так быстро определили, что я не гожусь для балета?

– Да я практически и не смотрел, как вы танцуете. Я сказал то, что обычно говорил всем девушкам, – ответил старик.

– Это же непростительно! – воскликнула женщина. – Вы же разрушили мою жизнь, мои мечты! Я же могла стать балериной!

– Не думаю, – ответил старый маэстро. – Если бы вы действительно обладали всеми необходимыми качествами и очень хотели этого, вас бы не остановили мои слова, какими бы обидными они ни были. Вы бы пробовали снова и снова, до тех пор, пока не добились бы успеха.

Если считаешь себя невезучим, тебе никогда не повезет. И если думаешь, что не можешь, то не сможешь никогда. Если хочешь сделать что-то, но не веришь в результат, никогда не достигнешь победы. Удача сопутствует не только храбрым и быстрым. Рано или поздно своего добиваются и те, кто просто верит, что это возможно.

Каждому свое

Известный своим мастерством, достоинством и честностью самурай однажды приехал к уважаемому монаху за советом. Когда он вошел в храм, где молился монах, то почувствовал себя маленьким и незначительным и подумал, что хоть он и посвятил всю свою жизнь борьбе за мир и справедливость, но так и не смог даже приблизиться к тому состоянию покоя, которое исходило от молящегося старца.

– Почему я чувствую себя таким ничтожным рядом с тобой? – спросил самурай, когда монах окончил свою молитву. – Я много раз стоял лицом к лицу со смертью и защищал слабых. Я не должен чувствовать себя так. И тем не менее, видя, как ты медитируешь, я понимаю, что моя жизнь ничего не значит.

– Подожди. Когда я приму всех, кто пришел ко мне сегодня за советом, я отвечу тебе.

Целый день самурай просидел в саду храма, наблюдая за входящими и выходящими людьми, пришедшими к мастеру. Он видел, как монах выслушивал всех с одинаковым вниманием и терпением, с его лица не сходила добрая улыбка. Но состояние души самурая все ухудшалось, он был рожден, чтобы действовать, а не ожидать.

Вечером, когда все посетители покинули храм, самурай спросил:

– Ну, а сейчас ты сможешь мне объяснить?

Монах пригласил самурая войти в храм и повел в свою комнату. Полная луна освещала небо, и все предметы вокруг излучали глубокое спокойствие.

– Видишь эту луну? Красива, правда?! Она обойдет все небо, а завтра вернется солнце, чтобы проделать свой путь. Только свет солнца намного сильнее, он позволяет разглядеть каждую черту, каждую деталь нашего мира: деревья, горы, облака, лица. Я наблюдаю за этими двумя светилами в течение многих лет и никогда не слышал, чтобы луна сказала: «Почему я сияю меньше, чем солнце? Может, я менее значима, чем оно?»

– Конечно же, нет! – сказал самурай. – Луна и солнце – две разные вещи, у каждого из них своя красота и свое назначение.

– Значит, ты сам уже знаешь ответ! Мы – два разных человека, и каждый из нас живет и борется за то, во что верит, по-своему делая все возможное, чтобы этот мир стал лучше. Все остальное – мелочи.

Если ласточка смогла, ты тоже сможешь

Каждый год наступает время, когда морские ласточки совершают перелет с Северного полюса на Южный, а потом, через несколько месяцев, пускаются в обратный путь. Они должны пролететь семнадцать тысяч километров, полагаясь только на силу своих крыльев. Часто на расстоянии трех тысяч километров полета вокруг нет ни одного клочка земли, только море. Но, несмотря ни на что, они проделывают этот путь, чтобы вернуться точно в то место, где они оставили свое гнездо. Птицы летят над гигантскими волнами, способными перевернуть огромный корабль, выдерживают такие порывы ветров и бурь, которые предпочитают обходить стороной самые современные самолеты, переносят такие низкие температуры, которые заставляют поворачивать назад оснащенные по последнему слову техники полярные экспедиции. Ничто не может сбить их с пути, и рано или поздно они долетают до своей цели.

Если маленькая морская ласточка может, собрав все свои силы, преодолеть столько препятствий для достижения цели, то неужели мы не сможем?!

У каждого из нас есть крылья души для полета, для осуществления своей мечты. Нам нужно только не уставать, прилагать все силы и днем, и ночью. Не затягивать отдых на теплых берегах. На нашем пути будут и волны, и ветра, и холод, но мы дойдем до цели. Если маленькая ласточка смогла, сможешь и ты.

Две точки зрения

Одна известная фирма по производству обуви приняла проект о начале экспорта своей продукции в Индию. Для изучения рынка руководство фирмы направило двух своих лучших экспертов в разные провинции Индии, где они должны были собрать первичную информацию о потенциале будущего рынка сбыта.

Через несколько дней изучения ситуации в стране один из экспертов отправил руководству по факсу свой отчет: «Господа, закрывайте проект, здесь никто не носит обуви!»

Не зная ничего о факсе своего коллеги, другой эксперт через несколько дней прислал свой отчет: «Господа, увеличьте в три раза количество предполагаемого экспорта. Здесь еще никто не носит обуви!»

Одна и та же ситуация для кого-то может стать непреодолимой преградой на пути, а для кого-то фантастической возможностью. Точно так же в жизни разные люди оценивают все по-разному: пессимист говорит, что ветер завывает, а оптимист – что ветер поет.

История Пепе

Пепе был человеком, с которым приятно общаться. Всегда в хорошем настроении, он находил добрые слова для любого собеседника. Если у него спрашивали, как дела, ответ был одним и тем же: лучше не бывает, а если бы было лучше, я бы раздвоился.

Он был уникальным организатором в сфере ресторанного бизнеса, и, если переходил в другой ресторан, с ним уходила вся команда. Единственной причиной, по которой официанты и бармены следовали за ним, было отношение Пепе к подчиненным.

Если у кого-то из его работников выдавался плохой день, Пепе не отходил от него, успокаивал, советовал, убеждал, объяснял, как можно с другой стороны посмотреть на ситуацию и что хорошего можно из нее извлечь.

Наблюдать за его стилем работы доставляло истинное удовольствие, и Пепе часто спрашивали, как ему удается все время быть в хорошем расположении духа.

Пепе отвечал:

– Каждое утро, просыпаясь, я говорю себе: «Пепе, у тебя два варианта на сегодня, можешь выбирать: быть раздраженным целый день или довольным». Я всегда выбираю быть в хорошем настроении.

Каждый раз, когда происходит что-то плохое, я могу сделать выбор: считать себя

жертвой или чему-то научиться. Я выбираю учиться. Каждый раз, когда кто-то приходит жаловаться, я могу просто выслушать жалобу человека и показать ему позитивную сторону случившегося.

– Да, это легко говорить, но нелегко делать! – возражали Пепе.

– Правильно, но вся наша жизнь состоит из цепочки выборов, если отбросить детали, каждая ситуация – выбор. И ты постоянно, хоть и импульсивно, выбираешь, как реагировать. Ты выбираешь, как другие могут повлиять на твое состояние души, в плохом или хорошем настроении тебе пребывать, ты всегда выбираешь сам, как жить.

Шли годы, Пепе не менялся. Как-то раз он допустил непростительную в ресторанном бизнесе ошибку – оставил открытой заднюю дверь. И под утро, когда все посетители разошлись, к нему в ресторан ворвались трое вооруженных грабителей. Пепе оказался под прицелом, и, когда набирал нужный код сейфа, его дрожащие пальцы соскользнули, сбили комбинацию, последовал звуковой сигнал, грабители пришли в ярость, открыли стрельбу, после чего скрылись.

Пепе повезло, его быстро нашли и доставили в госпиталь. Восемь часов он провел на операционном столе. После реанимации и нескольких недель, проведенных в палате интенсивной терапии, Пепе выписали с оставшимися в теле фрагментами пуль.

Еще через шесть месяцев он вышел на работу. Когда его спросили, как дела, он сказал, что лучше не бывает, а если бы было лучше, он бы раздвоился. На вопрос: «Что первое пришло тебе в голову в момент нападения?» – он признался:

– Первой мыслью было, что стоило закрыть на ключ заднюю дверь. Когда я лежал раненый на полу, вспомнил, что у меня, как всегда, два варианта: жить и умереть. Выбрал – жить.

Его спросили:

– Тебе не было страшно?

– Мне попались гениальные медики, всю дорогу они говорили, что все будет хорошо. Но когда меня привезли в операционную и врачи с медсестрами собрались вокруг меня, я, честно говоря, испугался. На их лицах я прочел: «это мертвец». Я понял, что должен срочно что-то предпринять.

– И что же ты сделал?

– Один из врачей спросил меня, не страдаю ли я аллергией на что-либо. Я собрал весь воздух, который был у меня в легких и крикнул: «Да, у меня аллергия на пули!»

Пока они смеялись, я попросил их: «Я выбираю жизнь, оперируйте меня, как живого, а не как мертвого».

Пепе выжил благодаря мастерству медиков, но еще и благодаря самому себе и привычке каждый раз делать осознанный выбор.

Болезнь Моисея

Как говорится в одном арабском трактате, Моисей, великий пророк, был прикован к постели, и, хотя различные доктора предлагали ему средства от его болезни, он отказал всем, уповая на Бога. Однако сам Господь повелел Моисею воспользоваться лекарством, сказав при этом: «Отвергая лекарства, ты ставишь под сомнение мудрость того, кто наделил их целебными свойствами!» Вот почему говорится: «Веруй в Бога и привязывай своего верблюда на ночь». Если ты этого не делаешь, то зачем вообще нужна такая вещь, как верблюжья уздечка? Кто-то из мыслителей сказал по этому поводу: «Если вянувший лист своим появлением говорит тебе о том, что растение нуждается в поливе, то, раз ты можешь это сделать, это и есть твой долг, а эти «слова» листа есть не что иное, как приказ творца. И если ты ждешь чего-то еще, спроси себя, зачем между тобой и Творцом есть средство общения? Затем ли оно, чтобы им пренебречь?»

Цена выживания

Во время ледникового периода многие животные вымерли от холода. Дикие игольчатые свиньи старались, как и все остальные виды, приспособиться к климатическим изменениям. Они стали жить группами, чтобы было безопаснее и теплее ночью. Но острые иголки каждой ранили соседей, именно тех, кто дарил свое тепло. Свиньи отодвигались, опять замерзали от холода и опять придвигались друг к другу. Им пришлось выбирать: или исчезнуть с лица земли, или терпеть боль от укусов соседей. Они выбрали жить вместе, научились выносить боль от незаживающих ранок, предпочитая получать друг от друга жизненно необходимое тепло. И выжили.

Так и в отношениях людей. Остаются в живых только те отношения, где каждый принимает недостатки другого и просит прощения за свои собственные. Где на первом месте уважение и терпение.

Секрет кукурузы

Репортер как-то раз спросил у фермера, может ли тот поделиться секретом своей кукурузы, которая год за годом выигрывала все конкурсы по качеству. Фермер ответил, что весь секрет состоит в том, что он раздает лучшие початки для засева всем своим соседям.

– Зачем же раздавать лучшие зерна соседям, если они постоянно, наряду с вами, участвуют во всех конкурсах и являются конкурентами?

– Видите ли, – улыбнулся фермер. – Ветер переносит пыльцу с моих полей на поля соседей, и наоборот. Если у соседей будут сорта хуже, чем у меня, то вскоре и мои посевы станут ухудшаться. Если я сею хорошую кукурузу, я должен позаботиться о соседях и помочь им посеять такую же. А как уж каждый из нас будет ухаживать за посевами – это другой вопрос.

Похожее происходит и в жизни людей. Тот, кто хочет быть успешным, должен заботиться о ближних и помогать им добиваться успеха. Кто хочет хорошо жить, должен помогать другим жить хорошо. Потому что чем лучше живет людям вокруг, тем лучше тебе самому. Мы все зависимы и связаны в этом мире.

Бездонный мешок

Император собирался совершить ежедневную утреннюю прогулку в своих садах и на выходе из дворца столкнулся с нищим. Предположив, что нищий начнет просить милостыню, император спросил:

– Чего хочешь?

Нищий посмотрел снизу вверх на императора и сказал:

– Ты меня так спрашиваешь, как будто можешь удовлетворить любое мое желание.

Император снисходительно ответил:

– Конечно же я могу удовлетворить твое желание, говори!

Нищий настаивал на своем:

– Подумай дважды, прежде чем что-то обещать.

Императора это начало раздражать:

– Я дам тебе все, о чем попросишь. Я очень могуществен и богат. Что ты можешь хотеть, чего бы я не мог тебе дать?

Нищий сказал:

– Мое желание очень простое. Видишь этот мешок? Я всегда ношу его с собой. Можешь наполнить его чем-то ценным?

– Конечно, – ответил император.

Он кликнул одного из своих казначеев и приказал наполнить деньгами мешок нищего.

Казначей выполнил приказ императора, но деньги, не успев упасть на дно мешка, исчезли в нем. Он сыпал больше и больше, а деньги как будто испарялись, не достигая дна.

Мешок же нищего оставался пуст. Слух об этом быстро распространился по всему городу, у дворца собралось множество народу. Все хотели увидеть, как император выполнит обещание. На кону была его честь.

Император созвал всех своих казначеев и сказал:

– Я готов потерять империю, но этот нищий не может одержать надо мной верх, так как выставит меня глупцом перед моими подданными. Соберите все, что есть!

Бриллианты, жемчуга, изумруды – все сокровища императора поглотил мешок нищего. Казалось, он был без дна. То, что туда попадало, исчезало бесследно. Солнце уже садилось за горизонт, у императора не оставалось ничего, что бы он мог положить в мешок нищего. Он снял с себя фамильные драгоценности, швырнул их к ногам нищего, признавая тем самым свое поражение, и сказал:

– Ты победил, но, прежде чем ты уйдешь, удовлетвори мое любопытство, ответь, каков секрет твоего мешка?

Нищий ответил:

– Секрет? Он просто сделан из человеческих желаний.

Наши желания, как этот мешок. Каков механизм желания? Сначала возбуждение – предвкушение нового приключения. Мы чувствуем сильный импульс. Что-то произойдет, случится, вот-вот! И в момент, когда мы получаем новую машину, яхту, дом, женщину, это все теряет смысл и перестает быть значимым в нашей жизни.

Что же произошло? Мечта материализовалась: машина стоит в гараже, она уже собственность и не существует в мечте. Она перебралась в реальность. То, что давало импульс, азарт, исчезло. Это как напиться допьяна с желанием забыть обо всем, о пустоте внутри себя. Но сейчас, когда желание реализовано: машина в гараже, женщина в постели, деньги в банке... исчезает возбуждение. И опять ощущается пустота внутри.

Так большинство из нас переходит от одного желания к другому, превращаясь в нищих с бездонным мешком, который не может быть заполнен никогда. Реализуется одно желание и обязательно появляется следующее, а то, как добивались предыдущего, быстро забывается.

Найти выход

Один охотник вышел поохотиться в африканских джунглях со своим молодым фокстерьером. Неопытный пес стал гоняться за бабочками, отстал от хозяина и потерялся в джунглях. И вдруг увидел, что к нему огромными прыжками приближается пантера. Пес стал лихорадочно соображать, что может предпринять для собственного спасения. Увидел рядом обглоданные кости большого животного и стал их грызть. Когда пантера приблизилась и была готова атаковать, фокстерьер, обливаясь, прорычал:

– Ах, какой вкусной была эта пантера! Где бы отыскать еще такую же?!

Пантера услышала, резко затормозила и подумала: «Ужасная собака! А вдруг она меня съест?» И предпочла тихо удалиться.

Обезьяна, наблюдавшая происходящее сверху, с раскидистого баобаба, побежала догонять пантеру, чтобы рассказать, как ее провел пес. Но чуткий фокстерьер услышал, как обезьяна докладывала о его выдумке пантере.

Разъяренная услышанным, пантера проревела обезьяне:

– Садись ко мне на спину, сейчас проучу эту собаку, и посмотрим, кто кого съест!

И они помчались к месту, где оставили пса. Пес заметил приближающуюся опасность и понял, что в этот раз намерение пантеры более твердое, чем в первый раз, и спросил себя: «А сейчас что я могу сделать, чтобы спастись?» И вместо того чтобы бежать изо всех сил, остался сидеть на месте, как будто ничего не замечая. Когда пантера уже дышала в затылок, фокстерьер сказал:

– Ну и идиотка эта обезьяна! Я уже полчаса назад приказал ей привести ко мне еще одну пантеру, и до сих пор ее нет!

Чудеса

Три человека шли по опушке леса. Один из них был мудрецом, творившим чудеса, другой – очень влиятельным и богатым землевладельцем, третий, на почтительном расстоянии следовавший за ними, был учеником мудреца. Мудрец и землевладелец беседовали.

– Мне говорили, – вел разговор богач, – что ты обладаешь могущественной силой и можешь творить чудеса.

– Я пожилой, уставший человек. Думаешь, я способен на такое? – отвечал мудрец.

– Но мне говорили, что ты излечиваешь безнадежно больных, делаешь зрячими слепых и нормальными умалишенных! Такие чудеса может совершать только тот, кто обладает огромной силой!

– Ты так думаешь? Такое может совершить только кто-то очень могущественный, а не такой старик, как я. Я только прошу о том, чтобы на небесах сделали одолжение для больного или слепого. Всякий, кто имеет достаточно веры, может делать то же.

– Я бы хотел иметь такую же веру, как ты, чтобы совершать чудеса, как ты... Продемонстрируй мне хотя бы одно чудо, чтобы я мог поверить в твоего бога.

– Сегодня опять взошло солнце? – спросил мудрец.

– Да, конечно же взошло! – ответил землевладелец.

– Ну, вот тебе чудо! Чудо света.

– Но я хочу видеть настоящее чудо! Затми солнце, выдави воду из камня. – Смотри! Вот под кустом лежит раненый кролик, излечи его раны!

– Хочешь настоящее чудо? Это правда, что твоя жена на днях родила тебе ребенка?

– Да, это мальчик, мой наследник.

– Вот тебе второе чудо. Чудо жизни.

– Мудрец, ты не понимаешь? Я хочу своими глазами увидеть хотя бы одно настоящее чудо!

– Ну, смотри, сейчас время сбора урожая. Глянь, есть ли пшеница и рис на месте, где совсем недавно ничего не было?

– Да, есть, точно так же, как и все предыдущие годы!

– Ну, вот тебе и третье чудо!

– Я думаю, что плохо объяснил, чего хочу. Я хочу.

Мудрец перебил его:

– Ты очень хорошо объяснил, и я сделал для тебя все, что мог сделать. Если ты не нашел то, что искал, мне жаль, ничем больше помочь не могу.

Услышав это, землевладелец развернулся и ушел, разочарованный тем, что не увидел чуда. Мудрец и ученик остались стоять. Когда землевладелец удалился на значительное расстояние, мудрец вернулся к месту, где лежал раненый кролик, взял его в руки, подул, и раны кролика исчезли. Ученик недоумевал:

– Мастер, я видел, как ты творишь подобные чудеса каждый день. Почему ты не захотел продемонстрировать одно из них этому уважаемому человеку? Почему ты делаешь это сейчас, когда он не может увидеть?

– Потому что он искал не чудо, а спектакль. Я показал ему три чуда, и он их не увидел, – ответил мудрец. – Для того чтобы стать царем, надо вначале побыть принцем. Для того чтобы стать мудрецом, надо вначале побыть учеником, и нельзя просить больших чудес, если не понял и не оценил маленьких, которые тебе дарит жизнь изо дня в день.

Доброта заразительна

Шел дождь, и видимость на дороге была плохая. На обочине трассы стоял «мерседес», а в нем пожилая женщина. Хозяин проезжавшего мимо подержанного «пontiака» притормозил, поняв, что старушка нуждается в помощи. Она не знала, чего можно ожидать

от приближающегося мужчины. Но больше часа никто не останавливался, все проезжали мимо ее машины, застрявшей на транзитной магистрали. Этот мужчина не внушал пожилой даме никакого доверия. Мало ли кто это может быть. Преступник, бродяга.

Мужчина чувствовал, ее напряжение, видел страх, искаженный лицо, и понимал, что она думает о нем. Поэтому он взял инициативу на себя и начал диалог:

– Я иду помочь, не беспокойтесь, сейчас разберемся с вашей машиной, – и представился.

Все оказалось проще простого – спустившееся колесо. Но для пожилой женщины это было неразрешимой проблемой. Мужчина опустился под машину, чтобы увидеть, где лучше поставить домкрат, взял в багажнике запасное колесо, и, когда закручивал последний винт, старушка опустила стекло и заговорила. Рассказала, откуда едет, как стояла больше часа здесь, под проливным дождем, надеясь, что кто-нибудь поможет, и что не знает, как его отблагодарить. Мужчина только улыбался, пока прятал инструменты и спущенное колесо в багажник «мерседеса».

Старушка спросила, сколько должна ему, и сказала, что любая сумма будет оправданной, если подумать о том, что, если бы не он, она могла провести здесь остаток дня или даже всю ночь, так и не дождавшись помощи.

Он же не думал о деньгах, ему не стоило большого труда заменить колесо. Помочь в беде – это лучший способ отплатить за оказанную кем-то помощь в прошлом. Мужчина сказал, что если она обязательно хочет заплатить, то может это сделать в следующий раз, как только увидит, что кто-то нуждается в помощи.

– Тогда вспомните обо мне, – сказал на прощание мужчина.

Он подождал, пока старушка уехала, и, несмотря на то, что день был пасмурным и мрачным, почувствовал себя хорошо. Сел в свой старенький «пontiак» и продолжил свой путь.

Проехав несколько десятков километров, старушка увидела маленькое придорожное кафе и решила согреться чашечкой горячего кофе перед тем, как преодолеть последний отрезок своего пути.

Кафе находилось в каком-то богом забытом месте. Рядом с ним стояли две старые бочки из-под бензина. Она вошла, огляделась. Кассовый аппарат времен ее молодости, старая мебель. К ней тотчас подошла очень милая официантка и предложила бумажное полотенце, промокнуть мокрые от дождя волосы. У нее было открытое лицо и приятная искренняя улыбка.

Официантка находилась где-то на восьмом месяце беременности, но этот факт никак не повлиял на отношение молодой женщины к посетителям кафе. Пожилая женщина невольно задумалась, как люди, имеющие так мало, могут быть такими доброжелательными к посторонним? И вспомнила о своем дорожном спасителе.

Перекусив и выпив горячего кофе, женщина попросила счет и протянула официантке банкноту в сто долларов. Когда девушка вернулась со сдачей, столик был пуст. Посетительница ушла. Официантка уже собиралась догнать пожилую даму и рассчитаться, но тут заметила на столе записку, нацарапанную на салфетке, а под ней – четыре банкноты по сто долларов.

Девушка читала записку, и ее глаза наполнялись слезами. «Ты ничего мне не должна. Мне помогли так же, как я помогаю тебе. Если когда-нибудь захочешь отплатить мне, сделай то же самое для кого-нибудь другого, кто нуждается в помощи. И не переставай относиться к посетителям так же, как сегодня отнеслась ко мне. Продолжай дарить свою любовь, не позволяй, чтобы эта цепочка добра прервалась».

Официантка занималась своей привычной работой – убирала столики, наполняла сахарницы, обслуживала посетителей, но остаток дня пролетел незаметно.

В эту ночь, придя домой и осторожно, чтобы не разбудить уставшего мужа, укладываясь в кровать, она думала о пожилой посетительнице. Откуда та могла узнать, как ей тяжело и как она нуждается в помощи? Тем более сейчас, когда малыш вот-вот появится

на свет, и как обеспокоен всем этим ее муж, который трудится не покладая рук. Она нежно поцеловала спящего мужчину в лоб и, засыпая, услышала тихий шепот: «Все будет хорошо, я люблю тебя».

Часы

Шесть шахтеров работали на большой глубине в шахте, когда раздался взрыв и выход из туннеля завалило. Какое-то время все в отчаянии смотрели друг на друга. Потом стали прикидывать, что могут сделать. Мужчины были опытными работниками, и поэтому для них не составило труда подсчитать, сколько времени понадобится их коллегам, чтобы разобрать завал, и на сколько времени хватит воздуха в шахте. Получалось, что в самом лучшем случае, если они все сделают правильно, кислорода хватит на три часа, от силы на три с половиной. Но смогут ли их товарищи за это время разобрать завал с той стороны? Успеют ли они до того, как закончится кислород?

Договорились расходовать воздух очень экономно, все погасили свои лампы и опустились на землю. В темноте и неподвижности тяжело вести счет времени, к тому же только у одного из них были часы.

К нему были обращены все вопросы: «который час?», «сколько минут прошло?», «а сейчас?». Время невыносимо тянулось, и казалось, что каждая минута длится целый час. А с каждым ответом их товарища уменьшалась надежда, и воздух, кажется, густел от напряжения.

Начальник смены понял, что если так пойдет и дальше, то от страха они будут дышать глубже и чаще, и тогда их шансы выжить уменьшатся. Он приказал, чтобы никто больше не задавал вопросов, и только владелец часов каждые тридцать минут информировал товарищей.

Выполняя приказ, шахтер контролировал время и, когда прошли первые полчаса, сказал: «Прошло полчаса». Все остальные шахтеры зашептались, в воздухе чувствовалось беспокойство. Владелец часов понял, что с каждым последующим объявлением времени его товарищи будут думать, что их последняя минута приближается. Поэтому он решил продлить время их жизни, они не заслуживали таких мук. И в следующий раз он проинформировал шахтеров о том, что прошли следующие полчаса, когда на самом деле прошло сорок пять минут. У его товарищей не было возможности перепроверить информацию, но они даже не подозревали, что их обманывают.

Окрыленный успехом, владелец часов объявил об истечении следующих тридцати минут только через час. Другие пятеро поверили опять. Отрезанные завалом люди посчитали, что после обрушения провели в туннеле полтора часа, и подумали, как все-таки медленно тянется время. На самом же деле прошло два часа пятнадцать минут. Хозяин часов продолжал четко информировать товарищей об истечении последующих тридцати минут, когда на самом деле проходил час. Группа спасения в это время делала все возможное, чтобы скорее разобрать завал и добраться до шахтеров. Они прекрасно понимали, что дорога каждая минута и что вряд ли они успеют добраться вовремя. Спасатели разобрали завал через четыре с половиной часа. Пятеро из шести были живы. Только один погиб от удушья, тот, у которого были часы. Такова сила наших мыслей и нашей веры.

Посмотрим, что покажет время

Один китайский крестьянин прожил всю жизнь в трудах, добра не нажил, но нажил мудрости. Он обрабатывал землю вместе со своим сыном с утра до ночи. Как-то раз сын сказал отцу:

– Отец, у нас несчастье, наша лошадь пропала.
– Почему ты называешь это несчастьем? – спросил отец. – Посмотрим, что покажет время.

Через несколько дней лошадь вернулась и привела за собой коня.

– Отец, какое счастье! Наша лошадь вернулась и в придачу привела с собой коня.

– Почему ты называешь это счастьем? – спросил отец, – Посмотрим, что покажет время.

Через какое-то время юноша захотел оседлать коня. Конь, не привыкший носить на себе всадника, поднялся на дыбы и сбросил седока. Юноша сломал ногу.

– Отец, какое несчастье! Я сломал ногу.

– Почему ты называешь это несчастьем? – невозмутимо спросил отец. – Посмотрим, что покажет время.

Юноша не разделял философии отца, а потому вежливо промолчал.

Спустя несколько дней в поселок приехали гонцы императора с приказом забрать всех дееспособных молодых людей на войну. Пришли они и в дом к старому крестьянину, увидели, что его сын не может передвигаться, и покинули дом.

Только тогда юноша понял, что никогда нельзя быть абсолютно уверенным в том, что есть счастье, а что – несчастье.

Всегда необходимо подождать и посмотреть, что скажет время о том, что есть хорошо, а что – плохо.

Жизнь так устроена: что казалось плохим, превращается в хорошее, и наоборот. Лучше всего не торопиться с выводами, а дать времени возможность назвать вещи своими именами. Лучше подождать, хотя бы до завтра. В любом случае, все, что с нами происходит, несет в себе позитивное начало и жизненный опыт.

Женщина, усмирившая льва

В одном эфиопском племени двое молодых, рано овдовевших людей, мужчина и женщина, полюбили друг друга и решили создать новую семью. И лишь одна проблема вставала перед ними – у мужчины был сын, который не мог перенести смерти своей матери и поэтому плохо относился к будущей мачехе. Молодая женщина, как могла, старалась ублажать мальчика: готовила для него вкусные блюда, дарила подарки, была нежна и добра, но он за все время не сказал ей ни слова.

Женщина пошла к местному шаману и спросила:

– Что я могу сделать, чтобы мальчик принял меня?

– Я помогу тебе, но вначале ты должна принести мне три львиных уса.

Женщина ушла, думая, каким образом она может вырвать у льва три уса и при этом не быть разорванной на части хозяином усов. Но твердо решила попытаться сделать так, чтобы в семье все было хорошо.

Она пошла в джунгли и нашла льва. Долгое время она держалась на большом расстоянии. Ее ожидание уже грозило перерасти в бесконечное, когда ей вдруг пришло в голову предложить хищнику пищу.

Она подошла чуть ближе ко льву, положила на землю кусок мяса и отошла. И так она делала день за днем. Лев начал привыкать к женщине и стал считать ее частью своей жизни.

Как-то раз, когда лев после еды сладко заснул, она подошла и вырвала три уса. И уже по дороге к шаману она поняла, что ее проблема решена: она обрела дар терпения. Как ко льву, к ребенку надо было подходить потихоньку, не спеша, терпеливо ожидая, уважая его действия и территорию, чтобы однажды завоевать его сердце.

Тысяча стеклянных шариков

Чем больше я старею, тем больше наслаждаюсь каждым субботним утром. Мне хочется спокойно побыть одному, и это заставляет меня встать первым. А может, это огромное желание продлить свой выходной после стольких лет работы. В любом случае, для меня первые часы субботнего дня – это самое приятное, что может быть.

Я с огромной чашкой дымящегося кофе в одной руке и утренней газетой в другой спускаюсь в подвал своего дома, усаживаюсь там в свое любимое кресло и начинаю настраивать свою радиоаппаратуру на частоту, где могу пообщаться с такими же радиолюбителями, как и я. Мы по субботам встречаемся в эфире, совершенно разные по возрасту, профессии, вкусам, но объединенные любовью к радио.

В одну из таких суббот я уже отпил первый глоток горячего кофе, он обжег мне гортань и медленно растекаясь по желудку, когда вдруг услышал разговор двух любителей в эфире. Кто-то рассказывал кому-то о тысяче стеклянных шариков, которыми так любят играть все дети. Я перестал крутить ручку настройки и прислушался.

– Я вижу, что ты действительно очень занят на работе, наверное, тебе хорошо за это платят, и мне жаль, что тебе приходится проводить много времени вдали от дома и семьи. Тяжело представить, что молодой человек должен работать 60 часов в неделю, для того чтобы просто выжить, И мне жаль, что ты не мог присутствовать на спектакле с участием твоей маленькой дочки. Но позволь мне кое-что рассказать, может, это чем-то поможет тебе.

И тогда мужчина рассказал собеседнику свою теорию о тысяче стеклянных шариков.

– Как-то раз я решил сделать простой арифметический подсчет. Человек живет в среднем 75 лет. Умножив 75 лет на 52 недели в году, я получил цифру 3900. Это количество недель, или в моем случае суббот, за целую человеческую жизнь. Оставайся со мной, я перехожу к главной части. К тому моменту я прожил почти 55 лет, значит, прожил около 2800 отведенных мне суббот. Я стал думать о том, что если доживу до 75 лет, то мне останется наслаждаться чуть больше чем 1000 суббот. Я пошел в магазин игрушек и скупил там все стеклянные шарики. Мне пришлось зайти еще в несколько, чтобы укомплектовать их количество до тысячи штук. Я пришел домой и выложил все шарики в стеклянную вазу рядом с моей радиостанцией. С тех пор каждую субботу я достаю из вазы один стеклянный шарик и бросаю в окно. Я понял, что, наблюдая за уменьшением шариков в вазе, я стал больше обращать внимания на вещи действительно важные для меня. Нет ничего лучше для выявления и осознания твоих жизненных приоритетов, чем видеть, как истекает время твоего пребывания на земле.

Сейчас позволь мне сказать тебе последнюю вещь. До того как мы разъединимся и я повезу свою прекрасную жену завтракать в наш любимый ресторан. Сегодня я достал свой последний стеклянный шарик из вазы и понял, что, если я доживу до следующей субботы, значит, мне подарено еще немножечко времени жизни... И если мы чем-то и можем распорядиться в этом мире, то это лишь небольшим количеством времени, которое отведено нам.

Мне понравилось общаться с тобой. Надеюсь, тебе удастся больше времени проводить со своей семьей, и надеюсь, мы встретимся в следующую субботу. С тобой прощается мужчина 75 лет. Ухожу! Хорошего дня!

Тот, кто слушал эту беседу, мог услышать щелчок отключения кабеля, когда говоривший отсоединился. Думаю, что всем нам он оставил много пищи для размышлений. Я собирался в то утро поработать над антенной, а потом встретиться с некоторыми радиолюбителями, чтобы подумать о новом кодексе нашего радиолюбительского клуба, но после услышанного я взбежал по лестнице и разбудил свою жену поцелуем.

– Вставай, дорогая! Я хочу вывезти тебя и детей на завтрак.

– Что случилось? – спросила удивленная жена.

– Ничего. Просто мы давно не проводили утро выходного дня вместе с детьми. Кстати, по дороге я хочу заехать в игрушечный магазин, купить стеклянных шариков.

Мы привыкаем жить в квартирах и видеть изо дня в день только окна напротив. А потом мы перестаем смотреть в окно, перестаем раздвигать шторы и привыкаем все раньше зажигать свет. И вскоре забываем о настоящем свете, о воздухе, о просторе.

Мы привыкаем просыпаться в спешке из-за того, что проспали, пить кофе на ходу из-за того, что уже опаздываем, и запихивать в себя бутерброд, потому что нет времени съесть его с удовольствием. Убегать с работы потому, что уже поздно, ужинать быстро, чтобы

выспаться и засыпать тяжелым сном, так и не прожив день. Мы привыкли ждать неделями, а потом слышать по телефону: «Я сегодня не могу прийти», улыбаться людям, которые не отвечают на наши улыбки, оставаться одинокими, когда хочется быть замеченными.

Если кинотеатр полон, мы садимся в первом ряду и напрягаем шею. Если на пляже нельзя купаться из-за того, что вода загрязнена, мы мочим только ноги и отчаянно потеем. Если работаем много, утешаемся тем, что отдохнем в выходные. И, если в выходные особенно нечего делать, стараемся пораньше лечь спать и довольны уже тем, что нам удастся отоспаться за целую неделю.

Мы привыкли экономить жизнь, которая так или иначе растрачивается. Из-за своих привычек мы перестаем жить. Кто-то сказал: смерть так уверена в своей победе, что дает нам фору в целую жизнь.

Настоящий клад

У одного крестьянина был приемный сын, который постоянно просил у отчима денег на свои капризы и постоянно жаловался, что ему этих денег не хватает. Наконец отчим устал от всего этого и решил дать ему возможность заработать эти деньги самому. Крестьянин под большим секретом рассказал подростку, что на одном из его полей зарыт клад, отыскав который он получит причитающуюся ему часть золота. И вручил пасынку лопату.

Мальчик с большим энтузиазмом взялся за работу, кто же откажется получить деньги даром. Он копал несколько дней, глубоко, внимательно перелопачивая каждый ком, копал несколько недель, потом разочаровался и бросил, чувствуя себя обманутым.

Прошло время, и эта земля дала прекрасный урожай. Крестьянин собрал его и выручил хорошие деньги. Часть из них он отложил, чтобы отдать пасынку. Он позвал его и сказал:

– Помнишь поле, которое ты перекопал в поисках клада несколько месяцев тому назад? Вот, держи, это твоя часть клада. Ты заработал это своими руками. Не забывай, как добываются клады.

Только наш собственный труд является источником наших богатств.

Или султан, или ишак

Как-то раз, от нечего делать, султану пришла в голову мысль научить осла говорить. Он разослал гонцов по всем своим владениям и пообещал высокую награду тому, кто обучит осла говорить.

Но никто не объявлялся. Не потому, что не было желающих попробовать, а потому, что за неисполнение уговора следовало наказание – «мой меч – твоя голова с плеч».

Султан уже попрощался с мыслью услышать речь осла, когда во дворец пришел странник. Он обещал научить осла говорить, но только за пять лет.

Ему вручили животное, задаток, и путник отправился в отведенные ему покои.

Все считали его поступок самоубийством. Ведь невозможно научить разговаривать осла. И спрашивали, зачем тебе это?

– Я беден, – отвечал путник. – А за пять лет либо ишак сдохнет, либо султан умрет.

Ничего нет лучше для безвыходных ситуаций, чем время. Со временем все меняется.

Чашка чаю

Один вьетнамский философ, буддийский монах, оставил нам инструкцию о том, как насладиться чашкой чая.

Мы должны полностью переключить свое внимание на настоящий момент, чтобы получить удовольствие. Только чувствуя и осознавая, не отвлекаясь ни на какие другие мысли, наши руки ощутят тепло чашки. Только присутствуя в настоящем, мы почувствуем аромат чая, распробуем его вкус и сможем оценить его достоинства. Если мы переживаем

прошлое или обеспокоены будущим, то можем забыть о наслаждении чашкой чая, и когда заглянем на дно, то не увидим содержимого, оно исчезнет.

С жизнью происходит так же. Если мы полностью не живем в настоящем, то не успеем открыть и закрыть глаза, как жизнь закончится. А мы так и не почувствуем ее на вкус, не ощутим ее аромат, не увидим ее красоты и не оценим ее достоинств, только заметим, как она промчится мимо нас.

Прошлое уже прошло, поблагодарим его за уроки и оставим позади. Будущего еще нет, оно не наступило и может не наступить. Мы строим планы на будущее, но теряем время, беспокоясь о нем.

Как только мы оставим прошлое в прошлом и перестанем беспокоиться о том, что еще не произошло, мы окажемся в настоящем. И только тогда мы начнем ощущать радости жизни.

Нерешительность

У каждого свой путь, но иногда мы так задерживаемся на перекрестках, что потом не можем выбрать, куда же нам идти. Именно это произошло с Салимом.

Салим был юношей, который ушел из дома в поисках опыта, знаний и советов у опытных людей, учителей, мастеров. В течение нескольких лет он готовился к своему путешествию, и, наконец, этот день настал.

Совсем недалеко от дома он нашел путь, который разветвлялся на много дорог. Он подумал, какую дорогу избрать, чтобы попасть в лучшее для получения знаний место. Представил себе, что одна приведет его в город мудрецов, где он получит много знаний, советов, способов медитаций. Если пойдет по другой, придет в царство и попадет во дворец к доброму царю, который расскажет ему о справедливости. На третьей встретит человека, который откроет ему самые большие секреты человечества...

Все дороги манили, и он не в состоянии был избрать одну из них. Тогда он сел в тени большого дерева на распутии, закрыл глаза и принялся думать. Время шло – секунды, минуты, часы, но решение не приходило. Прошел день, два, три, месяц, год и так вся жизнь. Когда юноша открыл глаза, он увидел, что превратился в старика и почти не может передвигаться. В один из моментов, когда Салим очнулся от своих размышлений, он увидел юношу, который приближался к развилке, громко распевая песни. Юноша ступил на одну из дорог не глядя.

Старик Салим окликнул его:

– Почему ты пошел одной дорогой и даже не посмотрел на другие и не подумал, куда тебя может привести каждая из них?

Юноша ответил:

– Если я начну думать и решать, то проведу остаток жизни, как ты, размышляя, где смогу получить больше знаний. Моя цель – понять, научиться тому, чему меня могут научить, поэтому я не думаю, куда идти, я доверяю своему сердцу.

Два раба

Как-то раз султан, в окружении своей свиты, на лучшем арабском жеребце совершал прогулку по столице. Все жители города высыпали из своих домов, чтобы поприветствовать своего повелителя. Когда он проезжал мимо, все падали ниц. Все, кроме одного дервиша. Султан остановил процессию и приказал доставить к нему дервиша. Он пожелал узнать, почему дервиш не преклонил колени, как все остальные. Дервиш ответил:

– Все эти люди преклоняются перед тобой потому, что они преклоняются перед тем, чем ты владеешь, – перед деньгами, властью, троном. Слава Господу, все эти вещи ничего не значат для меня, так зачем же преклоняться пред тобой, если у меня в рабах двое из твоих господ?

Дервиш перевел дыхание, а султан, побелев от гнева, воскликнул:

– Что ты хочешь этим сказать?

– Мои два раба – это твои учителя: гнев и алчность, – сказал спокойно дервиш, глядя в глаза султану.

Султан понял, что услышал правду. Он спешился и поклонился мудрому нищему.

Шахматы

Один молодой человек, разочарованный жизнью, пришел в монастырь и обратился к мудрому старцу с вопросом:

– Я хотел бы достичь просветления, но не способен принести в жертву светскую жизнь и вынести много лет медитаций. Существует ли быстрый путь для таких, как я?

– Ты когда-нибудь глубоко концентрировался на чем-то в своей жизни? – спросил монах.

– Только на шахматах: моя семья богата и у меня нет нужды работать.

Тогда старый монах позвал другого монаха. Принесли шахматную доску с фигурами и острый отточенный меч, сверкавший, как солнце.

– Я помогу тебе быстро проделать путь. Сейчас ты сыграешь очень важную для тебя партию в шахматы. Если ты проиграешь, я отсеку тебе голову этим мечом. Если выиграешь, я отрублю голову твоему сопернику.

Началась партия. Молодой человек чувствовал, как по спине стекают капли пота, как никак ставкой в этой игре была его жизнь. Шахматная доска превратилась для него в целый мир. Он как будто слился с ней, стал ее частью.

Он начал с того, что стал проигрывать, но его соперник допустил ошибку, и молодой человек использовал это, провел бурную атаку и изменил ход игры в свою пользу. Чуть расслабившись, он мельком взглянул на соперника. У монаха, игравшего с ним, было умное, открытое лицо, изборожденное годами стараний. Он сравнил его жизнь со своей, ветреной и банальной, и почувствовал жалость к сопернику. И осознанно допустил ошибку, а потом другую и стал проигрывать. Старый монах, внимательно наблюдавший за игрой и игроками, перевернул доску, фигуры смешались и попадали на землю.

– Нет ни победителя, ни побежденного, – сказал он. – И ни одна голова не упадет с плеч.

Потом он повернулся к юноше со словами:

– Две вещи необходимы – концентрация и сострадание. Сегодня ты познал обе.

Чего хочет женщина

Молодой король Артур с азартом охотился в лесах правителя соседнего королевства, когда был пойман монархом-соседом. По существующим законам того времени монарх мог на месте без суда и следствия убить любого за вторжение на его территорию. Но монарх был тронут молодостью Артура, проникся к нему симпатией и решил отпустить на свободу, но с одним условием: ровно через год ответить на один сложный вопрос – «Чего на самом деле хочет женщина?» Если через год молодой король не найдет ответа на этот вопрос, то полностью попадает во власть монарха и тот волен сделать с ним все, что угодно.

Подобный вопрос заставил бы задуматься и самого мудрого мужчину. Конечно же молодой король и понятия не имел, что ответить. Он возвратился домой и стал расспрашивать всех женщин от мала до велика. Он спрашивал королев, принцесс, женщин легкого поведения, монашек, простолюдинок. Спрашивал министров, друзей, паяцев, шутов. И никто не дал ему толкового ответа.

Ему посоветовали обратиться к одной старой колдунье, только она могла знать ответ. Колдунья была очень известной и могущественной и славилась тем, что запрашивала непомерно высокие цены за свою помощь.

Наступил последний день истекающего года, когда Артур должен был дать ответ монарху соседнего королевства. А ответа не было. У молодого короля не было другого выхода, только идти к колдунье. Колдунья пообещала дать ответ, если короля устроит положенная цена. Она хотела выйти замуж за лучшего друга короля Артура, самого красивого и достойного рыцаря Круглого стола.

Артур в ужасе посмотрел на старуху. Она была горбатой и уродливой, с беззубым ртом. И от запаха ее тела мог упасть в обморок даже крепкий бывалый воин. Молодому королю никогда в жизни не приходилось видеть человека более отвратительного, чем эта старуха. Он содрогнулся от перспективы просить своего лучшего друга о такой жертве, уж лучше умереть. Но друг, узнав об условиях колдуньи, сказал, что это небольшая цена за жизнь товарища и рыцаря Круглого стола, и объявил о своей свадьбе с колдуньей. И тогда старуха улыбнулась своей ужасной улыбкой и сказала:

– На самом деле женщина хочет быть хозяйкой своей собственной жизни.

Все согласились, и молодой король Артур был спасен, он предстал перед монархом соседнего королевства, правильно ответил на вопрос и был освобожден. Сыграли свадьбу, и хуже всех на ней себя чувствовал король Артур. Жених был спокойным и вежливым.

Старая колдунья устроила гала-концерт своих худших манер: брала пищу руками из всех блюд, отбросив в сторону столовые приборы, испускала ужасные звуки и запахи. Все присутствующие обсуждали храбрость и преданность друга короля, настоящего рыцаря Круглого стола, который согласился на подобные пытки до конца своей жизни ради спасения друга. И вот наступил момент, когда молодожены отправились в опочивальню, их ждала первая брачная ночь.

Когда новоиспеченный муж ожидал новобрачную в постели, готовясь к исполнению супружеского долга, его жена предстала перед ним в образе прекрасной девушки, о которой мог только мечтать любой мужчина. Приятно удивленный, муж спросил, что случилось. Девушка ответила, что, так как он был почтителен и внимателен к ней на свадьбе, половину времени суток она будет находиться в своем ужасном образе, а половину – в прекрасном. Кого он предпочитает видеть днем, а кого ночью?

Тяжелый для решения вопрос: что лучше – днем видеть рядом прекрасную супругу, показывать ее в кругу друзей, а ночью лежать в алькове с отвратительной старухой? Или проводить целый день с уродливой колдуньей, а ночью наслаждаться обществом прекрасной девушки? Что выбрать?

Рыцарь вспомнил, что он – мужчина, вспомнил, чего хочет женщина, – ответ на вопрос, за который он заплатил своим супружеством, и предложил жене самой выбрать часть суток и образ, в котором она хочет находиться в течение этого времени.

Когда колдунья услышала ответ мужа, она заявила, что отныне днем и ночью будет находиться в образе девушки, раз ее муж дал ей право быть хозяйкой собственной жизни.

Сейчас я понимаю

Когда я был ребенком, меня учили делать добрые дела, они могли быть маленькими и нетрудными, но обязательно хорошими: увидев на улице бумажку, подобрать ее и выбросить в урну, помыть тарелку после еды, перевести старика через дорогу, оберегать природу. Мне очень нравилось быть добрым.

Как-то раз я гулял по улице и увидел израненную собаку прямо на дороге. Ее сбила машина, она не могла двигаться, обе задние ноги были сломаны. Машины проезжали очень близко от нее, и я боялся, что кто-нибудь снова собьет ее и тогда уже точно убьет. Мне страстно захотелось сделать еще одно доброе дело, и, как хороший мальчик, я остановил движение и подошел к собаке, чтобы перенести ее в безопасное место и спасти ей жизнь. Я уже думал, как наложить шины на ее задние лапы, чтобы обездвижить их, наклонился, с большим трепетом и любовью протянул руки, чтобы взять израненное животное. Как только я поднял собаку, она укусила меня за руку. Тут же меня повезли в клинику, сделали прививку

от бешенства.

Я долгое время не мог понять, почему собака укусила меня, ведь единственное, чего я хотел, это помочь ей, спасти жизнь. Я не собирался причинить ей вред. Что же произошло? Я хотел стать ей другом, вылечить ее, выкупать, оставить у себя и заботиться о ней. Это был первый случай в моей жизни, когда я хотел сделать доброе дело, а меня обидели, и я не понимал почему.

Если кто-то причиняет вред тому, кто плохо к нему относится, это понятно. Но когда ты хочешь кому-то помочь, а тебе отвечают обидой, это необъяснимо.

Прошло много лет, прежде чем я понял, что собака меня не кусала, меня укусила ее рана, ее страх и боль, теперь я прекрасно понимаю это.

Когда кому-то плохо, он чувствует себя в душе раненным и, получая от кого-то любовь или хорошее отношение, – кусает! Но это не он сжимает зубы при укусе, это его рана.

Надо стараться понимать плохое состояние, в котором иногда пребывают люди. Не всегда, когда кто-то на тебя кричит, обвиняет, критикует, оскорбляет, обижает или причиняет вред, он делает это потому, что не любит или ненавидит тебя. Может, он просто ранен, у него рана в душе, или плохо себя чувствует, или что-то нехорошее происходит в его жизни. Не защищайся, не нападай, не критикуй, постарайся понять, принять и помочь. Сейчас я это понимаю.

Капли любви

В лесу, в зарослях бамбука разгорался пожар. Он рос, набирал силу, охватывал все больше пространства. Очень маленькая птичка, увидев пожар, полетела к реке, намочила свои крылья, вернулась, покружила над всепожирающим пламенем, стряхивая капельки воды с крыльев, и снова полетела к реке. И так она носилась от реки к месту пожара, от места пожара к реке, пытаясь капельками воды потушить пламя.

Боги, наблюдавшие с небес, послали за птичкой и велели ей предстать пред ними.

– Зачем ты это делаешь? – спросили они. – Ты что же, думаешь, что капельками воды ты в силах потушить огромный пожар? Пойми, ты никогда не сможешь сделать этого.

Птичка ответила:

– Лес мне дал столько всего! Я родилась там, там узнала, что такое природа, лес научил меня жить, давал пищу и кров. Этот лес – мой дом, мой мир, и даже умирая, я продолжу разбрызгивать эти капельки любви, зная, что не в силах потушить пожар.

Боги поняли, что и почему делала птичка, и вмешались.

Даже капелька воды может потушить огонь, Любое действие, предпринятое с любовью, может, и не сегодня, но точно завтра вернется к нам, умноженное любовью других.

Обман

У одного старика умерла жена, и он остался один. Всю жизнь он проработал портным, упорно трудился с утра до вечера, но социальные и экономические перемены в стране оставили его в конце жизни без гроша, а сейчас он уже не в силах был трудиться. Его руки дрожали, и он не мог удержать в пальцах иголку, а зрение упало настолько, что ему не удавалось сделать ни одной ровной строчки.

Он вырастил трех сыновей, но все они были женаты и заняты своей собственной жизнью. Их хватало только на то, чтобы изредка поужинать с отцом. Старик становился все слабее, а дети навещали его все реже.

«Они не хотят быть со мной, потому что боятся, что я стану для них обузой», – печалился старик.

Однажды он провел ночь без сна, размышляя над тем, как жить дальше, и у него созрел план.

Он принес домой сундук, набил его доверху битым стеклом, повесил внушительный

замок и задвинул под стол на кухне. Когда дети приехали к нему на очередной ужин, они, полюбозытствовав, попробовали сундук ногой, услышали, что там что-то звенит, и спросили своего старого отца:

– Что это у тебя в сундуке?

– Да ничего особенного, некоторые вещицы, которые удалось накопить.

Его дети попробовали сдвинуть сундук с места и почувствовали, что он очень тяжелый.

– Наверное, он полон золота, – стали перешептываться между собой братья.

Они посоветовались и сошлись на том, что сундук нельзя оставлять без присмотра, его надо стеречь, а вдруг кто украдет. Решили, что будут жить с отцом по очереди, таким образом смогут присмотреть и за сундуком, и за отцом.

В первую неделю младший сын переехал к отцу, ухаживал за ним, готовил пищу. Следующую неделю с отцом жил средний сын, потом старший, и так продолжалось какое-то время.

В конце концов старик заболел и умер. Его дети устроили достойные похороны, денег не жалели, знали, что их ждет хорошее наследство. После похорон они пришли в дом отца, с трудом отыскивали ключи от сундука, открыли его и увидели, что он наполнен битым стеклом.

– До чего детская проделка! Ну как он мог так жестоко подшутить над своими собственными сыновьями?! – воскликнул старший сын.

– А что он мог сделать? – спросил печально средний. – Будем честными, признаем, что, если бы не сундук, он бы оставался один до конца своих дней.

– Мне стыдно за самого себя! – тяжело вздохнул младший. – За то, что мы вынудили своего собственного отца опуститься до лжи для того, чтобы мы делали то, чему он нас учил еще в детстве.

Японская мудрость

К одному японскому Учителю пришел университетский профессор, чтобы задать интересующие его вопросы о размышлениях, самом процессе мышления, медитациях.

Профессор считал себя очень умным, гордился своими знаниями и славился тем, что не считался с мнением других, будучи уверенным в своей правоте и истинности собственных суждений.

Учитель хотел поделиться своими знаниями с профессором и решил продемонстрировать их на примере. Он начал с того, что стал разливать чай. Очень медленно он наполнял чашку. Чашка наполнилась, потом переполнилась. Учитель, казалось, этого не замечал и продолжал лить чай. Жидкость начала проливаться на скатерть. Старый Маэстро, улыбаясь, невозмутимо продолжал наливать чай.

Университетский профессор с огромным изумлением наблюдал, как переливается чай, не в силах объяснить подобную рассеянность. Такое пренебрежение нормами приличия! В какой-то момент он не выдержал и сказал Учителю:

– Она полная! Больше уже не войдет!

Не прерывая своего занятия, без тени замешательства, Учитель ответил:

– Ты тоже полон своей культурой, своими мнениями, выводами, догадками, предубеждениями так же, как эта чашка. Как я могу рассказать тебе о знании, мудрости, как до тебя могут дойти самые простые вещи, если ты не опустошишь свою чашку?

Профессор поблагодарил за урок и с тех пор стал стараться слышать мнение других людей и не обесценивать ни одно из них.

Облако и дюна

Одно молодое облако родилось над Средиземным морем и не успело вырасти, как сильный ветер погнал его и всех родственников и друзей прочь, в далекую Африку. Как только они прибыли на континент, климат резко изменился. Солнце светило сверху, а внизу

золотом переливались разгоряченные пески Сахары. Ветер продолжал гнать облака дальше, в джунгли, потому что в пустыне дождь не идет. Но молодое любопытное облако отстало от своих, чтобы посмотреть на мир.

– Ты куда? Соображаешь, что делаешь? – набросился на него ветер. – Пустыня везде одинаковая, возвращайся в семью! Попадешь с нами в центр Африки, увидишь величественные горы, самые разные деревья.

Но молодое облако, упрямое, как все молодые, не послушалось. Постепенно оно снижалось, пока его не подхватил легкий ласковый бриз вблизи от золотых песков.

После длительной прогулки облако обратило внимание, что одна из дюн улыбается ему. Дюна тоже была юная, сформированная последним мощным ветром, который недавно проходил по пустыне, и тут же влюбилось в золотые кудри дюны.

– Добрый день! – приветствовало облако дюну. – Как там живет, внизу?

– Живу в компании других дюн, солнца и ветра. Иногда тут проходят караваны. Иногда здесь стоит невыносимая жара, кажется, что можно расплавиться, но ничего, выдерживаем. А как это жить там, вверху?

– Тут тоже солнце и ветер, но тут свои преимущества. Я могу гулять по небу, через континенты, и видеть многие вещи.

– У меня короткая жизнь, – сказала дюна, – когда ветер возвратится из джунглей, я исчезну.

– И это тебя печалит?

– Это заставляет меня думать, что я ни на что не гожусь...

– Я ощущаю то же. Когда здесь появится ветер, он унесет меня дальше, на юг, и я прольюсь там дождем и исчезну. Такова моя судьба.

– Знаешь, – сказала дюна, – у нас в пустыне все говорят, что дождь – это рай!

– Никогда не думало, что я могу трансформироваться во что-то настолько важное, – ответило, немного загордившись собой, облако.

– Я слышала много легенд от старых дюн. Они рассказывали, что после дождя дюны покрываются травой и цветами. Но мне не дано увидеть и почувствовать это, потому что в пустыне очень редко идет дождь.

Облако задумалось, а потом широко улыбнулось:

– Если хочешь, я орошу тебя дождем! Не поверишь, я только прибыло сюда, но успело тебя полюбить, и мне хотелось бы остаться здесь навсегда.

– Когда я тебя увидела первый раз в небе, я сразу же влюбилась в тебя! – призналась дюна. Но если ты превратишь свои белокурые волосы в дождь, ты умрешь.

– Любовь никогда не умирает, – сказало облако. – Она трансформируется. Хочешь, я покажу тебе рай?

Облако ласкало дюну каплями дождя. И так продолжалось до тех пор, пока над дюной не появилась нежная радуга.

На следующий день маленькая дюна была укрыта цветами. И когда другие облака проплывали над пустыней и видели зеленеющую дюну, они думали, что это и есть начало леса, который они искали, и распускали дождем.

Через двадцать лет маленькая дюна превратилась в прекрасный оазис, который под сенью своих деревьев давал отдых и тень путникам пустыни.

И все потому, что один раз одно облако не побоялось отдать свою жизнь за любовь.

Зло сделало меня сильнее

Один араб не мог видеть вокруг себя ничего крепкого, здорового, сильного, чтобы не захотеть разрушить и уничтожить это до основания. Он просто приходил в неистовую ярость при виде всего хорошего.

Как-то он подъезжал на своем верблюде к оазису и наткнулся на только что прорезавшуюся из земли нежно-зеленую пальму. Ему сразу не понравился ее вид. Он нашел

камень потяжелее и придавил им верхушку рождающегося дерева, с довольной ухмылкой переступил через задавленную зелень и продолжил свой путь. Пальма пыталась сбросить с себя тяжелый груз, но бесполезно. Тогда молодое деревце попробовало применить другую тактику. Оно попыталось расти более глубоко, в почву, чтобы выдержать вес камня и не погибнуть. Чем глубже проникали корни дерева в почву, тем больше воды находили внизу, тем крепче становилось само дерево.

Эта пальма выросла выше всех, вышла из-под тени других деревьев, получила больше всех солнца и превратилась в могучее дерево.

Много лет спустя тот самый араб проезжал мимо оазиса и решил взглянуть на камень и засохшую под ним пальму, чтобы насладиться плодами своих трудов. Но не смог отыскать его, как ни старался. Дерево, увидев своего обидчика, нагнулось к нему верхушкой, и он увидел на его макушке тот самый камень.

– Хочу поблагодарить тебя, – сказало дерево, – причинив мне зло, ты сделал меня сильнее.

Любимый сын

Как-то раз одну мать спросили, кого из своих сыновей она любит больше. И она, улыбаясь, ответила:

– Ничего нет больше, чем сердце матери. Мой любимый сын, которому я отдаю душу и сердце, тот, кто заболел, до тех пор, пока не выздоровеет.

Тот, кто в пути, пока не вернется домой.

Тот, кто устал, пока не отдохнет.

Тот, кто голоден, пока не насытится.

Тот, у кого жажда, пока не напьется.

Тот, кто учится, пока не выучится.

Тот, кто обнажен, пока не оденется.

Тот, кто безработный, пока не найдет работу.

Тот, кто в женихах, пока не женится.

Тот, кто отец, пока не вырастит.

Тот, кто пообещал, пока не выполнит.

Тот, кто должен, пока не заплатит.

Тот, кто плачет, пока не перестанет.

И уже с печалью в голосе завершила:

– Тот, кто меня оставил, пока не вернется.

Идиот

Жители одного маленького поселка по вечерам собирались в единственном баре и, выпивая, развлекались, издеваясь над местным идиотом. Бедный ненормальный жил тем, что подряжался на мелкие работы и просил милостыню. Ритуал не менялся никогда: по вечерам идиота зазывали в бар и предлагали выбрать между двумя монетами: одной большой в 400 реалов и одной маленькой в 2000 реалов. Он долго думал, но потом всегда выбирал большую по размеру, но меньшую по достоинству, к всеобщей радости аудитории. Как-то раз завсегдатаи бара позвали его и спросили, неужели он до сих пор не знает, что меньшая по размеру монета стоит больше. «Знаю, – ответил идиот, – я не настолько дурной. Но если я выберу меньшую монету, то игра закончится, и я никогда больше не получу ни одной».

Из этого можно сделать вывод, что:

– не каждый, кто похож на идиота, является им;

– собственные амбиции могут стоить источника доходов;

– не важно, что о нас думают другие, важно, кто мы есть на самом деле.

Природа сама знает

Рассказывают, что в одном месте однажды случилась засуха. И люди пришли к Мастеру, прося его помолиться о дожде. И он вывел их из дома и водил по улицам, пока не нашел женщину, которая укачивала на руках младенца.

– Я молю тебя, накорми свое дитя! – сказал Мастер.

– Я сама знаю, когда кормить и когда не кормить его, – сказала женщина, – Потому что это мой ребенок! Зачем ты лезешь в дело, в котором ничего не понимаешь?

Мастер посмотрел на людей и развел руками.

Цени сейчас, пока не поздно

Две подружки встретились в кафе за чашечкой кофе, и одна стала жаловаться другой:

– Моя мама постоянно звонит мне по телефону и просит, чтобы я пришла к ней поговорить. Когда я иногда захожу к ней, чувствую, что меня раздражает ее разговор, манеры. Знаешь, как старики тебе рассказывают одно и то же по несколько раз. К тому же, я постоянно занята: то работа, то любимый мужчина, то друзья.

– Ты знаешь, а я много разговариваю со своей мамой. Каждый раз, когда мне грустно, иду к ней; когда чувствую себя одиноко, когда у меня проблемы и мне нужна поддержка, рядом с ней я чувствую себя лучше.

– Да! Ты лучше, чем я, – заметила подруга.

– Не думай, я такая же, – ответила та с грустью. – Я навещаю маму на кладбище. Она умерла. Когда она жила со мной, я тоже избегала встреч с ней и думала так же, как и ты. Ты не можешь себе представить, как мне этого всего сейчас не хватает! Как она мне нужна! Если тебе может пригодиться мой опыт, то походи поговори со своей мамой, пока ты можешь это сделать. Цени, что она есть, здесь, с тобой. Старайся не замечать ее ошибок, замечай достоинства. Не жди, пока она окажется на кладбище, чтобы узнать, насколько она дорога тебе. Потому что только там понимаешь, что уже никогда не сможешь ничего сделать для нее, никогда ничего не исправить, не изменить. И от этого остается такая рана, которая не заживает никогда. Не позволяй, чтобы с тобой произошло то же, что и со мной.

Все время в машине по дороге на работу женщина думала над словами подруги. Зайдя в офис, она сказала своему секретарю:

– Перенесите все совещания и встречи на завтра, соедините меня с мамой, для всех остальных меня нет, весь сегодняшний день я посвящу ей.

Донести решение

Когда возникают большие проблемы в государстве, многие лидеры предпочитают обращаться за поиском решений к высокопрофессиональным специалистам, к знающим, мудрым людям. Так случилось и в тот раз, когда королевство, славящееся производством лучших сельскохозяйственных продуктов, из-за сильнейшей засухи очутилось в тяжелой экономической ситуации.

Король в срочном порядке собрал всех мудрецов, чтобы выслушать их советы. Они многие годы провели в учении и действительно знали все о землях королевства, о существующих водоемах. Они сразу просчитали масштабы проблемы и быстро нашли решение, как можно оросить земельные угодья, употребив то небольшое количество воды, которое имелось в наличии.

После того как королю объяснили суть идеи, он нашел ее блестящей. Он был счастлив появлению решения и тотчас разослал своих мудрецов по всем провинциям королевства, разъяснять новый метод крестьянам.

Проходили недели, а состояние земель не улучшалось. Положение же короля ухудшалось. С одной стороны, крестьяне обвиняли его в неспособности найти решение, с

другой стороны, мудрецы жаловались, что объяснять что-то людям без образования – это пустая трата времени.

Король умел слушать и, выслушивая и тех и других, вдруг понял, в чем дело. Он приказал созвать скоморохов, клоунов, бродячих певцов, циркачей. Его подчиненные решили, что засуха повредила не только посевы.

Но через месяц после этого земля опять зазеленела и вернула плодородие, а король – доверие своих подданных.

Каков же был план короля? Зачем он позвал скоморохов? Каким было решение?

Король понял, что ничего не получается из-за того, что крестьяне не понимают мудрецов. Поэтому он поручил донести важную информацию о новом методе людям, которые могли ее перевести на понятный крестьянам язык. Скоморохи, бродячие певцы, циркачи и были теми людьми, которые владели простонародным языком, и к тому же народ доверял им. Таким образом, крестьяне приняли и применили новый метод, разработанный мудрецами.

Из этой истории можно сделать выводы:

- новые проблемы требуют новых решений;
- реализация решения больше зависит от коммуникации, чем от информации;
- знание должно быть адаптировано к языку того, кто в нем нуждается.

Похлебка из чечевицы

Как-то раз Диоген, философ, живший в бочке, ел чечевичную похлебку на ступеньках чужого дома. Во всех Афинах не было пищи более дешевой, нежели чечевичная похлебка. Есть похлебку из чечевицы означало выставить себя нищим.

Мимо проходил один из министров императора и бросил мыслителю:

– Ах, Диоген, Диоген! Если бы ты научился быть более лояльным и льстивым по отношению к императору, не ел бы сейчас чечевицу.

Диоген перестал есть, поднял свой невозмутимый взгляд, с сожалением посмотрел на богатого и сытого советчика и ответил:

– Э, брат! Если бы ты научился есть чечевицу, тебе бы не пришлось быть лояльным и столько льстить императору.

Мудрость

Не так давно, всего лишь в прошлом веке, один турист приехал в столицу Египта – Каир специально, чтобы повидать одного известного мудреца.

Турист удивился, когда увидел, что такой известный человек живет в очень простой маленькой комнате, заполненной книгами. Из мебели были только кровать, стол и стул.

– Где твоя мебель? – спросил турист.

– А где твоя? – спросил мудрец.

– Моя? – удивился турист. – Но ведь я здесь только проездом!

– Я тоже, – улыбнулся мудрец.

Наша жизнь на земле временна, тем не менее многие живут так, как будто они бессмертны, и забывают быть счастливыми.

Ценность сущего не во времени, а в интенсивности, которой заполнено это время, в насыщенности хорошим. Поэтому существуют незабываемые моменты, необъяснимые вещи и несравненные люди... как вы.

Устрица

Это была обычная устрица, такая же, как и все другие, искавшая скалу на глубине, чтобы прикрепиться к ней. Она нашла такую и успокоилась, обретя дом и убежище. Как-то

раз во время шторма, которые случаются на глубине и незаметны на поверхности моря, со дна поднялось много песка, и одна небольшая песчинка попала в раковину к устрице, несмотря на то что та быстро закрыла свои створки, пытаясь избежать чужеродного проникновения.

Песчинка ранила нежные внутренности устрицы, мешала, причиняла массу неудобств, но устрица никак не могла вытолкнуть ее наружу. Песчинка въелась в тело, как заноза.

Устрица решила забыть о существовании песчинки, но не смогла, потому что саднящую реальность нельзя ни забыть, ни игнорировать.

В этой ситуации не оставалось ничего другого, как бороться со своей болью. Со временем устрица заметила, что ее тело начинает выделять субстанцию, которая обволакивает и трансформирует песчинку. Дальше вы все знаете. Причиняющая боль песчинка превратилась в прекрасную жемчужину.

Каждый из нас должен спросить себя, что он сделал с песчинками, которые повсеместно раздает нам жизнь и которые мы имеем возможность превратить в жемчужину. Богаты мы жемчугом или до сих пор полны песком?

Сокол

Однажды королю преподнесли птенца сокола. Королевский ловчий выкормил и вырастил птицу, но никак не мог научить летать. Сокол отказывался покидать ветку дерева, куда его посадили, когда он был еще птенцом. Король из окна дворца часто наблюдал, как его ловчий тренировал охотничьих птиц: орлов, коршунов, других соколов, но этот всегда продолжал сидеть на своей ветке.

Ловчий пожаловался королю, что ничего не может поделать с соколом, что даже пищу для него приходится носить к дереву и поднимать к ветке.

Король разослал гонцов с просьбой о помощи и, проснувшись на следующее утро, увидел летающего над садами сокола.

– Приведите ко мне автора этого чуда! – приказал король.

К нему привели простого крестьянина.

– Расскажи, как ты заставил его полететь? Ты что, маг? – спросил король.

– Крестьянин счастливо улыбался оттого, что смог порадовать своего короля:

– Это было не так сложно, ваше величество! Я просто спилил ветку, на которой сидел ваш сокол, после чего он понял, что у него есть крылья, и полетел.

Так и среди людей. Некоторые из нас сидят на ветках потому, что просто не знают, что у них есть крылья. Некоторым события жизни ломают ветку надежности и привычек, и тогда они узнают, что могут летать. У некоторых есть все, и они не хотят летать, рискуя потерять место. Может, даже необходимо, чтобы кто-нибудь спилил эту ветку, чтобы мы попробовали полететь хоть раз в жизни?! Иногда неожиданные события, которые кажутся очень плохими вначале, оборачиваются возможностью взлететь... Полетаем?

Ход конем

У одного крестьянина было несколько коней, которые пахали его землю, возили на себе воду, мешки с урожаем, овощами, зерном, в общем, служили ему верой и правдой и помогали жить.

И вот, случилось так, что лучший хозяйский конь провалился в старый заброшенный колодец. Крестьянин побежал посмотреть, что с его любимцем. К счастью, конь не пострадал, но колодец был настолько глубоким, что вытащить оттуда коня стоило бы больших денег, чем купить нового. Быстро посчитав в уме расходы, крестьянин позвал своих наемных рабочих и попросил их похоронить коня, забросав его землей.

Работники взялись за лопаты и принялись бросать комья земли в колодец. Конь тем временем стряхивал ее с себя и утапывал копытами. Работники продолжали трудиться в

поте лица, конь тоже. Когда они через какое-то время заглянули вниз, то увидели, что конь не собирается давать себя похоронить, напротив, старается выбраться и на самом деле поднялся намного выше к поверхности. Они продолжили швырять землю, а конь ее утаптывать. В конце концов конь спасся.

Если так сложилось и мы попали в глубокую яму, а другие швыряют в нас землей непонимания, эгоизма, осуждения, равнодушия, злости, вспомним историю об этом коне. Если в вас бросают землю, отряхните ее с себя, притопчите и поднимайтесь вверх. Чем больше земли в вас бросают, тем быстрее вы подниметесь.

Старший брат

В больницу в тяжелом состоянии привезли трехлетнюю девочку Лизу. Состояние ее с каждой минутой ухудшалось. Нужно было срочно делать переливание крови. В зале ожидания находились ее родители и старший брат, которому недавно исполнилось пять лет. Мальчик в свое время перенес ту же болезнь, от которой сейчас страдала его сестра, и у него в крови выработались антитела. Поэтому врачи надеялись на успех переливания крови брата.

Врачу было необходимо уговорить ребенка, и он без обиняков спросил у брата Лизы, готов ли он отдать кровь своей сестричке.

На лице ребенка на мгновение отразилось сомнение, но потом, глубоко вздохнув, он сказал:

– Да, отдам, если это спасет Лизу.

Мальчика уложили рядом с сестрой и начали переливание. Братишка улыбался, видя, как щечки его сестры заливаются румянцем. Но вдруг он резко побледнел, улыбка исчезла с его лица. Он очень серьезно посмотрел на доктора и спросил дрожащим голосом:

– В котором часу я начну умирать?

Выяснилось, что малыш понял врача по-своему: он подумал, что должен отдать всю свою кровь. И, будучи уверенным в этом, согласился.

Напрасный урок

Как-то инспектор из Министерства образования пришел с проверкой уровня подготовки педагогов младших классов в одну среднюю школу. Он зашел в первый попавшийся кабинет и застал там странную картину: учительница что-то искала на своем заваленном столе, у нее был замученный, расстроенный вид, дети были предоставлены сами себе, они бегали, прыгали, шумели, одним словом – хаос.

– Простите, я инспектор, у вас какие-то проблемы? – решил представиться проверяющий.

– Я устала, господин инспектор, я уже не знаю, что делать с этими детьми. Я удручена, нет табличек для рисования, министерство не присылает дидактический материал, у меня нет ничего нового показать детям...

Среди беспорядка, царившего на столе учительницы, инспектор увидел пробку. Он взял ее в руку, вытянул перед собой, чтобы ребятам было хорошо видно, и обратился к классу:

– Что это?

– Пробка! – ответили хором заинтересованные дети.

– Хорошо, откуда она взялась?

– Из бутылки! Из дерева! Их делает специальная машинка, – последовали разные ответы.

– А что еще делают из дерева? – продолжал инспектор.

– Стулья, стол, корабль.

– Хорошо! У нас уже есть корабль. Кто может его нарисовать? Кто может на доске нарисовать карту и определить наш корабль в ближайший порт? А какие еще порты и на каких реках вы знаете? А каким странам они принадлежат? Может, вы знаете какого-нибудь

популярного певца из этой страны или поэта?

И начал урок географии, истории, музыки, литературы одновременно. Учительница остоленела. Только после звонка она обрела дар речи:

– Огромное спасибо, господин инспектор. Я никогда не забуду урока, который вы мне преподали. Большое спасибо!

Прошло время. Инспектор вернулся в ту же школу и разыскал ту же учительницу. И застал ту же картину: учительница была замучена, раздражена и искала что-то на своем столе, заваленном кучей ненужных вещей. Ученики все так же прыгали, бегали, шумели...

– Что случилось, что с вами? Вы меня помните?

– Да, инспектор, конечно же помню, как же мне вас забыть? Как хорошо, что вы приехали! Представляете, не могу найти пробку! Куда она подевалась?

Если мы будем ждать, что кто-то придет и подарит нам формулу успеха, то никогда ничего не добьемся. Нужно пробуждать собственное воображение, фантазировать, представлять. Реализовать наши задачи и мечты можем только мы сами.